Анатолій Егоровъ (Конспаровъ).

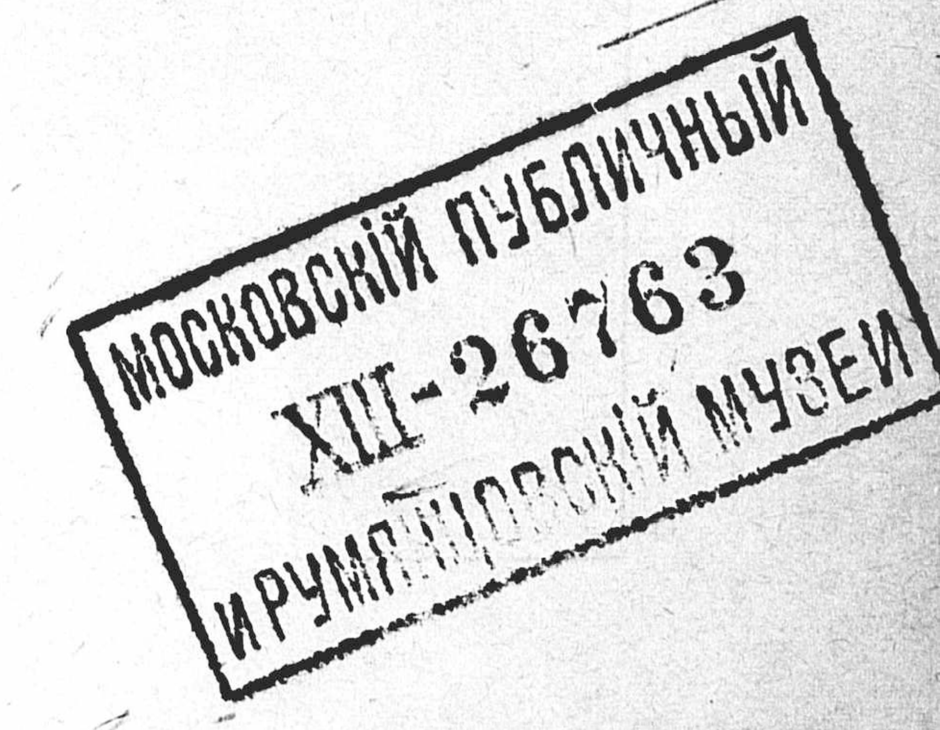
СТРАНИЦЫ ИЗЪ ПРОЖИТОГО

I

ВОСПОМИНАНІЯ СЕМЕЙНЫЯ, ЛИЧНЫЯ, СЛУЖЕБНЫЯ, ОБЩЕСТВЕННЫЯ И ПРОЧ.

1842—1882 г.г.

1913.

О Д Е С С А.
«Славянская» типографія Е. Хрисогелосъ, улица Кондратенко, д. № 8.

Дни мелькаютъ за днями и время почему-то уносится быстрѣе прежняго, приближая къ неотвратимому финальному аккорду, отзвучавшей земной пѣсни моей... Ни задержать неудержимое, ни обмануть себя не пытаюсь, но увлекаемый непреодолимымъ желаніемъ оглянуться еще разъ на пройденный житейскій путь, я взялся за перо, чтобы занести имъ все сохранившееся во мнѣ изъ былого прошлаго, пока оно еще не затуманилось въ моей памяти... Пора! на циферблатѣ предопредѣленнаго мнѣ круга жизни, подъ тактъ моихъ часовъ, нещадная стрѣлка успѣла уже, въ пробѣгѣ своемъ, добраться непримѣтно до солидной цифры, указывающей на несомнѣнность всепоглощающаго времени: то, что оно дало—говоритъ мудрая поговорка—мы видѣли, что будетъ—мы увидимъ, а еще и то будетъ, что насъ не будетъ!..

Предоставляя будущему историку и бытописателю восполнить то, что составляетъ скромное достояніе моей освѣдомленности и наблюденій, вынесенныхъ изъ отошедшей уже въ вѣчность современной мнѣ многозначащей полосы русской жизни бóльшей половины прошлаго XIX столѣтія и начала настоящаго, я долженъ сказать, что въ разнохарактерныхъ и разновременно написанныхъ очеркахъ и набросках моихъ, объединенныхъ въ двухъ томахъ подъ общимъ наименованіемъ „Страницы изъ прожитого", содержится лишь то, что пришлось мнѣ видѣть и извѣдать самолично, или-же, что дошло до меня изъ вполнѣ надежныхъ источниковъ, при чемъ во всемъ повѣствуемомъ я неотступно старался придерживаться французскаго изреченія—Je ne suppose rien, j'expose...

Къ немногимъ строкамъ этимъ, считаю необходимымъ добавить, что въ настоящее изданіе вошли, кромѣ еще нигдѣ не напечатанныхъ главъ, также и тѣ, которыя были уже отдѣльно напечатаны и подъ разными заглавіями помѣщены въ нашихъ историческихъ журналахъ, а именно: въ „Историческомъ Вѣстникѣ", „Русской Старинѣ", „Русскомъ Архивѣ" и въ „Запискахъ Одесскаго Общества исторіи и древностей".

I.

1842—1855 гг.

Вступленіе. Происхожденіе нашего рода. Утрата прадѣдомъ родовой фамиліи. Попытка отца возстановить ее. Младенческіе годы моей жизни по письмамъ моей матери. Личныя воспоминанія объ этихъ годахъ. Мой дѣдъ Д. С. Есаковъ и родня съ материнской стороны. Бабушка и ея разсказы. Моя мать. Мои наставницы и наставники. Женскій монастырь Визитокъ въ Вильнѣ. Друзья дѣтства и репетиторы. Нашъ домъ въ Вильнѣ на Антоколѣ и Сапѣжинскій садъ. Типы нашей прислуги. Пани Видовска.

Родился я на сѣверо-западной окраинѣ нашей, въ г. Вильнѣ, Декабря 4-го, въ день великомученицы Варвары, патронессы моей матери; тамъ-же провелъ я мое дѣтство и первые годы моей юности и тамъ-же началъ и окончилъ курсъ моего ученія. Продолжалъ я мое образованіе въ Кіевѣ и Петербургѣ. Государственную службу мою я началъ на сѣверѣ, въ г. Петрозаводскѣ, продолжалъ ее на востокѣ, въ г. Симбирскѣ, въ сердцѣ Россіи—Москвѣ, затѣмъ въ Петербургѣ и окончилъ ее на югѣ—въ г. Одессѣ. Гдѣ и когда предопредѣлено мнѣ окончить мое земное скитаніе не въ моей власти сказать, ибо „смерть и рожденіе два предѣла; за этими предѣлами одинаковое что-то"... но если-бы въ томъ была моя воля, то желалъ-бы, чтобы послѣдній предѣлъ мой засталъ меня тамъ, гдѣ я провелъ послѣдніе годы моей жизни—на югѣ моей родины...

По официальнымъ документамъ дѣда моего, Колежскаго Совѣтника Андрея Ильича и отца моего Инженеръ-Генералъ-Лейтенанта Евгенія Андреевича Егоровыхъ, мы значимся дворянами города Москвы; на самомъ-же дѣлѣ, по семейнымъ преданіямъ, мы происходимъ отъ грузинскаго рода Князей Конспаровыхъ и еще прадѣдъ мой, Илья Егоровичъ, носилъ Княжескій титулъ и именовался означенной фамиліей. Утрата какъ того, такъ и другого, произошла по

винѣ названнаго прадѣда, и вотъ какъ приключилось это неблагопріятное для насъ, его потомковъ, превращеніе.

По словамъ отца моего, помнившаго хорошо дѣда своего Илью Егоровича, послѣдній былъ чудакъ большой руки, какихъ въ 18 столѣтіи было не мало на Руси, и представлялъ изъ себя весьма характерный типъ. Будучи по происхожденію грузиномъ и нося по рожденію фамилію Князя Конспарова, онъ прибылъ въ числѣ прочихъ соотечественниковъ своихъ съ Царевичемъ Грузинскимъ въ Москву изъ Грузіи, въ царствованіи Императрицы Елисаветы Петровны. При Императрицѣ Екатеринѣ Великой, онъ, явясь къ шефу стоявшаго тогда въ Москвѣ гусарскаго полка, извѣстному Генералу Архарову, заявилъ о желаніи своемъ поступить на службу Царицы и просилъ о зачисленіи его въ полкъ. Генералъ Архаровъ, увидя передъ собой высокаго, стройнаго и красиваго молодого грузина, охотно согласился принять его въ свой полкъ и приказалъ внести въ списки. Когда затѣмъ въ канцеляріи полка спросили прадѣдушку, какъ его зовутъ,—онъ назвалъ себя только по имени и отчеству, не упомянувъ ни единымъ словомъ ни о титулѣ своемъ, ни о фамиліи, безъ которыхъ такъ и былъ занесенъ въ полковой списокъ. Предполагать въ этомъ упущеніи простую оплошность съ его стороны—трудно, иначе онъ исправилъ-бы ее впослѣдствіи, при производствѣ въ офицеры 8 Марта 1795 года, но и тогда, какъ видно изъ сохранившагося патента его, онъ умолчалъ о своемъ титулѣ и фамиліи и допустилъ повтореніе прежней ошибки. Странность такого преднамѣреннаго, двукратнаго отреченія отъ родовой фамиліи и титула, лишившая потомковъ его на всегда того и другого, объясняется, по семейнымъ преданіямъ, обуявшимъ прадѣда въ Москвѣ руссофильствомъ, благоговѣніемъ передъ дѣяніями Великой Императрицы и желаніемъ его, грузина, понравиться этимъ русскому правительству. Вѣрнѣй, однако, что это было ничто иное, какъ одно изъ чудачествъ, отличавшихъ его нравъ и не измѣнившихъ ему до самой смерти. Такая выходка была-бы, конечно, немыслима въ наше время, но въ то патріархальное время, когда личность не константировалась письменными документами, она оказалась возможной. Какъ-бы то ни было, но сыновья его и все нисходящее потомство потеряли право какъ на княжескій титулъ, такъ и на родовую фамилію Конспарова и съ того времени стали именоваться по отчеству родоначальника своего—Егоровыми.

Съ такой произвольной со стороны прадѣдушки, Ильи Егоровича, замѣной родовой фамиліи на его отчество, не могли однако примириться ни его родной сынъ, младшій братъ дѣда моего, Статскій Совѣтникъ Владиміръ Ильичъ, занимавшій должность Управляющаго удѣлами въ Вологодской губерніи и умершій холостымъ, ни старшій внукъ, мой отецъ, которые оба дѣлали попытки возстановить родовую фамилію нашу. Отецъ мой, обязанный образованіемъ дядѣ своему Владиміру Ильичу, сказывалъ мнѣ, что онъ видѣлъ у послѣдняго документы, доказывающіе неоспоримую принадлежность нашу къ Княжескому роду Конспаровыхъ. Документы эти были тщательно подобраны и уже совсѣмъ готовы къ отправкѣ въ Департаментъ Герольдіи, когда внезапная смерть Владиміра Ильича не дала возможности осуществиться завѣтной мечтѣ его — возстановить утраченныя его отцомъ права на титулъ и родовую фамилію. Съ своей стороны и отецъ мой, въ поданномъ имъ на Высочайшее Имя въ 1866 г. прошеніи, излагаетъ свое ходатайство о томъ-же въ такой формѣ:

„Дѣдъ мой родной по отцу, Илья Егоровъ, сынъ Конспаровъ, прибылъ изъ Грузіи въ Москву въ Царствованіи блаженной памяти Императрицы Екатерины Великой Алексѣевны и желая поступить на службу въ стоявшій тогда въ этой столицѣ Гусарскій полкъ, явился къ Шефу онаго Генералу Архарову, который приказалъ внести дѣда моего въ списокъ полка, и какъ по спросѣ писаря—какъ его зовутъ? отвѣчалъ Илья Егоровъ, то и былъ написанъ подъ этимъ именемъ не только въ полковомъ спискѣ, но и впослѣдствіи и при производствѣ въ офицеры 8 Марта 1795 года настоящая фамилія его была упущена, какъ это видно изъ патента, выданнаго ему 1806 года Марта 14 дня, и записаннаго въ военной Коллегіи подъ № 42, а также изъ указа объ отставкѣ его 1795 г. Марта 20 дня № 4460; отъ чего сынъ его родной, покойный отецъ мой Андрей Ильичъ, именовался и я съ дѣтьми именуемся Егоровыми.

Желая возвратить прежнюю мою фамилію Конспарова и именоваться послѣднею вмѣстѣ съ нисходящимъ моимъ

потомствомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣя въ виду, что неправильно усвоенная мною фамилія Егорова получила, давностію времени, свою гражданственность, я осмѣливаюсь утруждать Ваше Императорское Величество всеподданѣйшею просьбою объясненное ходатайство мое, вмѣстѣ съ слѣдующими документами, повелѣть разсмотрѣть Департаменту Герольдіи Правительствующаго Сената съ тѣмъ, чтобы и роднымъ дѣтямъ моимъ (здѣсь поименованы сыновья и дочери просителя) возвратить прежнюю нашу фамилію и именоваться впредь Егоровымъ-Конспаровымъ".

Въ отвѣтъ на это прошеніе, покойный отецъ мой получилъ 21 Января 1867 г., въ самый день своихъ именинъ, слѣдующее оффиціальное письмо отъ Статсъ-Секретаря у принятія прошеній на Имя Его Величества, Князя Сергѣя Долгорукова:

„Милостивый Государь
Евгеній Андреевичъ.

Имѣю честь увѣдомить, что всеподданѣйшее прошеніе Вашего Превосходительства о предоставленіи Вамъ фамиліи „Конспарова", которую носили предки Ваши, не могло подлежать дѣйствію по неимѣнію въ виду основаній къ удовлетворенію сего ходатайства.

Представленные Вами указъ объ отставкѣ Прапорщика Ильи Егорова и копія съ патента на этотъ чинъ при семъ возвращаются.

Пріймите увѣренія и проч."

Въ случайномъ совпаденіи — полученіи этого письма съ отказомъ въ день своихъ именинъ, отецъ мой, будучи весьма религіозенъ, усмотрѣлъ велѣніе свыше и, смиряясь передъ нимъ, навсегда оставилъ мысль возвратить утраченную нами, благодаря чудачеству, а можетъ быть просто по плохому пониманію русскаго языка и грамоты, прадѣда-грузина, родовую фамилію нашу. Надо однако думать, что отказа въ этой просьбѣ не послѣдовало-бы, если-бы, въ подтвержденіе своихъ словъ, отецъ мой представилъ болѣе вѣскія документальныя данныя; но, къ сожалѣнію, онъ этого сдѣлать не могъ, такъ какъ всѣ собранные его дядей документы безслѣдно пропали послѣ его смерти. Въ переданномъ-же мнѣ тёткой моей Анной Андреевной Егоровой (младшей сестры моего отца, умершей незамужней въ Москвѣ), небольшомъ сундучкѣ съ хранившимися въ немъ семейными бумагами, доставшимися ей послѣ ея отца, моего дѣда, я не нашелъ никакихъ данныхъ, которыми можно было-бы воспользоваться для возобновленія ходатайства отца моего. Единственный заслуживающій вниманія предметъ, найденный мною въ этомъ сундучкѣ, была, хранящаяся у меня, овальной формы сердоликовая печать средней величины съ гербомъ Князей Конспаровыхъ, на которомъ имѣется изображеніе Княжеской короны и порфиры, а на послѣдней щитъ, раздѣленный на четыре части, въ которыхъ находятся знамя, мечь съ копьемъ и стрѣлой, два стоячихъ грифона и лукъ со стрѣлой. Но печать эта не можетъ конечно служить доказательствомъ правоты нашего домогательства и мысль объ этомъ должна быть навсегда похоронена.

Младенческіе годы моей жизни рисуются въ моей памяти какъ въ туманномъ сновидѣніи, сквозь которое постоянно мерцаетъ свѣтлымъ бликомъ образъ моей дорогой матери. Я не могу сказать о нихъ того, что сказали С. Аксаковъ и Л. Толстой, которые увѣряютъ, что отчетливо помнятъ испытанныя ими ощущенія при кормленіи грудью, пеленаніи и проч. актахъ, сопровождающихъ первую стадію человѣческой жизни въ начальномъ періодѣ ея физическаго развитія. Но если я не могу передать впечатлѣнія личныхъ ощущеній моей младенческой жизни, то за то изъ оставшихся послѣ смерти отца моего писемъ моей матери къ нему, я имѣю возможность кое-что узнать о себѣ въ первые годы моего появленія на свѣтъ Божій. Письма эти относятся къ началу сороковыхъ годовъ минувшаго столѣтія, т. е. ко времени первыхъ лѣтъ моей жизни, написаны большею частію на французскомъ языкѣ, которымъ мать моя, какъ бывшая Смолянка, владѣла въ совершенствѣ, и адресованы отцу моему въ Петербургъ и Варшаву, куда, судя по содержанію этихъ писемъ, онъ ѣздилъ довольно часто изъ Вильны по дѣламъ своей службы. Извлекаю изъ нихъ тѣ мѣста, которыя относятся ко мнѣ и которыя поэтому не представляютъ особеннаго интереса ни для кого, кромѣ меня лично и родителей моихъ, трактующихъ о своемъ первенцѣ. Вотъ

что писала моя мать обо мнѣ въ первомъ по очереди письмѣ своемъ къ отцу моему отъ 24 Февраля 1842 г.:

„Depuis le changement de la nourrice, Толя est un peu indisposé... et puis il á une espèce d'ébullition sur tout son corps; du reste il se porte bien. La nourrice parait l'aimer plus que l'ancienne et parait être plus douce et meilleure enfin sous tous les rapports, au reste je puis me tromper; mais son physique est bien peu intéressant“. И въ другомъ мѣстѣ письма обо мнѣ сказано уже по русски: „Что это Толя опять кряхтитъ, это странно! Не отъ того-ли это, что у этой кормилицы свѣжее молоко?“.

Въ письмѣ отъ 29 Іюня 1843 г. обо мнѣ сказано: „Толюшка проснулся, не даетъ мнѣ окончить письма, кричитъ—мама фуфа!.. И такъ, pour après dîner ou pour demain“...

Изъ письма отъ 19 Января 1846 г.:

„Les enfants se portent bien. Лёля (мой умершій братъ Всеволодъ) soupire toujours après toi et Тоша dit, qu'il t'aime, mais que malgré cela il ne s'ennuie pas sans toi... Il m'éspionne pour voir si je pleure et quand il s'aperçoit que j'ai les yeux rouges il me demande d'abord: отчего у тебя красные глаза; ты вѣрно плакала, что папаши нѣтъ? Какъ тебѣ не стыдно—такая большая! Il est tout à fait drôle... Оля (сестра моя Ольга была третьимъ ребенкомъ у нашихъ родителей) a trois dents de plus; elle est toujours bien faible, aussi je me suis enfin décidée à lui donner chaque jour du vin, un brin de gruau, un peu de viande et à la frotter avec de l'eau de vie; il faut espérer que cela lui donnera quelque force... L'Allemande m'ennuie terriblement—c'est une bête, qui ne s'entend guère à être bonne; les enfants ne la craignent pas du tout, Тоша surtout—въ грошъ не ставитъ!“.

Изъ письма отъ 20 Января 1848 г.:

„Тоша te prie de lui apporter un alphabet russe avec des gravures; il faut tâcher d'en trouver, autrement cela ne l'occupera pas—je crois que celle de Гречъ est bonne. Nous continuons nos leçons, qui vont bien; j'espère qu'il lira déjà bientôt en français et en allemand. N'oublie pas d'apporter aussi des exemples de calligraphie, seulement je t'en prie rien que l'alphabet en grandes lettres, en français, allemand et russe. Les enfants se portent bien, Тоша excèpté, qui tousse un peu.

Вотъ то немногое, что я узналъ изъ писемъ моей покойной матери о моихъ младенческихъ годахъ, но какъ много въ этомъ немногомъ сказано для меня!.. Сколько любви и материнской заботы заключаютъ въ себѣ эти слова матери, всецѣло отдавшейся попеченію и воспитанію дѣтей своихъ, и много-ли теперь такихъ матерей!..

Приведенные отрывки изъ писемъ моей матери о моемъ младенчествѣ воскрешаютъ въ моей памяти нѣкоторые моменты изъ этого періода моего жизненнаго прозябанія. Такъ, напримѣръ, я очень хорошо помню кормилицу мою Анну, о которой мать моя говоритъ, что „son physique est bien peu intéressant“. Эта крестьянка-литовка изъ Ошмянскаго уѣзда была небольшого роста и дѣйствительно некрасивой наружности, но за то мать моя не ошиблась и въ оцѣнкѣ нравственныхъ качествъ этой женщины: она была добраго нрава и любила меня. Помню, какъ по окончаніи кормленія, моя добрая кормилица не разъ пріѣзжала изъ своей глухой деревеньки навѣстить меня, своего бывшаго питомца, и при этомъ привозила мнѣ деревенскихъ лакомствъ, изъ которыхъ какіе-то круглые розовые пряники производили на меня всегда сильное впечатлѣніе и доставляли мнѣ особенное удовольствіе. Миръ праху этой доброй женщины!

Припоминается мнѣ также довольно отчетливо и упоминаемый моею матерью эпизодъ, какъ я слѣдилъ за нею, когда у нея были заплаканные глаза и какъ братъ мой постоянно вздыхалъ по отсутствующемъ отцѣ, а я относился къ этому обстоятельству довольно равнодушно. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ отцу, мать моя приводитъ еще и такой примѣръ съ братомъ: „Dimanche, revenue de chez Papa, je me suis couchée sur ton canapé; Лёля est venu aussi se mettre à côté de moi. Je lui dis en soupirant гдѣ-то нашъ папаша, Лёля? Онъ также началъ вздыхать и вдругъ расплакался, да по крайней мѣрѣ цѣлыхъ десять минутъ его унять нельзя было—просто рыдаетъ, что тебя нѣтъ, и я при сей удобной оказіи непреминула также поплакать“...

Удивительна въ этомъ та инстинктивная чуткость, которая проявляется въ самомъ раннемъ возрастѣ у дѣтей. Казалось по виду, что родители наши относились къ намъ съ одинаковою любовью, а между тѣмъ невольно чувствовалось, что я—любимецъ матери, а меньшой братъ мой—

любимецъ отца. Съ годами сознаніе это сказалось въ самой опредѣленной формѣ и подтвердило то, что дѣтское чутье наше подсказывало намъ. Долженъ здѣсь замѣтить, что въ этомъ отношеніи наша мать была ко всѣмъ намъ безпристрастнѣе чѣмъ отецъ, который не скрывалъ своего особеннаго расположенія къ любимцу своему и разъ при мнѣ, на сдѣланный ему однимъ знакомымъ вопросъ—кто изъ насъ двоихъ любимецъ его? прямо назвалъ брата моего, что, помнится мнѣ, сильно подѣйствовало тогда на мою чуткую и впечатлительную дѣтскую душу... Велика должна быть осторожность и умѣніе родителей скрывать передъ дѣтьми то, что имъ не подобаетъ знать, хотя-бы это и сознавалось уже въ ихъ дѣтскомъ умѣ!

Къ этимъ краткимъ свѣдѣніямъ, извлеченнымъ изъ отрывковъ писемъ моей матери, я могу добавить нѣсколько эпизодовъ изъ того-же туманнаго, перваго періода моей жизни, ясно запечатлѣвшихся въ моей памяти.

Первый изъ нихъ былъ довольно серіознаго характера, а именно: я выпалъ изъ моей дѣтской колясочки и, попавъ на колесо этой колясочки, причинилъ себѣ рванную рану подъ подбородкомъ, шрамъ отъ которой виднѣется у меня и по сіе время. Помню испугъ моей матери и переполохъ всѣхъ сбѣжавшихся на мои вопли. Остальные два эпизода были трагикомическаго свойства. Гуляя однажды съ няней по саду, нанимаемой нами дачи у костела Петра и Павла на предмѣстьи Вильны Антоколѣ*), я улучилъ удобный моментъ, когда няня моя увлеклась разговоромъ съ кавалеромъ своимъ изъ военныхъ писарей и напихалъ себѣ въ ноздри крыжовнику. Въ другой разъ, будучи въ гостяхъ у дѣдушки моего по матери, Коменданта Виленской крѣпости, Генералъ-Лейтенанта Дмитрія Семеновича Есакова, мнѣ захотѣлось взглянуть съ лѣстницы верхняго этажа его казенной квартиры внизъ, и я просунулъ голову между

*) Костелъ этотъ замѣчателенъ по внутренней отдѣлкѣ своей — онъ сверху до низу покрытъ лѣпной работой, состоящей изъ витыхъ розъ, на подобіе Миланскаго собора, покрытаго, какъ извѣстно, снаружи тѣмъ-же витымъ цвѣткомъ изъ мрамора. Костелъ Св. Петра и Павла построенъ Литовскимъ магнатомъ Пацомъ и имѣетъ на фронтонѣ латинскую надпись, намекающую по игрѣ словъ на фамилію строителя своего, а именно: «Regina pacis finda nos in pace».

двухъ столбиковъ перилъ этой лѣстницы, гдѣ и застрялъ, не умѣя вытащить своей взбалмошной головки обратно. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, я сильно оралъ, перепугавъ сначала всѣхъ, а потомъ насмѣшивъ своимъ комическимъ положеніемъ и преувеличеннымъ страхомъ. Еще сохранилось въ моей памяти участіе мое въ роли носителя образа на вѣнчаніи моей тётки Екатерины Дмитріевны, вышедшей замужъ за офицера Генеральнаго Штаба М. А. Философова. Вѣнчаніе происходило въ дворцовой церкви генералъ-губернаторской резиденціи. Въ то время генералъ-губернаторствовалъ въ Вильнѣ Мирковичъ, назначенный Николаемъ Павловичемъ на этотъ постъ изъ Директоровъ кадетскаго корпуса, вѣроятно въ томъ предположеніи, что хорошій педагогъ можетъ быть и хорошимъ администраторомъ. Для меня свадьба эта памятна особенно тѣмъ, что кто-то изъ прислуги стащилъ свертокъ съ конфетами, полученный мной въ награду за добросовѣстно исполненную мною обязанность свадебнаго мальчика съ образомъ, что причинило мнѣ большое огорченіе.

На этомъ исчерпываются всѣ мои воспоминанія о времени полусознательной жизни моей, а далѣе слѣдуетъ уже начало ученію, о чемъ я могу дать себѣ уже довольно ясный отчетъ.

Какъ уже видно изъ писемъ моей матери, она была первой моей наставницей въ дѣлѣ обученія грамотѣ. Начала она съ того, что вырѣзала изъ картъ французскій алфавитъ—въ то время дѣти въ большинствѣ русскихъ семей интеллигентнаго круга начинали познавать азбучную мудрость не съ своего родного языка, а съ французскаго—и, полу-шутя, полу-серіозно, заставляла насъ играть съ этими карточными буквами, называя ихъ и складывая на столѣ. Забавляясь этой не хитрой игрой, мы незамѣтно и скоро усвоили себѣ то, что требовалось отъ насъ. Затѣмъ уже она перешла къ легкому чтенію съ нами и первымъ учебникомъ нашимъ была пользовавшаяся въ то время громкой извѣстностью книга: „Éducation maternelle, simples leçons d'une mère à ses enfants, par Madame Amable Tastu“.

Книга эта не даромъ имѣла такую репутацію — она была настоящимъ кладомъ для обученія дѣтей до-школьнаго возраста. Въ ней было всего понемногу, начиная съ прописныхъ печатныхъ и письменныхъ буквъ и кончая ариѳметикой, географіей, исторіей и проч. и все въ ней было замѣчательно приспособлено къ дѣтскому пониманію. Въ настоящее время эта образцовая книга для первоначальнаго обученія составляетъ библіографическую рѣдкость, и когда я пожелалъ пріобрѣсти новый экземпляръ ея вмѣсто затерявшагося, по которому учила насъ мать, то я долго отыскивалъ эту книгу въ Парижѣ, за Сеной, у букинистовъ, получая въ отвѣтъ отъ нихъ все одну и туже стереотипную фразу: „c'est une édition épuisée, Monsieur", пока наконецъ не набрелъ на такого, у котораго она оказалась въ единственномъ экземплярѣ и при томъ уже не изданія 1842 года, какъ была пропавшая, а позднѣйшаго 1861 года. Какъ дорогую реликвію, которая будитъ во мнѣ далекія воспоминанія о моемъ дѣтствѣ, берегу я ее и, пересматривая ея страницы съ картинками и виньетками, ловлю въ каждой изъ нихъ воскресающій вмѣстѣ съ ними въ представленіи моемъ дорогой для меня образъ незабвенной матери моей.

Здѣсь я прерву нѣсколько повѣствованіе о дѣтствѣ моемъ, чтобы дать мѣсто воспоминаніямъ о моей матери и ея родныхъ.

Какъ я уже сказалъ, дѣдъ мой по матери, Дмитрій Семеновичъ Есаковъ, былъ въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія Комендантомъ Виленской крѣпости, надъ которой высится, такъ называемая, Замковая гора съ развалинами замка 1323 года бывшаго князя Литовскаго Гедимина. У подножія этой горы, при впаденіи рѣчки Вилейки въ рѣку Вилію, я узрѣлъ свѣтъ въ одномъ изъ флигелей, находящихся въ раіонѣ крѣпости, гдѣ отецъ мой имѣлъ тогда казенную квартиру.

Дѣдъ мой Есаковъ началъ службу свою въ Л.-Гв. Егерскомъ полку въ 1807 году, потомъ былъ адъютантомъ при В. К. Константинѣ Павловичѣ и переведенъ въ Л.-Гв. Волынскій полкъ, которымъ впослѣдствіи командовалъ, и, до назначенія въ Вильну Комендантомъ въ 1839 году, былъ

командующимъ 3-й Гвардейской пѣхотной дивизіей. Въ отечественной войнѣ 1812 г. онъ принималъ участіе въ сраженіяхъ подъ Смоленскомъ, въ генеральномъ сраженіи подъ Бородинымъ, при Тарутинѣ, Мало-Ярославцѣ и Красномъ; въ 1813 г., перейдя съ своимъ полкомъ границу, онъ сражался при Люценѣ, Бауценѣ и подъ Лейпцигомъ; въ 1814 г., перейдя Рейнъ, онъ участвовалъ въ сраженіяхъ подъ Шатобріаномъ, при Фершампенгаузѣ и, наконецъ, 18 Марта того-же года, при взятіи Парижа. Онъ былъ кавалеромъ Георгія 4 ст. и включительно до Владиміра 2 ст., а изъ иностранныхъ орденовъ онъ имѣлъ Прусскаго pour le mérite, Австрійскаго Леопольда и Баварскаго Максимиліана-Жозефа. Во время своей боевой службы онъ былъ два раза въ плѣну, а именно: въ 1807 году у французовъ во время сраженія подъ Фридландомъ и въ 1830 году, во время возстанія въ Варшавѣ, былъ захваченъ на углу Длугой и Бѣлянской, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ своихъ казармъ, съ другими русскими генералами, польскими мятежниками, которые продержали его у себя цѣлыхъ 10 мѣсяцевъ.

По статной фигурѣ своей и выправкѣ, дѣдъ мой былъ типичнымъ военнымъ Николаевской школы, которую онъ изучилъ въ совершенствѣ подъ руководствомъ сначала В. К. Михаила Павловича, а потомъ Цесаревича въ Варшавѣ, при которомъ состоялъ адъютантомъ. Припоминается мнѣ слѣдующій анекдотъ, ходившій про него во время комендантства его въ Вильнѣ, какъ нельзя болѣе рисующій его личность, а также и то суровое время военной дисциплины, въ которое онъ жилъ и служилъ.

Въ Вильнѣ въ то время были три высшія военныя власти въ лицѣ Генералъ-Губернатора Мирковича, корпуснаго командира Арбузова и моего дѣда. Всѣ они были въ чинѣ Генералъ-Лейтенанта и между ними была постоянная пикировка относительно первенства въ разныхъ торжественныхъ случаяхъ. Изъ нихъ двое первыхъ вели особенно ожесточенную борьбу между собою на этотъ счетъ и никакъ не хотѣли уступить другъ другу первенство. Такъ, во время торжественныхъ богослуженій, каждый изъ нихъ хотѣлъ непремѣнно приложиться первымъ ко кресту. Кончилось тѣмъ, что отношенія ихъ на столько обострились, что они рѣшили обратиться къ Военному Министру за разъя-

сненіемъ вопроса, кто изъ нихъ долженъ считать себя старшимъ по служебному положенію своему? На этотъ вопросъ получился отвѣтъ, въ которомъ было указано, что тотъ долженъ первенствовать въ такихъ случаяхъ, кто старше по производству своему въ чинѣ Генералъ-Лейтенанта. Дѣдъ мой, не входившій съ ними въ препирательства по этому предмету, замоталъ себѣ это на усъ, будучи старше ихъ обоихъ по производству, и воспользовался первымъ случаемъ, чтобы утереть имъ обоимъ носъ. Когда по окончаніи, въ ближайшій табельный день, царскаго молебна, стали подходить ко Кресту, онъ опередилъ обоихъ соперниковъ и подошелъ первымъ, напомнивъ имъ этимъ, что кромѣ нихъ существуетъ еще и онъ, съ которымъ надо считаться, о чемъ они совершенно позабыли въ пылу своего спора. Куріозное, надо сознаться, было то время, когда подобные „замысловатые" вопросы могли возникать и повергаться на мудрое разрѣшеніе высшаго правительства!..

Родители дѣда моего Дмитрія Семеновича, а слѣдовательно мой прадѣдъ и моя прабабка, были: Надворный Совѣтникъ Семенъ Аѳанасіевичъ, скончавшійся въ 1826 г. на 89 году жизни и похороненный въ г. Варшавѣ на упраздненномъ нынѣ кладбищѣ на Млынарной улицѣ, и жена его Елисавета Филипповна, урожденная Ярцева. На томъ-же кладбищѣ похороненъ братъ моего дѣда Петръ Семеновичъ, отставной Генералъ-Маіоръ, сконч. въ 1849 г. и моя бабушка, первая жена моего дѣда, Елисавета Ивановна, урожденная Колесова, умершая на 39 году жизни отъ ушиба темени при вхожденіи въ дверцы кареты. Кромѣ названнаго брата, у дѣда моего былъ еще братъ Семенъ Семеновичъ Есаковъ; онъ былъ другомъ Пушкина, лицеистомъ 1-го выпуска. Сколько мнѣ извѣстно, онъ командовалъ батареей и застрѣлился по невыясненной причинѣ.

У дѣда моего было шесть человѣкъ дѣтей отъ перваго брака, а именно: два сына и четыре дочери, изъ коихъ третья была моя мать. Объ нихъ, т. е. о дядяхъ и тёткахъ моихъ, мнѣ еще прійдется упоминать на страницахъ моихъ воспоминаній. Вскорѣ послѣ смерти своей первой жены, скончавшейся въ 1835 г., мой дѣдъ вступилъ во вторичный бракъ, взявъ себѣ въ жены Анисію Константиновну Глазунову, дочь извѣстнаго Петербургскаго коммерсанта, принесшую ему въ приданное большой домъ на Моховой улицѣ. Эту вторую бабушку нашу, мачиху нашей матери, мы, внуки, знали очень хорошо, такъ какъ она прожила до 1885 года и похоронена на Кременчугскомъ кладбищѣ, тамъже гдѣ и дѣдушка. Не смотря на то, что она не была родной бабушкой нашей, она относилась къ намъ до конца жизни своей по родственному и, будучи бездѣтной, изъ всѣхъ дѣтей дѣда любила только мою мать за ее добрый правъ и уваженіе къ ней, чего не выказывали ей остальные сыновья и дочери, уязвляя ее при всякомъ удобномъ случаѣ ея недворянскимъ происхожденіемъ. А между тѣмъ она была женщина далеко не глупая, сердечная и, родившись въ зажиточной и чистокровной русской семьѣ, твердо исповѣдывала свою вѣру и непоколебимо носила свой патріотизмъ. Въ доказательство этого могу привести два разсказа изъ ея жизни, записанныхъ съ ея словъ и помѣщенныхъ мною въ „Русской Старинѣ" (Іюль 1881 г.):

„Въ концѣ 1839 г., вскорѣ послѣ казни Канарскаго, покойный дѣдъ мой по матери, Командовавшій 3-й гвардейской пѣхотной дивизіей, генералъ-лейтенантъ Есаковъ, былъ назначенъ комендантомъ въ г. Вильну. Обстоятельства того времени требовали, чтобы онъ неотложно отправился къ мѣсту своего назначенія, такъ что, не успѣвъ даже съ своими частными дѣлами, онъ вынужденъ былъ выѣхать изъ Петербурга въ трехдневный срокъ. Поручивъ устройство дѣлъ бабушкѣ, дѣдъ мой просилъ графа Бенкендорфа—по настоянію котораго совершился его столь поспѣшный отъѣздъ—о предоставленіи бабушкѣ (мачихѣ моей матери, не за долго передъ тѣмъ ставшей его супругой) удобствъ при предстоящемъ ей одной далекомъ путешествіи.

Проводивъ дѣда и покончивъ съ дѣлами, бабушка написала гр. Бенкендорфу письмо на французскомъ языкѣ, въ которомъ напомнила ему объ обѣщанномъ ей содѣйствіи при переѣздѣ къ мужу. Черезъ часъ по отправленіи ею этого письма, графъ прибылъ къ ней лично. Любезно расшаркиваясь и цѣлуя ей ручку, онъ заявилъ, что имъ уже сдѣланы нужныя роспоряженія, чтобы путешествіе показалось ей не длиннымъ и пріятнымъ. Вездѣ на станціяхъ, по отданному имъ приказанію, въ распоряженіе бабушки предоставлялись царскіе покои, кромѣ того, курьеръ долженъ былъ сопро-

вождать ее до самой Вильны. Затѣмъ, графъ сталъ говорить ей о томъ, въ какомъ положеніи находится Сѣверо-Западный Край, о сильномъ броженіи въ немъ умовъ, о тамошнемъ обществѣ и о томъ, какую она, по положенію своего мужа, должна играть роль въ столицѣ Литвы. Коснувшись этого предмета, онъ очень ловко перешелъ къ главной цѣли своего посѣщенія и сталъ доказывать бабушкѣ, что независимо отъ общественнаго своего положенія, она, пользуясь этимъ положеніемъ, можетъ, какъ русская, оказать большую услугу отечеству, сообщая секретно ему, гр. Бенкендорфу, все, что ей покажется тамъ въ салонныхъ кружкахъ достойнымъ его вниманія.

— „En un mot“, закончилъ онъ свою рѣчь „Vous pouvez étre, Madame, d'une grande utilité au gouvernement et..... à la troisiéme section“...

Какъ ни молода и неопытна была въ то время бабушка, но тутъ она сразу поняла въ чемъ дѣло и чего отъ нее добивается грозный начальникъ III-го Отдѣленія. Она встала, сдѣлала реверансъ и сказала:

„M-r le Comte, je ne vous connais que comme un cavalier de salon et je me sens trop bête pour vous être utile en quelque chose dans votre rôle d'homme d'état“.

Послѣ искусителя въ мундирѣ голубаго цвѣта, бабушкѣ, вскорѣ по пріѣздѣ въ Вильну, пришлось выдержать новое искушеніе отъ искусителя въ сутанѣ фіолетоваго цвѣта, а именно отъ тогдашняго Виленскаго католическаго епископа Цывинскаго.

Прелатъ этотъ задался мыслію обратить бабушку изъ „схизмы“ въ лоно католической церкви, разсчитывая черезъ нее воздѣйствовать на участь политическихъ преступниковъ изъ поляковъ, замѣшанныхъ въ дѣло Канарскаго и содержавшихся въ крѣпости подъ надзоромъ коменданта. Поводомъ къ этой его затѣи послужила просьба бабушки къ нему о разрѣшеніи ей отслужить молебенъ предъ когда-то православной иконой Остробрамской Божіей Матери, одинаково чтимой какъ православными, такъ и католиками, и находящейся и по сіе время во власти послѣднихъ. Цывинскій сталъ съ тѣхъ поръ часто посѣщать бабушку и однажды велѣлъ передать ей чрезъ своего племянника, молодаго пана, танцовавшаго гдѣ-то съ ней на балу мазурку,

что онъ, епископъ, приготовилъ ей ковчежецъ съ частицей мощей Св. Казиміра, почивающаго въ Виленскомъ соборѣ Св. Станислава, отъ которыхъ она можетъ имѣть чудеса. Не зная, на что рѣшиться—принять или не принять такое благословленіе католическаго епископа,—бабушка обратилась за совѣтомъ къ тогдашнему архіепископу, впослѣдствіи митрополиту Виленскому и Литовскому, Іосифу, извѣстному болѣе подъ фамиліей Сѣмашко. Этотъ знаменитый архипастырь пользовался необыкновеннымъ расположеніемъ Императора Николая Павловича, отличался мѣткимъ умомъ и превосходно понималъ всѣ происки ксендзовъ, такъ какъ самъ былъ прежде уніатскимъ епископомъ и перешелъ со всею своей паствою въ православіе. Узнавъ въ чемъ дѣло, Сѣмашко сказалъ бабушкѣ:

— „Совѣтую вамъ во время мазурки заниматься танцами, а когда вамъ предложатъ мощи Св. Казиміра, то сказать, что вы русская и отъ мощей того, который гдѣ-то поколотилъ русскихъ, вы для себя чудесъ никакихъ не ожидаете и на этомъ—прекратить неподходящій разговоръ“.

Полагаю приводимое не лишеннымъ интереса для характеристики двухъ извѣстныхъ, но разнородныхъ дѣятелей царствованія Императора Николая I“.

Выше я упомянулъ, что мать моя воспитывалась въ Смольномъ Институтѣ, иначе называемомъ монастырѣ, основанномъ по мысли Императрицы Маріи Ѳеодоровны, супруги Павла I, для дочерей столбовыхъ дворянъ и высшихъ чиновъ. Мать моя поступила туда при начальницѣ этого заведенія Графинѣ Адлербергъ и была воспитанницей одного изъ первыхъ выпусковъ его. Изъ сохранившихся въ семейномъ архивѣ нѣсколькихъ писемъ 1824—1826 г.г. бабушки Елисаветы Ивановны къ ея дочери, нашей матери, видно, что послѣдняя училась хорошо. Такъ въ одномъ изъ писемъ, помѣченнымъ 1826 годомъ, сказано: „Je te remercie, ma bonne petite Varucha pour ta dernière lettre. Si tu l'a composé toi même, elle est charmante et tes progrés sont bien grands. Papa étoit enchanté en la lisant, il l'à traduit à ta grand Maman, qui n'à pas étoit moins contente de voir que sa chère Varucha écrit aussi bien“ и проч.

Въ этихъ-же письмахъ неоднократно упоминаются фамиліи первыхъ классныхъ дамъ Смольнаго монастыря— Денисьевой, Тритгофъ, Прейсъ и Сахтенъ, — которымъ поручается передать поклонъ. Замѣчательно, что почеркъ бабушки чрезвычайно схожъ съ почеркомъ моей матери и ихъ почти невозможно отличить.

По разсказамъ матери моей, Императрица Марія Θеодоровна очень интересовалась постановкой учебнаго и воспитательнаго дѣла въ созданномъ ею Институтѣ. Какъ она, такъ и послѣ нея, Императрица Александра Θеодоровна, часто посѣщали Смольный, знали лично каждую воспитанницу, слѣдили за успѣхами въ наукахъ и обращали особенное вниманіе на то, чтобы воспитанницы пріобрѣтали въ немъ манеры хорошаго тона. Отрывая дѣвочекъ на девять лѣтъ изъ родныхъ гнѣздъ, гдѣ въ ту пору господствовали, надо сказать, еще довольно грубые нравы, Царственныя покровительницы думали этимъ смягчить эти нравы, готовя женственныхъ и хорошо воспитанныхъ будущихъ матерей, которыя могли-бы внести въ свои семьи облагороженныя чувства и лучшіе нравы. Не знаю на сколько пропагандируемая идея имѣла въ общемъ свой успѣхъ, но въ нашей семьѣ она была несомнѣнна. Въ этомъ отношеніи вліяніе на насъ нашей матери, сочетавшей въ себѣ замѣчательныя чувства внутренняго достоинства, твердой религіозности и доброты, было весьма плодотворно и если что удерживало меня въ моменты колебаній и разныхъ искушеній въ моей жизни, то этимъ я всецѣло обязанъ воздѣйствію ея вліянія и высоконравственному примѣру. Нужно при этомъ замѣтить, что она не смотрѣла односторонне на одну внѣшнюю сторону нашего образованія и будучи сама какъ по манерамъ своимъ, такъ и по чувствамъ, прирожденной grande-dame въ лучшемъ значеніи этого слова, была въ то-же время на столько проста въ своихъ привычкахъ и желаніяхъ, что поражала этимъ всѣхъ знавшихъ ее. Скромно штопала она своими непривычными къ такой работѣ руками все наше бѣлье, весь день возилась по хозяйству въ домѣ, давала намъ уроки фортепіанной игры, репетировала заданныя намъ нашими учителями уроки и проч.

— „Ты видишь“, сказала она мнѣ однажды, когда я съ умиленіемъ смотрѣлъ на то, какъ она вязала мнѣ чулки,

„я рождена быть свѣтской женщиной, а вотъ Богу не угодно было этого и я дѣлаю то, что дѣлаютъ всѣ женщины, поставленныя судьбой въ такое-же положеніе, какъ и я“.

О, какъ велика она была въ глазахъ моихъ въ эту минуту, и съ какою гордостью я сказалъ себѣ: это моя мать! Да, еслибы всѣ Смолянки и всѣ прочія Институтки вносили въ свои семьи такое-же возвышенное чувство сознанія супружескаго и материнскаго долга, какъ моя незабвенная мать, то цѣль намѣченная ихъ воспитаніемъ была-бы вполнѣ достигнута, и Россія имѣла-бы своихъ примѣрныхъ гражданокъ, которыми могла-бы смѣло гордиться! Достоевскій говоритъ: „Не то нужно, чтобы женщина знала то, что знаетъ мужчина—у нея есть нѣчто свое, что надо за ней сохранить. Надо сохранить въ ней стихійную силу женственности, или распадется человѣческій организмъ“...

Вышедши по годамъ изъ „дѣтства въ дѣтствѣ“, какъ называетъ Марсель Прево первый періодъ дѣтской жизни подъ ферулой мамокъ и нянекъ, мы поступили подъ неизбѣжный надзоръ гувернантокъ и *переступили*, какъ говоритъ тотъ-же остроумный писатель въ своихъ прекрасныхъ письмахъ Франсуазѣ, озаглавленныхъ „La nouvelle couvée“, *черезъ страшный порогъ книги.*

Мать моя относилась скептически какъ къ тѣмъ, такъ и другимъ, и не разъ жаловалась на неумѣніе этихъ педагогичекъ надлежащимъ образомъ надзирать и обходиться съ дѣтьми. Еще въ одномъ изъ своихъ писемъ, помѣченнымъ 16 Январемъ 1848 г., она пишетъ по этому поводу отцу слѣдующее:

Les enfants ne me quittent presque pas; ils sont beaucoup plus gentils et obéissants sans gouvernante, bonne etc. Toute fois il faut penser à en trouver et si tu pouvais le faire à Pétersbourg, peut être elle nous conviendrait enfin, mais il faut qu'elle ait de bien bonnes recommendations—serait elle Française, Allemande ou Anglaise, n'importe, pourvu que cela soit une bonne sans prétentions. Tu me diras, que le prix de ces dames à Pétersbourg est plus grand que celui d'ici—que faire! il faudra nous gêner un peu, mais il faut à

toute force penser à placer une personne comme il faut auprés de nos enfants; Tocha, surtout, en a grand besoin".

Въ томъ-же письмѣ она добавляетъ: „Лёля велѣлъ сказать, что мы паюшки, что играемъ и чтобы привезъ ему собачку, Тошѣ Ваньку, Олѣ кошку, а Сашѣ мышку".

Очевидно попытка отца — привезти изъ Петербурга „une personne comme il faut", не увѣнчалась успѣхомъ и первою полугувернаткой нашей была француженка M-elle Воль, добытая на мѣстѣ. Эта молодая жизнерадостная и безъ умолку прекрасно тараторившая на своемъ родномъ языкѣ особа, вполнѣ соотвѣтствовала своему назначенію и была именно такой, какой желала моя мать—„une bonne sans prétentions". Мы ее очень полюбили и она оставила во мнѣ самое пріятное о себѣ воспоминаніе, такъ какъ она предавалась съ нами разнымъ дѣтскимъ играмъ, вносила въ нихъ присущія ея націи увлеченіе и веселіе. Намъ очень было жалко растаться съ этой милой особой, когда пришла пора передать насъ въ руки болѣе серіозной наставницы, и мы со слезами на глазахъ простились съ M-elle Воль, милымъ товарищемъ и руководителемъ нашихъ дѣтскихъ игръ и всякихъ забавныхъ затѣй.

Послѣ покинувшей насъ M-elle Воль, къ намъ была приставлена весьма свѣдущая въ иностранныхъ языкахъ и хорошо образованная гувернантка M-elle Гриневичъ. Съ нею мы приступили уже къ теоретическому изученію французскаго и нѣмецкаго языковъ и къ краткому прохожденію географіи, исторіи и ариѳметики, и все это на французскомъ діалектѣ, такъ какъ наша новая наставница была полька и если и знала русскій языкъ, то затруднялась, или вѣрнѣе, не хотѣла говорить на немъ. Въ этомъ было-бы еще полъбѣды, но вотъ что было скверно, это то, что она, будучи ярой католичкой, нафанатизированной своими ксендзами, смотрѣла на насъ какъ на несчастныхъ схизматиковъ, которыхъ слѣдуетъ обратить въ лоно Римской церкви.

Въ Вильнѣ существовалъ тогда женскій католическій монастырь Визитокъ, упраздненный, какъ и многіе другіе католическіе монастыри Сѣверо-Западнаго края, Гр. Муравьевымъ въ 1864 году. Это былъ самый зловредный въ краѣ

очагъ латино-польской и революціонной пропаганды, контингентъ монахинь котораго составляли преимущественно лица изъ аристократическихъ и богатѣйшихъ польскихъ фамилій, которыя приносили съ собою въ эту строгую по замкнутости своей обитель большія вклады и занимались воспитаніемъ дѣвицъ польскихъ знатныхъ семействъ. Въ этотъ-то монастырь повадилась водить насъ, во время ежедневныхъ прогулокъ нашихъ, наша набожная гувернантка. По цѣлымъ часамъ просиживали мы въ пріемной этого монастыря, гдѣ за отгороженной въ ней густой желѣзной рѣшеткой отъ посѣтителей части, появлялись знакомыя нашей панны Гриневичъ монахини, между которыми особенными пріятельницами ея были сама настоятельница Шадурская и Графиня Чапская. О чемъ онѣ шептались и говорили между собою, намъ, дѣтямъ, конечно было непонятно, но меня лично, помнится, очень занимала вся эта таинственная обстановка и я съ большимъ интересомъ наблюдалъ за всѣмъ происходившимъ вокругъ меня, желая проникнуть въ тайны этой мрачной обители. Мнѣ было поэтому очень досадно, когда однажды младшій братъ мой Всеволодъ, который наоборотъ терпѣть не могъ этихъ заходовъ къ Визиткамъ, предпочитая рѣзвиться гдѣ нибудь на воздухѣ, простодушно выдалъ тайну нашей гувернантки, строго на строго наказавшей намъ говорить всегда матери нашей, что мы совершаемъ прогулки въ ботаническомъ саду, или въ иномъ невинномъ мѣстѣ. Помню въ какой ужасъ пришли родители наши, когда узнали настоящій „закоулокъ нашихъ прогулокъ", и какъ немедленно была расчитана M-elle Гриневичъ за ея лицемѣріе и дурное нравственное вліяніе на насъ, до нея никогда не лгавшихъ и не обманывавшихъ родителей нашихъ. Здѣсь кстати приведу весьма интересное описаніе того, какъ совершилось закрытіе Визитокъ, этого единственнаго своего ордена монастыря въ предѣлахъ Россіи, по распоряженію Гр. Муравьева. Закрытіе монастыря Визитокъ въ Вильнѣ и выселеніе изъ него его обитательницъ, пріятельницъ бывшей гувернантки нашей, произошло, по взятому мною опасанію этого событія изъ записокъ Никотина, напечатанныхъ въ „Русской Старинѣ" 1904 г., такимъ образомъ:

„Наступило 5 Марта; выѣздъ Визитокъ изъ Вильны совершился тихо. Въ 4-мъ часу утра всѣ монахини собра-

лись въ корридорѣ, тускло освѣщенномъ ночникомъ; тамъ ожидали ихъ прелатъ Нѣмекша, старшій полиціймейстеръ полковникъ Саранчевъ, жандармскій офицеръ, назначенный вмѣстѣ съ прелатомъ сопутствовать имъ до границы, и другіе служащіе. Поверхъ своей зимней одежды Визитки имѣли на себѣ орденское одѣяніе, а поперекъ груди одѣты у нихъ были большія деревянныя распятія. Все имущество монахинь, заблаговременно упакованное, было скоро уложено по телѣгамъ и отправлено на вокзалъ; оставалось уѣзжающимъ сказать свое послѣднее прости тихому пристанищу, въ которомъ, по собственной ихъ винѣ, не удалось имъ окончить земное свое странствованіе; но нужно отдать имъ полную справедливость въ томъ, что онѣ съумѣли выдержать себя: ни одинъ мускулъ лица у нихъ не дрогнулъ, хотя старыя прислужницы, прощаясь съ ними, обливались слезами. Опускаясь послѣдовательно одна за другой на колѣни, они безмолвно цѣловали порогъ покидаемаго ими жилища и направлялись затѣмъ къ выходу, подлѣ котораго ожидали ихъ экипажи. На станціи желѣзной дороги, не смотря на ранній часъ утра, поджидалъ ихъ неутомимый С. Ѳ. Панютинъ, подъ личнымъ наблюденіемъ котораго и совершился отъѣздъ Визитокъ за границу. Сопровождавшій ихъ до Гумбинена прелатъ Нѣмекша прислалъ оттуда слѣдующую телеграмму Губернатору: „Le départ des soeurs jusqn'au soir. Nous les bénissons de tout notre coeur“. Возвратясь затѣмъ въ Вильну, онъ разсказывалъ про негостепріимную встрѣчу монахинь пруссаками въ Гумбиненѣ, которые приводили на станцію своихъ женъ и дѣтей, чтобы показать имъ польскихъ монахинь, одѣтыхъ въ орденскія платья съ распятіемъ на груди; во время ихъ молитвы, нѣмцы пѣли пѣсни, трунили надъ ними, спрашивая у нихъ, не скрываютъ-ли онѣ въ крестахъ кинжалы“...

Спустя много лѣтъ, въ одинъ изъ проѣздовъ моихъ черезъ Вильну, побывалъ я въ бывшемъ монастырѣ Визитокъ, преобразованномъ Митрополитомъ Іосифомъ Сѣмашко въ православный женскій Маріинскій монастырь. Я не засталъ въ немъ ни слѣда прежней, столь знакомой мнѣ обстановки католическихъ монахинь. Правда окружающая обитель высокая древняя каменная стѣна, нѣкоторыя строенія и бывшій костелъ сохранили свой прежній наружный видъ;

но внутри храма и зданій, въ которыхъ совершали свое таинственное земное странствованіе выселенныя визитки, не осталось ни слѣда того, что было при нихъ. Въ двухъалтарной православной церкви имѣется нынѣ прекрасной живописи иконостасъ, а въ корридорахъ монастырскихъ келій, гдѣ прежде неслышными шагами бродили за желѣзными рѣшетками суровой жизни пожизненныя затворницы, раздаются теперь русскій говоръ и веселый, беззаботный дѣтскій смѣхъ воспитанницъ учрежденнаго здѣсь женскаго училища, состоящаго въ завѣдываніи новыхъ обитательницъ этихъ перестроенныхъ келій польскихъ монахинь—русскихъ православныхъ монахинь, ни по наружному виду, ни по манерѣ держать себя ни въ чемъ не напоминающихъ первыхъ. Столь рѣзкая перемѣна картины обстановки прошлаго въ этой древней обители, посвященной культу одному и тому-же Богочеловѣку, не могла не произвести на меня подавляющаго впечатлѣнія. Меня охватило чувство неизвѣданной скорби передъ видомъ такого нагляднаго попранія завѣта Великаго Учителя, сказавшаго: „да будетъ едино стадо и единъ Пастырь!“ и мнѣ невольно напомнилась дивная фигура Его, изображенная художникомъ на полѣ брани, усѣянномъ трупами враждующихъ людей, подъ которой начертаны горькія слова: „Это-ли я заповѣдалъ имъ!“ И я подумалъ: въ такомъ перелицованномъ храмѣ, я не могъ-бы молиться Ему съ смиренною совѣстью и кроткимъ духомъ!...

Сопровождавшая меня по монастырю монахиня, мать Серафима, уже ничего не могла мнѣ разсказать объ исторіи прошлаго своей обители—она ее не знала—и была, повидимому, очень заинтересована, когда узнала отъ меня—какой я помнилъ и зналъ эту обитель въ моемъ дѣтствѣ. Она могла мнѣ только сообщить, что обитель ихъ была *когда-то* католической, что имъ, монахинямъ, извѣстно изъ того, что въ подвальныхъ стѣнахъ, подъ храмомъ, имѣются сохранившіяся съ того времени каменныя доски съ неразборчивыми надписями на польскомъ и латинскомъ языкахъ, гдѣ, какъ сказываютъ схоронены остатки *замурованныхъ* людей...

— Мы ихъ не трогаемъ и не уничтожаемъ—Богъ съ ними! добавила она простодушно.

Не знаю до какого предѣла довела-бы свой тайный замыселъ наша наставница-„биготка“, таская насъ по кляш-

торамъ и костеламъ, если-бы она продолжала дѣйствовать въ томъ-же направленіи далѣе, но мать наша была такъ напугана этимъ экспериментомъ съ заядлой полькой и католичкой, что долго не рѣшалась замѣстить ее новой гувернанткой для насъ, пока наконецъ выборъ ея не остановился на нѣмкѣ изъ остзейскихъ провинцій, изъ обѣднѣвшей родовитой фамиліи бароновъ Корфъ.

Замѣстительница M-elle Гринсвичъ, баронесса Корфъ, была, какъ и первая, весьма образованная и тоже, какъ и та, старая дѣва. Какъ по воспитанію, такъ и по нравственнымъ качествамъ своимъ, она вполнѣ стояла на высотѣ своей педагогическій задачи, внушая въ дѣтяхъ полное къ себѣ уваженіе. Я считаю себя многимъ ей обязаннымъ въ выправкѣ и направленіи моего характера, но объ этомъ мнѣ прійдется еще говорить въ слѣдующей главѣ моихъ воспоминаній, а теперь я только скажу, что такого безупречнаго и выдержаннаго типа гувернантки, какой была фрейлеймъ Корфъ, мнѣ впослѣдствіи рѣдко доводилось встрѣчать.

Справедливо считая, что знаніе иностранныхъ языковъ можетъ быть успѣшнѣе усвоено, если оно практикуется съ дѣтскаго возраста, родители наши пользовались всякимъ подходящимъ случаемъ, чтобы предоставить намъ возможность изучить эти языки практически и теоретически. Первыми боннами нашими были нѣмки, и мы такъ свыклись говорить съ ними и между собой по нѣмецки, что долго потомъ даже переписывались на этомъ языкѣ. Сама мать наша говорила съ нами постоянно по французски, а потомъ, кромѣ названныхъ выше гувернантокъ. намъ давалъ уроки этого языка и литературы весьма образованный французъ M-r Регамэ, который былъ и моимъ преподавателемъ впослѣдствіи въ Виленскомъ дворянскомъ Институтѣ.

Случайное знакомство отца моего съ Англичаниномъ, или вѣрнѣе Шотландцемъ, мистеромъ Чизеномъ, выписаннымъ тогдашнимъ Виленскимъ Генералъ - Губернаторомъ Мирковичемъ для своихъ дѣтей, надоумило отца пригласить его давать намъ уроки англійскаго языка. Этотъ, къ слову сказать, весьма образованный и милѣйшій человѣкъ былъ, какъ и подобаетъ сыну Альбіона, большимъ оригиналомъ. Онъ прибылъ въ Вильну въ своемъ національномъ Шотландскомъ костюмѣ, съ голыми икрами, и увидѣвъ прилегаюнція къ городу горы, напомнившія ему его гористую родную страну, началъ съ того, что тотчасъ взобрался на нихъ, привлекши на себя вниманіе уличныхъ мальчишекъ, цѣлыми толпами ходившими за нимъ, хихикая и отпуская на его счетъ разныя остроты, ни мало его не смущавшія. Большой любитель всякаго рода спорта, онъ научилъ насъ плаванію и катанію на конькахъ и руководилъ нашими прогулками по живописнымъ окрестностямъ Вильны. Онъ былъ неутомимымъ ходокомъ и никто никогда не видѣлъ его ѣдущимъ въ какомъ либо экипажѣ Свою изумительную неутомимость въ пѣшеходномъ спортѣ, онъ, по его разсказу, доказалъ еще въ молодости своей тѣмъ, что, побившись объ закладъ съ своими товарищами. студентами Абердинскаго Университета, о томъ, что пройдетъ пѣшкомъ изъ этого города въ Римъ, выигралъ пари, совершивъ преблагополучно весь путь по образу пѣшаго хожденія (за исключеніемъ конечно водной преграды въ Паде-Калэ) и прибывъ къ опредѣленному сроку въ вѣчный городъ. Въ изученіи Англійскаго языка мы дѣлали съ нимъ быстрые успѣхи, чему не мало способствовало личное присутствіе на нашихъ урокахъ отца, пожелавшаго также изучить этотъ мудреный по произношенію и арѳографіи языкъ. Но прежде чѣмъ постичь премудрость его, мы не мало изводили нашего ментора-флегматика, увѣряя его, что для вѣрнаго произношенія его родной рѣчи надо набирать въ ротъ, по примѣру Демосѳена, камней. А что касается арѳографіи, то нѣтъ и впрямь такого другого языка, гдѣ-бы всѣ гласныя буквы произносились иначе, чѣмъ то, что онѣ означаютъ и вообще, чтобы писалось одно, а выговаривалось по другому. Для примѣра приведу хотя-бы фамилію нашего учителя: писалъ онъ ее Chisholm, а выговаривать, не угодноли, Чизенъ! Дразнили мы этимъ нашего милаго Мистера Чизена, злоупотребляя его терпѣніемъ и добротой, но объ немъ пока довольно—мнѣ прійдется еще вспоминать его далѣе на этихъ страницахъ.

Благодаря еще бо̀льшей случайности, намъ пришлось ознакомиться и съ Италіанскимъ языкомъ. Въ числѣ подчиненныхъ отца моего въ Вильнѣ, былъ молодой архитекторъ Италіянецъ, синіоръ Біанки, который предложилъ свои услуги, чтобы поучить насъ языку его чудной родины. Тутъ дѣло пошло еще глаже, чѣмъ при изученіи англійскаго

языка, такъ какъ зная французскій языкъ, не трудно справиться, при желаніи, и съ италіанскимъ. Звучность и чарующая прелесть этого языка производила на меня какое-то особенное обаяніе и я лично съ большой охотой принялся за изученіе его подъ руководствомъ нашего веселаго и беззаботнаго, какъ всѣ сыны его солнечной родины, синіора Біанки. Къ сожалѣнію изучать этотъ языкъ намъ пришлось не долго вслѣдствіе отъѣзда нашего учителя, но и то, что я успѣлъ усвоить себѣ, впослѣдствіи пригодилось мнѣ очень въ путешествіяхъ моихъ по Италіи.

Чтобы покончить съ періодомъ домашняго ученія моего, я долженъ добавить къ перечисленнымъ предметамъ также и уроки танцевъ, учителемъ которыхъ былъ у насъ Эбергартъ, сынъ извѣстнаго въ свое время танцмейстера старика Эбергарда, черезъ руки, или вѣрнѣе ноги котораго, прошло нѣсколько поколѣній танцоровъ въ Петербургѣ. Сынъ, хотя и не былъ столь извѣстнымъ маэстро хореографическаго искусства, какъ отецъ его, но все-же былъ отличнымъ учителемъ танцевъ и плоды его ученія встрѣтили во мнѣ, по крайней мѣрѣ, благодарную почву, такъ какъ въ молодости моей я былъ, по общимъ отзывамъ, выдающимся танцоромъ. Что отзывы эти имѣли свое основаніе, свидѣтельствуетъ слѣдующій фактъ. Однажды на балу у Фельдмаршала Гурко, тогда еще Одесскаго Генералъ-Губернатора, я обратилъ вниманіе своею манерою танцовать одного компетентнаго въ этомъ дѣлѣ лица, а именно состоящаго при немъ Генерала, Князя Трубецкаго, женатаго на дочери знаменитой Таліони, который, подозвавъ сына своего, молодого офицера, и, указывая ему на меня, сказалъ:

— Вотъ какъ надо танцовать!

Унаслѣдовалъ я этотъ „талантъ“ отъ моей матери, которая отличалась прирожденной граціей и фигурировала всегда, какъ лучшая ученица танцевъ въ Смольномъ Институтѣ, въ балетахъ, устраеваемымъ Институтскимъ начальствомъ въ дни разныхъ торжествъ, на которыхъ присутствовали обѣ Императрицы и самъ Николай Павловичъ.

Уроки танцевъ у Эбергарта мы брали поочередно въ четырехъ домахъ: у насъ, у жандармскаго Генерала Куцынскаго, у Предсѣдателя Казенной Палаты Де-Роберти и у полковника Маркова, дѣти которыхъ были товарищами на-

шихъ игръ. Эти танцовальные вечера, бывавшіе разъ въ недѣлю, доставляли намъ, помнится, большое удовольствіе и мы всегда съ радостнымъ нетерпѣніемъ поджидали и готовились къ нимъ.

Когда мы достаточно подросли и наступило время покончить съ домашней педагогіей, насъ съ братомъ опредѣлили въ лучшій въ то время частный пансіонъ въ Вильнѣ старика Германа, гдѣ, продолжая изучать иностранные языки и научные предметы подъ руководствомъ его и его дочери, мы готовились къ поступленію въ гимназію, куда и поступили, пробывъ всего годъ въ названномъ пансіонѣ.

Виленская казенная гимназія, съ поступленіемъ въ которую кончился нашъ безпечный дѣтскій рай, находится и по сіе время въ бывшемъ зданіи упраздненнаго Университета, противъ Генералъ-Губернаторскаго дворца. Зданіе это старинной постройки, напоминающее средневѣковое аббатство и при немъ имѣлась въ то время, недавно, къ сожалѣнію, сгорѣвшая обсерваторія съ интересными старинной конструкціи телескопами. Директоромъ этой обсерваторіи былъ въ то время ученый нѣмецкій астрономъ Фусъ, съ дѣтьми котораго—тремя сыновьями и дочерью—мы были въ большой дружбѣ; матери-же наши, будучи постоянно въ хорошихъ отношеніяхъ между собой, не сходились только въ одномъ пунктѣ на нашъ счетъ: наша мать требовала, чтобы мы болтали съ юными Фусами по нѣмецки, а ихъ мать настаивала на томъ, чтобы ея бурши болтали съ нами по русски, желая, чтобы они изучили нашъ языкъ, въ которомъ очень хромали. Верхъ взяла послѣдняя, какъ и подобаетъ нѣмецкой Standhaftigkeit, и наши милые товарищи очень скоро усвоили себѣ русскій языкъ, говоря съ нами постоянно на немъ.

Старикъ Фусъ подъ конецъ жизни своей помѣшался, подавленный тѣмъ необъятнымъ міросозерцаніемъ, въ которомъ постоянно виталъ его пытливый умъ. Я какъ теперь вижу эту типичную высокую и худощавую фигуру нѣмецкаго ученаго въ черномъ шелковомъ колпакѣ, всегда погруженную въ какія-то мудреныя вычисленія, блуждающимъ взоромъ окидывающую насъ, дѣтей, и снисходительно намъ

улыбающуюся. Достойнымъ помощникомъ его и преемникомъ по директорству въ Виленской обсерваторіи былъ скромный, но глубокій русскій молодой ученый Гусевъ, впослѣдствіи составившій себѣ громкое имя въ астрономіи своими учеными трудами. Мы, дѣти, очень любили его, такъ какъ онъ всегда охотно соглашался показать намъ то, что можно было видѣть черезъ телескопы его обсерваторіи. Благодаря ему мы, такимъ образомъ, впервые ознакомились съ строеніемъ солнца, луны, Юпитера, Марса, Сатурна, двойныхъ звѣздъ, кометъ и проч. небесныхъ планетъ и свѣтилъ.

Пребываніе наше въ гимназіи, Директоромъ которой въ то время былъ Виноградовъ, продолжалось не долго— всего два года, по истеченіи которыхъ опредѣлились наши наклонности и научныя способности: братъ мой Всеволодъ оказался съ большимъ математическимъ дарованіемъ, а я, наоборотъ, не выносилъ математику и льнулъ къ словеснымъ наукамъ. Сообразно съ этимъ и повели наше дальнѣйшее образованіе, а именно: его стали подготовлять къ поступленію въ инженерное училище, а меня въ Виленскій дворянскій Институтъ.

Репетиторами нашими были сначала братья Нагловскіе, о которыхъ мнѣ еще прійдется сказать нѣсколько словъ въ своемъ мѣстѣ, а потомъ ученикъ 7-го класса той-же гимназіи, еврей Тугенгольдъ. Этотъ молодой человѣкъ былъ сынъ акушерки, принимавшей всѣхъ насъ дѣтей, родившихся у нашей матери въ Вильнѣ. Онъ былъ изумительно способный, окончилъ курсъ съ золотой медалью и поступилъ въ Университетъ—въ какой именно, сказать не умѣю. Но долгое время спустя, когда я его совершенно потерялъ изъ виду, я вдругъ узнаю, что правой рукой у перваго государственнаго контролера Татаринова состоитъ нѣкій Тугенгольдъ, созданію котораго Россія обязана всей по нынѣ дѣйствующей у насъ контрольной системой, и что творецъ ея никто иной, какъ мой бывшій репетиторъ! Какимъ образомъ онъ пробрался въ Петербургъ и достигъ такихъ степеней—я не знаю, но я потомъ встрѣчался съ меньшимъ братомъ его въ Петербургѣ, также, какъ и онъ, принявшемъ православіе и служившимъ въ главномъ контролѣ, который сообщилъ мнѣ, что его братъ, мой бывшій репетиторъ, умеръ въ Италіи отъ чахотки, надорвавъ свое здоровіе огромнымъ

трудомъ, выпавшимъ на его долю при составленіи и введеніи въ дѣйствіе сложной контрольной машины, имъ всецѣло разработанной подъ прикрытіемъ чужого имени. Да, это былъ поистинѣ изъ ряда выдающійся, талантливый, трудоспособный и добросовѣстный еврей, какихъ давай Богъ по больше для Россіи!

Въ послѣдовательно приведенномъ здѣсь рядѣ эпизодовъ и событій изъ эпохи первыхъ лѣтъ моего дѣтства, я нѣсколько ушелъ впередъ, упустивъ сказать о переселеніи нашемъ изъ городскихъ квартиръ въ собственный загородный домъ на предмѣстьи Вильны Антоколѣ, построеннымъ отцомъ приблизительно около 1853 г. А между тѣмъ переселеніе въ этотъ уютный уголокъ и жизнь въ немъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ подрядъ на чистомъ воздухѣ и среди природы имѣло огромное вліяніе какъ на физическое развитіе мое, такъ и на развитіе во мнѣ вкуса и любви къ природѣ.

По нынѣ существующій домъ этотъ находится въ томъ мѣстѣ названнаго предмѣстья, гдѣ простирается обширный Сапѣжинскій садъ, скорѣе паркъ, въ который онъ врѣзывается почти на половину, вмѣстѣ съ своими службами и палисадникомъ Домъ нашъ былъ деревянный, на каменномъ фундаментѣ, одноэтажный, съ мезониномъ и съ нижнимъ подвальнымъ этажемъ, въ которомъ помѣщалась кухня. Въ немъ было девять удобно расположенныхъ по плану отца комнатъ, а при входѣ въ него со двора было довольно большое крыльцо, которое лѣтомъ замѣняло намъ столовую. Въ настоящее время онъ перешелъ, кажется, въ четвертыя руки, а Сапѣжинскій садъ, составлявшій въ то время собственность города, отошелъ въ веденіе прилегающаго къ нему военнаго госпиталя, перестроеннаго отцомъ изъ конфискованнаго магнатскаго палаццо польскихъ богачей Князей Сапѣговъ и въ настоящемъ своемъ видѣ, этотъ нѣкогда роскошнѣйшій по своей растительности садъ, распланированный на нѣсколькихъ десятинахъ иностранными садовниками и украшенный двумя фонтанами и двумя монументальными воротами съ статуями Цереры, Флоры, Помоны и Вертумна, безжалостно разбитъ варварской рукой на участки,

и въ немъ прогуливаются больные солдаты въ парусинныхъ больничныхъ халатахъ... Sic transit gloria mundi! А тогда, въ жизнерадостные и беззаботные дни моего дѣтства, какимъ дивнымъ мѣстомъ для нашихъ игръ былъ онъ для насъ! Сколько въ немъ было знакомыхъ зеленыхъ уголковъ, густыхъ рощицъ и поросшихъ овраговъ, въ которыхъ мы воевали и скрывались отъ воображаемаго непріятеля, изображая изъ себя то дикихъ индѣйцевъ изъ разсказовъ Купера и Майнрида, то героевъ Малахова кургана, тогда только что начавшейся Севастопольской осады, и чего-чего мы только тамъ не придумывали и не продѣлывали! Веселый дѣтскій крикъ нашъ раздавался по всему пространству бывшаго владѣнія Сапѣговъ, и только столѣтнія липы широкихъ аллей этого сада-парка, свидѣтели иныхъ его временъ, безмолвно потряхивая своими вѣтвями и кучками пахучихъ золотистыхъ цвѣтовъ, величаво смотрѣли на насъ, веселящихся у ихъ корней маленькихъ пигмеевъ. Всѣ эти липы, каштаны, клены и пирамидальные тополи были хорошо намъ извѣстны; мы знали гдѣ и въ какомъ дуплѣ ихъ гнѣздятся какія птицы и радостно привѣтствовали ихъ прилетъ, гдѣ зимуютъ бѣлки, гдѣ кроты роютъ свои норы, и гдѣ муравьи сооружаютъ свои холмики; мы слѣдили за ростомъ кустовъ и знали пору цвѣтенія ихъ и цвѣтовъ. А когда бывало разцвѣтутъ черемуха и сирень и въ ночной тиши зальются въ нихъ своею пѣснею соловьи, то я, прислушиваясь къ нимъ, готовъ былъ, какъ Жанъ-Жакъ Руссо, въ порывѣ юной своей экзальтаціи, обнимать и цѣловать, отъ полноты наполнявшаго меня чувства обожанія природы, молодыя деревья, многія изъ которыхъ были моими сверстниками по годамъ ихъ насажденій! Природа—это единственная книга съ великимъ содержаніемъ на каждомъ листкѣ и „эту таинственную книгу могутъ читать ученый и неученый: одинъ умомъ, другой душой" и правъ былъ Тютчевъ, сказавъ:

Не то, что мните вы, природа—
Не слѣпокъ, не бездушный ликъ:
Въ ней есть душа, въ ней есть свобода,
Въ ней есть любовь, въ ней есть языкъ!...

Неразрывно со смежнымъ съ нашей усадьбой Сапѣжинскимъ садомъ, памятны мнѣ также прелести моей юной

жизни въ ней. Все въ ней, одухотворяемое присутствіемъ моей незабвенной матери, казалось мнѣ прекраснымъ и дорогимъ моему сердцу. Моею любовью къ природѣ и ко всему изящному, я незамѣтно успѣлъ завоевать себѣ право надзора за нашимъ собственнымъ садикомъ. Я распланировалъ его, надѣлалъ клумбы, засадилъ ихъ кустами розъ и всякими цвѣтами, завелъ маленькій огородъ съ овощами, парники и любовно присматривалъ за двумя яблонями, единственными фруктовыми деревьями нашего садика. Я самъ поливалъ и окапывалъ мои насажденія, искренно радуясь ихъ успѣшному произростанію и печалясь въ томъ случаѣ, когда они погибали. Я ревниво охранялъ завоеванное мною право садовничества, недозволяя никому вмѣшиваться въ него и—странное дѣло—всѣ въ домѣ, не исключая и отца, признавали это право за мной, словно я, мальчикъ, и впрямь былъ великимъ знатокомъ этого дѣла! И сколько разъ въ жизни мнѣ потомъ приходилось убѣждаться въ силѣ, ничѣмъ подъ часъ неоправдываемаго гипнотическаго надъ людьми захвата власти и въ справедливости поговорки—кто первый взялъ въ руку палку, тотъ и капралъ!...

Въ небольшомъ дворовомъ хозяйствѣ нашей дачи, я также пользовался нѣкоторой привиллегіей, завоевалъ себѣ право присмотра за двумя дворовыми собаками, курами и голубями, до которыхъ былъ страстнымъ охотникомъ. Среди этихъ животныхъ у насъ было два любимца: бѣлая съ черными пятнами простая дворняшка „Рябчикъ" и пребойкій и задорный пѣтухъ. Рябчикъ былъ взятъ къ намъ еще щенкомъ, росъ вмѣстѣ съ нами и принималъ участіе во всѣхъ нашихъ дѣтскихъ играхъ, а когда состарился, то относился къ намъ съ покровительственною важностію, терпѣливо и беззлобно вынося всѣ наши надоѣдливыя приставанія къ нему. Что касается пѣтуха, то пернатый султанъ курятника нашего не былъ столь милостивъ къ намъ и когда бывало мы его раздразнимъ, то онъ подпрыгивалъ и теребилъ насъ за уши, хватая ихъ своимъ клювомъ. Присутствовавшій однажды при такой сценѣ мистеръ Чизенъ пришелъ въ неописанный восторгъ отъ боевыхъ качествъ нашего „шантеклера", и выпросилъ себѣ его у отца, заявивъ, что съ такимъ драчливымъ и шпористымъ пѣтухомъ онъ можетъ выиграть большія пари на пѣтушинныхъ бояхъ. Отецъ радъ

былъ избавиться отъ недававшаго намъ прохода драчуна и охотно подарилъ его, и мы всѣ любовались забавной картиной какъ нашъ англичанинъ префлегматично зашагалъ своими широкими шагами по направленію къ городу унося, подъ мышкой свой подарокъ.

Были еще въ конюшнѣ на дворѣ три лошади—двѣ выѣздныя и одна маленькая, на которой мы упражнялись въ верховой ѣздѣ, и корова, молокомъ которой мы пользовались, но онѣ уже не входили въ сферу моего дозора и ими распоряжались—первыми кучеръ Поликарпъ, а послѣдней—кухарка Христина, великая мастерица своего дѣла, которую мы очень любили за то, что она насъ баловала, украдкой суя намъ въ руки разныя сласти и не препятствуя намъ забираться съ нею въ кладовую для учиненія разныхъ беззаконныхъ опустошеній. Было-бы несправедливо, если-бы я не упомянулъ здѣсь добромъ еще и друзей нашихъ изъ прислуги—денщика Ѳому и горничную Анютку съ лакеемъ Ванькой.

Денщикъ Ѳома, уроженецъ Торопецкаго уѣзда, Псковской губерніи, былъ великій чудакъ и забавникъ. Онъ былъ уже не первой молодости (тогда отбываніе воинской повинности длилось вѣдь цѣлыхъ 25 лѣтъ!), изрядно тупой и некрасивый собой, но, тѣмъ не менѣе, претендовалъ на остроуміе и былъ большимъ ловеласомъ. Онъ не пропускалъ ни одной горничной, чтобы не подъѣхать къ ней съ своими любезностями, всегда получая вѣскій отпоръ, но это его нисколько не смущало и онъ продолжалъ съ тою-же настойчивостью свои флирты. Другою слабостью его была претензія на знаніе иностранныхъ языковъ. Наслушавшись отъ насъ разныхъ мудренныхъ нѣмецкихъ и французскихъ словъ, онъ сталъ коверкать ихъ и передѣлывать на свой ладъ, смѣша насъ до упаду своими изобрѣтеніями. Не довольствуясь этимъ, онъ задумалъ пустить въ оборотъ свои познанія въ иностранныхъ языкахъ и однажды, сопровождая въ своей военной ливреѣ на козлахъ кареты мать, когда она дѣлала визиты своимъ знакомымъ, съ большимъ апломбомъ докладывалъ о ней, называя ее повсюду „Адамъ“ (вмѣсто мадамъ) Е—въ. Фуроръ былъ полный, и моя бѣдная

мать была въ отчаяніи, когда узнала объ этомъ лингвистическомъ трюкѣ ея выѣзднаго лакея. Къ намъ, дѣтямъ, онъ питалъ какую-то особенную привязанность, покровительствовалъ нашимъ шалостямъ и никогда не жаловался на насъ, за что мы его очень любили и съ большимъ сожалѣніемъ разстались съ нимъ, когда онъ, прослужа много лѣтъ у насъ, получилъ отставку и уѣхалъ въ свою „Пскапскую“ губернію, какъ онъ ее называлъ.

Что касается Анютки и Ваньки, то они были крѣпостными сестры моей матери, А. Д. Гавриленко, помѣщицы Полтавской губерніи, Кобеляцкаго уѣзда, м. Озёръ, откуда они и были привезены къ намъ еще подростками. Они были *подарены* намъ тётушкою въ полную собственность и были единственными рабами, услугами которыхъ мнѣ довелось пользоваться въ моей жизни. Какой невѣроятный подарокъ, и какъ ужасно звучатъ эти слова въ наше время! А тогда надъ смысломъ и значеніемъ ихъ даже не задумывались и считали такого сорта подарки самымъ обыденнымъ явленіемъ, какъ, напримѣръ, существованіе въ то время сальныхъ свѣчей съ щипцами для снятія нагара съ нихъ, которые почему-то всегда связываются въ моемъ представленіи съ дореформенной и темной эпохой въ нашей исторіи... Эти юные хохлы выросли и возмужали въ нашемъ домѣ, но участь ихъ была разная. Въ то время какъ Ванька долго не удержался у насъ и былъ сданъ въ солдаты ка какіе-то неблаговидные поступки свои, бойкая, красивая и умная Анютка, раздѣляя съ нами наши игры и проказы и обучаясь уму-разуму отъ крупицъ нашихъ знаній, окончила свою карьеру блестящимъ для нея образомъ. Она вышла замужъ за военнаго писаря отцовской канцеляріи, дослужившагося до чина Статскаго Совѣтника, и я былъ у нея потомъ въ Москвѣ, гдѣ мужъ ея былъ Секретаремъ въ Инженерномъ Управленіи, а дѣти учились въ гимназіяхъ. Она изумила меня тѣмъ, что говорила съ ними на хорошемъ нѣмецкомъ языкѣ, научившись его, слушая насъ не по способу пресловутаго „лингвиста“ Ѳомы. Но за то, какъ и онъ, отличалась она неподдѣльною любовію и привязанностію къ нашей семьѣ и нисколько не гнушалась своимъ происхожденіемъ. Послѣднее она доказала тѣмъ, между прочимъ, что когда тётка моя, ея бывшая госпожа, была однажды проѣздомъ въ Москвѣ, то бывшая

крѣпостная ея, Статская Совѣтница Анютка, явилась къ ней и бухнулась ей въ ноги, чѣмъ несказано поразила свою бывшую владычицу, приводившую постоянно этотъ случай какъ исключительный примѣръ незабывчивости ея благодѣяній къ бывшимъ ея крѣпостнымъ, отплатившимъ ей въ общемъ, по ея словамъ, „черствою неблагодарностію"...

Мои воспоминанія о первыхъ годахъ моего дѣтства, я не считалъ-бы вполнѣ законченными, еслибы упустилъ дополнить ихъ нѣсколькими строками доброй памяти пани Видовскую, вдову Статскаго Совѣтника, нашего бывшаго домашняго врача.

Эта добродѣтельная дама была искреннимъ другомъ нашего дома, и моя мать имѣла къ ней безграничное довѣріе, поручая одной только ей надзоръ за нами въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда ей приходилось выѣзжать изъ дому на обѣды и вечера. Въ такимъ случаяхъ пани Видовска являлась къ намъ обыкновенно съ утра и мы всегда радостно привѣтствовали ее, зная, что она не будетъ строгимъ церберомъ нашимъ и не станетъ препятствовать намъ въ нашихъ шумливыхъ играхъ и шалостяхъ. Какъ и пани Гриневичъ она была ревностной католичкой, но безъ того фанатизма, которымъ отличалась первая.

До какой степени отношенія ея къ намъ были сердечными и выражались неподдѣльной привязанностью доказываетъ слѣдующій фактъ ея вниманія, высказанный мнѣ за день до ея смерти.

Надо сказать, что подъ конецъ своей жизни, нашъ добрый другъ пани Видовска перебралась на жительство въ женскій кляшторъ (монастырь) Бернардинокъ, гдѣ она наняла себѣ очень скромную квартирку съ выходомъ на открытую галлерею, тянувшуюся вдоль всѣхъ монашескихъ келій этой, нынѣ также уже упраздненной обители. Однажды разразилась страшная гроза надъ Вильной и пани Видовска, желая взглянуть на нее, вышла на упомянутую галлерею, какъ вдругъ молнія ударилась съ ужаснымъ грохотомъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея. Ударъ былъ до того силенъ, что всѣ оконныя стекла въ домѣ резлетѣлись въ дребезги, а бѣдную пани Видовскую отбросило къ стѣнѣ и она упала

безъ чувствъ. Когда ее привели въ себя, то обнаружилось, что она отъ сильнаго сотрясенія лишилась рѣчи и слуха и съ тѣхъ поръ не вставала съ постели. Я былъ тогда уже одинъ въ Вильнѣ, въ Институтѣ, и вотъ меня однажды вызываютъ въ пріемную. Вхожу и вижу съ недоумѣніемъ передъ собой монашенку бернардинскаго ордена, которая заявляетъ мнѣ, что она прислана ко мнѣ отъ пани Видовской съ порученіемъ передать мнѣ ея просьбу—прибыть къ ней какъ можно поспѣшнѣе, такъ какъ она чувствуетъ себя очень плохо и желаетъ меня видѣть передъ смертью.

Когда я вошелъ въ ея спальню, я засталъ ее въ постели съ крѣпко прижатымъ руками къ груди образомъ Остробрамской Богоматери и окруженную монахинями. Увидя меня, она сильно прослезилась и, подозвавъ меня слабымъ голосомъ къ себѣ, обняла и стала горячо цѣловать, вызвавъ на лицахъ присутствующихъ крайнее удивленіе такой необъяснимой привязанности ея къ русскому мальчику-схизматику... Долго не выпускала меня изъ своихъ объятій эта добрая и сердечная женщина, безпорядочно цѣлуя меня и что-то приговаривая, чего нельзя было уже никакъ понять. Сильно взволнованный этой сценой оставилъ я ее, простившись съ нею на вѣки... На другой день она скончалась... Миръ праху ея!...

II.

1855—1860 гг.

Виленскій Дворянскій Институтъ. Директоръ Падренъ-де-Карне. Посѣщеніе Института Императоромъ Александромъ II въ 1858 г. Отъѣздъ моихъ родителей въ Москву. Фонъ-Резоны. П. В. Кукольникъ. Минквицы. Генералъ Куцынскій. Поэтъ Одынецъ. Іосифъ Сѣмашко, Митрополитъ Литовскій и Виленскій. Генералъ-Губернаторъ В. И. Назимовъ и его семья. Вацлавъ Пршибыльскій. Виленскій театръ и представленіе оперы Фенеллы Обера. Изъ записокъ И. А. Никотина о пріемѣ мѣстнаго дворянства Императоромъ Александромъ II въ 1858 г. Окончаніе курса въ Институтѣ, мое прощаніе съ Вильной, отъѣздъ къ родителямъ и неожиданная встрѣча въ Петербургѣ.

Дворянскій Институтъ, въ который я поступилъ, былъ основанъ въ Вильнѣ вмѣсто закрытаго въ 1832 г., послѣ польскаго возстанія 1830 г., Университета, переведеннаго изъ этого города въ г. Кіевъ. Институтъ этотъ былъ привиллегированнымъ, закрытымъ учебнымъ заведеніемъ, куда могли поступать сыновья дворянъ сѣверо-западныхъ губерній, а также, на казенныя стипендіи, сыновья русскихъ служащихъ. Я остаюсь весьма признателенъ отцу моему возымѣвшему мысль отдать меня въ это превосходное, отлично во всѣхъ отношеніяхъ поставленное учебное заведеніе.

По научной программѣ своей Институтъ этотъ носилъ характеръ общеобразовательнаго училища и хотя не могъ замѣнить для Вильны утеряннаго ею Университета, но во всякомъ случаѣ онъ стоялъ особнякомъ, выше среднихъ учебныхъ заведеній, и его можно было приравнять къ Лицеямъ, такъ какъ въ старшемъ классѣ мы носили шпаги и трехуголки, а по окончаніи курса пользовались правомъ поступленія въ Университетъ безъ провѣрочныхъ экзаменовъ и могли быть приняты на службу прямо въ Министерства, чѣмъ тогда не пользовались молодые люди, окончившіе образованіе въ

среднихъ учебныхъ заведеніяхъ обыкновеннаго типа. Къ сожалѣнію моя alma mater въ настоящее время уже не существуетъ. Ее упразднилъ Гр. Муравьевъ во время управленія имъ Сѣверо-Западнымъ краемъ. Мотивомъ къ такой суровой съ его стороны мѣрѣ было то, что многіе изъ питомцевъ Виленскаго Института приняли участіе въ злополучномъ возстаніи 1863 г., и, какъ напримѣръ товарищи мои графы Казиміръ и Генрихъ Тышкевичи, пали жертвою его. Но въ 1855 г., времени поступленія моего въ него, Виленскій Дворянскій Институтъ, хотя и управлялся директоромъ и инспекторомъ изъ поляковъ, но какъ они, такъ и весь составъ преподавателей и надзирателей, не выказывали антиправительственнаго направленія и держали себя съ должной осмотрительностью и осторожностью. Тоже могу сказать и на счетъ моихъ товарищей поляковъ, которые, за малыми исключеніями, относились къ намъ, русскимъ, составлявшимъ значительное меньшинство, доброжелательно, по товарищески и безъ фанатическаго предубѣжденія. Со мной, напримѣръ, они говорили постоянно по русски и хотя я впослѣдствіи и изучилъ польскій языкъ не только практически, но и теоретически, слушая по собственной охотѣ лекціи польской словесности, но это вошло у нихъ уже въ привычку, не смотря на то, что я самъ зачастую заговаривалъ съ ними по польски, а съ нѣкоторыми говорилъ по французски. Знаніе-же русскаго языка было для всѣхъ обязательно, такъ какъ преподаваніе происходило на немъ и многіе преподаватели наши, которыхъ мы называли по польскому обычаю профессорами, были чистокровными русаками и ни слова по польски не понимали.

Коснувшись бывшихъ Институтскихъ наставниковъ моихъ, долженъ здѣсь сказать, что всѣ они были на высотѣ своего призванія и что посѣянное ими сѣмя знанія не осталось для ихъ учениковъ безплоднымъ. Досточтимые педагоги эти были преподаватели: Закона Божія Протоіерей Пчелко, русской словесности Изюмовъ, всеобщей исторіи Здановичъ, математики и физики Зессель, географіи Монюшко, Латинскаго языка Фрезе, Французскаго Регамэ, Нѣмецкаго Циліаксъ, Естественной исторіи Пршибыльскій и проч. Съ чувствомъ глубокой признательности останавливаюсь на именахъ моихъ высокообразованыхъ наставниковъ, уже давно

почившимъ въ своихъ могилахъ, и говорю имъ вѣчную память! Я нисколько не преувеличу, если скажу, что такихъ знающихъ свой предметъ педагоговъ, а также и такъ сердечно относившихся къ своимъ питомцамъ, каковы были они, мнѣ не приходилось потомъ встрѣчать—они вывелись! А почему и въ чемъ надо искать причину измельчанія въ настоящее время прежняго отборнаго и солиднаго типа педагога—сказать не умѣю...

Вскорѣ по назначеніи Генералъ-Губернаторомъ сѣверо-западнаго края В. И. Назимова, бывшаго Попечителя Московскаго учебнаго Округа, въ составѣ нашего училищнаго начальства совершилась перемѣна: Директоръ Института Калиновскій, весьма вертлявый и двуличный господинъ, былъ замѣщенъ чистокровнымъ Швейцарцемъ, плохо говорившимъ по русски, но зато знавшимъ всѣ новые и древніе языки и превосходнымъ педагогомъ, Матвѣемъ Ивановичемъ Падренъ-де-Карне (Padrin-de-Carné); Инспекторъ Чашницкій, котораго, не взирая на его суровую наружность, мы всѣ очень любили за его сердечное отношеніе къ намъ, былъ замѣщенъ преподавателемъ, математики Александромъ Ивановичемъ Зесселемъ, очень вспыльчивымъ, но отличнымъ и всѣми уважаемымъ человѣкомъ.

Съ назначеніемъ этихъ двухъ лицъ, наступила, можно сказать, новая эра въ институтской жизни. Новый директоръ нашъ, въ качествѣ истаго педагога, повернулъ всю машину нашего воспитанія по образцу школъ его родины и мы, не выѣзжая изъ Россіи, очутились, по его мановенію, словно въ Швейцаріи—на насъ повѣяло заморскимъ духомъ. Онъ прежде всего заставилъ насъ всѣхъ говорить между собой въ извѣстные дни на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, ввелъ преподаваніе Англійскаго языка, пригласивъ для этого моего добраго пріятеля мистера Чизена—единственнаго въ то время кажется англичанина въ Вильнѣ—и, что весьма важно,—обратилъ серіозное вниманіе на наше физическое развитіе, для чего ввелъ гимнастику, танцы, фехтованіе и верховую ѣзду, въ спеціально назначенномъ для этой цѣли манежѣ у извѣстнаго въ то время въ Вильнѣ берейтера. Все это было въ ту пору новинкой и нигдѣ еще не практиковалось въ нашихъ школахъ. Имѣя отъ природы наклонность къ словеснымъ наукамъ, я усердно предался

изученію иностранныхъ языковъ, начало познанію которыхъ было положено у меня еще въ родительскомъ домѣ. Думалъ-ли я тогда какую важную роль они сыграютъ впослѣдствіи въ моей жизни! Что касается спортивныхъ упражненій, то хотя я къ нимъ никогда не чувствовалъ особеннаго влеченія, но, отдавая имъ должное, скажу, что они—по преимуществу-же гимнастика,—не остались безъ слѣда въ укрѣпленіи моихъ физическихъ силъ и здоровія.

Оба новые руководители нашего духовнаго и тѣлеснаго развитія и особенно первый изъ нихъ, нашъ незабвенный и энергичный красавецъ М. И. Падренъ-де-Карне, были педагоги по призванію. Они обладали тѣми качествами, которые составляютъ необходимую принадлежность людей этого званія, а именно: рыцарскимъ благородствомъ характера, справедливостью, выдержкою и главное—знаніемъ дѣтской и юношеской натуръ. Никогда не заигривая и не фамиліарничая съ воспитанниками, они, тѣмъ не менѣе, умѣли внушить къ себѣ довѣріе, любовь и уваженіе. Мы боялись, но и любили ихъ и когда бывало заслышимъ ихъ шаги и голосъ въ корридорѣ, то пріободряемся и съ нетерпѣніемъ ожидаемъ ихъ прихода въ классъ. Помню однажды Падренъ-де-Карне уѣхалъ въ отпускъ къ себѣ въ Швейцарію и оттуда, съ береговъ Женевскаго озера, изъ роднаго города своего Веве, писалъ намъ письма, въ которыхъ описывалъ природу своей чудной родины и дѣлился своими впечатлѣніями. Письма эти, написанныя на превосходномъ французскомъ языкѣ, могли служить образцомъ эпистолярнаго слога и были до того занимательны, что мы съ нетерпѣніемъ поджидали полученія и чтенія ихъ передъ классомъ Зесселемъ, прося его передать поклонъ нашему любимому Директору.

Помню еще какъ онъ принималъ Царя-Освободителя, осчастливившаго и нашъ Институтъ посѣщеніемъ во время пріѣзда своего въ Вильну въ 1858 г. Какъ гражданинъ свободной страны, Падренъ-де-Карне въ высокимъ почтеніемъ, но безъ рабской приниженности, давалъ свои объясненія Великому Царю и привелъ насъ всѣхъ въ восхищеніе своей манерой держать себя въ присутствіи неограниченнаго Самодержца. Всѣ мы были въ тотъ день собраны въ рекреаціонной залѣ, куда и провелъ къ намъ нашъ Директоръ Александра II-го, сопровождаемаго большой

свитой, въ числѣ которой находился Назимовъ и попечитель округа, престарѣлый Генералъ-Лейтенантъ Баронъ Врангель, сынъ котораго, стоялъ также, какъ ученикъ Института, въ нашихъ рядахъ, хотя и носилъ пажескую форму, будучи зачисленъ кандидатомъ въ этотъ корпусъ. Государь тотчасъ обратилъ на него вниманіе, а затѣмъ и на великана нашего, ученика V класса Коссова, который по окончаніи Института поступилъ юнкеромъ въ Петергофскіе Гвардейскіе Уланы. Такъ впервые пришлось мнѣ увидѣть Великаго Царя-Преобразователя, котораго потомъ я не только не разъ встрѣчалъ въ моей жизни, но и присутствовалъ на его похоронахъ въ числѣ лицъ участвовавшихъ въ траурномъ шествіи, какъ объ этомъ будетъ разсказано мною въ своемъ мѣстѣ.

Но насколько я былъ доволенъ моими наставниками и вообще Институтомъ, настолько я не могъ примириться съ положеніемъ интерна. Будучи какъ по натурѣ моей, такъ и по воспитаніи въ родительскомъ домѣ, склоненъ и привыченъ къ свободѣ, я сильно тяготился моей неволей и рвался изъ заточенія, какъ пташка изъ клѣтки. Ногъ не чувствовалъ я бывало подъ собой, когда по Субботамъ или передъ праздниками, насъ распускали по домамъ, и я бѣжалъ какъ угорѣлый на милый Антоколь, въ объятія моей дорогой матери. Я считалъ не только дни, но и часы свободы и болѣзнено страдалъ, когда почему-либо, по собственной-ли винѣ, или за какія нибудь проказы всего класса,—приходилось оставаться безъ отпуска, и тогда, какъ звѣрь въ желѣзной клѣткѣ. ходилъ я изъ одного конца въ другой по корридорамъ Института, не находя себѣ мѣста и не разъ украдкой поплакивалъ. Въ такихъ случаяхъ долженъ сказать, не столько огорчала меня невозможность вырваться изъ стѣнъ моего заточенія, сколько невозможность видѣть мою мать, привязанность и любовь къ которой были у меня безграничными. Но съ этимъ положеніемъ я могъ-бы еще примириться и считать его сноснымъ сравнительно съ тѣмъ, что ожидало меня впереди, съ переводомъ отца моего и назначеніемъ его въ 1857 году въ Москву, командиромъ тамошняго Инженернаго Округа. Обстоятельство это, сильно отразившееся на перемѣнѣ въ моей жизни, обрушилось, можно сказать, неожиданно на меня и было первой серіозной въ жизни невзгодой, причинившей мнѣ

сильное огорченіе и повліявшей на беззаботность моего юношескаго нрава.

Теперь, когда время давно уже во мнѣ изгладило тягостное впечатлѣніе разлуки со всѣмъ, что мнѣ было дорого, разлуки, необходимость которой я тогда смутно понималъ, я сознаю, что родители мои, оставивъ меня въ Вильнѣ для окончанія курса въ Институтѣ, поступили весьма разумно. Но въ то время мнѣ было не до размышленій о пользѣ для моей будущей жизни такого рѣшенія ихъ и я всецѣло предался моему горю, усугубляемому еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что отъѣздъ ихъ въ Москву совпалъ со временемъ наступленія для меня лѣтнихъ каникулъ и я, вмѣсто того, чтобы ѣхать съ ними въ Москву, какъ братья и сестры, долженъ былъ отправиться по требованію нашего домашняго врача, почтеннаго Д-ра Трахтенберга, на воды въ Бирштаны, Троцкаго уѣзда.

Пережитыя въ день отъѣзда родителей моихъ щемящія душу минуты, встаютъ въ памяти моей въ мельчайшихъ подробностяхъ. Въ то время Вильна не была еще соединена желѣзнодорожными путями, и я хорошо не припомню была-ли даже шоссейная дорога отъ нея въ Москву, знаю только, что родители мои выѣхали со всѣми чадами и домочадцами на Москву черезъ Остробрамскія ворота въ двухъ огромныхъ четырехъ-мѣстныхъ каретахъ, или, какъ тогда называли дорожные экипажи, дормёзахъ, въ одной изъ которыхъ, находился и я, провожая ихъ до православнаго кладбища. Здѣсь весь дорожный караванъ остановился и всѣ вышли, чтобы проститься съ могилами малолѣтнихъ братьевъ моихъ Александра и Бориса, похороненныхъ вмѣстѣ съ нашей почтенной няней Надеждой Кондратьевной на этомъ кладбищѣ, послѣ чего вернулись къ экипажамъ, и тутъ настала минута прощанья навсегда запечатлѣвшаяся въ моей памяти. Когда наконецъ меня вырвали изъ объятій моей матери и экипажи двинулись, я какъ истуканъ долго стоялъ на одномъ мѣстѣ, слѣдя влажными отъ слезъ глазами, за той каретой, изъ окна которой выглядывало заплаканное дорогое мнѣ лицо, пока все не скрылось за подъемомъ дороги. Сильно взволнованный и, не помня себя, опустился я на землю и горько зарыдалъ, какъ вдругъ чье-то близкое дыханіе и прикосновеніе заставило меня очнуться и раскрыть глаза... Рябчикъ! дорогая,

милая собака! Это былъ онъ, а я и не замѣтилъ его, когда онъ бѣжалъ за экипажами, чуя видно, что творится нѣчто не ладное и для него... Я обнялъ его за шею и мы долго просидѣли съ нимъ въ такой позѣ, пока не стало темнѣть и надо было возвратиться въ городъ, къ себѣ, но куда?!...

Подавленный пережитыми минутами, съ поникшей головой, дотащился я до зданія Гимназіи, гдѣ проживала на казенной квартирѣ, вышедшая замужъ за учителя этой Гимназіи фонъ-Резона, бывшая гувернантка наша Баронесса Корфъ. У нея, заботливой обо мнѣ матерью, была нанята на извѣстныхъ условіяхъ небольшая комнатка, куда я могъ-бы приходить во время дней отпусковъ моихъ изъ Института и пользоваться возможностью говорить по нѣмецки.

Съ сердечнымъ участіемъ встрѣтила меня эта почтенная нѣмецкая чета и, надо отдать имъ справедливость, они сдѣлали все, что могли, чтобы пріютъ мой у нихъ былъ удобенъ и пріятенъ. И здѣсь выказалась особенная заботливость и дальновидность родителей моихъ, назначившихъ мнѣ временное убѣжище у фонъ-Резоновъ. Сожительство мое съ ними оставило во мнѣ на всю жизнь свой особенный хорошій отпечатокъ: подъ вліяніемъ ихъ примѣра, я усвоилъ себѣ многія отличительныя черты нѣмецкаго характера, свойства котораго заключаются, какъ извѣстно, въ аккуратности, опрятности и въ томъ преобладающемъ въ этой націи чувствѣ долга (Pflichtgefühl), который ставитъ ее выше остальныхъ и передъ которымъ нельзя не преклоняться съ уваженіемъ. Доброю памятью вспоминаю я этихъ чужихъ для меня людей — первыхъ съ которыми мнѣ случилось соприкоснуться по вступленіи моемъ, неопытной и еще дѣтской ногой, на торный путь одинокой и бездомной жизни...

Домъ нашъ въ Сапѣжинскомъ саду, на Антоколѣ, свидѣтель моего беззаботнаго дѣтства и носитель столькихъ дѣтскихъ воспоминаній моихъ, былъ проданъ отцомъ хорошему знакомому нашему, Павлу Васильевичу Кукольнику, съ женой котораго, Юліей Васильевной, урожденной Пузыревской, моя мать была дружна. Какъ они, такъ и многіе другіе знакомые моихъ родителей, въ томъ числѣ жена

Генералъ-Губернатора Назимова, Анастасія Александровна, урожденная Аверкіева, и Марія Ивановна Минквицъ, жена полковника артиллеріи, урожденная Бѣлокопытова, знавшія мою мать съ молоду, настоятельно просили ее разрѣшить мнѣ бывать у нихъ въ свободные отъ уроковъ дни, и я конечно не отказывалъ себѣ въ этомъ удовольствіи, часто посѣщая ихъ, особенно бездѣтную и добрѣйшую чету Минквицъ, къ которымъ въ концѣ концовъ и совсѣмъ перебрался отъ фонъ-Резоновъ, пробывъ у послѣднихъ только первый годъ моего одиночества въ Вильнѣ.

Къ Минквицамъ меня особенно влекло то, что они проживали въ загородномъ, собственномъ, ими-же отстроенномъ, домѣ противъ костела Петра и Павла, на томъ-же миломъ для меня Антоколѣ, гдѣ находился и нашъ проданный домъ, поглядѣть на который составляло для меня необходимой потребностію. Но прежде чѣмъ вести далѣе разсказъ мой о юношеской жизни моей въ Вильнѣ, я прерываю его, чтобы привести здѣсь цѣликомъ статью мою о новомъ владѣльцѣ нашего дома, П. В. Кукольникѣ, помѣщенную мною, по поводу кончины послѣдняго въ 1884 г., въ Декабрьской книгѣ „Русской Старины“ 1885 г. Вотъ что сказано мною въ ней о немъ:

„Павелъ Васильевичъ Кукольникъ родился еще въ концѣ прошлаго столѣтія и получилъ свое образованіе въ С.-Петербургѣ, куда отецъ его—по происхожденію словакъ—переселился на жительство съ семействомъ. Онъ былъ роднымъ братомъ весьма популярнаго въ свое время писателя Нестора Кукольника, автора многихъ историческихъ повѣстей и драматическихъ произведеній патріотическаго содержанія. Примыкая въ 1820-хъ г.г. къ той плеядѣ знаменитыхъ русскихъ людей, къ которой принадлежалъ его братъ и въ средѣ которой находились друзья послѣдняго—Глинка и Брюловъ, П. В. Кукольникъ, не выдѣляясь особеннымъ творчествомъ своего дарованія, успѣлъ, однако, пріобрѣсти себѣ нѣкоторую извѣстность въ литературѣ своими превосходными переводами польскихъ писателей, въ особенности-же поэтовъ Кондратовича-Сырокомли и Одынца, и этой скромною извѣстностью своею онъ настолько дорожилъ, что сильно негодовалъ, если, думая сдѣлать ему пріятное, упоминали для полноты опредѣленія, рядомъ съ его именемъ

болѣе извѣстное въ литературѣ имя его брата. Подобнаго рода комментарій къ своему имени онъ находилъ неумѣстнымъ и считалъ свое самостоятельное значеніе въ литературѣ достаточно упроченнымъ.

Но не въ одномъ этомъ фактѣ выражалась своеобразность покойнаго писателя. По странной причудливости своего характера, онъ, словно, вѣчно находился въ противорѣчіи съ самимъ собой, считая лучшія свои произведенія—худшими, а худшія—лучшими.

Ничѣмъ, бывало, нельзя было болѣе угодить ему, какъ попросивъ его прочитать его поэму „Іуда", изданную имъ отдѣльной книгой. Почтенный писатель приходилъ тогда въ необычайный паѳосъ и съ жаромъ декламировалъ свое ничѣмъ особеннымъ не отличавшееся и крайне растянутое стихотворное произведеніе. А между тѣмъ изъ массы написаннаго имъ какъ въ прозѣ, такъ и въ поэзіи, попадались вещи несомнѣннаго достоинства и заслуживающія полнаго уваженія. Только такой особенности его характера слѣдуетъ, между прочимъ, приписать и то достойное сожалѣнія обстоятельство, что написанная имъ „Исторія Великаго Княжества Литовскаго" не сдѣлалась достояніемъ печати и осталась неизвѣстною для публики. Будучи сначала учителемъ всеобщей и отечественной исторіи въ Виленской гимназіи, а затѣмъ занимая долгое время каѳедру тогоже предмета въ Виленскомъ Университетѣ до самаго закрытія послѣдняго, П. В. Куколникъ былъ глубокимъ знатокомъ своей спеціальности вообще и въ частности исторіи края, въ которомъ провелъ бо́льшую часть своей жизни. Онъ въ совершенствѣ изучилъ всѣ особенности страны, зналъ ее вдоль и поперекъ, пользовался неизданнымъ матеріаломъ, рылся въ частныхъ, ему одному доступныхъ архивахъ, и вложилъ въ свой капитальный трудъ всѣ добытыя имъ долголѣтнею ученою дѣятельностью свѣдѣнія и познанія. Но, какъ уже сказано, въ авторской дѣятельности его отражалась вся субъективность его нрава, вслѣдствіе чего его Исторіи Литвы не суждено было появиться въ свѣтъ, такъ какъ онъ никогда не хотѣлъ признать за нею неоспоримаго ея достоинства и ни подъ какимъ видомъ не соглашался отпечатать ее.

Вотъ все, что мнѣ извѣстно о его литературной дѣятельности.

Что касается до частной его жизни, то о ней слѣдуетъ замѣтить, что популярность его въ Вильнѣ какъ между русскими, такъ и между поляками и евреями, была громадна. Кто не зналъ изъ жителей этого города его типичной фигуры, всегда облеченной въ вицъ-мундиръ министерства народнаго просвѣщенія, въ узкія штаны со штрипками, въ стоячій высокій галстукъ, съ зачесанными на виски волосами и съ неизмѣнной сигарой во рту!.. Но не въ одномъ лишь внѣшнемъ видѣ и старофасонномъ костюмѣ заключалась его популярность: она крылась гораздо глубже... Онъ былъ истинно-доброй души человѣкъ, христіанинъ въ широкомъ значеніи этого слова, готовый всегда подѣлиться съ нуждающимся, безъ различія его національности, всѣмъ, чѣмъ только позволяли ему его ограниченныя средства, и это располагало къ нему всѣхъ, кто его зналъ.

По закрытіи Виленскаго Университета, П. В. Кукольникъ служилъ долгое время цензоромъ въ Вильнѣ, а за нѣсколько лѣтъ передъ смертью оставилъ вовсе службу, жилъ получаемой имъ небольшой пенсіей, не бросалъ пера до конца жизни, овдовѣлъ и умеръ на рукахъ одной сердобольной дамы, давнишней знакомой его семейства, посвятившей себя присмотру немощнаго старца. Онъ умеръ на 90 году жизни.

Прибавляю, въ заключеніе къ этому небольшому воспоминанію моему о покойномъ писателѣ, одинъ сохранившійся въ памяти моей небезъинтересный эпизодъ изъ его жизни. То было еще въ молодые годы его, когда онъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ, Несторомъ Васильевичемъ, проживалъ въ Петербургѣ. Однажды, когда у нихъ по обыкновенію собрался небольшой кружокъ близкихъ знакомыхъ, состоявшій изъ лучшихъ того времени писателей и художниковъ, Павелъ Васильевичъ, никогда ни о чемъ хладнокровно не говорившій, затѣялъ по поводу чего-то горячій споръ. Хорошо знавшіе и изучившіе его привычки друзья его стали возражать ему, больше, впрочемъ, для того, чтобы посмѣяться надъ нимъ и подразнить его. Выведенный изъ терпѣнія ихъ шутливыми насмѣшками, покойный писатель, ходившій быстрыми шагами

по комнатѣ, вдругъ остановился на ходу и оборвалъ споръ, назвавъ всѣхъ ихъ дураками.....

„Стой и не шевелись!“ вскрикнулъ неожиданно, обращаясь къ нему, находившійся при этомъ Брюловъ, и, схвативъ палитру и кисти, геніальный художникъ быстро набросалъ тутъ-же, на всегда имѣвшемся для него на готовѣ полотнѣ, типичную фигуру П. В. Кукольника.

Я часто засматривался на этотъ замѣчательный портретъ, висѣвшій всегда на видномъ мѣстѣ въ квартирѣ своего оригинала. Мастерскою кистью отдѣлано лицо покойнаго писателя и нѣсколькими бойкими штрихами набросана по поясъ его остальная недоконченная фигура, въ халатѣ, съ заложенными за спину руками. Какъ живой выглядываетъ онъ изъ рамки, и насмѣшливо улыбаясь, смотритъ на зрителя. Было бы очень жаль, если бы этотъ превосходный набросокъ нашего безсмертнаго художника, написанный имъ, такъ сказать, экспромтомъ, подъ наитіемъ минутнаго вдохновенія, пропалъ безслѣдно для роднаго искусства *)“.

Въ гостепріимномъ домѣ добрѣйшихъ Минквицъ, я чувствовалъ себя очень хорошо. Будучи весьма хлѣбосольными, они много принимали у себя, а по воскресеніямъ у нихъ постоянно обѣдалъ кружокъ близкихъ ихъ и родителямъ

*) По поводу наброска моего о В. П. Кукольникѣ, въ „Русской Старинѣ“ 1886 г. появилась за буквами А. В. Ж. статья, въ которой относительно „Исторіи Великаго Княжества Литовскаго“ сказано, что автору статьи положительно извѣстно, что означенный трудъ покойнаго Павла Васильевича былъ отпечатанъ, подъ заглавіемъ „Историческихъ замѣтокъ о Литвѣ“ въ 100 экземплярахъ, изъ которыхъ 30 экз. были пожертвованы Пав. Вас. для уѣздныхъ и городскихъ училищъ сѣверо-западнаго края, а остальные—70 были розданы близкимъ знакомымъ. Что-же касается портрета Пав. Вас. работы Брюлова, то портретъ этотъ, по словамъ анонимнаго автора замѣтки, уцѣлѣлъ и хранится, какъ и все оставшееся послѣ смерти покойнаго писателя, у внучекъ его Снитко.

Приводя эти успокоительныя строки неизвѣстнаго моего оппонента, я не могу не замѣтить ему по поводу „изданія“ Историческихъ замѣтокъ о Литвѣ, что онъ своимъ указаніемъ ничего не опровергъ, такъ какъ отпечатаніе книги въ количествѣ всего въ 100 экземплярахъ, розданныхъ при томъ близкимъ знакомымъ, не можетъ считаться изданіемъ *выпущеннымъ въ свѣтъ*, какъ не поступившей на книжный рынокъ и не сдѣлавшейся достояніемъ широкой публики, печати и критики.

моихъ знакомыхъ, въ числѣ которыхъ были: Управляющій палатой Государственныхъ имуществъ А. А. Глушановскій, о которомъ мнѣ еще прійдется сказать нѣсколько словъ въ своемъ мѣстѣ, Генералъ А. А. Куцынскій, съ дѣтьми котораго мы брали уроки танцевъ, состоящій при Генералъ-Губернаторѣ, большой весельчакъ, Полковникъ Случановскій и проч. Кромѣ того у нихъ всегда бывали въ эти дни сестры хозяйки дома, вдова Генералъ-Лейтенанта К. И. Кусовникова, мужъ которой замѣстилъ дѣда моего Д. С. Есакова на комендантской должности въ Вильнѣ и Е. И. Глейнихъ, мужъ которой умеръ Генералъ-Маіоромъ въ отставкѣ въ Кіевѣ, гдѣ я у нихъ потомъ бывалъ и гдѣ они поселились подъ конецъ ихъ жизни вмѣстѣ съ овдовѣвшей М. И. Минквицъ. Сестеръ своихъ пережила Елисавета Ивановна Глейнихъ, скончавшаяся въ Кіевѣ въ 1898 году, оставивъ свой домъ въ этомъ городѣ племяннику своему Бѣлокопытову. Она была послѣдняя изъ старыхъ знакомыхъ нашихъ, знавшихъ моихъ родителей при жизни ихъ, и смерть ея была для меня какъ бы послѣднимъ связующимъ живымъ звеномъ съ ихъ памятью! Я узналъ о смерти ея при случайномъ проѣздѣ моемъ черезъ Кіевъ передъ Пасхой того года къ сестрѣ моей О. Е. Герике въ Кременчугъ и сильною грустью защемило у меня сердце при сознаніи, что не осталось болѣе никого изъ современнаго съ моими родителями поколѣнія—всѣ они и онѣ, одинъ за другимъ, сошли уже съ земнаго поприща и покоятся на разныхъ кладбищахъ въ мѣстахъ вѣчнаго ихъ упокоенія.... Тяжелое впечатлѣніе производитъ на меня особенно православное кладбище въ Вильнѣ, которое я посѣщаю каждый разъ при проѣздахъ моихъ черезъ этотъ городъ. Тамъ похоронены старые друзья и добрые знакомые наши, съ именами которыхъ воскресаютъ во мнѣ воспоминанія дѣтства, жизни въ родительскомъ домѣ и всего невозвратнаго прошлаго и, сильно взволнованный, покидаю я ограду этого Некрополя, за которой похоронена цѣлая эпоха изъ лучшей, *не грѣховной* части моей жизни!....

Какъ я уже сказалъ, у Минквицъ я встрѣчался съ очень многими общими знакомыми, а также съ представителями высшаго русскаго и польскаго общества тогдашней Вильны. Такъ я тамъ познакомился съ красавицами Г-жей

Минквицъ, однофамилецей моихъ добрыхъ хозяевъ, женой Генерала, бывшаго впослѣдствіи Командующимъ войсками кажется Харьковскаго военнаго Округа, Колобовой, урожденной Гельмерсомъ, Графомъ Де-Броель-Платеромъ, впослѣдствіи Оберъ-Гофмейстеромъ и Виленскимъ Губернскимъ Предводителемъ дворянства,—отецъ котораго былъ почетнымъ Попечителемъ нашего Института, поражавшій насъ тѣмъ, что на всѣхъ десяти пальцахъ своихъ рукъ носилъ постоянно перстни съ чудными бриллiантами,—и съ многими другими. Но что мнѣ доставляло особенное удовольствіе, это послѣобѣденныя прогулки по воскресеніямъ, которыя имѣлъ обыкновеніе совершать А. А. Куцынскій и въ которыхъ я его всегда сопровождалъ. Будучи человѣкомъ весьма начитаннымъ и библіоманомъ, А. А. былъ всегда въ курсѣ новыхъ русскихъ литературныхъ произведеній и наиболѣе выдающихся журнальныхъ статей, съ содержаніемъ которыхъ онъ охотно меня знакомилъ, присылая мнѣ ихъ въ Институтъ для прочтенія. Могу сказать, что зародившейся во мнѣ съ молоду и не покидавшей меня во всю жизнь страстью къ чтенію, я всецѣло обязанъ ему—онъ сумѣлъ развить во мнѣ вкусъ и любовь къ литературѣ и я не чувствовалъ пресыщенія въ чтеніи даже и тогда, когда мнѣ впослѣдствіи, по роду моихъ служебныхъ занятій, приходилось читать подчасъ запоемъ и безъ разбора всякаго содержанія и направленія произведенія отечественнаго и заграничнаго издательства.

Еженедѣльныя прогулки эти, въ которыхъ мы иногда очень далеко заходили, по извѣстнымъ живописностью своею окрестностямъ древней столицы Литвы, имѣли для меня еще и полезную сторону, укрѣпляя мое здоровье и физическое развитіе, такъ какъ сидѣніе въ теченіи цѣлой недѣли въ замкнутомъ учебномъ заведеніи, не могло не отражаться на томъ и на другомъ. И вотъ однажды, во время одной изъ такихъ прогулокъ по сосновымъ холмамъ, окружающихъ Антоколь, мы наткнулись на такую картину. Въ лѣсной чащѣ, въ оврагѣ, поросшемъ дикимъ кустарникомъ, ходилъ взадъ и впередъ страннаго вида, худощавый, средняго роста, человѣкъ. Онъ такъ былъ погруженъ въ свои мысли, что не видѣлъ того, что происходитъ вокругъ него и не замѣчалъ насъ. Мы остановились, всматриваясь въ этого оригинала.

— Это, сказалъ мнѣ шопотомъ А. А, разглядѣвъ загадочнаго субъекта, знаете-ли кто? Извѣстный поэтъ Эдвардъ Одынецъ. Я знакомъ съ нимъ, но не надо прерывать его творческаго настроенія—удалимся поскорѣй, чтобы онъ насъ не замѣтилъ.

Я зналъ Одынца по его произведеніямъ и особенно по его прекраснымъ переводамъ нѣкоторыхъ стихотвореній Пушкина и такая встрѣча съ нимъ, при столь необычайной обстановкѣ, не могла не подѣйствовать на мою юношескую впечатлительную натуру. Я не разъ послѣ того бѣгалъ къ знакомому мнѣ оврагу и прятался за кусты въ надеждѣ еще разъ увидѣть таинственнаго жреца Парнасса; и въ пылкомъ воображеніи моемъ я представлялъ себѣ его окруженнымъ Дріадами, Гамадріадами и Эльфами, озареннаго ореоломъ своей поэтической славы. Но никогда болѣе я его не встрѣчалъ. Онъ умеръ въ Вильнѣ въ 1865 году.

Тоска по отсутствующей родной семьѣ не покидала однако меня, не взирая на предоставляемыя мнѣ развлеченія моими добрыми покровителями. Я рвался на Антоколь къ нашему дому и въ Сапѣжинскій садъ, гдѣ каждая аллея, каждое дерево и кустъ напоминали мнѣ невозвратно минувшее, наши дѣтскія игры, весеннее возрожденіе природы, знакомое пѣніе птицъ и цвѣтеніе растеній. Я уклонялся отъ встрѣчъ съ бѣднымъ Рябчикомъ, который однажды, увидя меня, чуть не взбѣсился отъ радости, и я не зналъ какъ отдѣлаться отъ него. По разсказамъ новыхъ владѣльцевъ нашего дома, этотъ вѣрный песъ отчаянно и долго вылъ по отъѣздѣ бывшихъ его хозяевъ, пересталъ ѣсть и его нашли однажды мертвымъ въ палисадникѣ. Я считалъ дни и часы до наступленія слѣдующихъ лѣтнихъ каникулъ, когда я долженъ былъ ѣхать на свиданіе съ своими въ Москву и, утѣшая себя молитвой, очень часто ходилъ на церковныя служенія то въ Св. Троицкій, то въ Св. Духовскій монастыри. Въ послѣднемъ совершалъ по воскресеніямъ всегда раннюю обѣдню въ пещерной церкви, гдѣ покоятся мощи Литовскихъ мучениковъ Антонія, Іоанна и Евстафія, самъ знаменитый Митрополитъ Литовскій и Виленскій Іосифъ Сѣмашко. Его

я зналъ съ ранняго дѣтства моего и это побудило меня написать очеркъ его жизни, который и былъ напечатанъ на страницахъ „Русской Старины" въ Ноябрьской книжкѣ 1882 г. этого журнала. Привожу этотъ набросокъ здѣсь цѣликомъ, не исключая и тѣ примѣчанія къ нему отъ редакціи, которыя были сдѣланы ею по поводу помѣщенія его въ издаваемомъ ею журналѣ *).

Іосифъ Сѣмашко,

Митрополитъ Литовскій и Виленскій.

Въ небольшомъ разсказѣ моемъ изъ семейной хроники, помѣщенномъ въ „Русской Старинѣ", (изд. 1881 г., томъ XXXI, стр. 496—497), я упомянулъ о покойномъ митрополитѣ Литовскомъ и Виленскомъ Іосифѣ, извѣстномъ болѣе подъ фамиліей Сѣмашко. Это навело меня на мысль собрать въ одно цѣлое разрозненныя воспоминанія, сохранившіяся въ моей памяти, объ этомъ замѣчательномъ дѣятелѣ православной церкви, и занести ихъ на страницы того-же журнала, въ которомъ, сколько мнѣ помнится, мало было отведено мѣста, какъ и вообще во всей нашей печати, памяти заслуживающаго обстоятельнаго изслѣдованія іерарха. Я личо знавалъ въ ранней молодости моей покойнаго митрополита, бывалъ у него не разъ въ домѣ, и хотя съ тѣхъ поръ прошло не мало лѣтъ, но производимое на меня личностью его тогда впечатлѣніе не изгладилось и по сіе время... Представительная фигура его, съ лицемъ строгимъ и выразительнымъ, отчетливый, слегка пришепетывающій голосъ, совершаемое имъ богослуженіе, чинность и строгій порядокъ котораго мнѣ нигдѣ и никогда болѣе не встрѣчалось видѣть,—живо выдѣляются въ памяти моей изъ довольно отдаленнаго прошедшаго и представляются, какъ въ настоящемъ...

Высокопреосвященный Іосифъ, сколько мнѣ извѣстно, родился 25 Декабря 1798 года въ Кіевской губерніи, Липовецкаго уѣзда, въ деревнѣ Павловкѣ. Родители его были уніаты и принадлежали съ сельскому сословію. Въ ихъ родномъ селѣ находилась православная церковь, въ которую родители молодого Сѣмашко не ходили, но мать его, по разсказамъ его самого, вставая по утрамъ и выходя въ огородъ, всегда молилась на эту церковь и часто со слезами на глазахъ, что заставило его пожелать побывать въ ней и посмотрѣть—что тамъ въ ней дѣлается. На вопросъ его однажды —почему они туда не ходятъ молиться? ему отвѣчали, что то—де русская церковь, а у нихъ свой уніатскій костелъ. Не умѣя самъ себѣ объяснить почему, но его влекло въ эту запретную церковь и онъ сталъ украдкой ходить туда, а впослѣдствіи становился даже на клиросъ и помогалъ пѣть. Высшее образованіе свое онъ получилъ въ Виленской главной римско-уніатской школѣ, гдѣ кончилъ съ успѣхомъ науки и былъ назначенъ состоять, уже будучи уніатскимъ священникомъ, при бывшей тогда въ Петербургѣ римско-уніатской коллегіи.

Въ бытность свою въ Петербургѣ, онъ, однажды, проходя мимо Андреевской церкви, что на Васильевскомъ островѣ, зашелъ въ нее и вышелъ уже оттуда съ твердо-задуманнымъ намѣреніемъ принять со временемъ православіе. Его впечатлительную натуру поразила та случайность, что когда онъ вошелъ въ церковь, въ ней пѣли именно тотъ самый стихъ, который онъ впервые услышалъ, будучи еще ребенкомъ, въ православной деревенской церкви. Въ этомъ неожиданномъ совпаденіи онъ узрѣлъ какъ бы указаніе свыше и предначертаніе своей судьбы. Но принятіемъ лично православія онъ не могъ довольствоваться и говаривалъ: „что изъ того, что я приму православіе? надо, чтобы и все уніатство въ Литвѣ приняло православіе, и я достигну этого", и, какъ извѣстно, достигъ, будучи посвященъ въ православные епископы изъ уніатскихъ и увлекши за собой въ православіе всю свою паству, актомъ, подписаннымъ въ недѣлю православія 1839 года, на которомъ, при поднесеніи его императору Николаю, рукой послѣдняго 25-го Марта того-же года, въ день праздника Благовѣщенія, были начертаны слова: „благодарю Бога и принимаю".

Довѣріе къ нему и благорасположеніе императора Николая были безграничны, не взирая на всѣ происки и доносы на него со стороны католическаго духовенства и

*) Очеркъ жизни Митрополита Іосифа Сѣмашко былъ изданъ мною отдѣльно въ 1899 г. по случаю юбилейнаго празднества возсоединенія уніатовъ къ православію (1839—1899).

поляковъ. Не разъ получалъ онъ письма съ угрозами на его жизнь, на что не обращалъ никакого вниманія, говоря: „что изъ того, что я буду убитъ, лишь бы мои православные уніаты не были уничтожены, я же этимъ хорошо завершилъ бы свою карьеру“. Угрозы эти не всегда, однако, оставались пустыми, но иногда приводились и въ исполненіе. Такъ, напримѣръ, во время перечисленія города Ковно изъ уѣзднаго въ губернскій и учрежденія Ковенской губерніи, въ Іосифа, во время совершенія имъ по этому случаю торжественнаго богослуженія въ соборѣ, въ моментъ большого выхода, когда онъ принималъ отъ священника св. дары, неизвѣстно кѣмъ и откуда была пущена ядовитая стрѣла, вонзившаяся у самыхъ ногъ его. Нисколько не смутившись этимъ и, держа въ рукахъ чашу съ причастіемъ, онъ только указалъ глазами на стрѣлу протодіакону, который подобралъ ее и унесъ въ алтарь. Произведенное по этому поводу строгое слѣдствіе не открыло виновника, и случай этотъ такъ и остался неразъясненнымъ. Интриги противъ него дошли, наконецъ, до того, что самъ папа Григорій XVI жаловался на него Николаю Павловичу, когда послѣдній былъ въ Римѣ въ 1845 г. Жалоба состояла въ томъ, что онъ, Іосифъ, принуждаетъ даже католиковъ къ насильному переходу въ православіе, и что онъ велѣлъ держать какую-то монахиню въ кандалахъ и мучить, пока она, наконецъ, не согласилась принять православіе. Императоръ Николай обѣщалъ папѣ велѣть произвести слѣдствіе по этому поводу и о результатѣ его сообщить. Произведенное слѣдствіе привело, однако, къ неожиданному открытію. Оказалось, что въ лицѣ этой мученицы-монахини фигурировала какая-то французская кокотка, подкупленная ксендзами и эксплуатировавшая довѣрчивыхъ поляковъ, при помощи и пособничествѣ своего возлюбленнаго, доктора-поляка, разсказами о своихъ небывалыхъ мученіяхъ за вѣру и папу. Николай велѣлъ передать Григорію XVI о результатѣ слѣдствія и съ тѣхъ поръ уже ничто не могло поколебать его довѣрія къ Сѣмашкѣ.

Въ началѣ 1850-хъ годовъ, архіепископъ Іосифъ получилъ бѣлый клобукъ и былъ возведенъ съ санъ митрополита Литовскаго и Виленскаго. Хотя такой митрополіи не значится въ россійской іерархіи, но императоръ Николай сдѣлалъ Іосифа митрополитомъ безъ митрополіи, въ ознаменованіе

личныхъ заслугъ его для православной церкви. Это, сколько извѣстно, былъ одинъ изъ рѣдкихъ примѣровъ такого рода возведенія со времени учрежденія трехъ митрополій: Кіевской, Московской и Петербургской. Такимъ образомъ, Сѣмашко достигъ въ православной іерархіи высшаго сана, который не миновалъ бы его, безъ сомнѣнія, и въ томъ случаѣ, еслибы онъ оставался и въ уніатствѣ, будучи преданъ правительству и выдѣляясь своими превосходными качествами отъ остальныхъ своихъ единовѣрцевъ.

Какъ уже сказано, Сѣмашко увлекъ за собой въ православіе всю свою уніатскую паству, насчитывавшую около полтора милліона адептовъ. Ксендзы и поляки само собой разумѣется, никогда не могли простить ему такого отступничества отъ папизма, называли его ренегатомъ и протрубили на всю Европу о жестокихъ мѣрахъ, употребленныхъ имъ при переводѣ уніатовъ, о насиліяхъ его надъ ними, при чемъ, конечно, не были забыты казаки, кнутъ, жандармы и прочіе употребляемые въ подобныхъ случаяхъ въ иностранной журналистикѣ по отношенію къ Россіи аргументы и избитые пріемы. Не стану доподлинно утверждать, чтобы при тогдашнемъ режимѣ не были употреблены въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ и крутыя мѣры со стороны мѣстной власти и по иниціативѣ тогдашняго оберъ-прокурора Св. Синода графа Протасова, но во всякомъ случаѣ, Сѣмашко былъ тутъ не причемъ и дѣйствія его ограничивались лишь миссіонерскою ролью. Не взирая на всю его привязанность и доказанное имъ предпочтеніе православію онъ всегда отдавалъ должное уваженіе всякому религіозному убѣжденію и относился безпристрастно къ другимъ вѣроисповѣданіямъ, въ подтвержденіе чего можно привести нѣсколько примѣровъ. Такъ, напримѣръ, въ дни церковныхъ ходовъ на Іордань, на рѣку Вилію, когда приходилось проходить, въ предшествіи всего своего православнаго духовенства, мимо католическаго собора св. Станислава, митрополитъ Іосифъ, какъ теперь вижу, не останавливая хода, самъ всегда останавливался передъ дверьми этого храма и торжественно, при всемъ народѣ, крестился на костелъ три раза, что всегда производило на всѣхъ, безъ различія исповѣданія, большое впечатлѣніе. Съ митрополитомъ всѣхъ католическихъ церквей въ Россіи, Жилинскимъ, и съ

лютеранскимъ суперъ-интендентомъ Эвартомъ, онъ находился въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ и они посѣщали другъ-друга. Но что всего страннѣе было—это то, что духовникомъ его, до самой смерти послѣдняго, оставался уніатскій священникъ, фамилію котораго, къ сожалѣнію, не припомню.

Патеръ этотъ—о которомъ слѣдуетъ сказать нѣсколько отдѣльныхъ словъ—составлялъ въ нѣкоторомъ родѣ феноменальное являніе. Одинъ онъ изъ числа всего послѣдовавшаго за Сѣмашкой уніатскаго духовенства не перешелъ въ православіе и, сочувствуя вполнѣ православной вѣрѣ и своему духовному сыну, ни за что не соглашался измѣнить по принципу присягѣ своей папѣ. Оставшись одинъ уніатскимъ священникомъ безъ паствы, онъ не примкнулъ, однако, къ католикамъ, а пристроился въ Троицкомъ монастырѣ въ Вильнѣ, бывшемъ уніатскомъ, и многіе годы потомъ можно было видѣть его стоящимъ при богослуженіяхъ отдѣльно, на лѣвомъ клиросѣ, въ черной сутанѣ, бритымъ по образцу католическихъ ксендзовъ и горячо молящимся въ свой латинскій молитвенникъ. Всѣмъ было хорошо извѣстно, что этотъ уніатскій ксендзъ—исповѣдникъ православнаго митрополита Іосифа, и всѣ относились къ нему съ должнымъ уваженіемъ...

Патеръ этотъ скончался въ Вильнѣ и, сколько я знаю, похороненъ въ оградѣ Троицкаго монастыря, въ которомъ провелъ столько лѣтъ своей странной жизни.

Отличительными чертами характера покойнаго митрополита, выдѣляющими его въ нѣкоторой степени далеко передъ остальнымъ духовенствомъ, были: необыкновенная энергія въ преслѣдованіи намѣченной цѣли, прозорливость, мѣткость въ опредѣленіи людей и, надо сказать, честолюбіе. Энергію свою онъ доказалъ на дѣлѣ присоединеніемъ уніатовъ въ Литвѣ къ православной церкви. Что же касается до ума его, то безошибочно можно сказать, что еслибы онъ пошелъ по иной дорогѣ, а не по духовной, то, напримѣръ, въ дипломатической карьерѣ, могъ бы достигнуть еще болѣе виднаго положенія, чѣмъ въ духовной іерархіи. Онъ былъ по призванію политикъ и администраторъ и это отражалось не только во всѣхъ его дѣйствіяхъ по управленію епархіей и въ частныхъ сношеніяхъ, но и въ проповѣдяхъ,

которыя, не отличаясь глубокой богословской эрудиціей, всегда носили въ себѣ отпечатокъ политической тенденціи, принаровленной, конечно, только къ мѣстнымъ условіямъ и обстоятельствамъ. Этимъ характеромъ обратили на себя вниманіе особенно двѣ проповѣди, сказанныя имъ одна по поводу перехода уніатовъ въ православіе, другая на тему о происхожденіи иконы Остробрамской Божіей Матери, глубоко почитаемой во всей Литвѣ и находящейся на городскихъ виленскихъ воротахъ. Въ послѣдней, сказанной имъ въ табельный день, когда, кромѣ чиновничества, присутствовали на молебнѣ и маршалки (предводители дворянства), онъ исторически доказалъ, что икона эта православнаго происхожденія, и эту сенсаціонную проповѣдь свою онъ, обращаясь прямо къ г.г. маршалкамъ, заключилъ словами:

„Молитесь православной иконѣ—она теперь ваша, и да вразумитъ она васъ на доброе дѣло въ пользу Государя и Россіи".

Съ генералъ-губернаторами и прочими мѣстными властями у него была постоянная пикировка, и всѣ они боялись его, не исключая и всесильнаго въ свое время И. Г. Бибикова. Этотъ надменный генералъ, узнавъ однажды, что митрополитъ прислалъ соборнаго благочиннаго, протоіерея Гомилицкаго (тоже изъ уніатовъ; былъ женатъ на сестрѣ Сѣмашки) обревизовать „дворцовую" церковь, не велѣлъ давать ему ключей и приказалъ сказать, что онъ, генералъ-губернаторъ, у себя во дворцѣ самъ благочинный. Іосифъ не подалъ виду, что обидѣлся, но когда супруга этого генерала, возвратясь изъ поѣздки въ Петербургъ, привезла великолѣпныя четки и поднесла ихъ владыкѣ, онъ взялъ ихъ въ руку, полюбовался ими и, положивъ обратно въ футляръ, сказалъ, возвращая ихъ ей:

— „Отдайте эти прекрасныя четки вашему мужу—онѣ ему пригодятся, онъ вѣдь у меня благочинный"...

Замѣтивъ однажды во время богослуженія, что нѣкоторые изъ присутствующихъ генераловъ громко разговариваютъ и хохочатъ, онъ прервалъ чтеніе Евангелія до наступленія полной тишины, а по окончаніи службы, когда всѣ стали подходить ко кресту, не допустилъ одного изъ нихъ приложиться и отнялъ крестъ отъ него подъ самымъ

носомъ, сказавъ, что онъ не достоинъ приложиться къ нему. Въ другой разъ еще раньше, а именно въ Ковнѣ, послѣ описаннаго выше случая покушенія на его жизнь въ соборѣ, онъ, явясь по приглашенію гражданъ этого вновь учрежденнаго губернскаго города на торжественный по этому случаю обѣдъ, обратился къ тремъ главнымъ представителямъ власти въ краѣ, а именно: къ генералъ-губернатору, попечителю учебнаго округа и жандармскому генералу, съ внушительнымъ замѣчаніемъ по поводу неумѣнія ихъ держать себя въ церкви и громкаго между собой разговора. Генералъ-губернаторъ Мирковичъ промолчалъ; попечитель Груберъ извинился; но жандармскій генералъ, графъ Буксгевденъ, отнесся къ дѣлу иначе и, почтя подобное замѣчаніе обиднымъ для себя, съ запальчивостью спросилъ:

— „Какъ прикажете понимать ваше замѣчаніе, ваше высокопреосвященство, и долженъ-ли я объ немъ донести“?

— „Относительно донесенія, сказалъ спокойно Сѣмашко, не безпокойтесь: оно будетъ извѣстно раньше, чѣмъ вы соберетесь это сдѣлать“.

Послѣ возведенія его въ санъ митрополита, онъ окружилъ себя еще большимъ почетомъ и обставилъ совершаемыя имъ богослуженія особенною обрядностью, по установленію и примѣру кіевской каѳедры. Онъ, можно сказать, билъ на эффектъ, считая его необходимымъ для престижа православія въ сѣверо-западномъ краѣ, но въ сущности поддаваясь не мало и природному честолюбію своему. Хоръ его пѣвчихъ былъ однимъ изъ лучшихъ въ Россіи, духовенство отборное, а протодіаконъ такой, что о немъ, какъ о прекрасномъ протодіаконѣ, было доведено до свѣдѣнія Государя, для перевода его въ Петербургъ въ придворные. Николай приказалъ было перевести его, но узнавъ, что Іосифъ дорожитъ своимъ протодіакономъ и не желаетъ его уступить, сказалъ:

— „Оставьте ему его протодіакона: у прекраснаго Іосифа долженъ быть и прекрасный протодіаконъ“.

Протодіаконъ этотъ былъ, однако, переведенъ впослѣдствіи въ Аничковскій дворецъ.

Пристрастіе къ эффектамъ заставляло его иногда дѣйствовать въ ущербъ даже честолюбію. Такъ въ Крымскую компанію, во время прохожденія гвардіи черезъ Вильну, онъ,

по прибытіи Преображенскаго полка, пригласилъ всѣхъ офицеровъ этого полка съ командиромъ, гр. Барановымъ во главѣ, къ себѣ на чашку чаю. Въ серединѣ вечера, на которомъ были многія дамы и другія лица, къ нему подошелъ послушникъ и шепнулъ что-то на ухо. Тотчасъ-же, поднявшись съ мѣста и направляясь къ дверямъ, высокопреосвященный, обратясь къ присутствующимъ, сказалъ:

— „Извините,—ко мнѣ пріѣхала мать, и я долженъ ее встрѣтить“.

Всѣ встали и послѣдовали за нимъ. Спустившись съ лѣстницы, онъ встрѣтилъ у подъѣзда свою старушку мать, простую деревенскую женщину съ подвязаннымъ платкомъ на головѣ, поцѣловалъ ей руку и, поддерживая по лѣстницѣ, провелъ мимо всѣхъ въ свой кабинетъ, откуда вскорѣ возвратился и продолжалъ прерванную бесѣду. Была-ли эта эффектная сцена случайною, или желалъ этимъ митрополитъ Іосифъ показать передъ цвѣтомъ петербургской молодежи свое пастырское смиреніе—остается неизвѣстнымъ.

Кстати. Родители его приняли впослѣдствіи также православіе, а отецъ былъ даже священникомъ въ Лидскомъ уѣздѣ, и императоръ Николай, во вниманіе къ заслугамъ сына, наградилъ престарѣлаго отца рѣдкой въ то время для простого священника наградой. Въ спискѣ священниковъ, представленныхъ Іосифомъ къ наградѣ по епархіи, противъ имени отца своего имъ было оставлено пустое мѣсто, безъ обозначенія награды, на которомъ рукой Государя было написано:

„Наперсный крестъ, драгоцѣнными каменьями украшенный“.

Мнѣ не разъ случалось присутствовать при архіерейскомъ служеніи, на которомъ старикъ этотъ участвовалъ наравнѣ съ прочими священниками и видѣть, какъ онъ, согласно уставу, цѣловалъ руку у сына-владыки и какъ тотъ, въ свою очередь, отвѣчалъ ему всегда тѣмъ-же.

Эпизодъ встрѣчи митрополита Іосифа съ императоромъ Николаемъ, когда послѣдній проѣзжалъ черезъ Вильну, мнѣ также памятенъ. Сѣмашко во главѣ всего своего духовенства встрѣтилъ царя съ крестомъ въ рукахъ на папертиі соборной церкви Св. Николая. Императоръ приложился ко кресту, поцѣловалъ руку митрополита и вошелъ въ церковь. По

окончанiи молебна, Iосифъ вышелъ изъ алтаря, подошелъ къ императору и, поддерживая его подъ локоть правой руки, подвелъ къ выстроеннымъ по обѣ стороны близъ клиросовъ воспитанниковъ семинарiи и духовнаго училища и, указавъ на нихъ рукой, представилъ Государю этихъ юношей, какъ будущихъ православныхъ пастырей въ Литвѣ.

Относительно мѣткости его въ опредѣленiи людей, находчивости и пониманiя ксендзовскихъ и иныхъ всякихъ происковъ, которыми постоянно его окружали и желали захватить, какъ въ сѣти, но всегда безуспѣшно, можно сказать, онъ не имѣлъ соперниковъ, и эта черта его характера ставила его высоко и составляла его особенность. Какъ доказательство его знанiя людей и умѣнiя опредѣлять ихъ безошибочно, достаточно привести слѣдующiй случай, заимствованный мной отъ преосвященнаго Платона, впослѣдствiи архiепископа Одесскаго и Херсонскаго и митрополита Кiевскаго и Галицкаго, бывшаго въ ту пору Архимандритомъ Свято-духовскаго монастыря въ Вильнѣ.

Когда, для пополненiя братiи ввѣреннаго ему монастыря, были выписаны изъ Костромы нѣсколько человѣкъ монаховъ, то послѣ литургiи, совершенной Iосифомъ въ монастырѣ, Платонъ представилъ ихъ ему въ своей кельѣ. Сѣмашко поговорилъ съ каждымъ изъ нихъ, а на другой день потребовалъ къ себѣ Архимандрита и сталъ подробно разспрашивать о нихъ. Платонъ, насколько успѣлъ узнать ихъ въ столь короткое время, сдѣлалъ ихъ характеристику. Iосифъ слушалъ его, большею частью соглашался съ нимъ въ опредѣленiи этихъ личностей, но на счетъ одного изъ нихъ заспорилъ и высказалъ о немъ дiаметрально противоположное мнѣнiе. Архимандритъ не могъ не выразить удивленiя своего по этому поводу, но по прошествiи нѣкотораго времени убѣдился, что преосвященный былъ правъ. Когда впослѣдствiи онъ, при случаѣ, спросилъ его, какъ это онъ могъ такъ вѣрно опредѣлить этихъ монаховъ и въ особенности того одного, котораго такъ мѣтко охарактеризовалъ, видя ихъ всѣхъ въ первый разъ и мало поговоривъ съ ними, Сѣмашко улыбнулся и сказалъ:

— „Поживи-ка съ-мое, да пройди чрезъ тѣ трубы, чрезъ которыя я прошелъ, такъ узнаешь людей не хуже меня“.

За нѣсколько лѣтъ до своей смерти, митрополитъ Iосифъ приказалъ перестроить пещеру, въ которой почи-

ваютъ въ Свято-духовскомъ монастырѣ въ Вильнѣ первые литовскiе мученики: Антонiй, Iоаннъ и Ефстафiй и подъ ихъ ракой, въ землѣ, приготовилъ себѣ гробницу, гдѣ и похороненъ. Въ этой пещерной церкви онъ имѣлъ обыкновенiе совершать по воскресенiямъ раннюю обѣдню, безъ той, однако, торжественности, которою сопровождалась его служба вообще, особенно отличавшаяся этимъ въ великiй четвергъ при исполненiи обряда омовенiя ногъ и вечеромъ во время чтенiя двѣнадцати Евангелiй. Тутъ онъ совершалъ литургiю въ сослуженiи только двухъ монаховъ, своего протодiакона и при пѣнiи четырехъ лучшихъ голосовъ своей пѣвческой капеллы.

По завѣщанiю покойнаго митрополита, скончавшагося въ Вильнѣ 23-го Ноября 1868 г., на 72-мъ году отъ рожденiя, всѣ имѣющiяся у него вещи были розданы на память о немъ всѣмъ его знакомымъ, а бриллiантовый крестъ на клобукѣ, таковая же панагiя и алмазные знаки Андрея Первозваннаго обращены въ капиталъ и отданы на стипендiи въ духовныя училища.

Не претендуя на строго бiографическую точность настоящаго наброска, составленнаго по сохранившимся въ памяти отрывочнымъ воспоминанiямъ, я считаю умѣстнымъ дополнить его указанiемъ на появленiе въ скоромъ времени въ свѣтъ изданiя академiи наукъ собственныхъ, автобiографическихъ, записокъ достопамятнаго архипастыря, изъ которыхъ интересная личность этого выдающагося дѣятеля царствованiя императора Николая I-го выяснится ярче и по которымъ провѣрка всякихъ противорѣчивыхъ свѣдѣнiй о его миссiонерской и святительской дѣятельности окажется доступной и возможной.

Въ настоящее время упомянутыя воспоминанiя уже вышли въ свѣтъ. Онѣ изданы Императорск. Академiею Наукъ въ 1883 г. въ трехъ обширныхъ томахъ подъ слѣдующимъ заглавiемъ: „Записки Iосифа Митрополита Литовскаго, изданныя Императорскою Академiею Наукъ по завѣщанiю автора“. На изданiе ихъ покойнымъ iерархомъ была оставлена извѣстная сумма денегъ Академiи, почетнымъ членомъ которой онъ состоялъ при жизни, и воля завѣщателя была приведена въ исполненiе по истеченiи двѣнадцати лѣтъ послѣ его смерти. Бумаги и записки его были сложены въ одномъ

небольшомъ дубоваго дерева сундукѣ, опечатанномъ его печатью и надписанномъ наверху: „Бумаги принадлежащія собственно Митрополиту Литовскому Іосифу“. Всѣ подлинныя рукописи этихъ записокъ и приложенія къ нимъ, по окончаніи печатанія ихъ, снова вложены въ тотъ-же сундукъ для храненія ихъ на вѣчныя времена въ Академіи.

Кромѣ означенной автобіографіи. русская историческая литература имѣетъ въ данное время обстоятельное изслѣдованіе въ обширной и превосходной монографіи объ І. Сѣмашко, составленной графомъ Д. А. Толстымъ, и первоначально напечатанной имъ въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“, а затѣмъ выпущенной отдѣльными оттисками.—По свидѣтельству автора этой монографіи, близко знавшаго Митрополита Іосифа Сѣмашко, въ настоящемъ очеркѣ моемъ „личность Митрополита охарактеризована весьма вѣрно“. (См. Рус. Старину, Ноябрь 1882 г., въ примѣчаніи редакціи).

Посѣщая въ праздничные дни домъ Минквицъ, я не пренебрегалъ также приглашеніемъ, сдѣланнымъ мнѣ Назимовыми и являлся къ нимъ довольно часто во дворецъ, гдѣ иногда и ночевалъ наканунѣ праздниковъ, въ смежной комнатѣ съ кабинетомъ этого почтеннаго и мягкосердечнаго начальника сѣверо-западнаго края.

Генералъ-Губернаторскій дворецъ, и по нынѣ существующій въ Вильнѣ въ томъ видѣ какъ я зналъ его въ школьные годы моей жизни, имѣетъ свое историческое прошлое и извѣстенъ тѣмъ, что въ немъ имѣлъ свою квартиру Наполеонъ I во время похода его черезъ Вильну на Москву, а передъ прибытіемъ его въ Вильно, въ этомъ-же дворцѣ находился Александръ I. Дворецъ этотъ отличается обширностью и роскошью убранства своихъ залъ и жилыхъ помѣщеній, расположенныхъ въ двухъ этажахъ его зданія. Въ немъ также имѣется домашняя церковь, служившая походною церковью для Александра I въ компаніи 1812 года, въ 1912 году перевезенная въ Москву въ музей, основанный въ Кремлѣ въ память столѣтней годовщины отечественной войны, и къ нему примыкаетъ довольно большой садъ. Все внутреннее расположеніе комнатъ съ старинною мебелью и

люстрами этого стараго дворца, всѣ углы и закоулки его мнѣ хорошо знакомы, такъ какъ я не только гостилъ въ немъ въ качествѣ школьника въ отпуску, но онъ былъ и нѣмымъ свидѣтелемъ моего перваго юношески-невиннаго увлеченія...

У покойнаго Владиміра Ивановича Назимова были три дочери и сынъ, умершій молодымъ уланскимъ офицеромъ. Послѣдняго я мало зналъ, такъ какъ въ то время, когда я учился въ Институтѣ, онъ находился въ Петербургѣ въ Пажескомъ корпусѣ, изрѣдка наѣзжая къ своимъ родителямъ въ Вильну. За то съ сестрами его я былъ хорошо знакомъ, бывая, какъ я уже сказалъ, довольно часто у нихъ въ домѣ и не разъ танцуя съ ними на дѣтскихъ вечерахъ, устраиваемыхъ для нихъ ихъ родителями. Изъ нихъ вторая, дѣвочка лѣтъ 15, съ голубыми глазами и пепельнаго цвѣта волосами, была прелестна и напоминала свою мать, женщину рѣдкой красоты.

Я какъ теперь вижу эту милую дѣвочку въ живой картинѣ, въ которой принимали участіе всѣ Виленскія красавицы изъ польской знати, на одномъ изъ большихъ баловъ, часто даваемыхъ ея отцомъ. Картина эта изображала букетъ цвѣтовъ, въ которомъ каждая участвовавшая въ ней была наряжена въ костюмъ цвѣтка, ею изображаемаго, а надъ всѣми ими, въ облакахъ, виднѣлась утренняя звѣзда и это была она—предметъ моихъ воздыханій! Съ распущенными волосами, съ бриллiантовой звѣздой на головѣ и съ длиннымъ голубымъ шлейфомъ, теряющимся въ бѣлыхъ облакахъ, она, словно комета, возносилась надъ всѣми ими, превосходя ихъ всѣхъ своей ангелоподобной красотой. Мнѣ было тогда 18 лѣтъ и не удивительно поэтому, что „чудное видѣніе“ оставило во мнѣ неизгладимое впечатлѣніе и я долго не могъ прійти въ себя, преслѣдуемый имъ. Я совсѣмъ потерялъ было голову и не разъ послѣ того бѣгалъ изъ Института, чтобы бродить около дворца, поглядывая на окно классной комнаты, откуда иногда выглядывали ея сестры и гувернантки, надѣясь увидѣть и ея Грёзовскую головку, и когда это случалось, то трепеталъ отъ блаженства юношеской любви! Безпредѣльна была моя радость, когда однажды, послѣ одного изъ дѣтскихъ баловъ у нихъ, я засталъ въ моей трехуголкѣ ея розовыя перчатки. Я запряталъ ихъ въ боковой карманъ

моего мундира у сердца и долго цѣловалъ ихъ, не смыкая глазъ въ ту ночь на моей постели въ дортуарѣ Института. Но на этомъ вещественномъ доказательствѣ нашихъ невещественныхъ отношеній и ограничился нашъ весенній романъ: стоглазыя англичанки, француженки и нѣмки, слѣдящія какъ церберы за своими питомицами, не дали ему развиться по влеченію пылкаго юнаго сердца и онъ увы! остался недоконченнымъ и безъ развязки...

Время между тѣмъ подвигалось къ окончанію курса и выпуска изъ Института. Я напрягалъ всѣ усилія, чтобы съ честью выйти изъ экзаменаціонныхъ испытаній, что не мѣшало мнѣ однако замѣчать то, что вокругъ меня происходило какъ въ самомъ Институтѣ нашемъ, такъ и въ городской жизни. Нѣкоторые товарищи мои изъ поляковъ стали видимо избѣгать насъ, русскихъ, шушукаясь между собой и зачастили посѣщеніями своими нашего преподавателя естественныхъ наукъ Вацлава Пршибыльскаго, пользовавшагося казенной квартирой въ зданіи Института, куда также стали заглядывать какіе-то незнакомцы разнаго вида. Вскорѣ весь городъ заговорилъ о публичныхъ лекціяхъ этого естественника и я, слѣдуя общему примѣру, сталъ также посѣщать ихъ.

Лекціи эти происходили въ Зоологическомъ музеѣ стараго зданія Университета и читалъ ихъ нашъ ловкій профессоръ съ большимъ паѳосомъ и увлеченіемъ. Но въ своихъ изложеніяхъ онъ мало касался предмета чтенія, а болѣе распространялся о побочныхъ, неотносящихся къ дѣлу описаніяхъ и сказаніяхъ. Такъ, напримѣръ, когда онъ говорилъ о совѣ или аистѣ, чучелы которыхъ находились тутъ-же въ стеклянныхъ шкафахъ, онъ только въ общихъ чертахъ касался опредѣленія видовъ и породы этихъ пернатыхъ и, наоборотъ, подробно останавливался на ихъ гнѣздовищахъ, находящихся, какъ извѣстно, по преимуществу, въ развалинахъ замковъ, башняхъ и вообще около человѣческихъ жилищъ. Тутъ фантазія лектора заносила его далеко за предѣлы предмета его лекціи и онъ возстановливалъ на руинахъ замковъ польскихъ магнатовъ все историческое прошлое ихъ родовъ и подвиговъ на благо крулевства съ нераздѣльнымъ съ нимъ княжествомъ Литовскимъ. Талантливо описываемыя имъ картины прошлаго

величія, смѣнялись въ его чтеніи одна за другой какъ въ панорамѣ, унося воображеніе слушателя въ утерянное господство и вызывая шумныя оваціи лектору все болѣе и болѣе переполнявшейся слушателями аудиторіей его. Оваціи эти иногда переходили на улицу и ихъ не могли не замѣчать обитатели генералъ-губернаторскаго дворца, находящагося какъ разъ насупротивъ зданія, гдѣ все сказанное происходило. Но смѣлый лекторъ нашъ не смущался этимъ и продолжалъ вести задуманное имъ на проломъ. Вскорѣ онъ втерся чрезъ окружающихъ В. И. Назимова въ знакомство съ его семействомъ, получалъ частыя приглашенія во дворецъ и я не разъ видѣлъ его въ генералъ-губернаторской ложѣ въ городскомъ театрѣ.

Чтобы понять возможность этого, надо сказать, что такое благоволеніе къ Пршибыльскому не являлось исключительнымъ со стороны Назимовыхъ, двери которыхъ были широко и гостепріимно открыты всѣмъ, желавшимъ съ ними познакомиться и сблизиться, полякамъ. Особенною любезностью и вниманіемъ къ нимъ отличалась Анастасія Александровна, у ногъ которой были всѣ Виленскіе великосвѣтскіе паны, какъ напримѣръ Графы Тышкевичи, Плятеры, Князья Четвертинскіе, Огинскіе, г.г. Незабитовскіе, Лопацинскіе и многіе другіе. Всѣ они казались по виду преданными правительству и на перерывъ льстили и заискивали у Назимовыхъ.

Въ интересныхъ запискахъ И. А. Никотина, помѣщенныхъ уже послѣ его смерти въ „Русской Старинѣ" 1902 и 1904 г.г., эти отношенія представителей польскаго общества какъ къ самому В. И. Назимову, такъ и къ его семейству, а также послѣднихъ къ первымъ, весьма вѣрно охарактеризованы. Лично знакомый мнѣ авторъ ихъ, состоя чиновникомъ особыхъ порученій при Назимовѣ, а впослѣдствіи правителемъ Генералъ-Губернаторской Канцеляріи, имѣлъ возможность близко познать положеніе дѣлъ въ сѣверо-западномъ краѣ какъ до послѣдовавшаго въ 1863 году повстанія, такъ и во время самаго разгара его, переживъ его въ самой Вильнѣ. Воспоминанія его объ этой эпохѣ, какъ служащаго и стоящаго у самаго дѣла лица, не могутъ конечно идти въ сравненіи съ моими юношескими воспоминаніями, касающимися только времени предшествующему

возстанію. Но какъ и онъ, такъ и я, не взирая на молодость моихъ лѣтъ, оба мы, чуяли одинаково въ атмосферѣ надвигающуюся грозу, хотя я и не могъ въ ту пору ясно представить себѣ ея значеніе и опредѣлить время ея разряженія.

Одинъ только добродушный и мягкосердечный начальникъ края, вмѣстѣ съ своею супругою, какъ свидѣтельствуетъ о томъ Никотинъ, ничего не замѣчалъ и продолжалъ якшаться съ польской аристократіей. На сколько Назимовъ въ этомъ отношеніи былъ слѣпъ, доказываетъ уже приведенный мною фактъ попустительства его лекціямъ Пршибыльскаго, замыселъ которыхъ не могъ оставаться тайной для мѣстной администраціи; но кромѣ того, я могу привести еще болѣе яркій примѣръ недальновидности этого Генерала, какъ нельзя болѣе подтверждающій мнѣніе о немъ Никотина и въ то-же время рисующій ту картину броженія умовъ, въ которой находилась Вильна почти наканунѣ повсемѣстнаго возстанія въ Царствѣ Польскомъ и Литовскомъ краѣ.

Въ Вильнѣ въ то время былъ только одинъ театръ, который и по сіе время существуетъ въ зданіи ратуши, на площади у главной улицы. Въ немъ давали представленія двѣ трупы: одна драматическая, другая оперная. Обѣ онѣ подвизались на польскомъ языкѣ, хотя въ первой были актеры, которые хорошо говорили по русски и ими изрѣдка исполнялись водевили и небольшія комедіи на государственномъ языкѣ. Между ними были выдающіеся артисты, какъ напримѣръ, Домбровскій, Малевскій, Суревичъ и актриса Пацевичъ. Помнится мнѣ, что первой театральной пьесой, которую мнѣ въ жизни пришлось видѣть, былъ старинный водевиль на русскомъ языкѣ „Стряпчій подъ столомъ", прекрасно исполненный двумя первыми изъ поименованныхъ актеровъ. Въ свою очередь и опера имѣла достойныхъ исполнителей, въ числѣ которыхъ отличались своими голосами—сопрано Ростовская и красавецъ теноръ Зелингеръ. И вотъ однажды, когда я былъ уже въ послѣднемъ классѣ Института, слѣдовательно незадолго до отъѣзда моего изъ Вильны, я обѣдалъ у Назимовыхъ. Послѣ обѣда Владиміръ Ивановичъ, всегда ласковый съ молодежью, объявилъ мнѣ, что возьметъ меня съ собой въ театръ, гдѣ въ тотъ вечеръ давали оперу „Фенеллу" или „Нѣмую изъ Портичи", при особенной обстановкѣ, съ декораціей изверженія Везувія, написанной извѣстнымъ польскимъ художникомъ Жаметтомъ. Я разумѣется былъ радъ такому приглашенію и вскорѣ очутился рядомъ съ его Высокопревосходительствомъ въ его Генералъ-Губернаторской ложѣ.

Извѣстенъ тотъ историческій фактъ, что эта опера Обера въ 1830 г. вызвала отторженіе Бельгіи отъ Голландіи: послѣ представленія ее въ Брюсселѣ, возбужденная подъ вліяніемъ ея сюжета публика, выбѣжала изъ театра и, соединившись съ уличной толпой, произвела означенный переворотъ. Кто видѣлъ эту оперу и знакомъ съ ея содержаніемъ не найдетъ въ этомъ ничего удивительнаго. Въ послѣднемъ дѣйствіи ея, толпы Неаполитанскихъ рыбаковъ и лаццарони подымаютъ знамя бунта и, вооружившись топорами и ножами, бѣгутъ подъ предводительствомъ своего главаря, рыбака Мазаніелло, съ криками alle armi! alle armi! на своихъ притѣснителей, представителей власти. И надо отдать справедливость Мазаніелли—Зелингеру, онъ мастерски провелъ свою роль, и въ тотъ моментъ, когда онъ въ головѣ разъяренной Неаполитанской черни кидается съ нею на авансцену, озаренный краснымъ отблескомъ произведенія Жаметта огнедышащимъ Везувіемъ въ глубинѣ ея и, высоко потрясая топоромъ въ рукѣ, кричитъ „do broni! do broni!" весь театръ, какъ одинъ человѣкъ, поднялся съ своихъ мѣстъ и неистово сталъ апплодировать ему...

Изъ ложи моей я замѣтилъ въ рядахъ креселъ многихъ изъ тѣхъ товарищей моихъ, которые потомъ пали жертвой повстанія и которые теперь неимовѣрно усердствовали, и я самъ, въ наивномъ невѣдѣніи моемъ, горячо апплодировалъ исполнителямъ, подмываемый примѣромъ высокопоставленнаго хозяина ложи, который въ увлеченіи своемъ очевидно столь-же понималъ, какъ и я, настоящую подкладку всей этой демонстраціи. Мало того: онъ послалъ находящагося съ нами въ ложѣ Адъютанта своего за Директоромъ театра, состоявшимъ при немъ полковникомъ изъ поляковъ, Абрамовичемъ, и выразилъ ему свое удовольствіе и благодарность за прекрасное исполненіе и постановку Фенеллы, въ театрѣ—добавляю я отъ себя,—субсидируемомъ правительствомъ.

До чего было велико заблужденіе и непониманіе Назимова того, что вокругъ него творится, приведу здѣсь слѣ-

дующее мѣсто изъ записокъ И. А. Никотина, гдѣ онъ описываетъ пріемъ мѣстнаго дворянства Александромъ II во время пребыванія его въ Вильнѣ 6 — 8 числа Сентября 1858 г., когда онъ посѣтилъ также и нашъ Институтъ:

„Наступила торжественная минута. Государь Императоръ въ сопровожденіи Генералъ-Губернатора В. И. Назимова и нѣсколькихъ лицъ изъ своей свиты, въ десять часовъ утра, изволилъ выйти изъ внутреннихъ покоевъ въ пріемный залъ и былъ привѣтствованъ восторженными криками троекратнаго ура!, которое повторялось во дворѣ безчисленнымъ множествомъ дамъ, ожидавшихъ выѣзда Государя и тысячными толпами народа, тѣснившагося въ праздничныхъ одеждахъ вокругъ дворца. Погода стояла великолѣпная, вполнѣ соотвѣтствовавшая величію торжества. Обойдя залъ и осчастлививъ многихъ изъ присутствующихъ милостивыми словами, Государь Императоръ, лицо котораго сіяло величіемъ и добротою, остановясь посрединѣ зала, подалъ знакъ рукою ко вниманію и затѣмъ громкимъ голосомъ произнесъ слѣдующія незабвенныя слова:

— Господа, я пріѣхалъ сюда благодарить за высказанную вами готовность помочь мнѣ въ дѣлѣ крестьянской реформы. Могу-ли я на васъ положиться во всемъ? Забыто-ли вами все прошлое?...

Голосъ Государя задрожалъ отъ внутренняго чувства и драгоцѣнная слеза заблистала на его рѣсницахъ. Въ то самое мгновеніе, когда всѣ присутствовавшіе съ напряженнымъ еще вниманіемъ благоговѣнно прислушивались къ только что произнесеннымъ словамъ, Генералъ-Губернаторъ В. И. Назимовъ въ порывѣ восторга, приподнявши руку, громогласно воскликнулъ въ отвѣтъ:

— Государь! клянусь тебѣ моею головою, головами жены и моихъ дѣтей, что это твои самые лучшіе вѣрноподданные!

Громкое восторженное ура! грянувшее по залѣ за этими словами любимаго поляками начальника, снова раскатилось тысячнымъ эхомъ около дворца. Высочайшій пріемъ былъ оконченъ. Императоръ тѣмъ-же порядкомъ изволилъ возвратиться во внутренніе покои. Представлявшіеся дворяне обезумѣли отъ восторга, пошли обниманія, цѣлованія и поздравленія...

— Вотъ такъ Государь! Намъ такого и надобно,—слышалось повсюду, хотя и на польскомъ нарѣчіи.

Казалось, что прежняя сильная ненависть поляковъ къ русскимъ навѣки погребена въ этотъ исторически многознаменательный день... Но, увы! Это только такъ казалось"...

И это происходило въ то время, когда за порогомъ, въ глубокой тайнѣ, все было уже готово къ поголовному возстанію, ждавшему только условленнаго сигнала отъ *ржонда*, чтобы развернуть кровавое знамя свое по всей нашей западной окраинѣ! Благодарю Бога, что мнѣ не привелось быть свидѣтелемъ послѣдовавшихъ послѣ отъѣзда моего изъ Вильны ужасныхъ событій.

Получивъ аттестатъ объ окончаніи курса ученія въ Виленскомъ Дворянскомъ Институтѣ, я распростился со всѣми добрыми знакомыми, съ наставниками и товарищами моими. Желая сдѣлать пріятный сюрпризъ родителямъ моимъ, я не хотѣлъ сообщать имъ до личнаго свиданія съ ними о благополучномъ исходѣ моихъ выпускныхъ экзаменовъ, но добрѣйшая М. И. Минквицъ воспротивилась этому, не безъ основанія находя, что неизвѣстностью о моей участи я причиню имъ большое безпокойство и отправила матери моей письмо съ радостною вѣстію.

Нарядившись щеголемъ въ статское платье, я явился къ Назимовымъ въ ихъ лѣтнюю Генералъ-Губернаторскую резиденцію „Звѣринецъ" и тутъ, сопутствуемый ихъ благопожеланіями, простился съ ними и съ милымъ предметомъ моей первой любви, съ которымъ никогда уже болѣе не пришлось видѣться...

Съ товарищами моими и учителями я распростился на устроенной нами пирушкѣ въ бывшемъ тогда Закретскомъ лѣсу, на возвышенномъ и живописномъ берегу рѣки Виліи увеселительномъ вокзалѣ, куда были приглашены нами также всѣ наши наставники, съ которыми мы ѣли, пили и плясали до разсвѣта *). Помню,

*) Въ настоящее время нѣтъ и слѣда этого вокзала, да и самъ Закретскій лѣсъ утратилъ прежнюю прелесть свою и доступность для всѣхъ, отданный городомъ арендатору, который отгородилъ его заборомъ и воротами при входѣ въ него.

что моей дамой въ танцахъ былъ милѣйшій мистеръ Чизенъ, съ которымъ я продѣлывалъ комическія антраша, вызывая смѣхъ во всей веселой компаніи. Предавался также веселію на этомъ пиру и ехидный естественникъ нашъ Пршибыльскій, котораго годъ спустя я встрѣтилъ случайно въ Петербургѣ на Невскомъ проспектѣ. Увидя меня онъ сжалъ меня въ своихъ объятіяхъ и тутъ-же посвятилъ въ постигшее его злоключеніе.

— Представь себѣ, дорогой Е., говорилъ онъ мнѣ съ негодованіемъ, что со мной сдѣлали—меня сослали на жительство въ Вологду! Меня, благонадежнѣйшаго и невиннѣйшаго человѣка въ мірѣ ни съ того, ни съ сего, вдругъ заподозрили въ какихъ-то революціонныхъ замыслахъ и выслали изъ Вильны въ Вологду, куда я теперь и ѣду! Ты знаешь меня, ну похожъ-ли я на революціонера, а?!

По простодушію своему я повѣрилъ ему и выразилъ искреннее негодованіе на произволъ и беззаконіе нашей административной власти, а вскорѣ послѣ этой встрѣчи съ нимъ, уже по вступленіи Гр. Муравьева въ управленіе сѣверо-западнымъ краемъ, я узналъ изъ газетъ, что „бѣжавшій изъ г. Вологды за-границу Вацлавъ Пршибыльскій, бывшій учитель Виленскаго Дворянскаго Института, приговоренъ заочно къ повѣшенію за участіе его въ *ржондѣ* Польскомъ въ качествѣ Министра прессы и какъ одинъ изъ главныхъ главарей повстанія“... Каковъ, однако, ловкачъ и какъ онъ хитро сумѣлъ провести не только меня, юнца, но и тѣхъ зрѣлыхъ возрастомъ лицъ, которые стояли въ то время во главѣ правительственной власти въ Вильнѣ!..

III.

1860—1862 г.г.

Мое, первое путешествіе по Днѣпру и знакомство на пароходѣ. Имѣніе моей тётки м. Озёры, Полтавской губерніи; тогдашняя помѣщичья жизнь и картинки крѣпостничества. Кіевскій Университетъ. Угрожавшій моей жизни дорожный инцидентъ. Обнародованіе манифеста 19 февраля 1861 г. Непріятная дорожная встрѣча. Петербургскій Университетъ и студенческіе безпорядки 1861 года. Закрытіе Университета и публичныя лекціи Петербургскихъ профессоровъ. Мой либерализмъ и рѣшеніе поступить на службу.

Найдя себѣ попутчика въ лицѣ знакомаго моего Полковника Коптева, собиравшагося ѣхать по одному со мной направленію на югъ, въ г. Житоміръ, со своею молоденькой и миловидной дочерью, я въ началѣ Іюня 1860 года выѣхалъ вмѣстѣ съ ними изъ Вильны.

До Кіева ѣхали мы вмѣстѣ въ четырехмѣстномъ тарантасѣ, но тутъ мы разстались—они отправились далѣе по Житомирскому шоссе, а я сѣлъ на пароходъ, чтобы по теченію Днѣпра идти въ Кременчугъ, гдѣ тогда уже отецъ мой былъ переведенъ изъ Москвы и занималъ должность Начальника строительной части южныхъ военныхъ поселеній. Побывавъ всего разъ у родителей моихъ въ Москвѣ со времени ихъ отъѣзда изъ Вильны, я, само-собой разумѣется, горѣлъ нетерпѣніемъ попасть поскорѣй въ родную семью, а потому въ Кіевѣ, въ который мнѣ пришлось возвратиться осенью для поступленія въ Университетъ, я провелъ всего нѣсколько часовъ.

Съ палубы парохода любовался я чудной панорамой матери Русскихъ городовъ и особенно той частью ея, гдѣ находится Лавра съ массою ея позлащенныхъ куполовъ и

колоколенъ, представляющихъ картину словно изъ сказочнаго міра Шехерезады. Когда наступилъ вечеръ и я снова вышелъ на палубу нашего парохода, то представившаяся мнѣ новая картина, освѣщенная свѣтомъ взошедшей луны, привела меня въ полный восторгъ. Тотъ, кто не видѣлъ Днѣпра въ весеннее время его разлива, когда онъ, расправляя свои окоченѣлые за зиму члены, захватываетъ своими водами безбрежное какъ море пространство, когда на немъ все оживаетъ воскресшею новою жизнею и когда изъ рощей его островов, зарослей и заливовъ разносится по всему пространству пѣніе всего населяющаго его пернатаго царства, надъ которымъ неумолчнымъ щелканіемъ и переливаніемъ на всѣ лады слышится пѣніе „пѣвца любви",—тотъ не можетъ составить себѣ представленія о чарующемъ впечатлѣніи этой дивной картины ожившей природы! Подъ впечатлѣніемъ ея, благополучнаго окончанія курса ученія и въ ожиданіи скорой и радостной встрѣчи со своими, я, въ порывѣ восторга и юношеской экспансивности, не выдержалъ и, обращаясь къ господину приличнаго вида, съ которымъ только что передъ тѣмъ познакомился въ пассажирской каютѣ и которому успѣлъ выложить все о себѣ, съ чувствомъ воскликнулъ:

— Какъ я счастливъ! мнѣ кажется, что болѣе счастливаго человѣка, какъ я въ эту минуту, не можетъ быть на свѣтѣ!

— А вотъ вы и ошибаетесь, молодой человѣкъ, сказалъ мнѣ на это съ снисходительной улыбкою мой спутникъ. Я считаю себя счастливѣе васъ—я ѣду къ моей невѣстѣ, жениться! И тутъ-же добавилъ: вотъ видите, какъ все на свѣтѣ бываетъ относительно и какъ никогда нельзя съ увѣренностію сказать о себѣ, что я счастливѣе и несчастнѣе другихъ!...

Эти назидательныя слова, случайно встрѣченнаго человѣка, глубоко запали въ моей памяти и мнѣ не разъ потомъ приходилось вспоминать ихъ въ разные моменты и фазисы моей череватой противуположностями жизни...

Въ Кременчугѣ я засталъ только отца, отъ котораго узналъ, что мать моя, братья и сестры находятся у тётки А. Д. Гавриленко, въ имѣніи ея Озёры, Кобеляцкаго уѣзда. Я пробылъ нѣсколько дней съ отцомъ и бабушкой Анисіей

Константиновной, поселившейся въ Кременчугѣ, послѣ смерти мужа своего, дѣда моего Димитрія Семеновича Есакова, скончавшагося 11 Мая 1859 года на 71 году жизни отъ рака въ желудкѣ и похороненнаго на кладбищѣ этого города.

Въ послѣдній разъ я видѣлъ дѣда во время пріѣзда моего съ родителями въ 1852 г. изъ Вильны въ тѣ-же Озёры, гдѣ мы провели лѣто того года. Тогда былъ живъ еще и мужъ моей тётки, Димитрій Петровичъ Гавриленко, добродушнѣйшій толстякъ, большой хлѣбосолъ, эстетикъ и страстный любитель театра. Онъ былъ Камеръ-юнкеромъ, Полтавскимъ Губернскимъ предводителемъ дворянства и владѣлъ обширнѣйшими помѣстіями въ Полтавской и Екатеринославской губерніяхъ, изъ коихъ вдовѣ его досталась седьмая часть въ размѣрѣ 3 т. десятинъ земли.

Получивъ въ наслѣдство послѣ матери своей, во второмъ бракѣ баронессы Франкъ, это огромное состояніе, покойный Гавриленко, будучи по натурѣ своей беззаботнымъ и остроумнымъ человѣкомъ, предоставилъ управленіе всѣми землями своими и крѣпостными управляющему, которому далъ полную довѣренность распоряжаться ими какъ ему заблагоразсудится, а самъ устроилъ у себя въ оранжерѣе великолѣпную театральную сцену, на которой подвизался лично и заставлялъ разыгривать разныя пьесы не только всѣхъ домашнихъ своихъ, но и окрестныхъ помѣщиковъ, затрачивая на это удовольствіе массу денегъ. Задавая пиры на всю губернію и забавляя себя и своихъ гостей представленіями въ своемъ домашнемъ театрѣ, этотъ добродушный и гостепріимный сибаритъ, не замѣчалъ того, что продѣлывалъ съ его рабами полновластный управляющій и жена его, завѣдывавшая домашнимъ и дворовымъ хозяйствомъ. Чуть не ежедневныя экзекуціи на конюшняхъ и крики провинившихся, или почему либо неугодившихъ этой милой четѣ, не касались его слуха и онъ словно не видѣлъ и не слышалъ того, что вокругъ него происходило. Помнится мнѣ, напримѣръ, что во время перваго пребыванія моего въ м. Озёрахъ тамъ разыгралась страшная кровавая драма. Въ одинъ прекрасный день безслѣдно пропалъ главный поваръ, отличный знатокъ своего дѣла, на обученіе котораго было затрачено не мало денегъ. Всѣ поиски его были напрасны и если-бы не вонючій дымъ, вдругъ разостлавшійся по усадьбѣ изъ кухонной трубы, то

такъ и не дознались-бы о его погибели. Стали доискиваться причины смрада и набрели на слѣды преступленія. Оказалось, что исчезнувшій поваръ-шефъ, отличавшійся жестокимъ обращеніемъ съ своими подчиненными поваренками, былъ ими убитъ, а потомъ разрѣзанъ на куски и какъ курица попросту изжаренъ въ той-же огромной печи, въ которой онъ не разъ манипулировалъ съ такимъ похвальнымъ искусствомъ при жизни. Все это было намъ, дѣтямъ, потомъ разсказано подъ великимъ секретомъ нашими друзьями Ванькой и Анюткой, подаренными намъ, какъ я уже сказалъ, тётушкой.

Возвращаясь къ моему вторичному посѣщенію м. Озёръ, не стану распространяться о радости свиданія моего съ моей дорогой матерію, братіями и сестрами. Скажу только, что это было лучшее время въ моей жизни, которое никогда не забывается и неизглаживается изъ памяти тѣхъ, которымъ доводилось пережить его во дни юности. Все радовало и веселило меня, и чувство необычайнаго довольства и удовлетворенія самимъ собой всецѣло охватывало меня и заставляло смотрѣть на всѣхъ и все какъ сквозь розовый цвѣтъ очковыхъ стеколъ...

Послѣ смерти дядюшки, жизнь въ барскомъ домѣ м. Озёрахъ во многомъ однако измѣнилась, и въ этотъ пріѣздъ мой я уже не засталъ того широкаго гостепріимства и безшабашнаго соренія деньгами, которое было при покойномъ. Театръ оказался упраздненнымъ, да и не было-бы чѣмъ поддерживать его, такъ какъ доходы съ доставшейся на долю тётушки части наслѣдства, значительно сократились, а тутъ еще стали носиться въ воздухѣ угрожающіе слухи о скоромъ раскрѣпощеніи изъ подъ власти и опеки г.г. помѣщиковъ безотвѣтнаго работника-мужика. Слухи эти принимали все болѣе опредѣленный характеръ и событіе великой исторической важности надвигалось и ожидалось въ близкомъ времени. Сумрачное настроеніе тётушки, находящейся подъ давленіемъ предстоящаго переворота въ обиходѣ ея жизни, не могло не отразиться и на окружающихъ, хотя ни въ обстановкѣ, ни въ заведенныхъ порядкахъ въ домѣ не замѣчалось особенныхъ перемѣнъ—все по виду шло какъ заведено было при крѣпостномъ режимѣ. Тѣ-же неизбѣжныя дѣвки работали по цѣлымъ днямъ, не выгибая спинъ, за вышиваніемъ какихъ-то прихотливыхъ кружевъ и тканіемъ

ковровъ, тѣ-же тунеядствующіе лакеи, горничныя, кучера, повара и казачки наполняли дворовые флигеля и шныряли по паркетамъ барскаго дома, съ раболѣпною поспѣшностью и покорностью исполняя малѣйшія желанія и прихоти ихъ повелительницы и наѣхавшихъ къ ней родственниковъ. Надо сказать, что кромѣ нашей семьи, въ этотъ разъ находилась въ Озёрахъ и старшая сестра моей матери, вдова Свиты Его Величества Генералъ-Маіора Елисавета (она-же и Марія) Дмитріевна Гогель, меньшая дочь которой, Мери, вышедшая замужъ за сосѣда помѣщика П. М. Бутовскаго, будущаго товарища Министра Юстиціи, Сенатора и Члена Государственнаго Совѣта, *) была бездѣтной тёткой А. Д. Гавриленко удочевлена и значилась наслѣдницей ея состоянія.

Вмѣстѣ съ тёткой Е. Д. Гогель гостили также два сына ея офицера—Дмитрій, служившій въ гвардійскихъ стрѣлкахъ и умершій въ Царскомъ Селѣ отъ раны въ паху, полученной имъ въ Польское возстаніе 1863 года, и Алексѣй, тогда еще пажъ, потомъ Кавказскій офицеръ, а также и старшая дочь ея Фрейлина Ольга Ивановна, бывшая впослѣдствіи начальницей женской гимназіи въ Кіевѣ. Отсутствовали-же изъ ихъ семьи старшій сынъ Е. Д., бывшій камеръ-пажъ супруги Николая Павловича, Императрицы Александры Өедоровны, офицеръ Преображенскаго полка, Николай Ивановичъ, о которомъ мнѣ прійдется еще сказать нѣсколько словъ въ своемъ мѣстѣ, а также младшая дочь ея, состоявшая замужемъ за полковникомъ артиллеріи Ходневымъ, Зинаида Ивановна, съ дѣтьми которой—Александромъ, Константиномъ, Николаемъ и Зинаидой, моими двоюродными племянниками, наша семья была особенно дружна, сблизившись съ ними въ Петербургѣ во время продолжительнаго жительства въ смежныхъ квартирахъ у Чернышева моста, въ д. Кудрявцевой.

Къ сдѣланному перечню родственныхъ лицъ, съѣхавшихся въ Озёры, надо добавить еще и постороннихъ въ лицѣ гувернантокъ и англичанина, учителя музыки моей

*) П. М. Бутовскій скончался въ 1912 году внезапно на улицѣ въ Петербургѣ у церкви Св. Козьмы и Демьяна, совершая ежедневную предъобѣденную прогулку свою по Кирочной, на которой долго жилъ близь Таврическаго сада. Послѣ смерти своей первой жены, онъ женился на Швейцаркѣ, наставницѣ его дѣтей, отъ которой имѣлъ еще двухъ сыновей и дочь. Отъ двоюродной-же сестры моей, у него было пять дѣтей: два сына и три дочери.

сестры Ольги, воспитывавшейся у тётушки Гавриленко вмѣстѣ съ кузиной Мери и отличавшейся хорошими музыкальными способностями, и тогда станетъ понятно, что въ обширномъ двухъэтажномъ барскомъ домѣ было очень людно въ лѣтніе мѣсяцы 1860 г., года окончанія мной курса въ Институтѣ. За столомъ возсѣдало насъ ежедневно не менѣе 20 человѣкъ и такъ какъ сама раздражительная хозяйка помѣстія большею частію отсутствовала, страдая какою-то хроническою болѣзнею, заставлявшей ее не покидать своей спальни, то завтраки и обѣды проходили довольно оживленно въ томъ концѣ стола, гдѣ сидѣла молодежь. По окончаніи ѣды, мы, молодые люди, обыкновенно предпринимали пѣшія или конныя прогулки по деревнѣ, или въ безпредѣльную и гладкую, какъ подносъ, степь, и тутъ мнѣ пришлось близко присмотрѣться къ жизни и быту малороссійскаго крестьянина, тогда еще крѣпостного. Никогда не забуду я того характернаго эпизода, который случился во время одной изъ такихъ прогулокъ нашихъ.

Мы были трое: Англичанинъ - фортепіанистъ, кстати сказать превосходно владѣвшій своимъ инструментомъ, Алексѣй Гогель и я. Когда мы поравнялись съ деревней, къ намъ навстрѣчу вышелъ почтенныхъ лѣтъ хохолъ, который, далеко завидя насъ, снялъ свою соломенную шляпу и униженно сталъ кланяться намъ въ поясъ. Увидя его, мой двоюродный братъ, часто бывавшій въ Озѣрахъ и знавшій многихъ крестьянъ по имени, окликнулъ встрѣченнаго и поздоровался съ нимъ.

Ободренный барскимъ вниманіемъ, мужичекъ дерзнулъ подойти къ намъ, при чемъ вся согбенная фигура его выражала очевидное желаніе что-то сказать.

— Что тебѣ? Спросилъ его мой двоюродный братъ, назвавъ его по имени.

— Я, паночку... маю просьбу до васъ, началъ нерѣшительно вопрошаемый.

— Говори, если могу—сдѣлаю.

— Окажите Божескую милость, попросите барыню, чтобы вина позволила мнѣ выдать мою дивчину за такого-то... Они любятся съ нимъ, а барыня хочетъ, чтобы моя Галька вышла замужъ за... Тутъ онъ опять назвалъ имя и фамилію нежеланнаго претендента на руку его дочери.

Двоюродный братъ мой пообѣщалъ свое ходатайство бѣдному мужику, и мы пошли далѣе. Но тутъ, слѣдившій съ видимымъ интересомъ за разговоромъ и ничего, конечно, изъ него не понявшій Англичанинъ, поинтересовался узнать, о чемъ собственно просилъ этотъ человѣкъ? и когда ему было объяснено въ чемъ заключалась его просьба, то онъ, вытаращилъ отъ изумленія глаза и съ негодованіемъ воскликнулъ:

— Какой ужасъ! А родиться у васъ крестьяне также спрашиваютъ разрѣшеніе у своихъ владыкъ?

Помню, что эти нѣсколько словъ, вырвавшихся изъ груди свободнаго сына Альбіона, произвели на меня огромное впечатлѣніе... Словно какая-то пелена внезапно свалилась послѣ нихъ съ моихъ глазъ, и я сразу прозрѣлъ и понялъ ту позорную дѣйствительность, то рабское состояніе, въ которомъ находится, живетъ и дышетъ нашъ бѣдный народъ, и мнѣ стало стыдно и тяжело за мою родину!... Холодъ потрясаетъ при воспоминаніи о столь недавнемъ еще прошломъ и пламенная мольба обращается къ престолу Того, кто вразумилъ въ сердце и умъ Царя-Освободителя совершить великое безсмертное дѣло! Благодарю Творца вселенной, что въ жизни моей не суждено было мнѣ владѣть ни одной крѣпостной душой и не отвѣчать за нее ни передъ своею совѣстью, ни передъ Судьей Праведнымъ!...

Послѣ беззаботно проведеннаго лѣта наступила осень и пришло время рѣшать вопросъ о дальнѣйшей судьбѣ моей. Отецъ, какъ военный, предложилъ мнѣ избрать военную карьеру и поступить въ одинъ изъ гвардейскихъ полковъ. Но я, по природѣ моей, не имѣлъ никакого призванія къ военной службѣ и, желая усовершенствоваться въ умственномъ развитіи, просилъ позволенія поступить въ ближайшій Университетъ, и въ Сентябрѣ отправился съ отцомъ въ Кіевъ. Здѣсь я поступилъ на Юридическій Факультетъ Университета Св. Владиміра *) и усердно предался слушанію

*) Въ этомъ Университетѣ окончилъ курсъ медикомъ также мой братъ Владиміръ, скончавшійся 8 мая 1879 г., заразившись тифомъ отъ больныхъ солдатъ въ военномъ госпиталѣ, гдѣ онъ былъ ординаторомъ. Похороненъ онъ на Байковомъ кладбищѣ. Онъ былъ чрезвычайно способнымъ и мѣтилъ въ профессора.

лекцій, живя на Бибиковскомъ бульварѣ, въ комнатѣ нанятой мнѣ отцомъ у Субъ-Инспектора студентовъ Иваненко. Заботливое участіе въ этомъ случаѣ отца моего было не лишнимъ, такъ какъ, проведя четыре года передъ тѣмъ въ интернатѣ Института, я мало былъ знакомъ съ практической стороной жизни и могъ-бы во многомъ наглупить на первыхъ-же порахъ, столкнувшись съ ея сложной дѣйствительностію.

Кромѣ семейства Иваненко, состоявшаго изъ жены его, урожденной Ильяшенко, двухъ братьевъ ея, воспитанниковъ Кіевскаго кадетскаго корпуса, и красавицы сестры, вышедшей впослѣдствіи замужъ за Кишиневскаго Губернатора Константиновича, я познакомился и бывалъ въ Кіевѣ еще только въ домѣ тогда еще Полковника, впослѣдствіи Генерала и Начальника Казанскаго Округа путей сообщенія, Александра Ивановича Гене, друга и товарища отца моего по Институту путей сообщенія. У нихъ я обыкновенно обѣдалъ и проводилъ вечера по воскресеніямъ, и въ почтенной семьѣ этой, состоящей изъ жены, урожденной Баронессы Штакельбергъ, дочери, сына, Полковника гвардіи Волынскаго полка, и другого, дипломата, изрѣдка наѣзжавшаго, я былъ всегда принятъ съ большимъ радушіемъ. На страницахъ, посвященныхъ біографіи отца моего, мнѣ прійдется возвратиться къ почтенному А. И. Гене и еще разъ упомянуть о немъ, какъ о товарищѣ перваго.

Посѣщеніе дома Гене было единственнымъ моимъ развлеченіемъ въ Кіевѣ, общественная жизнь котораго не манила меня къ себѣ, а самъ городъ, помимо его дивнаго мѣстоположенія, историческаго и археологическаго интереса, всегда производилъ на меня впечатлѣніе чего-то безпорядочно-разбросаннаго, не законченнаго и мало культурнаго, „помѣсь уѣздной деревяшки съ Невскимъ проспектомъ", да и жизнь того времени въ самомъ Университетѣ представляла нѣчто мало симпатичное, разрозненное и партійное. Народились въ немъ землячества, чуждавшіеся другъ друга и избѣгавшія товарищескихъ сношеній съ непринадлежавшими къ ихъ партіи, и вообще въ студенчествѣ царило какое-то взаимное недовѣріе и непріязнь. Хотя къ тому времени не было еще отмѣнено ношеніе традиціонной студенческой формы съ голубымъ воротникомъ, но студенты стали являться на лекціи въ костюмахъ своихъ землячествъ, изъ

которыхъ особенно выдѣлялись хохлы въ ихъ чамаркахъ и свиткахъ и поляки въ контушахъ. Появились о-бокъ съ ними на аудиторскихъ скамьяхъ стриженыя дѣвицы въ національныхъ костюмахъ, внеся съ собой беззастѣнчивый флиртъ въ стѣны Университета, послѣдствіемъ котораго были брачныя и безбрачныя связи между молодежью обоего пола, столь доступно и удобно между собой сообщавшейся и сосѣдствующей подъ эгидою общихъ научныхъ интересовъ. „Жить молодымъ людямъ и дѣвушкамъ въ товарищескомъ общеніи, говоритъ Марсель Прево въ своей книгѣ о воспитаніи, конечно хорошо и несравненно лучше и нравственнѣе былого затворничества, но не надо забывать, что эта система воспитанія и жизни идетъ къ намъ изъ Англіи, и, усваивая ее, мы должны одновременно усвоить и почти пуританскую чистоту нравовъ и благородство нравственной дисциплины Англичанъ". А безъ этого, прежнее серіозное отношеніе къ наукѣ конечно не могло удержаться и отодвинулось на второй планъ, и въ жизни Университетской молодежи стали проявляться физическая и нравственная распущенность, праздношатаніе, задоръ и безразсудное увлеченіе политикой. Начались подъ разными предлогами сходки, на которыхъ дебатировались всякіе относящіеся и не относящіеся къ внутренней жизни Университета вопросы, избирались депутаціи для предъявленія разныхъ требованій не только къ ректору, но и къ попечителю Округа, которымъ въ то время былъ въ Кіевѣ великій Пироговъ, и кончилось тѣмъ, что въ концѣ концовъ Университетъ былъ временно закрытъ.

Все это до такой степени претило и надоѣло мнѣ, что я порѣшилъ оставить разношерстный и буйный Кіевскій Университетъ и обмѣнить его на Петербургскій, гдѣ, думалось мнѣ, я найду болѣе серіозное отношеніе къ дѣлу и болѣе однородный элементъ въ контигентѣ его слушателей. Прежде однако чѣмъ рѣшиться на это, я поѣхалъ въ Кременчугъ, чтобы посовѣтоваться на этотъ счетъ съ родителями. Но тутъ, во время моей поѣздки въ этотъ городъ изъ Кіева, со мной приключилось нѣчто такое, которое могло положить конецъ моей жизни на 20 году ея, о чемъ я долженъ разсказать здѣсь, прежде чѣмъ продолжать дальнѣйшее повѣтствованіе мое.

Желая сдѣлать пріятный сюрпризъ моей матери неожиданнымъ пріѣздомъ моимъ, я выѣхалъ изъ Кіева съ такимъ расчетомъ, чтобы поспѣть къ утру 4-го Декабря— дню ея именинъ и моего рожденія,—въ Кременчугъ. Путь до предпослѣдней станціи отъ г. Хороля, я совершилъ вполнѣ благополучно, хотя сильно иззябъ въ моемъ вѣтромъ подбитомъ студенческомъ пальто. Ѣхалъ я по подорожной, на перекладныхъ, въ колесной телѣжкѣ, такъ какъ снѣгу въ ту зиму было совсѣмъ мало и ѣхать на саняхъ оказалось невозможнымъ. Но ни холода, ни тряски моего примитивнаго экипажа, ѣзда на которомъ по замерзлой, кочковатой землѣ рѣзко отдавалась на внутренностяхъ всего моего организма, заставляя безпрестанно подпрыгивать на моемъ чемоданѣ, я по молодости лѣтъ и отважной безпечности, не замѣчалъ. Я всецѣло былъ занятъ одной только мыслею—поспѣть домой къ 4 Декабрю, и это мнѣ несомнѣнно удалось-бы, еслибы не случилось фатальнаго обстоятельства, нежданно разстроившаго мой планъ. Добравшись въ глухую полночь до одной роковой станціи, названіе которой не припомню, я велѣлъ разбудить начальника ея и просилъ его поспѣшить перемѣной лошадей. Недовольный прерваннымъ сномъ и причиняемымъ ему среди ночи безпокойствомъ такимъ не важнымъ пассажиромъ, какимъ былъ я, студентикъ, онъ медлилъ исполнить мою просьбу, а когда я сталъ настаивать, то со злобой что-то проворчалъ себѣ подъ носъ, вродѣ того, что я останусь доволенъ его лошадьми, и отдалъ съ сердцемъ приказаніе запречь ихъ.

Не подозрѣвая ничего дурного, усѣлся я на костоломку мою и былъ очень доволенъ, когда свѣжая тройка лошадей съ мѣста подхватила и помчалась во всю прыть, какъ угорѣлая. Но чѣмъ дальше, тѣмъ бѣгъ ея становился быстрѣй и наконецъ превратился въ бѣшенный, остановить который молодой и очевидно не опытный ямщикъ уже не былъ въ состояніи—онѣ понесли! Ухватившись руками за края перекладной, я едва могъ усидѣть, ежеминутно ожидая, что буду выброшенъ изъ нея. При всякомъ сильномъ толчкѣ, вещи мои выбрасывались, а при одномъ крутомъ поворотѣ, ямщикъ исчезъ съ козелъ. Ничего не видя въ ночной темнотѣ, я ощупью началъ искать возжи, но успѣлъ схватить только одну, за которую съ безполезнымъ отчаяніемъ сталъ тянуть.

Свернувъ съ почтовой дороги, разъяренные кони ураганомъ понеслись въ сторону по безпредѣльному степному пространству и мнѣ оставалось только ввѣрить мою жизнь Божіей милости... Помню, что въ эти ужасныя минуты я не растерялся и сталъ соображать, что мнѣ дѣлать въ моемъ отчаянномъ положеніи? Внезапно мелькнула во мнѣ мысль выскочить, не ожидая неизбѣжной катастрофы, изъ перекладной, но какъ было сдѣлать этотъ страшный salto martale, не сломавъ себѣ рукъ и ногъ? Не долго размышляя я выпрямился во всю длину моего корпуса и выбросился съ размаха черезъ край перекладной... Что произошло дальше, я уже сказать не умѣю, такъ какъ впалъ въ полное безпамятство; я еще только слышалъ, какъ очень близко отъ меня прогремѣли колеса телѣжки, и затѣмъ все смолкло для меня!...

Сколько времени я находился въ такомъ состояніи—не знаю, но когда я очнулся, то помню, что первымъ движеніемъ моимъ было ощупать ноги и руки, оказавшіяся, по счастію, цѣлыми и невредимыми. Тотчасъ послѣ этого я почувствовалъ ощущеніе чего-то теплаго на затылкѣ и, прикоснувшись къ нему, запачкалъ пальцы кровью, струившейся, какъ оказалось, изъ раны въ теменной части головы. Я былъ безъ шапки. Набравъ немного снѣгу, я приложилъ его къ ранѣ и обвязалъ голову носовымъ платкомъ. Съ трудомъ приподнявшись, я сталъ звать ямщика, но отвѣта не было. Въ эту минуту я замѣтилъ въ степи какіе-то мелькающіе огоньки и вообразивъ, что это степные волки, я вынулъ изъ ноженъ тесакъ, данный мнѣ на всякій случай въ дорогу пріятелемъ моимъ кадетомъ, братомъ моей хозяйки—и, держа это единственное мое оружіе обороны на готовѣ, поплелся на авось по направленію къ покинутому почтовому тракту, продолжая взывать къ ямщику. По счастію, чутье мое не обмануло меня и вскорѣ я могъ различить въ ночной темнотѣ черныя очертанія деревьевъ, которыми обыкновенно окаймляются большія дороги въ Малороссіи, и услышалъ голосъ ямщика, давшаго наконецъ мнѣ отвѣтъ на мой зовъ. Направившись по направленіи его голоса, я засталъ такую картину: пустая перекладная лежала колесами вверхъ, вещей моихъ въ ней не было, одна изъ лошадей валялась около нея съ искалѣченными ногами, двѣ-же другія,

фыркая ноздрями, безпорядочно стояли около нея въ разорванныхъ хомутахъ, а ямщикъ ревѣлъ, что-то причитая.

— Чего ты плачешь? спросилъ я его.

— А якъ-же, паночку, не плакать, когда коняка себѣ такой шкоды наробила—дюже достанется мнѣ теперь отъ хозяина!

И ни одного слова обо мнѣ, даже не справился что со мной было и остался-ли я цѣлъ! Взбѣшенный его индиферентностью къ моей участи, я прикрикнулъ на него и велѣлъ ему отправиться за поискомъ моихъ вещей. Изъ его несвязнаго разсказа, я могъ понять, что лошади, умчавшись въ степь, пробѣжали по ней не долго и вернулись снова на дорогу, гдѣ ударившаяся о дерево перекладная перекинулась, а онѣ, поколѣчивъ себѣ ноги и запутавшись въ упряжи, стали.

Послѣ долгихъ поисковъ мой чемоданъ, подушка и саквояжъ были наконецъ розысканы тупоумнымъ парнемъ и водворены въ поднятую нами съ большими усиліями перекладную. Привязавъ сзади къ ней лошадь съ покалѣченными ногами, мы тихимъ шагомъ добрели къ разсвѣту до почтовой станціи г. Хороля, до котораго оставалось всего около 4-хъ верстъ отъ мѣста постигшей меня катастрофы. Хорольскій смотритель станціи оказался человѣкомъ иного нрава, чѣмъ его сослуживецъ предыдущей, злополучной для меня станціи. Узнавъ о постигшемъ меня несчастіи, онъ тотчасъ распорядился послать за докторомъ, который не замедлилъ явиться съ фельдшеромъ и необходимыми медицинскими принадлежностями. Приказавъ фельдшеру сбрить волосы на томъ мѣстѣ головы, гдѣ находилась моя рана, онъ тщательно промылъ ее и ощупалъ зондомъ и когда убѣдился, что нѣтъ трещины въ черепѣ, то забинтовалъ мнѣ всю голову, заставилъ принять какое-то успокоительное лекарство и велѣлъ купить для меня теплую хохлацкую шапку, которую нахлобучилъ мнѣ до ушей, а когда я сдѣлалъ попытку сунуть ему въ руку трехрублевую бумажку, то наотрѣзъ отказался принять ее отъ меня, заявивъ, что отъ студента онъ, какъ бывшій студентъ, никакого гонорара не приметъ. Мало того, этотъ достойный медикъ, по фамиліи Мельниковъ, проводилъ и усадилъ меня поудобнѣе въ мой

тряскій экипажъ и, сдѣлавъ надлежащее наставленіе ямщику о тихой ѣздѣ, пожелалъ мнѣ добраго пути.

Съ чувствомъ глубокаго уваженія и признательности вспоминалъ я всегда о случайной встрѣчѣ моей съ этимъ человѣкомъ, скромнымъ труженикомъ своего дѣла въ захолустномъ городкѣ. Судьбѣ угодно было, чтобы я еще разъ встрѣтился съ нимъ. Это было много лѣтъ спустя послѣ описаннаго эпизода. Я находился у сестры моей Герике въ Кременчугѣ, когда однажды я засталъ у нея въ гостяхъ преклонныхъ лѣтъ господина, въ которомъ тотчасъ узналъ моего спасителя—Хорольскаго врача. Напомнивъ ему о первой моей встрѣчѣ съ нимъ, я крѣпко пожалъ руку этому почтенному человѣку, и радуясь, что мнѣ еще разъ въ жизни довелось свидѣться съ нимъ, горячо благодарилъ его за спасеніе мое...

Съ пріѣздомъ въ Кременчугъ къ Варвариному дню я, разумѣется, значительно запоздалъ, прибывъ въ тотъ день только къ ночи. Пріятный сюрпризъ, который я задумалъ было сдѣлать моей матери моимъ внезапнымъ появленіемъ ко дню ея именинъ, былъ обратнаго свойства—я перепугалъ ее своимъ блѣднымъ видомъ и повязкой на головѣ и переполошилъ всѣхъ домашнихъ и гостей, между которыми оказался и постоянный врачъ нашъ Казекинъ, который тотчасъ уложилъ меня въ постель и наложилъ свѣжій бинтъ на мою рану. Онъ заставилъ меня пролежать въ постели почти мѣсяцъ, боясь появленія рвоты—признака сотрясенія мозга. Но этого, Слава Богу, не случилось, и я прожилъ всю послѣдующую мою жизнь даже рѣдко когда страдая головною болью...

Наступилъ 1861 годъ, годъ знаменательной эры въ исторіи не только русскаго народа, но и всего человѣчества: 19-го числа февраля мѣсяца былъ подписанъ Царемъ-Освободителемъ великій актъ, которымъ многомилліонный народъ, до того скованный цѣпями рабства, былъ на вѣки освобожденъ отъ этого унизительнаго для человѣческаго достоинства состоянія. Манифестъ Великаго Царя, оповѣщавшій объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости начинался вдохновенными словами: „Осени себя крестнымъ зна-

менемъ народъ русскій“, и всѣ съ жаднымъ интересомъ бросились читать и перечитывать его. Надо однако сказать, что онъ былъ написанъ Филаретомъ Московскимъ не съ должною простотой и доступностью для пониманія тѣхъ, кого онъ всего ближе касался. Помнится, что и мной онъ не сразу былъ понятъ, и мнѣ пришлось перечитать его нѣсколько разъ, чтобы раскусить его смыслъ. Я находился тогда уже снова въ Кіевѣ, куда прибылъ послѣ излѣченія моей раны, чтобы закончить годъ слушанія лекцій въ Университетѣ, и ознакомился я съ содержаніемъ долгожданнаго Манифеста впервые въ кондитерской Розмитальскаго, находившейся вблизи теперешней Кіевской Городской Думы. Я зашелъ въ тотъ день въ эту кондитерскую пораньше утромъ, чтобы первому захватить газеты и прочитать въ нихъ добрую вѣсть. Въ этотъ день, какъ извѣстно, праздновалась шестая годовщина восшествія на престолъ Великаго Царя Преобразователя. Колокола всѣхъ Лаврскихъ и прочихъ Кіевскихъ церквей гудѣли на свѣжемъ утреннемъ воздухѣ, и народъ вышелъ на ихъ призывъ въ храмы матери русскихъ городовъ и колыбели православія, чтобы „осенить себя крестнымъ знаменемъ“ и возблагодарить Того, отъ котораго зависитъ судьбы народовъ и царей. Но къ удивленію въ этотъ день Манифестъ не былъ обнародованъ. Оглашеніе его въ церквахъ во всей Имперій послѣдовало лишь 10-го Марта, а въ столицахъ пятью днями раньше. Это была единственная уступка со стороны Царя-Освободителя той дворянской партіи, которая предрекала разные ужасы отъ освободительнаго переворота, думая, что „рабы“ возьмутся за топоры и настанетъ опять Пугачевщина.

„Этого я желаю, требую и повелѣваю“!

Вотъ въ какой рѣшительной формѣ выразилъ онъ свою непреклонную волю при рѣшеніи въ знаменитомъ засѣданіи Государственнаго Совѣта 26 января 1861 года вопроса о раскрѣпощеніи двадцати двухъ милліоннаго крестьянства, ставъ на сторонѣ меньшинства голосовъ этого собранія, противъ большинства, находившаго непреодолимымъ осуществленіе такой гигантской реформы безъ кровопролития и волненій массъ.

Осенью того-же года мы съ братомъ Всеволодомъ, скончавшимся въ 1879 году въ г. Богодуховѣ, Харьковской губерніи, гдѣ онъ былъ подъ конецъ своей жизни Предсѣдателемъ Земской Управы, отправились въ Петербургъ—онъ для поступленія въ Николаевское Инженерное Училище, а я—для продолженія курса ученія въ тамошнемъ Университетѣ. Въ Кіевѣ, гдѣ покойный братъ служилъ тогда юнкеромъ въ одномъ изъ квартировавшихъ въ этомъ городѣ Саперныхъ баталіоновъ, мы сѣли на перекладную и направили нашъ путь по шоссейной дорогѣ въ г. Островъ, ближайшій желѣзнодорожный пунктъ, тогда только что отстроенной желѣзной дороги между Петербургомъ и Варшавой.

Благополучно добравшись до послѣдней передъ г. Островомъ шоссейно-дорожной станціи Крюковской, мы наткнулись въ ней на крайне непріятный для насъ инцидентъ. Еще не доѣзжая до нея намъ перебѣжалъ дорогу заяцъ (не вѣрьте послѣ этого предразсудкамъ!) и ямщикъ нашъ замѣтилъ намъ, что это не къ добру—„ишь“, сказалъ онъ, „проклятый косой перебѣжалъ дорогу“! И онъ оказался правъ. Не успѣли мы слѣзть съ нашей перекладной, какъ встрѣтившій насъ у дверей станціи смотритель объявилъ намъ, что всѣ станціонныя лошади въ разгонѣ и намъ прійдется пообождать ихъ возвращенія.

Покоряясь необходимости, мы просили подать намъ, въ ожиданіи лошадей, самоваръ и вошли въ комнату для пріѣзжихъ. Здѣсь застали мы компанію изъ трехъ лицъ—одного здоровеннаго вида молодого человѣка въ русскомъ костюмѣ и двухъ болѣе пожилыхъ, приличнаго вида господъ, коротавшихъ время за чаемъ, очевидно обреченныхъ на туже участь что и мы. Общая бѣда сближаетъ людей, и знакомство наше съ ними завязалось очень скоро. Господа эти оказались распрелюбезными. Они предложили намъ присѣсть къ ихъ самоварчику, неожидая нашего, выложили на столъ всю имѣющуюся при нихъ дорожную провизію и гостепріимно стали угощать насъ ею. Въ свою очередь и мы подѣлились съ ними нашими запасами, и когда нашъ „лунчъ“ былъ оконченъ и все со стола убрано, то, развлеченія ради, одинъ изъ нихъ вынулъ колоду картъ и сталъ намъ показывать очень ловко продѣлываемые имъ фокусы съ ними. Одинъ изъ этихъ фокусовъ показался намъ на видъ очень

простымъ и не замысловатымъ: онъ состоялъ въ быстромъ перебрасываніи трехъ картъ, изъ коихъ одна была трефовая дама, мѣсто нахожденія которой нужно было опредѣлить. Мы съ братомъ почти безошибочно указывали на нее, и это заставило насъ согласиться на предложеніе „фокусника" попробовать счастія на деньги. Къ намъ присоединились и остальные два незнакомца и мы начали ставку по пятачку. Сначало все шло удачно для насъ и мы постоянно выигривали, но по мѣрѣ повышенія ставки, мы уже не такъ счастливо угадывали „крестовую дамочку", какъ называлъ ее ловкій метатель.

Эта невинная игра въ „крестовую дамочку" въ концѣ концовъ отразилась очень печально на нашемъ скудномъ карманѣ—она стоила двѣ трети денегъ, отпущенныхъ намъ на дорогу и на первое прожитье въ столицѣ. Лошади подоспѣли какъ разъ къ тому моменту, когда я, прійдя въ себя, остановилъ сильно увлекавшагося брата отъ продолженія столь дорого обошедшейся намъ забавы. И только тогда, когда мы молча проѣхали нѣсколько верстъ отъ злополучной станціи, мы очнулись отъ постигшаго насъ провала, вспомнили о „косомъ чертѣ", перебѣжавшемъ намъ дорогу и догадались, что были жертвой обмана заправскихъ шулеровъ, которые, заодно съ смотрителемъ станціи, сговорились накрывать на перепутьи всѣхъ проѣзжихъ подобныхъ намъ молодыхъ „пижоновъ", направлявшихся въ Петербургъ ко времени начала ученія въ его многочисленныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Мы, долженъ добавить, не ошиблись, въ нашей поздней догадливости, такъ какъ вскорѣ я прочелъ въ газетахъ, что полиціи удалось накрыть шулерскую шайку, оперировавшую на шоссейныхъ и желѣзнодорожныхъ станціяхъ подъ столицей.

Поплатившись за урокъ неосторожности значительнымъ сокращеніемъ нашего бюджета, мы вынуждены были поселиться въ Петербургѣ въ очень скромныхъ меблированныхъ комнатахъ на Вознесенскомъ проспектѣ, противъ церкви Вознесенія, въ домѣ Шклярскаго.

Только годъ спустя рѣшился я разсказать моей доброй матери о постигшемъ насъ злоключеніи, на оставшейся навсегда мнѣ памятной Крюковской станціи.

Осмотрѣвшись и ознакомившись съ жизненной обстановкой въ столицѣ, я сталъ усердно посѣщать лекціи профессоровъ въ новомъ для меня Университетѣ. Сначала дѣло въ немъ шло гладко, но среди зимы начались и въ немъ студенческія волненія, и вскорѣ я могъ убѣдиться въ томъ, что отъ промѣны Кіевскаго Университета на Петербургскій, я ничего не выигралъ, и, что называется, попалъ изъ огня да въ полымя. Начались и тутъ сходки въ самомъ зданіи Университета, въ его залахъ и аудиторіяхъ, а потомъ на его дворѣ и около него на улицѣ, въ которыхъ принимали участіе не одни только студенты Университета, но и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Сперва нельзя было понять въ чемъ собственно заключалось неудовольствіе этой разновидной молодежи и чѣмъ вызывались эти сборища, но потомъ мотивъ былъ найденъ. Оказалось, что для руководства студентовъ были введены, подъ названіемъ матрикулъ, извѣстныя правила, которыми студенты должны были руководствоваться при посѣщеніи лекцій и въ сношеніяхъ ихъ съ Университетскимъ начальствомъ, и этого было достаточно, чтобы взволновать и безъ того бурныя страсти.

Министромъ народнаго просвѣщенія былъ въ то время извѣстный морякъ, Адмиралъ Путятинъ, Попечителемъ Округа Кавказскій Генералъ Филипсонъ, Ректоромъ Университета Плетневъ, а Инспекторомъ Фитцумъ-фонъ-Экштетъ. И вотъ, однажды, прихожу на лекцію профессора Спасовича и не нахожу въ аудиторіи ни его самого, ни слушателей—всѣ собрались въ большомъ академическомъ залѣ, гдѣ обыкновенно происходитъ защита диссертаціи. Вхожу туда и застаю тамъ студентовъ всѣхъ факультетовъ, слушающихъ своихъ лидеровъ, поочередно взбирающихся на каѳедру и съ жаромъ о чемъ-то ораторствующихъ, чего отъ царящаго шума разобрать нельзя было. Узнаю нѣкоторыхъ изъ говорящихъ, въ томъ числѣ дальняго родственника нашего Адольфа Герике *), впослѣдствіи сосланнаго на жительство въ г. Вытегру, Олонецкой губерніи, гдѣ мнѣ пришлось

*) Онъ былъ братомъ моего затя Мирового Судьи въ г. Кременчугѣ Ст. Сов. Алекс. Алекс. Герике, женатаго на моей сестрѣ Ольгѣ и мужемъ моей двоюродной сестры М. И. Прониной. Онъ умеръ въ Москвѣ, гдѣ заслужилъ себѣ извѣстность по адвокатской дѣятельности своей.

свидѣться съ нимъ, когда я началъ службу мою при Губернаторѣ въ этой губерніи. Всѣ ораторствующіе доказывали въ своихъ рѣчахъ, что независимость студентовъ отъ введенія сказанныхъ матрикулъ уничтожена и что Университетъ, какъ высшее свѣтилище науки, отъ этого пропалъ, а потому необходимо объясниться съ Ректоромъ и потребовать отъ него отмѣны ненавистныхъ новыхъ правилъ и возстановленія прежнихъ порядковъ. Выбрали для этого депутатовъ, которые, однако, не были приняты Плетневымъ. Это только раздуло пламя, и съ этого момента загорѣлся уже настоящій сыръборъ. Рѣшено было идти къ Попечителю всѣмъ присутствующимъ, и вотъ недоумѣвающіе жители столицы были свидѣтелями такого необычайнаго зрѣлища: нескончаемой вереницей, попарно, шли, соблюдая полный порядокъ, студенты, направляясь черезъ дворцовый мостъ, мимо Зимняго дворца, по всему Невскому до Владимірской улицы, гдѣ у Владимірской церкви, въ Колокольномъ переулкѣ, жилъ Генералъ Филипсонъ. Тутъ, передъ его домомъ, вся эта толпа остановилась, но отправлять къ нему депутаціи ей не пришлось, такъ какъ храбрый Генералъ не струсилъ и самъ къ ней вышелъ. Что отъ него требовали и что онъ отвѣчалъ, я за шумомъ разслышать не могъ. Знаю только, что послѣ внезапнаго появленія взвода Преображенцевъ, направленнаго В. К. Николаемъ Николаевичемъ старшимъ, встрѣтившимъ необычайное студенческое шествіе по Невскому, а также послѣ пріѣзда Оберъ-Полиціймейстера Паткуля, демонстранты дали себя уговорить возвратиться для разбора своихъ дѣлъ въ Университетъ. Я шелъ въ этомъ демонстративномъ шествіи черезъ всю столицу въ парѣ съ милѣйшимъ Институтскимъ товарищемъ моимъ Черницкимъ (скончавшимся въ Казани на службѣ) и мы уже не приняли участія въ обратномъ шествіи, во главѣ котораго находился самъ Генералъ Филипсонъ, и отправились къ себѣ по домамъ.

Послѣ описаннаго эпизода начался цѣлый рядъ болѣе или менѣе бурныхъ студенческихъ митинговъ въ Университетѣ, приведшихъ къ печальному концу. Командиръ Измаиловскаго полка Генералъ Дрентельнъ, женатый на Виленской знакомой моей М. А. Вяткиной, впослѣдствіи занимавшій должность Шефа жандармовъ и Одесскаго и Кіевскаго Генералъ-Губернатора, разсказывалъ мнѣ, что когда

ему было приказано окружить съ его полкомъ Университетъ, то былъ такой моментъ, когда онъ едва могъ удержать своихъ солдатъ отъ нападенія, страшно раздраженныхъ выходками учащейся молодежи, кидавшей въ нихъ полѣніями изъ сложенныхъ въ Университетскомъ дворѣ дровъ. Никакіе уговоры и усилія затушить разбушевавшіяся страсти не привели ни къ чему, и кончилось тѣмъ, что въ одно прекрасное утро на дверяхъ Университета появилось объявленіе о закрытіи его на неопредѣленное время по распоряженію высшей власти, а бушевавшая около него толпа студентовъ оказалась окруженной со всѣхъ сторонъ Преображенцами, подъ эскортомъ которыхъ была отведена въ Петро-Павловскую крѣпость. Я случайно избѣгъ этой участи, оставшись въ этотъ день дома, но мнѣ разсказывали, что солдаты, конвоировавшіе попавшихъ въ крѣпость студентовъ, безцеремонно подгоняли ихъ прикладами во время шествія отъ Университета до мѣста заточенія. Распространившійся объ этомъ по Петербургу слухъ вызвалъ сочувственную студентамъ демонстрацію въ одномъ изъ театровъ, гдѣ появившіеся въ немъ въ тотъ вечеръ офицеры Преображенскаго полка были встрѣчены свистомъ и криками: вонъ Преображенцы!

Вскорѣ послѣ дня закрытія Университета и плѣненія значительной части студентовъ, разсортированныхъ между Петро-Павловской и Кронштадской крѣпостями, ко мнѣ въ одно раннее утро постучались въ дверь. Разбуженный, встаю съ постели и вижу передъ собой полицейскаго надзирателя, вѣжливо предлагающаго мнѣ одѣться и слѣдовать за нимъ въ часть. Не чувствуя за собой никакой безмѣрной вины, я спѣшно одѣлся и молча послѣдовалъ за нимъ, причемъ замѣтилъ, что у дверей дома стоялъ нарядъ городовыхъ, очевидно взятый на случай сопротивленія со стороны „преступника“. Въ части, подполковникъ въ полицейской формѣ, предложилъ мнѣ дать подписку о выѣздѣ изъ Петербурга въ 24 часа, и когда я заявилъ ему, что мнѣ необходимо по своимъ дѣламъ оставаться въ Петербургѣ, то согласился дать мнѣ отсрочку, если я представлю ему поручительство отъ какого нибудь солиднаго лица, причемъ вручилъ мнѣ печатный бланкъ для подписи этимъ лицомъ такого поручительства. Я въ тотъ-же день отпра-

вился къ теткѣ моей Екатеринѣ Дмитріевнѣ Философовой, младшей сестры моей матери, мужъ которой, Михаилъ Александровичъ, состоялъ въ то время дежурнымъ Штабъ-офицеромъ при Академіи Генеральнаго штаба, и просилъ ее подписать требуемое отъ меня полиціей поручительство, что она и сдѣлала, взявъ съ меня слово, что я не подведу ее и не замѣшаю имя ее въ какія-бы то нибыло студенческія исторіи.

Получивъ право оставаться въ Петербургѣ и не имѣя возможности продолжать ученіе въ Университетѣ, я сталъ посѣщать вскорѣ затѣмъ открытыя нашими профессорами публичныя лекціи, читавшіяся ими большею частью въ залахъ Городской Думы и Католическаго общества при костелѣ Св. Екатерины. Чтеніе этихъ лекцій привлекало массу слушателей и наиболѣе посѣщаемыя изъ нихъ были лекціи Костомарова, Спасовича и Павлова. Въ тогдашнемъ интеллигентномъ обществѣ замѣчалось вообще какое-то особенное пробужденіе и стремленіе къ научному знанію, а потому и залы гдѣ читались эти частныя профессорскія лекціи были всегда переполнены до невозможности не только молодежью обоего пола, но и представителями высшаго столичнаго общества разныхъ возрастовъ и ранговъ. Трудно сказать, было-ли то неподдѣльною жаждою умственнаго развитія, или просто моднымъ увлеченіемъ, но фактъ успѣха этихъ лекцій и массоваго посѣщенія ихъ не подлежитъ сомнѣнію, чему не мало конечно способствовали и имена названныхъ мной корифеевъ науки, блиставшихъ какъ своей глубокой эрудиціей, такъ и замѣчательнымъ ораторскимъ краснорѣчіемъ.

Но сколько не способствовали умственному развитію эти несомнѣнно интересныя лекціи, онѣ не давали однако мнѣ лично того желаннаго результата, который могъ-бы дать мнѣ Университетъ, двери котораго продолжали оставаться безнадежно закрытыми для его слушателей. Положеніе дѣлъ въ немъ не внушало никакой надежды на перемѣну въ настроеніи молодежи, и прекратившіяся въ силу репрессій студенческія сходки въ Университетѣ, приняли направленіе уже публичныхъ митинговъ политическаго характера, выразившихся между прочимъ въ огромномъ сборищѣ разнаго люда передъ Казанскимъ Соборомъ.

Не подлежало сомнѣнію, что между студенческими безпорядками въ Петербургѣ и въ другихъ Университетскихъ городахъ существовала таинственная связь съ польскимъ повстаніемъ, равно какъ и съ послѣдовавшими вскорѣ затѣмъ страшными пожарами Апраксина двора въ Петербургѣ и по Приволожью, напримѣръ въ г. Симбирскѣ. Въ справедливости этого предположенія мнѣ пришлось лично убѣдиться изъ слѣдующаго случая. Иду однажды по Адмиралтейской площади (тогда еще не было теперешняго сада, разведеннаго на ней послѣ бывшаго на масляинницѣ огромнаго пожара деревянныхъ балагановъ, на которомъ я былъ и видѣлъ очень близко Императора Александра II, вышедшаго на этотъ пожаръ пѣшкомъ изъ Зимняго дворца), направляясь на Васильевскій Островъ въ Университетъ, чтобы взглянуть, не снято-ли съ дверей объявленіе о его закрытіи, какъ на встрѣчу, почти бѣжа, попался мнѣ какой-то субъектъ, который поравнявшись со мной и, увидѣвъ на мнѣ синій воротникъ, крикнулъ мнѣ съ очень замѣтнымъ польскимъ акцентомъ: „до Казанскіего собору"! Ясно, что это былъ одинъ изъ тѣхъ агентовъ польской справы, которые работали по лицу матушки Россіи на благо своей родины, подмывая юныхъ руссаковъ на разныя опасныя уличныя манифестаціи.

Здѣсь скажу къ слову, что хотя я и слылъ между товарищами моими либераломъ, но мой либерализмъ не заходилъ, какъ и у всѣхъ моихъ единомышленниковъ того времени, далѣе пожеланій лучшей участи и вожделѣнныхъ благъ моей обездоленной родины. Съ жаднымъ вниманіемъ читали мы, собравшись въ кружокъ у кого либо изъ насъ, издаваемые Герценомъ-Искандеромъ въ Лондонѣ „Колоколъ" и „Сѣверную звѣзду", обсуждая и комментируя по нашему разумѣнію всякую статью этихъ журналовъ, восхищаясь какъ замѣчательной стилистикой и языкомъ ихъ автора—эмигранта, такъ и содержаніемъ ихъ, всегда одухотворенныхъ горячимъ желаніемъ свободы и прогрессивныхъ реформъ для Россіи. До сихъ поръ не могу себѣ объяснить, какимъ образомъ товарищи мои ухитрялись доставать эти архизапрещенные ко ввозу въ Россію журналы при тогдашнихъ таможенныхъ и цензурныхъ строгостяхъ, но мы ихъ постоянно откуда-то получали и упивались ихъ чтеніемъ на

нашей „конспиративной квартирѣ", у товарищей моихъ по Институту, такихъ-же, какъ и я, опальныхъ студентовъ Денисова и Цытовича, жившихъ вмѣстѣ съ литераторомъ Дуровымъ въ скромной квартиркѣ пятаго этажа въ одномъ изъ прилегающихъ къ Сѣнной площади переулковъ. Съ какимъ юношескимъ восторгомъ встрѣчали мы бывало всякую вѣсть о даруемыхъ Великимъ Царемъ-Преобразователемъ новыхъ реформахъ во всѣхъ областяхъ государственнаго управленія и съ какимъ горячимъ нетерпѣніемъ ожидали мы отъ него вѣнца его великихъ твореній-народнаго представительства! Мы знали, что и онъ читаетъ Герценовскій „Колоколъ", и что многія свѣтлыя мысли почерпаются имъ изъ него. Надо однако сказать, что послѣ уничтоженія крѣпостнаго права—этого главнаго вопроса, за осуществленіе котораго неустанно ратовалъ Герценъ,—„Колоколъ" много утратилъ въ своемъ значеніи и его стали читать уже не съ тѣмъ живымъ интересомъ, какъ прежде. Онъ совершенно утратилъ свой вѣсъ во время польскаго возстанія, когда Герценъ перешелъ на сторону поляковъ и сталъ доказывать необходимость отторженія Польши отъ Русскаго Государства и когда заговорилъ Катковъ по этому поводу въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", поднявъ своими статьями неустойчивый и расплывчатый духъ патріотизма въ русской народной средѣ, потянувъ за собой массу и колебавшееся въ своемъ рѣшеніи правительство.

Но обращаюсь къ моей неудачной Университетской эпопеѣ.

Не предвидя конца студенческимъ безпорядкамъ и не имѣя возможности опредѣлить время открытія дверей Университета, я поддался совѣту М. А. Философова, посовѣтовавшаго мнѣ бросить скитаніе мое по публичнымъ лекціямъ и, не мудрствуя лукаво, поступить на службу. Онъ указалъ мнѣ на своего брата, Александра Александровича Философова, Олонецкаго Губернатора, который какъ разъ въ то время нуждался въ образованныхъ молодыхъ людяхъ для занятія чиновничьихъ мѣстъ при немъ и обѣщалъ списаться съ нимъ на мой счетъ. О братѣ своемъ, Губернаторѣ, бывшемъ воспитателѣ при Герцогахъ Лейхтенбергскихъ, сыновьяхъ В. К. Маріи Николаевны, М. А. отзывался какъ о человѣкѣ весьма мягкаго характера, съ которымъ я

легко уживусь и который, зная кто я, сдѣлаетъ возможное, чтобы обезпечить меня приличнымъ содержаніемъ и двинуть по службѣ. Трудно мнѣ было сразу рѣшиться на такой важный переходъ въ моей жизни и я долго колебался, пока не получилъ одобреніе отъ отца, которому подробно описалъ мое неопредѣленное и незавидное положеніе, послѣ чего далъ М. А. Философову мое согласіе на приведеніе въ исполненіе сдѣланнаго имъ мнѣ предложенія.

IV *).

1862—1866 г.г.

Начало моей служебной карьеры. Сѣверное сіяніе. Петрозаводскъ. Мой первый начальникъ губернаторъ А. А. Философовъ. Губернаторъ Ю. К. Арсеніевъ. Мои служебные разъѣзды по Олонецкой губерніи. Переходъ на службу въ Симбирскъ. Изъ исторіи этого города и дворянства губерніи. Губернаторъ М. И. Анисимовъ и его семья. Гор. Сызрань и мое пребываніе въ немъ по слѣдственному дѣлу. Угрожавшая мнѣ смертельная опасность отъ угара. Первое соприкосновеніе мое съ цензурнымъ дѣломъ и секретарство въ крестьянскомъ присутствіи. Ссыльные поляки. Пожаръ 19 августа 1864 г. Симбирска. Случайное спасеніе отъ грозившей мнѣ опасности. Послѣдствія страшной катастрофы. Непріятный клубный инцидентъ. Генералъ-майоръ Галлеръ, генералъ-адъютантъ баронъ Врангель и сенаторъ Ждановъ. Полковникъ Дудинскій. Губернаторъ баронъ Веліо и вице-губернаторъ П. П. Коссаговскій. Переходъ мой на службу по цензурному вѣдомству въ Москву.

Въ одинъ скверный петербургскій сентябрьскій день 1862 года сѣлъ я на пароходъ и отправился на службу въ Петрозаводскъ. Шли мы сначала по Невѣ, потомъ по бурному Ладожскому озеру и затѣмъ по рѣкѣ Свири и высадились въ городѣ Лодейномъ-Полѣ, откуда пришлось ѣхать на перекладныхъ, такъ какъ дальше рѣка обмелѣла, а на Онежскомъ озерѣ въ ту пору не было еще пароходнаго сообщенія.

Дорогой познакомился я съ очень пріятнымъ собесѣдникомъ и человѣкомъ, оберъ-секретаремъ сената Всев. Алек. Ратьковымъ-Рожновымъ, впослѣдствіи вятскимъ вице-губернаторомъ, съ которымъ я сохранилъ наилучшія отношенія до самой его смерти. Онъ ѣхалъ въ Петрозаводскъ къ семнадцатому числу, дню именинъ жены полковника артиллеріи

*) „Историч. Вѣстникъ", Январь 1912 г.

Лелонга, къ которой питалъ нѣжныя чувства и съ которой потомъ, послѣ того, что она овдовѣла, сочетался бракомъ. Продолжая путь въ его сообществѣ и на перекладныхъ, я приходилъ въ восторгъ отъ дремучихъ лѣсовъ, скалъ и озеръ, которыми такъ изобилуетъ нашъ сѣверъ и которые составляютъ живописную принадлежность его суровой и дикой природы. Ѣхать на перекладныхъ было совсѣмъ не такъ дурно, во-первыхъ, потому, что на веревочномъ переплетѣ тарантаса было настлано масса сѣна, а, во-вторыхъ, и дорога въ тѣхъ мѣстахъ отъ природы такъ же хороша, какъ и въ Финляндіи, представляя собою въ этой скалистой мѣстности съ каменнымъ грунтомъ какъ бы сплошную, хорошо утрамбованную шоссейную кору. Невзыскательная къ удобствамъ молодость, съ одной стороны, съ другой, усталость взяли свое, и я крѣпко, заснулъ въ нашемъ примитивномъ экипажѣ, какъ вдругъ былъ внезапно разбуженъ громкимъ окрикомъ моего спутника:

— Проснитесь и взгляните на эту картину,—сказалъ онъ мнѣ, указывая на небо.

Я раскрылъ глаза и, сразу, не сообразивъ въ чемъ дѣло, въ ужасѣ запряталъ голову подъ пледъ. Никогда прежде не видѣвши сѣвернаго сіянія, которое охватывало бы весь небесный сводъ столь яркимъ пламенемъ багряныхъ столбовъ своихъ, какъ оно бываетъ только на далекомъ сѣверѣ, я прямо былъ подавленъ этимъ удивительнымъ и въ то же время жуткимъ явленіемъ. Мнѣ казалось, что въ немъ есть что-то зловѣщее, передъ чѣмъ человѣкъ является безпомощнымъ, какъ песчинка, которую вотъ сейчасъ захватитъ это страшилище въ свои огненныя объятія. Потомъ мнѣ не разъ приходилось видѣть въ Олонецкой губерніи такія же сѣверныя сіянія, и я привыкъ къ нимъ, но въ этотъ первый разъ нервы мои не выдержали чудовищнаго зрѣлища, и я былъ положительно подавленъ имъ.

Прибывъ въ Петрозаводскъ и поселившись въ единственной имѣвшейся тогда въ этомъ городѣ гостиницѣ, содержимой предпріимчивымъ нѣмцемъ Фохтомъ, неизвѣстно какими судьбами занесеннымъ изъ своего фатерланда на нашъ суровый сѣверъ, я на другой день по пріѣздѣ моемъ явился къ губернатору, которому передалъ письмо отъ его брата.

Артиллеріи генералъ-майоръ А. А. Философовъ принялъ меня чрезвычайно любезно, обнаруживъ въ манерѣ обращенія человѣка съ свѣтскимъ лоскомъ. Онъ въ тотъ же день представилъ меня женѣ своей, урожденной Кротковой, и свояченицѣ, В. А. Философовой - же, вдовѣ бывшаго Директора Пажескаго корпуса, имѣвшей, какъ оказалось потомъ, большое вліяніе на него при управленіи губерніей, и пригласилъ меня къ обѣду, гдѣ познакомилъ съ остальными членами своего семейства. Позвавъ меня послѣ обѣда къ себѣ въ кабинетъ, онъ объявилъ мнѣ, что имъ заранѣе уже составленъ планъ моей карьеры въ Петрозаводскѣ, состоящій въ слѣдующемъ: для начала онъ назначитъ меня младшимъ при себѣ чиновникомъ особыхъ порученій, затѣмъ старшимъ, потомъ совѣтникомъ губернскаго правленія и, наконецъ, вице-губернаторомъ. Ошеломленный его чрезмѣрнымъ и ничѣмъ пока еще не заслуженнымъ вниманіемъ, я не зналъ, какъ благодарить его, и, возвратясь къ себѣ, излилъ въ письмѣ моемъ къ родителямъ мое очарованіе безмѣрно-любезнымъ и экспансивнымъ начальникомъ губерніи, наобѣщавшимъ мнѣ такія радужныя перспективы. Вышло, однако, „не такъ жадалось, якъ гадалось“, какъ говорятъ хохлы: изъ заманчиво начертанной программы былъ выполненъ только первый пунктъ ея, а именно назначеніе мое на должность младшаго чиновника особыхъ порученій.

Напутствуя меня на службу въ Петрозаводскъ, дядя мой М. А. Философовъ,—а тѣмъ болѣе я,—не зналъ того, въ какое положеніе поставилъ себѣ тамъ А. А. Философовъ. Мнѣ не нужно было много времени, чтобы изъ разговоровъ мѣстныхъ аборигеновъ догадаться, что я попалъ въ непріятную ловушку. Оказалось, что еще до моего пріѣзда А. А. Философовымъ велась война не на жизнь, а на смерть со всѣмъ чиновничьимъ людомъ губерніи, начиная отъ вице-губернатора Золотницкаго, стоявшаго во главѣ губернскаго правленія, и кончая чуть ли своей собственной губернаторской канцеляріей, и что я, ничего не подозрѣвая, прибылъ въ самый кульминаціонный моментъ разгара этой войны, попавъ, что называется, какъ куръ во щи. Кто изъ нихъ былъ правъ, кто виноватъ,—я и до сихъ поръ объяснить себѣ не могу. Знаю только, что весь этотъ губернскій кавардакъ, окончился тѣмъ, что много наобѣщавшаго мнѣ

и мягко стелющаго перваго начальника моего, вскорѣ причислили къ министерству и что вмѣсто него я получилъ новаго начальника въ лицѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Арсеніева.

Юлій Константиновичъ Арсеніевъ былъ назначенъ начальникомъ Олонецкой губерніи изъ Тулы, гдѣ онъ также губернаторствовалъ и гдѣ выказалъ большую административную изворотливость. Онъ былъ сынъ извѣстнаго географа и статистика и былъ женатъ на Паренсовой, сестрѣ нынѣшняго Петергофскаго коменданта, генерала - отъ - инфантеріи Паренсова, автора весьма интересныхъ записокъ „Изъ прошлаго“ о турецкой войнѣ 1877 года, съ которымъ мнѣ въ молодости случалось встрѣчаться у товарища его по службѣ покойнаго Д. С. Нагловскаго.

„Новая метла всегда хорошо мететъ“, говоритъ поговорка, и новый начальникъ губерніи не замедлилъ доказать справедливость этой поговорки. Онъ старательно сталъ заметать всѣ слѣды своего предшественника и началъ, конечно, съ лицъ, близко стоявшихъ по службѣ при послѣднемъ. Дошла очередь и до меня, и я, не заставляя себя просить, оставилъ неудачно начатую службу мою въ Петрозаводскѣ, получивъ 20-го Іюня 1863 года, чрезъ посредство того же М. А. Философова, мѣсто старшаго чиновника особыхъ порученій при знакомомъ ему Симбирскомъ губернаторѣ М. И. Анисимовѣ.

Пробывъ, такимъ образомъ, всего около десяти мѣсяцевъ на службѣ въ Петрозаводскѣ, я, признаюсь, не безъ удовольствія покинулъ этотъ исключительно чиновничій городъ, гдѣ, кромѣ семейства названнаго выше полковника Лелонга, ни съ кѣмъ не успѣлъ короче познакомиться, если не считать еще знакомства съ семействомъ Полѣновыхъ, одинъ изъ членовъ котораго заслужилъ себѣ впослѣдствіи извѣстность своимъ выдающимся художественнымъ талантомъ, и съ сосланнымъ на жительство въ Петрозаводскъ за „хожденіе въ народъ“ извѣстнымъ собирателемъ народныхъ былинъ, изданныхъ въ свѣтъ въ 1861—1867 годахъ и составившихъ ему громкое имя въ литературѣ, П. Н. Рыбниковымъ. Я, впрочемъ, и не имѣлъ достаточно времени для этого, такъ какъ изъ десяти мѣсяцевъ моего пребыванія въ Петрозаводскѣ я долженъ еще вычесть время командиро-

вокъ по губерніи для производства слѣдствій по порученіямъ губернатора и губернскаго правленія. Такихъ командировокъ у меня было счетомъ шесть въ слѣдующія мѣста: Лодейное-Поле, Вытегру и Вознесенскъ, и мнѣ пришлось исполнять ихъ въ страшную зимнюю стужу, о которой я не имѣлъ до того никакого представленія. Но, закутанный въ медвѣжью шубу и въ мѣховыхъ валенкахъ на ногахъ, обвернутыхъ поверхъ чулокъ газетной бумагой, я чувствовалъ себя въ почтовыхъ саняхъ какъ въ печкѣ, и хотя въ разъѣздахъ моихъ по губерніи не доѣзжалъ до крайняго сѣвернаго пункта ея, города Повѣнца, о которомъ олончане говорятъ: „Повѣнецъ—свѣту конецъ", но находился однажды въ двухстахъ верстахъ по прямому направленію отъ Бѣлаго моря. Обезопасивъ себя въ этихъ поѣздкахъ отъ отмораживаній конечностей, я не могъ того же сдѣлать относительно другой опасности—нападеній медвѣдей и волчьихъ стай. Мнѣ, однако, ни разу не случалось имѣть дѣло съ этими хищниками, зато каждый смѣнявшійся ямщикъ считалъ непремѣннымъ своимъ долгомъ развлекать меня разсказами о своихъ встрѣчахъ съ „Мишкой" или съ волками, и нельзя сказать, чтобы эти разсказы дѣйствовали успокоительно на мои нервы: становилось жутко, особенно въ безлунныя ночи, и я не безъ страха всматривался въ дремучія и мрачныя дебри окаймляющаго дорогу безконечнаго лѣса.

Да, не ласковъ нашъ суровый сѣверъ, и я, не скрывая своего удовольствія, покинулъ его навсегда, чтобы продолжать неудачно начатую въ немъ службу на востокѣ, на берегахъ Волги. Но и тамъ, какъ будетъ видно далѣе, мнѣ тоже не повезло...

Симбирскъ, въ который я прибылъ пароходомъ по Волгѣ изъ Нижняго въ іюнѣ 1863 года, былъ сдѣланъ главнымъ городомъ Симбирскаго намѣстничества еще въ 1780 г., при императрицѣ Екатеринѣ II, но въ то время онъ былъ незначительнымъ городишкомъ и имѣлъ 10,000 жителей; я же засталъ его уже довольно значительнымъ губернскимъ городомъ съ 24,000 жителей. Расположенный на высокомъ берегу Волги, къ которой сходятъ фруктовые сады его, Симбирскъ, по мѣстоположенію своему, можетъ назваться

красивымъ, и видъ съ такъ называемаго „Вѣнца"—возвышенной мѣстности, откуда начинаются фруктовые сады эти,—достоинъ кисти художника. Но „самая наружность родного города—пишетъ И. А. Гончаровъ въ своихъ воспоминаніяхъ—не представляетъ ничего другого, кромѣ картины сна и застоя", съ чѣмъ нельзя не согласиться съ нимъ.

Началомъ процвѣтанія Симбирска надо считать 1812 г., когда дворянство кинулось изъ Москвы во внутреннія губерніи Россіи. Тогда и въ Симбирскую губернію, дворянскую par excellence, возвратились ея помѣщики и проводили зимы въ своемъ губернскомъ городѣ, гдѣ настроили себѣ каменные барскіе дома.

Изъ коренныхъ дворянскихъ родовъ, издавна поселившихся въ Симбирской губерніи и предки которыхъ перенесли немало бѣдъ отъ Пугачева, я засталъ слѣдующія фамиліи: Языковыхъ, Ермоловыхъ, Есиповыхъ, Бабкиныхъ, Родіоновыхъ, Кохановыхъ, Бестужевыхъ, Канабѣевыхъ, Юрасовыхъ, Хвощинскихъ, Кротковыхъ, Москвитиновыхъ, Поливановыхъ, Дворниковыхъ, князей Гагариныхъ, Баюшевыхъ и Баратаевыхъ, графовъ Орловыхъ-Давыдовыхъ и прочихъ. Со многими изъ нихъ я познакомился и убѣдился, что большинство не столько занималось хозяйствомъ въ своихъ помѣстьяхъ, сколько охотами и проматываніемъ полученныхъ ими выкупныхъ денегъ. Николай Павловичъ прозвалъ Симбирскую губернію губерніей отставныхъ корнетовъ и прапорщиковъ, такъ какъ мало кто изъ дворянъ этой губерніи выдвинулся на государственной службѣ. Въ гостинницѣ одного изъ нихъ, пустившагося на разныя аферы послѣ окончательной потери своего состоянія, я и остановился по пріѣздѣ моемъ въ Симбирскъ. Хозяинъ мой, прозванный „самоваромъ" за свою непомѣрную тучность, не дослужившись даже до перваго чина, былъ всего штыкъ-юнкеромъ въ отставкѣ.

Но на сколько господа дворяне этой губерніи были въ общемъ не чиновны, настолько они надменно держали себя не только съ чиновниками вообще, но и съ губернаторомъ, вслѣдствіе чего происходили частые конфликты представителей административной власти съ представителями дворянства—губернскимъ и уѣздными предводителями, требовавшими къ себѣ весьма щепетильнаго отношенія и считавшими себя почему-то plus royalistes que le roi. Для меня,

какъ пріѣхавшаго изъ чиновничьей губерніи, гдѣ всѣ носились съ губернаторомъ, будучи въ полной зависимости отъ него, эта новая форма отношеній показалась, по контрасту своему, весьма рѣзкой, и, будучи достаточно самолюбивъ, я старался держать себя въ сторонѣ и всецѣло предался моимъ служебнымъ занятіямъ. Вскорѣ, однако, я по роду службы моей долженъ былъ, волей-неволей, имѣть постоянныя и непосредственныя сношенія съ избѣгаемымъ мною дворянствомъ этой губерніи. Но прежде, чѣмъ я коснусь этого, я долженъ сказать нѣсколько словъ о моемъ начальникѣ и его семействѣ.

Положеніе неопытнаго ни въ жизни, ни въ службѣ молодого человѣка поистинѣ должно назваться трагическимъ, если ему приходится начать самостоятельный жизненный путь въ далекомъ отъ близкихъ и родныхъ ему людей мѣстѣ. Въ такомъ именно положеніи находился я въ началѣ моего служебнаго поприща. Но если въ Петрозаводскѣ мнѣ суждено было съ первыхъ же шаговъ наткнуться на суровую встрѣчу въ жизни, то здѣсь, въ Симбирскѣ, она была смягчена истинно-сердечнымъ отношеніемъ ко мнѣ какъ со стороны покойнаго начальника моего, Михаила Ивановича Анисимова, такъ и со стороны его достойнѣйшаго семейства. Подъ просвѣщеннымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отеческимъ руководительствомъ перваго и при участливомъ отношеніи ко мнѣ покойной супруги его Софьи Даниловны—женщины рѣдкой доброты—зажилъ я въ чуждомъ мнѣ городѣ, изъ котораго по роду служебныхъ занятій моихъ мнѣ, какъ и изъ Петрозаводска, приходилось разъѣзжать по губерніи, исполняя губернаторскія порученія, изъ коихъ особенно мнѣ памятна командировка моя въ городъ Сызрань для разслѣдованія ссоры между городскимъ головою Лебедевымъ и полицiймейстеромъ этого города ротмистромъ Петровымъ.

Сгорѣвшій почти до основанія въ 1906 году городъ Сызрань былъ тогда хорошо обстроеннымъ и однимъ изъ зажиточныхъ приволожскихъ городовъ, хотя и отстоялъ отъ этой мощной водяной артеріи въ двѣнадцати верстахъ. Я былъ пріятно удивленъ, когда въѣхавъ въ него, увидѣлъ стройный рядъ домовъ и рѣдкое въ нашихъ уѣздныхъ городкахъ оживленіе на улицахъ. Но еще болѣе было мое удивленіе, когда во время полуторамѣсячнаго пребыванія

моего въ немъ мнѣ пришлось перезнакомиться со многими изъ его обитателей и окрестныхъ помѣщиковъ, въ средѣ которыхъ я встрѣтилъ не мало образованныхъ, пріятныхъ и очень гостепріимныхъ людей. Въ числѣ ихъ назову семейство предводителя дворянства Насакина, женатаго на дочери писателя Дмитріева, Бестужевыхъ, Уваровыхъ, доктора Водова, судебнаго слѣдователя Пузинскаго, промѣнявшаго впослѣдствіи Ѳемиду на Мельпомену и составившаго себѣ спеціальную извѣстность въ исполненіи ролей старыхъ бабъ и проч. Посѣщая ихъ и вмѣстѣ съ ними окрестныхъ помѣщиковъ, устраивавшихъ пикники на тройкахъ, костюмированные балы и спектакли, я хотя и увлекся по молодости лѣтъ ихъ веселой и беззаботной жизнью, не упуская случая поухаживать за дамами, но дѣлалъ это въ надлежащей мѣрѣ, не забывая о тяготѣвшемъ на мнѣ порученіи. Порученіе же это было не изъ легкихъ, особенно для такого новичка въ службѣ, какимъ былъ я въ ту пору.

Возникшая по ничтожному поводу непримиримая вражда между городскимъ головой, къ слову сказать, весьма неглупымъ человѣкомъ, братомъ извѣстнаго въ старообрядчествѣ Павла Прусскаго, и полицiймейстеромъ, выслужившимся изъ писарей, раздулась до невозможныхъ размѣровъ. Они дали себѣ слово утопить другъ друга, и никакія мои усилія къ примиренію ихъ не привели ни къ чему. Затѣялъ дѣло первый изъ нихъ и такъ какъ на его сторонѣ была сила мошны, то онъ, не останавливаясь ни передъ чѣмъ, даже подкупалъ свидѣтелей противъ полицiймейстера и возбудилъ вдругъ новое дѣло противъ своего заклятаго врага, обвиняя его... въ мужеложствѣ! Но тутъ добрѣйшій Михаилъ Ивановичъ, щадя мою молодость, предписалъ мнѣ возвратиться въ Симбирскъ съ законченнымъ уже дѣломъ, откомандировавъ для производства новаго порнографическаго слѣдствія болѣе опытнаго и пожилого чиновника, чѣмъ я. Чѣмъ оно окончилось, я не знаю. Знаю только, что затравленный своимъ противникомъ Петровъ былъ въ концѣ концовъ отозванъ изъ Сызрани, а дѣло о немъ, какъ и всѣ дѣла присутственныхъ мѣстъ въ Симбирскѣ, сгорѣло въ пожарѣ этого города 19-го августа 1864 года.

Не могу пройти здѣсь молчаніемъ одного грознаго эпизода, которымъ завершилась поѣздка моя въ городъ

Сызрань и который, благодаря случайности, или, сказать лучше, находчивости моего слуги, могъ бы окончиться роковымъ образомъ для меня.

Возвратившись въ Симбирскъ, я засталъ занимаемую мною квартиру во флигелѣ дома уѣзднаго предводителя дворянства Попова на соборной площади не отопленной. Приказавъ пожилому слугѣ моему Роману, уроженцу Литвы, затопить печку, я уснулъ богатырскимъ сномъ, послѣ переѣзда болѣе ста верстъ на перекладныхъ. Во снѣ чувствую, что въ вискахъ стучитъ и что я задыхаюсь. Встаю съ постели, зову моего литовца и, шатаясь, пробираюсь изъ моей спальни черезъ гостиную въ переднюю къ нему навстрѣчу, но тутъ силы мои измѣняютъ мнѣ, и я растягиваюсь на полу замертво. Сколько времени продолжалось мое обморочное состояніе, я сказать не могу, но и теперь я не безъ содроганія вспоминаю всѣ моменты, предшествовавшіе тому состоянію, когда я чувствовалъ, что жизнь оставляетъ меня и что я безсиленъ остановить надвигающуюся смерть, смерть отъ угара—одну изъ самыхъ ужасныхъ, какую можно себѣ представить! Когда я раскрылъ наконецъ глаза и сердце снова забилось, я съ жадностью сталъ вдыхать въ себя воздухъ и подставлять лицо подъ струи воды, которыми опрыскивалъ стоявшій надъ моимъ безжизненнымъ тѣломъ Романъ. По счастью, онъ услышалъ мое паденіе и, хотя сонный, догадался, въ чемъ дѣло, выскочилъ изъ своей комнаты и усиленно сталъ лить мнѣ воду изъ кувшина на голову и прыскать ею мнѣ въ лицо... Если-бы онъ не проснулся и, какъ и я, угорѣлъ отъ слишкомъ ранняго закрытія имъ же вьюшекъ въ печи, то на утро нашли бы вмѣсто насъ два трупа, и мнѣ не пришлось бы отмѣтить въ моихъ запискахъ этотъ второй случай въ моей жизни, грозившій положить ей предѣлъ еще въ начальномъ возрастѣ ея земного бытія.

Въ февралѣ 1864 года я былъ назначенъ, согласно предписанію министра внутреннихъ дѣлъ, къ цензированію корреспонденцій политическихъ преступниковъ изъ польскихъ уроженцевъ, сосланныхъ въ Симбирскую губернію, а въ апрѣлѣ того-же года я, по предложенію М. И. Анисимова,

былъ назначенъ секретаремъ симбирскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія,—крайне сложная и въ то же время интересная обязанность, давшая мнѣ возможность близко познакомиться съ примѣненіемъ къ дѣлу за три года передъ тѣмъ осуществленной великой реформы въ крестьянскомъ быту.

Назначеніе къ исполненію первой изъ названныхъ обязанностей послѣдовало совершенно неожиданно для меня. Случайно проговорившись, что я знаю польскій языкъ, я подалъ поводъ губернатору представить меня къ цензированію корреспонденціи польскихъ ссыльныхъ, съ которой не знали, что дѣлать, не имѣя никого, кто бы владѣлъ этимъ языкомъ и могъ бы просматривать ее. Это было, такъ сказать, первой прелюдіей къ моей цензорской службѣ, въ которой мнѣ суждено было пробыть затѣмъ столько лѣтъ! По совѣсти могу сказать, что въ корреспонденціи этой, носившей, впрочемъ, исключительно частный характеръ, мнѣ ни разу не пришлось прибѣгать къ непріятнымъ разоблаченіямъ, могшимъ ухудшить положеніе и безъ того обездоленныхъ и пострадавшихъ за свой политическій порывъ людей. Я молча слушалъ также хоромъ распѣваемыя этими ссыльными патріотическія пѣсни ихъ, вродѣ „Еще Польска не сгинела“ и проч., далеко разносившіяся по городу изъ открытыхъ оконъ отведенныхъ для ихъ жительства казармъ. Словъ этихъ пѣсенъ ни одна душа изъ мѣстныхъ обывателей не понимала, и я спрашивалъ себя: какъ поступилъ бы я на ихъ мѣстѣ въ изгнаніи? Далеко не будучи ополяченнымъ моимъ рожденіемъ и воспитаніемъ въ Вильнѣ и будучи настолько искреннимъ сыномъ Россіи, насколько они своей Польши, я невольно ставилъ себя въ положеніе этихъ повстанцевъ, пытавшихся возвратить отобранную страну ихъ. Не разъ видѣлъ я ихъ потомъ на прогулкахъ подъ наблюденіемъ стражи, слышалъ ихъ разговоры, вздохи и жалобы, и съ тяжелыми думами о человѣческой розни и братской враждѣ возвращался я домой...

Что касается моихъ служебныхъ занятій по крестьянскому присутствію, то ими я былъ вполнѣ доволенъ, видя въ нихъ непосредственную пользу, приносимую свѣтлому дѣлу крестьянскаго раскрѣпощенія, проведенію котораго на мѣстѣ великодушно посвятили свои силы въ ту пору лучшіе

люди изъ дворянъ-помѣщиковъ, съ которыми мнѣ и пришлось ближе познакомиться въ моей общей съ ними великой работѣ.

«Все сколько-нибудь доброе, просвѣщенное,—говоритъ Г. Градовскій объ этой славной эпохѣ,—сознавало тогда, что недостаточно избавить народъ отъ цѣпей крѣпостничества, необходимо возможно скорѣе освободить его изъ неизбѣжнаго спутника рабства, отъ невѣжества, суевѣрія. Офицеры бросали военную службу, шли въ мировые посредники, слушали лекціи въ университетахъ; ученые, студенты, западники и славянофилы „сороковыхъ годовъ", лучшіе писатели задумывались объ обязанностяхъ высшихъ слоевъ общества передъ народомъ, воскрешали идеалы первыхъ годовъ царствованія Александра I-го. Левъ Толстой превратился въ сельскаго учителя и издавалъ учебный журналъ „Ясную Поляну". Вспомнилось мнѣ и мое краткое учительство въ воскресныхъ школахъ, едва раздался благовѣстъ о свободѣ русскаго народа 19-го февраля 1861 года».

А вотъ и еще одинъ отрывокъ, взятый мною изъ воспоминаній „шестидесятника" Ѳ. Г. Тернера, свидѣтельствующій о томъ же подъемѣ духа дѣятелей той славной эпохи:

«Посредники, избранные изъ мѣстныхъ дворянъ,—говоритъ Тернеръ—которымъ приходилось на практикѣ приводить въ исполненіе положеніе, оказались до того на высотѣ своего положенія, что до сихъ поръ мировые посредники перваго призыва въ памяти всѣхъ оказываются окруженными какимъ-то особеннымъ ореоломъ, совершенно выдѣляющимъ ихъ изъ округа служебныхъ дѣятелей всѣхъ временъ. Сознаніе высоты возложенныхъ на нихъ обязанностей подняло ихъ духовно и какъ бы совершенно преобразило ихъ характеръ до того, что даже личности, бывшія прежде ярыми крѣпостниками, сдѣлавшись мировыми посредниками, стали съ такимъ увлеченіемъ отстаивать интересы крестьянства, что ихъ братья-дворяне упрекали ихъ даже въ томъ, что они жертвуютъ дворянскими интересами.

«Это такое знаменательное явленіе, которое представляется почти единственнымъ въ нашей исторіи; оно доказываетъ воочію, что если только правительство рѣшается аппелировать къ высшимъ побужденіямъ людей и при этомъ

оказываетъ имъ полное довѣріе, то всегда въ Россіи найдутся достойныя личности, которыя окажутся на высотѣ своего положенія».

Поколѣнію, выросшему уже въ иной атмосферѣ, не можетъ быть понятенъ тотъ подъемъ духа и то великое значеніе реформъ Александра II, которое отразилось на насъ, современныхъ свидѣтеляхъ и дѣятеляхъ той славной эпохи.

Наиболѣе видными дѣятелями на этомъ поприщѣ собственно въ Симбирскѣ были мои сотрудники—члены крестьянскаго присутствія: губернскій предводитель Ермоловъ, помѣщики Ребровскій, Грибовскій, Князь Баратаевъ, Астраханцевъ и Д. П. Ознобишинъ. Послѣдній былъ недюжиннымъ поэтомъ и принадлежалъ къ Пушкинской плеядѣ. Онъ былъ очень плодовитъ и сотрудничалъ во многихъ журналахъ своей эпохи подъ разными псевдонимами. Какъ теперь вижу этого небольшого роста старичка въ очкахъ въ золотой оправѣ, въ длиннополомъ сюртукѣ, жабосахъ и галстукѣ стараго покроя, всегда чистенькаго и аккуратнаго, покуривающаго папиросы изъ нынѣ, кажется, уже не существующаго табака мариландъ-ду, приторно-ароматическаго запаха. Писалъ онъ свои доклады весьма четкимъ и бисернымъ почеркомъ и, помню, не разъ возмущался неправильностью нѣкоторыхъ оборотовъ и выраженій въ русской рѣчи, усвоенныхъ въ послѣднее время.

— Не могу переварить,—сказалъ онъ мнѣ однажды, когда прочитывалъ мой докладъ—когда пренебрегаютъ чистотой русскаго языка и пишутъ, напримѣръ: урожай хлѣбовъ, а не урожай хлѣба...

Онъ былъ богатымъ помѣщикомъ Корсунскаго уѣзда, женатъ на молодой красавицѣ и имѣлъ единственнаго сына. Изъ массы стихотвореній, написанныхъ имъ въ разное время, мнѣ особенно нравилось стихотвореніе его „Нардзанъ", оканчивающееся такъ:

Кипи-жъ, Нардзанъ, струей могучей
И пѣной звонкой и кипучей
Ласкай пришельца жадный взоръ!
Шуми, обильный, здравье льющій,
Студеный, жгучій, искробьющій,
Алмазный ключъ Кавказскихъ горъ!

Здѣсь умѣстно будетъ напомнить, что хотя Симбирская губернія и была названа Николаемъ Павловичемъ губерніей «отставныхъ корнетовъ и прапорщиковъ», но она дала нѣсколько крупныхъ свѣтилъ русской литературѣ, имена коихъ слѣдующія: Карамзинъ, Гончаровъ, Дмитріевъ, отецъ и сынъ Минаевы, братья Тургеневы и проч.

19-го февраля 1911 года совершилось пятьдесятъ лѣтъ со времени уничтоженія крѣпостной зависимости, и народъ русскій праздновалъ на всемъ протяженіи великой Россіи свое освобожденіе, проведенное въ жизнь не революціей, а твердой волей одного человѣка – Царя-Освободителя Александра II, которому повсюду у себя ставитъ памятники. Благодарю Бога, что мнѣ суждено было дожить до полувѣкового юбилея этого историческаго событія и что мнѣ довелось въ жизни моей внести и мою скромную долю участія въ осуществленіе великаго дѣла...

Я, быть можетъ, еще долго оставался бы на моей секретарской должности въ крестьянскомъ присутствіи, если бы не постигла городъ Симбирскъ та ужасная катастрофа, о которой я сейчасъ разскажу.

Въ день этой страшной катастрофы я, по обыкновенію, отправился утромъ на службу. Ничего не предвѣщало, что несчастный городъ этотъ обратится черезъ нѣсколько часовъ въ груды пепла и развалинъ, и что мнѣ самому придется спасать свою жизнь отъ пожиравшаго его огненнаго костра. Описаніе истребившаго Симбирскъ ужаснаго пожара было помѣщено мной въ видѣ корреспонденціи за подписью „Погорѣлецъ“ въ издававшемся въ то время въ Москвѣ И. Аксаковымъ журналѣ его „День“ (№ 41, 10-го октября 1864 г.), откуда я и привожу это описаніе, добавляя къ нему то, что припоминаю теперь и что не попало въ мою тогдашнюю корреспонденцію въ названный журналъ.

Пожаръ города Симбирска 19-го августа 1864 г. начался почти въ самомъ центрѣ этого города съ строеній дома Шлихтейзена. Дѣло было въ пятомъ часу вечера. Народъ бросился со всѣхъ концовъ города къ мѣсту пожара. Я послѣдовалъ за народомъ. Когда я прибылъ къ дому Шлихтейзена, то не только онъ, но и всѣ смежные дома были уже объяты огнемъ. Огонь съ неимовѣрной быстротой

сообщался отъ одного строенія къ другому, но большой опасности для города нельзя было предвидѣть и если-бы не то, что произошло впослѣдствіи, то огонь остановился бы у главной улицы и послѣднею жертвою его могъ быть развѣ еще только домъ духовнаго училища. Но вдругъ поднялся страшный вѣтеръ, который въ какихъ-нибудь двадцать минутъ превратился въ бурю, въ страшную, гибельную бурю! Дымъ, огонь, пыль и искры—все это перемѣшалось, закрутилось и понеслось чрезъ весь городъ широкою полосою, зажигая и уничтожая все, что ни попадалось на дорогѣ. Народъ кинулся во всѣ стороны—кто куда. Одни ударились по направленію къ Волгѣ, другіе къ Свіягѣ. Я былъ изъ числа первыхъ. Когда я прибѣжалъ на соборную площадь, то нельзя было уже устоять и на ней—надо было бѣжать безъ оглядки далѣе, и я побѣжалъ по старому спуску, мимо церкви Тихвинской Божіей Матери, къ Волгѣ. Передо мною, рядомъ и за мной неслась густая толпа народа разнаго званія и состоянія, въ перемежку съ спасавшимися животными—лошадьми, коровами, собаками и проч. Замѣтивъ, что двѣ рядомъ со мной бѣгущія престарѣлыя монахини изъ женскаго монастыря изнемогали подъ тяжестью ноши мѣшковъ, въ которыхъ онѣ наскоро запихали свой скудный скарбъ, желая хоть что-нибудь спасти изъ него отъ безпощадной стихіи, я взвалилъ ихъ мѣшки на свои плечи и донесъ ихъ до Волги, за что въ благодарность получилъ отъ этихъ старухъ просфору, которая оказала мнѣ, какъ будетъ видно, немаловажную услугу...

Всю ночь съ 19-го по 20-е Августа провелъ я у самой Волги въ какомъ-то огородѣ, гдѣ засталъ губернатора, его семью и правителя канцеляріи Карташева. Передъ нами, какъ на ладони, растилалась вся страшная и вмѣстѣ съ тѣмъ величественная картина пожара. Вершина горы, на которой пылалъ городъ и скатъ ея къ Волгѣ—все это представляло широкую огненную полосу, которая оканчивалась у самой рѣки. Сама Волга превратилась въ какую-то огненную ленту, и воды ея отражали въ себѣ, какъ въ зеркалѣ, пылающую гору. Звонъ церквей, призывающій на помощь, отчаянные крики, стоны и вопль народа—все это довершало впечатлѣніе. Но вотъ зазвонилъ безпорядочно и соборъ во всѣ колокола... Сначало громко, потомъ все тише и вдругъ

умолкъ... Черезъ минуту глава его запылала... Глядя на эту потрясающую, но и въ то же время и волшебную картину, бѣдный Карташевъ, будучи уроженцемъ и домовладѣльцемъ Симбирска, а впослѣдствіи и его головой, горько заплакалъ...

Утро на слѣдующій день было великолѣпное. Солнце взошло ярко и весело, и лучи его освѣтили дымящіяся развалины несчастнаго города. Я тотчасъ отправился въ послѣдній, чтобы розыскать моего слугу и чтобы взглянуть на мое сгорѣвшее добро и на погибшія дѣла моего присутствія. Разрушеніе встрѣчалось мнѣ на каждомъ шагу. Дома и улицы можно было только узнать по догадкамъ—огонь сгладилъ все до основанія. Однѣ закоптѣвшія стѣны да мѣстами уцѣлѣвшія трубы придавали всей мѣстности видъ какого-то мусульманскаго кладбища. Вездѣ виднѣлись слѣды смерти и разрушенія. Я наткнулся на нѣсколько грудъ изжаренныхъ людей и трупъ одной женщины съ серебряными и золотыми монетами на груди, а въ одномъ мѣстѣ торчалъ на кругу въ уцѣлѣвшей металлической клѣткѣ задохшійся, очевидно, отъ дыма великолѣпный попугай... Да, это былъ „Послѣдній день Помпеи" для Симбирска, потому что наврядъ ли когда-либо этотъ городъ придетъ въ то положеніе, въ которомъ онъ былъ до страшнаго для него дня!..

Не розыскавъ ни моего слуги, ни моихъ вещей и ни одного клочка бумаги изъ дѣлъ, я направился обратно къ тому огороду на берегу Волги, гдѣ я провелъ ночь. Тамъ я уже не засталъ губернатора и мнѣ сказали, что онъ и всѣ бывшіе съ нимъ переселились въ уцѣлѣвшее зданіе больницы, куда я и отправился розыскивать ихъ, по береговой дорогѣ, ведущей къ извѣстному подгородному помѣстію Киндяковкѣ, гдѣ жилъ Гончаровъ и гдѣ надъ обрывомъ къ Волгѣ онъ написалъ свой „Обрывъ". Мнѣ хорошо была знакома та мѣстность, гдѣ я часто охотился на зайцевъ, вальдшнеповъ и проч. Утомленный безсонной ночью, голодный и подавленный пережитыми страшными картинами смерти и разрушенія, я уже хотѣлъ было присѣсть и, вспомнивъ о данной мнѣ монахинями просфорѣ, съѣсть ее, какъ навстрѣчу мнѣ показались нѣсколько крестьянскихъ повозокъ, ѣхавшихъ изъ подгородныхъ селъ въ городъ съ хлѣбомъ и мукой для сбыта погорѣльцамъ. Поровнявшись со мной,

крестьяне эти вдругъ остановились и подозвали меня къ себѣ.

— Ты кто такой будешь и чего тутъ шляешься по задворкамъ въ такое время?—огорошили они меня своимъ вопросомъ.

Я отвѣтилъ имъ, что я губернаторскій чиновникъ и иду по дѣлу. Но мой измятый видъ и отсутствіе на мнѣ всякихъ чиновничьихъ аттрибутовъ не внушили имъ довѣрія къ моимъ словамъ, и они рѣшили, что повезутъ меня съ собой въ городъ и представятъ по начальству «въ кордегардію».

— Почемъ знать, кто ты? Можетъ, и не чиновникъ, а поджигатель, теперь вѣдь, братъ, не такое время,—вишь ты, что натворили съ городомъ! Начальство разберетъ...

Не знаю, чѣмъ бы окончилась для меня эта непріятная встрѣча, если бы одинъ изъ нихъ не вздумалъ прежде, чѣмъ посадить меня на свою телѣжку и повезти въ городъ въ качествѣ пойманнаго подозрительнаго субъекта, осмотрѣть мои карманы. Я курю и постоянно ношу при себѣ спички, но, по счастью, на этотъ разъ ихъ у меня не оказалось, иначе я пропалъ бы! Они обязательно заявили бы, что поймали въ окрестностяхъ города скрывающагося поджигателя и покамѣсть добрались бы до полиціи, гдѣ меня, конечно, узнали бы и выручили, злобно настроенная толпа, жаждавшая мести за уничтоженный пламенемъ городъ, могла бы учинить надо мной судъ Линча. Но... просфора спасла меня! Вынувъ ее первою изъ моего кармана, они спросили меня, откуда я ее взялъ? И когда я разсказалъ имъ, какъ она ко мнѣ попала, картина внезапно измѣнилась, и они оставили меня, сказавъ:

— Коли такъ, то иди себѣ съ Богомъ!..

Что добавить къ этому? Пускай судитъ всякій объ этомъ случаѣ, какъ ему заблагоразсудится, я же скажу, что я усмотрѣлъ въ немъ незримую руку Создателя моего, отстранившую еще разъ явную опасность для моей жизни, пославъ мнѣ въ спасенье данный отъ чистаго сердца невѣдомой мнѣ монахиней церковный хлѣбъ.

Въ квартирѣ смотрителя больницы засталъ я дѣйствительно губернатора съ его семействомъ и со всѣми сгруппировавшимися около него чиновниками его канцеляріи.

Къ радости моей я засталъ тамъ также и моего слугу съ спасенными имъ узлами нѣкоторой части бѣлья и платья моего, что подало поводъ нѣкоторымъ моимъ знакомымъ мнѣ дамамъ сострить на мой счетъ, будто я спасъ только свои галстуки... Изъ разсказа его выяснилось, что онъ, увидя подступавшее со всѣхъ сторонъ къ нашему дому пламя, быстро связалъ въ узлы то, что попалось ему подъ руки, и, не имѣя возможности нести все забранное на своихъ плечахъ, подталкивалъ ногами поочередно, сбѣгая съ горы къ Волгѣ, то одинъ, то другой узелъ, пока не добрался наконецъ, полумертвый отъ усталости, до безопаснаго отъ огня и дыма мѣста, забывъ при этомъ о своемъ собственномъ скудномъ скарбѣ, оставленномъ имъ на жертву пламени. Такое изумительное самопожертвованіе со стороны этого молодого парня, по имени Спиридонъ, замѣнившаго незадолго передъ тѣмъ прежняго стараго слугу моего, растрогало меня до слезъ, и я тутъ же подѣлился съ нимъ спасенными его находчивостью уцѣлѣвшими остатками моего гардероба.

Послѣ пережитой страшной катастрофы обыватели исчезнувшаго съ лица земли на двѣ трети города не скоро стали приходить въ себя, но наступившая осень заставила ихъ поторопиться постройкой временныхъ жилищъ и приспособиться какъ кто могъ для жизни. Очнулись также и присутственныя мѣста, и заскрипѣли въ нихъ перья, возстановляя по возможности погибшіе дѣла и документы.

Немало выпало тогда работы и на мою долю. Уставныя грамоты и иные акты большой важности, относящіеся къ взаимнымъ отношеніямъ крестьянъ къ бывшимъ имъ господамъ, сгорѣли, и для возобновленія этихъ документовъ пришлось завязать огромную переписку съ мировыми посредниками и прочимъ причастнымъ къ этому дѣлу людомъ. Не забыты были также и нуждающіеся въ скорой помощи погорѣльцы, и для распредѣленія между ними какъ денежной, такъ и вещевой помощи, въ изобиліи притекавшей со всѣхъ сторонъ Россіи, были учреждены губернаторомъ особые комитеты, вѣдѣнію которыхъ подлежали извѣстные районы города. И вотъ по поводу этихъ комитетовъ разыгралась пренепріятная для меня исторія, о которой не могу не упомянуть, такъ какъ она представляетъ весьма характерную картинку мѣстныхъ нравовъ.

Находясь однажды вечеромъ въ дворянскомъ клубѣ, коего я былъ членомъ, я засталъ въ читальной комнатѣ этого клуба нѣсколько мѣстныхъ лордовъ, о чемъ-то горячо и съ негодованіемъ трактующихъ. Прислушавшись къ ихъ разговору, я узналъ, что рѣчь шла о происходящихъ въ пожарныхъ комитетахъ злоупотребленіяхъ и мошенничествахъ. Обвиняли они прямо въ присвоеніи денежныхъ пожертвованій двухъ предсѣдателей этихъ комитетовъ, весьма почтенныхъ купцовъ З. и Х., изъ коихъ первый былъ даже городскимъ головой. Обвиненіе было весьма серьезнаго свойства и грозило обвиняемымъ, въ случаѣ ихъ виновности, каторгой. Присутствіе мое при такой бесѣдѣ въ качествѣ старшаго чиновника особыхъ порученій при губернаторѣ (я забылъ сказать, что вмѣстѣ съ секретарской должностью въ крестьянскомъ присутствіи, за мной было сохранено губернаторомъ и званіе чиновника его сверхъ штата) становилось очень щекотливымъ, и я уже собирался улизнуть изъ комнаты, какъ вдругъ сидѣвшій рядомъ со мной за читальнымъ столомъ князь Баратаевъ заставилъ меня отмѣнить мое намѣреніе, обратившись ко мнѣ съ такой фразой:

— Вы развѣ не слышите, А. Е., о чемъ здѣсь говорятъ? Я бы на вашемъ мѣстѣ счелъ своей обязанностью довести объ этомъ до свѣдѣнія начальника губерніи.

— Если меня уполномочатъ, то я сочту своимъ долгомъ это сдѣлать, хотя нахожусь здѣсь не въ качествѣ должностного лица, а какъ членъ клуба,—отвѣтилъ я, обращаясь къ обличителямъ въ тяжкомъ преступленіи купцовъ З. и Х.

Обличителями ихъ были помѣщики Москвитиновъ и князь Баюшевъ, и оба они подтвердили еще разъ свое обвиненіе и заявили, что желали бы, чтобы дѣло это было выведено на свѣжую воду и доведено мною до свѣдѣнія губернатора.

Что оставалось мнѣ дѣлать? Являюсь на другой день съ обычнымъ докладомъ моимъ по дѣламъ крестьянскаго присутствія къ М. И. Анисимову, но не успѣлъ я открыть рта, какъ онъ задаетъ мнѣ вопросъ: правда ли, что меня просили передать ему о мошенническихъ продѣлкахъ купцовъ З. и Х.? Оказалось, что ему уже былъ переданъ вчерашній разговоръ въ клубѣ княземъ Баратаевымъ, встрѣтившимъ его на ежедневной утренней прогулкѣ его по го-

роду. Мнѣ оставалось только подтвердить уже извѣстное ему, на что онъ сказалъ мнѣ, что находитъ обвиненіе настолько серьезнымъ и могущимъ повліять на приливъ пожертвованій, что уже назначилъ произвести самое строгое дознаніе по этому предмету.

Дальнѣйшій ходъ этого дѣла былъ такой. Разслѣдованіемъ установлено было, что голословно обвиненные купцы ни въ чемъ не повинны, и они, возмущенные низкой клеветой на нихъ, притянули, въ свою очередь, къ суду своихъ обвинителей. Чѣмъ окончился этотъ судъ для клеветниковъ— не знаю, но вотъ что они вздумали учинить со мной, въ отместку за постигшую ихъ неудачу: они объявили меня доносчикомъ и потребовали отъ старшинъ клуба исключенія моего изъ него! Чѣмъ окончилась бы эта возмутительная и во всякомъ случаѣ крайне непріятная для меня исторія, если бы не принялъ въ ней непосредственнаго участія добрѣйшій Михаилъ Ивановичъ, я сказать не умѣю. Въ назначенный часъ для рѣшенія вопроса о моемъ изгнаніи онъ явился въ клубъ и потребовалъ у старшинъ объясненія: почему ему, какъ почетному члену клуба, согласно клубскаго устава, не была прислана повѣстка съ приглашеніемъ на назначенное въ тотъ день засѣданіе г.г. старшинъ? Смущенные его неожиданнымъ появленіемъ и вопросомъ, эти вершители судьбы моей поставлены были въ необходимость отмѣнить свое засѣданіе и никогда болѣе не касались безсовѣстно задуманнаго и позорнаго для ихъ дворянской чести вопроса...

Необычайные размѣры пожара, толки о поджогахъ, связанные съ польскимъ возстаніемъ и пребываніемъ въ ссылкѣ въ Симбирскѣ поляковъ, заставили правительство обратить серьезное вниманіе на постигшее этотъ городъ бѣдствіе, и оно командировало для разслѣдованія причинъ его рядъ уполномоченныхъ имъ лицъ.

Первымъ прибылъ къ намъ состоявшій при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ генералъ-майоръ Галлеръ, бывшій волынскій губернаторъ, старый знакомый моихъ родителей по Вильнѣ, гдѣ онъ былъ управляющимъ канцеляріей генералъ-губернатора Назимова и зналъ меня мальчикомъ. Онъ очень обрадовался нечаянной встрѣчѣ со мной и, распрашивая меня о подробностяхъ катастрофы, припоминалъ

о многомъ изъ прошлой жизни и общихъ знакомыхъ родного для меня города Вильны.

Результатами его командировки въ Симбирскъ правительство осталось, повидимому, неудовлетвореннымъ, такъ какъ вслѣдъ за нимъ прибылъ къ намъ съ тою-же цѣлью генералъ-адъютантъ баронъ Врангель, а затѣмъ и сенаторъ Ждановъ съ цѣлымъ штатомъ опытныхъ чиновниковъ съ оберъ-секретаремъ сената Шамшинымъ во главѣ. Баронъ Врангель, кромѣ возложеннаго на него порученія, привезъ съ собой 10000 рублей для раздачи бѣднѣйшимъ погорѣльцамъ отъ Государя и, разстрѣлявъ по-кавказски, гдѣ онъ прежде служилъ, какого-то заподозрѣннаго запаснаго солдата, уѣхалъ обратно въ Петербургъ. Что-же касается второго, сенатора Жданова, то онъ оставался довольно долго въ Симбирскѣ, производя весьма тщательное разслѣдованіе, результатъ котораго такъ и остался неизвѣстенъ, такъ какъ самъ онъ, возвращаясь въ Петербургъ, внезапно скончался послѣ выпитаго имъ стакана кофе въ Нижнемъ-Новгородѣ, а находившееся въ его чемоданѣ дѣло о Симбирскомъ пожарѣ исчезло безслѣдно. Много разнородныхъ толковъ ходило въ то время по этому поводу, но какъ темное дѣло о смерти Жданова, такъ и самая причина истребившаго Симбирскъ пожара, разгадка котораго находилась въ исчезнувшемъ сенаторскомъ дѣлопроизводствѣ, остались не обнаруженными, и тайна ихъ унесена въ Лету. Носились слухи, что къ дѣлу о пожарѣ былъ привлеченъ знакомый мнѣ полковникъ Дудинскій, командовавшій не помню какимъ пѣхотнымъ полкомъ, расположеннымъ въ Симбирскѣ, но и этотъ слухъ оказался ложнымъ, такъ какъ много времени спустя Александръ II, производя въ одно изъ воскресеній обычный парадъ войскъ въ Михайловскомъ манежѣ, подозвалъ къ себѣ невинно заподозрѣннаго полковника и, желая реабилитировать его въ глазахъ всѣхъ, подалъ ему руку. Это былъ послѣдній отголосокъ этой таинственной и трагической эпопеи.

Какъ капитанъ, при которомъ погибъ карабль, не можетъ оставаться его водителемъ, такъ и М. И. Анисимовъ, при которомъ погибъ ввѣренный ему городъ, не могъ болѣе оставаться губернаторомъ въ Симбирскѣ, и вскорѣ послѣдовало причисленіе его къ министерству. Временно, до

прибытія его замѣстителя барона Веліо, градоначальствовавшаго въ Одессѣ, бразды правленія принялъ на себя вице-губернаторъ Коссаговскій. Съ послѣднимъ мнѣ пришлось встрѣтиться еще разъ впослѣдствіи по службѣ моей въ Одессѣ и о немъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ. Относительно-же барона Веліо скажу, что онъ оказался полной во всѣхъ отношеніяхъ противоположностью своего предмѣстника. На сколько М. И. Анисимовъ былъ опытнымъ и кропотливымъ чиновникомъ въ своей служебной дѣятельности, настолько этотъ былъ поверхностенъ и неусидчивъ. Но если, какъ начальникъ губерніи, онъ мало соотвѣтствовалъ своему назначенію, зато какъ холостой и свѣтскій человѣкъ, бывшій воспитанникъ лицея и спортсменъ, онъ какъ нельзя болѣе пришелся ко двору губерніи „отставныхъ корнетовъ". Начались лукулловскіе банкеты, охоты, и въ концѣ концовъ г.г. дворяне скрутили его и женили на дочери одного изъ своихъ грандовъ. Нелегко было мнѣ при такихъ условіяхъ служить съ нимъ. Привыкши къ строгому отношенію къ службѣ и умѣлому руководительству предмѣстника его, я зачастую не зналъ, какъ мнѣ съ нимъ быть.

Мало интересуясь подносимыми къ его подписи бумагами, баронъ Веліо подмахивалъ ихъ, не читая, чѣмъ ставилъ меня подчасъ въ весьма затруднительное положеніе, такъ какъ я являлся единолично отвѣтственнымъ лицомъ за ихъ содержаніе; а когда однажды я не вытерпѣлъ и попросилъ его перечитать передъ подписаніемъ одно весьма важное представленіе министру, то онъ сказалъ мнѣ, что довѣряетъ мнѣ, увѣренный, что я его не подведу. Справедливость обязываетъ меня сказать, что въ личныхъ отношеніяхъ со мной онъ былъ всегда корректенъ и было-бы съ моей стороны большою неблагодарностью, если-бы я упомянулъ его дурнымъ словомъ. Долженъ также сказать, что и я не подавалъ ему ни разу повода къ сомнѣнію на мой счетъ, составляя мои доклады весьма тщательно. Въ этомъ отношеніи я успѣлъ уже набить себѣ руку, пройдя школу канцелярщины подъ руководствомъ такихъ опытныхъ менторовъ, какими были для меня М. И. Анисимовъ, не пропускавшій ни одной запятой въ подписываемыхъ имъ бумагахъ, и П. П. Коссаговскій, который отличался мастерствомъ

оболванивать офиціальныя бумаги такъ, что онѣ выходили въ его изложеніи и дѣловыми и не сухими по формѣ.

Къ сказанному о моихъ двухъ Симбирскихъ начальникахъ долженъ добавить, что первый изъ нихъ такъ и умеръ причисленнымъ къ министерству, а второй, какъ извѣстно, былъ впослѣдствіи начальникомъ главнаго управленія почтъ и телеграфовъ и умеръ сенаторомъ и членомъ Государственнаго Совѣта. Вотъ тутъ и судите о справедливости судьбы: одному она мачеха, а другому мать родная!..

Недолго мнѣ, однако, пришлось прослужить подъ начальствомъ барона Веліо. Жизнь на пепелищѣ сгорѣвшаго города, далекое разстояніе его отъ Харькова, гдѣ въ то время находились родители мои, отсутствіе всякой умственной и эстетической жизни и малокультурность той среды, въ которой приходилось мнѣ поневолѣ вращаться,—все это вмѣстѣ взятое и побудило меня искать выхода изъ моего положенія, и я обратился къ двоюродному брату моему, Николаю Владиміровичу Егорову, получившему мѣсто секретаря Московскаго Цензурнаго Комитета, прося его замолвить обо мнѣ слово дядѣ своему, брату его матери, сенатору Михаилу Павловичу Щербинину, назначенному первымъ начальникомъ незадого передъ тѣмъ учрежденнаго, согласно новому уставу о цензурѣ, главнаго управленія по дѣламъ печати. Я просилъ о предоставленіи мнѣ для начала хотя-бы самой скромной должности по этому вѣдомству, лишь-бы мѣсто это было въ одной изъ столицъ, и къ великой радости моей я былъ назначенъ, приказомъ по министерству внутреннихъ дѣлъ 26-го Января 1866 г., дѣлопроизводителемъ при Московскомъ отдѣльномъ цензорѣ по иностранной цензурѣ.

V*).

1866 — 1870 г.г.

Москва. Отдѣльный цензоръ по Иностранной цензурѣ В. М. Вѣдровъ. Московскій Цензурный Комитетъ по внутренней цензурѣ и его цензора. Моя служба въ Московскомъ благотворительномъ обществѣ 1837 г. Предсѣдательница этого общества Т. А. Савина. Дядя мой Д. А. Егоровъ. Дамы-патронессы. Епископъ Леонидъ. Ю. Самаринъ. Корнетъ Савинъ. Митрополитъ Филаретъ и его похороны. Начало дѣйствія судебной реформы 1862 г. Московскій малый театръ и его корифеи. Московскій большой театръ и Италіянская опера. Погодинъ и Николай Рубинштейнъ. Назначеніе мое въ Петербургскій Цензурный Комитетъ по внутренней цензурѣ. Первый Начальникъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати Сенаторъ М. П. Щербининъ и эпизодъ съ запрещенной цензурой статьей для Аксаковскаго «Дня». Второй Начальникъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати М. Н. Похвисневъ и его циркуляръ.

Къ новому мѣсту служенія моего въ Москву я прибылъ, сколько мнѣ помнится, въ Февралѣ мѣсяцѣ 1866 года.

Тотчасъ по прибытіи моемъ я, разумѣется, явился къ новому начальнику моему, отдѣльному цензору по иностранной цензурѣ Владиміру Максимовичу Вѣдрову. Уже изъ разсказовъ о немъ, я понялъ, что буду имѣть дѣло хотя и съ образованнымъ, но достаточно взбалмошнымъ человѣкомъ, что на самомъ дѣлѣ и оказалось.

Бывшій профессоръ всеобщей исторіи въ Казанскомъ университетѣ, Вѣдровъ, послѣ какой-то непріятной исторіи съ своими коллегами, профессорами этого университета, попалъ цензоромъ въ Москву. Какъ всесторонне образованный человѣкъ, несомнѣнно имѣлъ онъ свои достоинства и хотя не вполнѣ отвѣчалъ своему новому назначенію, не умѣя

*) «Русскій Архивъ», 1912 г., 7.

говорить ни на одномъ иностранномъ языкѣ, но теоретически зналъ ихъ и, не затрудняясь, давалъ отзывы о прочитанныхъ имъ книгахъ. Припоминая эту особенность языковѣдѣнія моего перваго начальника по иностранной цензурѣ, я долженъ сказать, что впослѣдствіи мнѣ приходилось имѣть дѣло въ этой спеціальной цензурѣ съ такими сослуживцами, которые, не зная вовсе иностранныхъ языковъ, ни теоретически, ни практически, преблагополучно фигурировали въ ней въ роли цензоровъ, возбуждая удивленіе умѣньемъ выворачиваться въ критическіе моменты изъ „паскуднаго положенія“... Но если съ этой стороны Вѣдровъ стоялъ головою выше такихъ фальсифицированныхъ полиглотовъ, то съ другой онъ, по суетливости и мелочности своего характера, могъ также одержать верхъ надъ любой капризной бабой. Немного надо было мнѣ времени, чтобы понять, что если я избавился отъ печальной доли влачить свое существованіе на развалинахъ Симбирскаго пожарища, за то здѣсь, въ столицѣ, гдѣ жизнь сулила мнѣ столько пріятныхъ перспективъ, я нарвался на человѣка, отъ неуживчивости нрава котораго жизнь эта будетъ мнѣ отравлена.

Со свойственной молодости жизнерадостностью, я принялся, однако, не теряя бодрости духа, за новое служебное дѣло и за ознакомленіе съ новой жизненной обстановкой моей. Не имѣя тогда, по роду моей канцелярской обязанности, никакого прямого отношенія къ самому процессу цензированія, я находилъ мою новую обязанность уже тѣмъ пріятной, что въ ней мнѣ приходилось значительно менѣе удѣлять времени канцелярщинѣ и отдавать его больше на просмотръ книгъ и журналовъ на языкахъ всего свѣта. Уже одно соприкосновеніе къ такого рода работѣ давало мнѣ возможность расширить мой кругозоръ и развить умъ при выборѣ чтенія по вкусу и по желанію. Въ этомъ отношеніи служба по иностранной цензурѣ имѣетъ несомнѣнно свои пріятныя стороны передъ всякой другой. Но рядомъ съ этимъ мнѣ приходилось очень туго по части матеріальной: я получалъ весьма скудное содержаніе. Особенно чувствительнымъ для меня былъ этотъ недостатокъ въ первое время, пока канцелярія Московскаго отдѣльнаго цензора по иностранной цензурѣ и комитетъ внутренней цензуры помѣщались въ нижнемъ этажѣ зданія стараго Университета, и я

не имѣлъ казенной квартиры, которая мнѣ была предоставлена уже позднѣе. Перемѣщеніе названныхъ цензурныхъ учрежденій изъ занимаемаго ими помѣщенія въ зданіи принадлежащемъ Министерству Народнаго Просвѣщенія, отъ котораго они тогда отошли въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, въ Шереметевскій переулокъ, въ домъ графа Шереметева, совершилось черезъ годъ по прибытіи моемъ въ Москву. Тогда только я нѣсколько оправился, имѣя прекрасную даровую квартиру въ двѣ комнаты съ отопленіемъ, и зажилъ какъ слѣдуетъ вмѣстѣ съ братомъ Несторомъ (нынѣ д. ст. сов., занимающаго должность предсѣдателя Мирового Съѣзда въ Варшавѣ и члена консультаціи при Министерствѣ Юстиціи), только что окончившаго тогда гимназію въ Харьковѣ и поступившаго сначала на математическій факультетъ Московскаго Университета, а потомъ перемѣнившій его на юридическій.

Первымъ предсѣдателемъ Московскаго Цензурнаго Комитета по внутренней цензурѣ, по введеніи новаго устава о цензурѣ и печати и по назначеніи въ Петербургъ начальникомъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати сенатора М. П. Щербинина, былъ Н. П. Мансуровъ, назначенный на эту должность изъ Самарскихъ губернаторовъ. Это былъ природный бюрократъ-карьеристъ, который, не особенно утруждая себя службой, успѣлъ впослѣдствіи, имѣя большія связи въ Петербургѣ, добраться благополучно до предѣла чиновничьихъ стремленій—Члена Государственнаго Совѣта. Долженъ однако отмѣтить, что онъ относился какъ къ моему двоюродному брату, который былъ при немъ секретаремъ Московскаго Комитета, такъ и ко мнѣ, человѣку ему не подчиненному, весьма доброжелательно.

Что касается цензорской коллегіи, то въ составѣ ея (первомъ по сформированіи Московскаго Комитета внутренней цензуры по Уставу 1865 года) я засталъ слѣдующихъ лицъ: Росковшенку, Ѳеодорова, Рахманинова, Прибиля и Безсомыкина. Двое первыхъ смѣнили Мансурова поочередно въ предсѣтательствованіи въ названномъ Комитетѣ и о послѣднемъ изъ нихъ я буду имѣть случай говорить еще. Относительно же остальныхъ могу сказать, что цензоръ Рахманиновъ, сынъ котораго нынѣ извѣстный композиторъ, слылъ за человѣка выдающагося ума, Прибиль былъ род-

ственникомъ сенатора Щербинина, а о Безсомыкинѣ, что онъ отличался своими чудачествами, изъ коихъ слѣдующее было извѣстно о немъ чуть-ли не всей Москвѣ. Страшась болѣе всего умереть внезапной смертью на улицѣ, онъ постоянно носилъ при себѣ въ боковомъ карманѣ вицъ-мундира записку такого содержанія: сей трупъ принадлежитъ дѣйствительному статскому совѣтнику Ивану Ивановичу Безсомыкину, живущему тамъ-то. Былъ онъ человѣкомъ небольшого роста, типичнаго Московскаго стариннаго склада, образованный, весьма вѣжливый и со всѣми очень обходительный. Всѣ они теперь уже покойники. Миръ праху ихъ!

Черезъ два года по нахожденіи моемъ въ цензурѣ, я, одновременно съ нею, а именно съ Ноября 1868 г., принялъ предложенную мнѣ должность помощника правителя дѣлъ въ канцеляріи Совѣта высочайше утвержденнаго Московскаго Благотворительнаго Общества 1837 г., правителемъ дѣлъ котораго былъ камергеръ Панинъ. Попалъ я на эту должность по настоянію покойнаго дяди моего, директора Межевого архива, Дмитрія Андреевича Егорова, пожелавшаго почему-то ввести меня въ кругъ Московскаго высшаго общества. Предсѣдательницей названнаго благотворительнаго общества была маститая, 80-ти лѣтняя столбовая дворянка и коренная Москвичка Татьяна Александровна Савина, жившая въ собственномъ, старинной архитектуры, домѣ съ бѣлыми колоннами и лѣпными украшеніями на Арбатѣ. Женщина она была властнаго характера и типичной наружности, носила постоянно чепецъ съ рюшами на сѣдой головѣ и платья стариннаго фасона на худощавой, высокой и прямой фигурѣ своей. По воспитанію своему это была одна изъ послѣднихъ представительницъ Русскаго высшаго общества временъ Александра I. По французски она говорила и писала безупречно, а по русски говорила по наслышкѣ отъ деревенскихъ бабъ. Она, напримѣръ, произносила слова такъ: рабенокъ, секлетарь, пришпектъ и т. п.

Дядя мой, далеко не свѣтскій человѣкъ и оригиналъ большой руки, родившійся и умершій въ Москвѣ никуда изъ нея ни разу не выѣзжавшій, имѣлъ собственный

небольшой деревянный домъ на Зубовскомъ бульварѣ, не далеко отъ дома сестры своей, Екатерины Андреевны Прониной, находившемся противъ церкви Тройцы въ Зубовѣ, въ началѣ Дѣвичьяго поля. Онъ былъ большой знатокъ по части гражданскихъ дѣлъ, и это обстоятельство побудило Т. А. Савину, имѣвшую вѣчно какіе-то процессы по своей Смоленской вотчинѣ, познакомиться съ нимъ и настолько полюбить его, что безъ его совѣта и одобренія она ничего не предпринимала. Въ виду такого отношенія къ дядѣ моему, она оказывала и мнѣ особенное свое благорасположеніе и требовала, чтобы я непремѣнно бывалъ у нея каждое Воскресеніе вечеромъ, когда она принимала своихъ знакомыхъ и дамъ-патронессъ, въ числѣ коихъ я припоминаю слѣдующихъ: кавалерственную даму генеральшу Чертову, Стрекалову, княгиню Трубецкую, графиню Олсуфьеву, фрейлину Тютчеву, Ершову и пр. По поводу первой изъ нихъ ходилъ тогда анекдотъ, будто она, будучи дѣвицей, долго отказывала своему жениху генералу Чертову, не рѣшаясь носить его демоническую фамилію, но подъ конецъ согласилась и написала своей подругѣ: „malgré tout, je suis devenue diablesse!“. Ею оставленъ по завѣщанію значительный капиталъ на учрежденіе института въ Москвѣ, который нынѣ и находится на Пречистинкѣ и носитъ ея имя. Всѣ эти барыни были попечительницами надъ находившимися въ вѣдѣніи нашего общества женскими рукодѣльными школами, размѣщенными по всей обширной Бѣлокаменной, и каждая изъ этихъ попечительницъ вносила свою долю благотворительной заботливости о питомицахъ ввѣренной ей школы, откуда выходили не столько грамотныя дѣвушки, сколько умѣлыя швеи и мастерицы по женскимъ рукодѣліямъ.

Для меня самымъ пріятнымъ временемъ посѣщенія этихъ школъ былъ Ноябрь мѣсяцъ, когда въ нихъ происходили экзамены. Тогда каждая изъ поименованныхъ барынь устраивала въ своей школѣ роскошный завтракъ, соперничая въ изысканности яствъ одна передъ другой, такъ какъ кромѣ предсѣдательницы и всѣхъ попечительницъ, служившихъ въ Обществѣ, приглашался на него, вмѣсто немощнаго владыки митрополита Филарета, первый викарій его, епископъ Леонидъ, любимецъ всѣхъ этихъ барынь. На меня возлагалась обыкновенно миссія при-

глашенія его, и я не разъ бывалъ по этому поводу у него въ его подворіи на Тверской, гдѣ всякій разъ поражался массою удивительной работы подушекъ: этими подношеніями его поклонницъ были завалены у него въ два ряда всѣ его циваны. Преосвященный этотъ, надо сказать, былъ дворянскаго происхожденія, служилъ во флотѣ и имѣлъ, при пріятной наружности, свѣтскія манеры, чѣмъ и плѣнялъ всѣхъ, имѣвшихъ съ нимъ сношеніе, а особенно барынь. И ужъ какіе-же закатывали онѣ ему завтраки! Завтраки эти были конечно постные, но приготовленные первоклассными поварами и сервированные на фамильныхъ золотыхъ, серебряныхъ и фарфоровыхъ сервизахъ, съ гербами этихъ знатныхъ барынь и лакеями въ ливреяхъ цвѣта ихъ гербовыхъ щитовъ, представляли, по контрасту со скромной школьной обстановкой, среди которой завтраки эти давались, совсѣмъ необычайное и интересное для наблюденій зрѣлище. Такихъ „постныхъ блюдъ“—кулебякъ, стерлядей, осетровъ и проч., какъ въ тѣ Ноябрскіе дни экзаменовъ нашихъ женскихъ школъ, мнѣ болѣе не доводилось ѣсть, да и надо сказать, что вѣдь и тѣхъ баръ что были тогда, въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, вскорѣ послѣ упраздненія крѣпостного права, теперь уже и слѣдъ простылъ!.. Ихъ знали еще только тѣ, которые, какъ я, пережили эпоху великихъ реформъ Царя-Освободителя, положившихъ конецъ безшабашной расточительности Россійскихъ феодаловъ.

Посѣщая воскресные вечера моей гостепріимной патронессы, къ которой всѣ въ Москвѣ относились съ особеннымъ уваженіемъ (хотя по мужу своему, она была только всего вдовою поручика) и которую самъ Принцъ Ольденбургскій, наѣзжая въ Москву по дѣламъ своего вѣдомства, обязательно посѣщалъ и цѣловалъ ручку, я имѣлъ возможность познакомиться со многими представителями и представительницами тогдашняго Московскаго общества. У Савиной я, между прочимъ, встрѣчалъ Юрія Самарина, прославившагося только-что изданной имъ тогда книгой о нашей Остзейской окраинѣ. Однажды я засталъ у нея-же мальчика, лѣтъ 16, въ Лицейской курткѣ, обратившаго на себя мое вниманіе необыкновенной юркостью и умѣніемъ подластиться къ хозяйкѣ дома. Мальчикъ этотъ оказался внукомъ Т. А. Савиной и въ своемъ родѣ тоже знаменитостью, прогремѣв-

шей впослѣдствіи своими мошенническими продѣлками на весь свѣтъ, извѣстный корнетъ Савинъ, дѣйствовавшій больше подъ фамиліями князя Савина, графовъ Тулузъ-Лотрека, Ламберта и проч. Можно было уже и тогда предвидѣть, что изъ этого юнца, высидѣвшаго потомъ не мало въ тюрьмахъ стараго и новаго свѣта, не выйдетъ добродѣтельнаго человѣка.

Выше я упомянулъ о митрополитѣ Филаретѣ. Въ бытность мою въ Москвѣ, мнѣ пришлось два раза видѣть этого знаменитаго іерарха Русской церкви и вотъ при какихъ условіяхъ.

Въ первый разъ я видѣлъ его еще въ 1858 г., когда я, будучи воспитанникомъ Виленскаго Института, пріѣзжалъ на каникулы къ родителямъ моимъ въ Москву, гдѣ отецъ мой занималъ въ то время должность начальника Инженернаго Округа. Это было 22 Іюля, въ день Маріи Магдалины и тезоименитства Императрицы Маріи Александровны, въ Успенскомъ соборѣ. Отецъ мой взялъ меня съ собой на богослуженіе, чтобы показать мнѣ знаменитаго митрополита Московскаго. Какъ теперь вижу его небольшую худощавую фигуру, въ которой только одни большіе, глубокіе и проницательные глаза горѣли жизненнымъ огнемъ, отражая въ себѣ мощь его духа. Когда наступилъ моментъ проповѣди, Филаретъ вышелъ изъ алтаря и, опираясь на посохъ, произнесъ свое слово твердымъ и отнюдь не старческимъ голосомъ, раздавшимся съ одинаковой силой по всему собору, при затаившей дыханіе сплошной массѣ народа и окружившихъ его со всѣхъ сторонъ архіереевъ и священнослужителей, участвовавшихъ въ богослуженіи. Онъ говорилъ на тему о покаявшихся подобно Маріи Магдалинѣ грѣшникахъ, и проповѣдь эта (помѣщенная въ общемъ собраніи его рѣчей) отличалась тѣмъ-же мастерствомъ богословскаго изложенія и языка, соперничать съ которыми могъ съ нимъ развѣ только другой знаменитый духовный витія нашей церкви—архіепископъ Херсонскій Иннокентій. На меня какъ самая наружность проповѣдника и особенно необыкновенное выраженіе его удивительныхъ глазъ, такъ и его проповѣдь, произвели

сильное, до сихъ поръ неизгладившееся впечатлѣніе, хотя съ тѣхъ поръ прошло полвѣка...

Въ другой разъ, я видѣлъ того-же святителя девять лѣтъ спустя, въ 1867 г., уже въ гробу, въ Чудовомъ монастырѣ. Долго ходившая по Москвѣ молва о болѣзненномъ состояніи, происходившемъ отъ старческой немощи почти девяностолѣтняго архипастыря, завершилась наконецъ его вѣчнымъ сномъ. Помню его похороны. Я находился на Тверской, гдѣ была вся Москва, въ ожиданіи прохода печальной процессіи изъ митрополичьяго дома въ Чудовъ монастырь въ Кремлѣ. Еще ничего не видя, можно было догадаться о выходѣ ея съ мѣста по пробѣжавшему въ сплошной народной массѣ движенію, словно отъ электрическаго тока. Какой-то стихійный гулъ сопровождалъ колесницу съ гробомъ, становясь постепенно яснѣй и сильнѣй по мѣрѣ приближенія ея къ мѣсту, гдѣ я находился, и, когда наконецъ шествіе поравнялось со мной, гулъ этотъ превратился въ какой-то стонъ, прерываемый криками раздавленныхъ. Устоять на мѣстѣ не было возможности, не рискуя жизнію. Не упомню въ настоящее время, кто именно изъ іерарховъ былъ во главѣ того необозримаго сонма духовныхъ лицъ, принимавшихъ участіе въ похоронахъ Филарета; но могу сказать, что такого количества архіереевъ, архимандритовъ и прочаго разнаго рода лицъ духовнаго званія мнѣ никогда больше не приходилось видѣть. Здѣсь были представители не только всѣхъ сорока сороковъ церквей Московскихъ, но и многихъ иногороднихъ. Особенное-же вниманіе обращали на себя ряды монашествующихъ изъ всѣхъ древнихъ Московскихъ мужскихъ и женскихъ монастырей и единовѣрческое духовенство, шествовавшее съ зажженными свѣчами краснаго и зеленаго воска. Сама-же колесница, запряженная двумя лошадьми въ черныхъ попонахъ и деревяный гробъ, покрытый архіерейской мантіей, представляла, по контрасту своему со всей остальной духовной процессіей, суровый по скромной простотѣ своей видъ.

Тѣло митрополита Филарета было выставлено на три дня въ Чудовомъ монастырѣ, а затѣмъ перевезено въ Троицко-Сергіевскую Лавру, гдѣ и погребено. Не имѣя возможности протискаться до него днемъ изъ-за массы народа, непре-

рывнымъ потокомъ осаждавшей Чудовъ монастырь, я проникъ туда въ поздній часъ ночи. Съ лицомъ покрытымъ воздухами, лежалъ покойный митрополитъ въ гробу изъ кипарисоваго дерева, на катафалкѣ, среди церкви. На ноги его была возложена святительская мантія, а вокругъ гроба лежали на бархатныхъ табуретахъ аттрибуты его сана. Только одна сухая рука его виднѣлась изъ его облаченія, и народъ прикладывался къ ней какъ къ нетлѣнной. Монахи въ черныхъ мантіяхъ, смѣняясь, читали положенныя при архіерейскихъ похоронахъ Евангелія, и по всему древнему храму, освѣщенному нѣсколькими лампадами и восковыми свѣчами, разносился запахъ ладона, смѣщанный съ запахомъ кипариса отъ гроба съ прахомъ знаменитаго духовнаго витіи.

Въ Москвѣ я пробылъ ровно четыре года. Хотя служба моя не приносила мнѣ матеріальнаго довольства, и я долженъ былъ во многомъ себѣ отказывать, но, обладая прирожденной способностью принаровляться къ жизненнымъ обстоятельствамъ, я сумѣлъ лавировать въ столичной жизни благополучно, не отказывая себѣ и въ развлеченіяхъ.

Большой интересъ представляла для насъ тогда, моему двоюродному брату, секретарю, а впослѣдствіи цензору Московскаго Комитета Н. В. Егорову, пріятелю моему Л. С. Кроткову (съ которымъ я еще въ Симбирскѣ познакомился) и мнѣ, бывать въ судебныхъ учрежденіяхъ въ Кремлѣ и высиживать тамъ по цѣлымъ часамъ при разбирательствѣ разныхъ уголовныхъ дѣлъ, выслушивая рѣчи прокуроровъ и адвокатовъ и наблюдая съ особеннымъ вниманіемъ за всей процедурой новаго для Россіи гласнаго суда, введеннаго по волѣ великаго преобразователя Судебными Уставами 20 Ноября 1864 года, коими начата исторія нашей гражданственности.

Первыми піонерами судебной реформы были въ Москвѣ: предсѣдатель Окружного Суда Люминарскій и товарищи его Андреевскій-Синеоковъ, Дейеръ и Арсеньевъ. Они старались всячески подчеркнуть независимость новаго суда, а Е. Е. Люминарскій тотъ даже прославился тѣмъ, что встрѣтилъ самаго министра юстиціи графа Палена, посѣтившаго Московскій Окружный Судъ, не на крыльцѣ, а занимаясь

у себя въ кабинетѣ. Въ адвокатскомъ же мірѣ блисталъ краснорѣчіемъ князь Урусовъ, при первомъ дебютѣ котораго въ судѣ по дѣлу о какой-то дѣвицѣ Маріи, задушившей въ болѣзненномъ припадкѣ родовъ своего внѣбрачнаго ребенка, я присутствовалъ и былъ свидѣтелемъ той оваціи со стороны публики. которая была сдѣлана ему по вынесеніи присяжными засѣдателями оправдательнаго вердикта этой несчастной жертвѣ темперамента. Все это было ново, невидано и сіяло такимъ разительнымъ контрастомъ съ тьмою отжившаго и безвозвратно погребеннаго суроваго прошлаго нашей горемычной родины, о царившемъ правосудіи въ которой до того И. С. Аксаковъ говоритъ, что при воспоминаніи о немъ „волосъ встаетъ дыбомъ, морозъ по кожѣ деретъ“, что мы, свидѣтели славныхъ дней ея обновленія, съ пламеннымъ восторгомъ встрѣчали всѣ вводимыя и быстро слѣдовавшія одна за другой коренныя реформы въ государственномъ управленіи. То была великая эпоха наивысшаго проявленія творческаго духа въ преобразовательной дѣятельности Царя-Освободителя.

Какъ всякая великая эпоха въ исторіи народовъ, такъ и эта, отразилась также и на родномъ искусствѣ. Никогда еще наша сцена не достигала такой высоты, какъ въ ту незабвенную эпоху. Образцовый Московскій Малый Театръ, всегда и прежде стоявшій впереди прочихъ, дошелъ въ ту пору до зенита своей славы. Такія имена, какъ Щепкинъ, Шумскій, Садовскій, Самаринъ, Живокини, Никифоровъ, Ѳедотова, Никулина, Медведѣва, Васильева, Рыкалова и Акимова украшали ея подмостки и были кумирами Всероссійскими.

Я видѣлъ въ Маломъ театрѣ Щепкина всего разъ въ моей жизни. Это было въ томъ-же 1858 году, когда въ первый пріѣздъ мой въ Москву видѣлъ я и Филарета. Шла, тогда еще новая пьеса Сухого-Кобылина „Свадьба Кречинскаго“ въ такомъ составѣ исполнителей: Шумскій-Кречинскій, Садовскій-Расплюевъ, Щепкинъ-Муромцевъ, Рыкалова—его жена. Мнѣ много разъ случалось потомъ видѣть ту же пьесу, но такого высоко-художественнаго воспроизведенія ея, въ такомъ составѣ геніальныхъ исполнителей, мнѣ, да и не мнѣ

только, а и современнымъ мнѣ и будущимъ поколѣніямъ, на врядъ-ли когда-либо прійдется увидѣть, въ этомъ я твердо увѣренъ. Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ, но впечатлѣніе отъ игры этихъ великихъ артистовъ врѣзалось у меня въ памяти до того, что они стоятъ передо мной, какъ живые во всемъ недосягаемомъ своемъ творческомъ величіи, какъ будто я ихъ сейчасъ вижу. Играли-ли они Гоголя, Островскаго, Грибоѣдова, Сухого-Кобылина или Боборыкина, Дьяченку, Александрова-Крылова—безразлично, даже въ самыхъ пустыхъ по содержанію и слабыхъ пьесахъ, повсюду они всецѣло перевоплощали себя въ изображаемую ими личность; олицетворяя ее и отрѣшаясь отъ собственной, они давали художественно законченные типы со всѣми подобающими чертами и особенностями. Умѣніемъ и тайной такого перевоплощенія владѣютъ немногіе лицедѣи, и тогда они именуются уже не просто актерами, а артистами. Для такихъ избранниковъ драматическаго искусства не существуетъ слабыхъ, эпизодическихъ ролей: достаточно нѣсколько авторскихъ намековъ, чтобы изъ недомолвленной роли они создали живой сценическій образъ. Къ плеядѣ такой категоріи артистовъ Русской сцены я, кромѣ поименованныхъ Москвичей, могу причислить за мое время еще только трехъ на Петербургской сценѣ, а именно: Самойлова, Васильева и Давыдова; но объ нихъ я скажу въ своемъ мѣстѣ.

Возвращаясь-же къ игрѣ Московскихъ артистовъ, долженъ сказать, что всякій изъ нихъ, въ своемъ амплуа, не имѣлъ себѣ соперниковъ и конкурентовъ. Таковъ, напримѣръ, Шумскій былъ въ Кречинскомъ; Садовскій—этотъ серіозный комикъ, подобнаго которому мнѣ уже не доводилось видѣть, — былъ единственъ въ роляхъ Расплюева, Осипа въ „Ревизорѣ“ и во всѣхъ пьесахъ Островскаго; Самаринъ въ характерныхъ роляхъ резонеровъ и драматическихъ, Никифоровъ въ бытовыхъ и эпизодическихъ, Живокини, котораго Московскіе купцы называли „Животина“ за его тучность, смѣшилъ всѣхъ до упаду остроуміемъ и комизмомъ и въ этомъ отношеніи нашелъ себѣ впослѣдствіи соперника въ Петербургскомъ Варламовѣ, также, какъ и онъ, готовомъ жужжать въ роли мухи въ „Орфеѣ въ аду“ и плясать качучу въ женскомъ нарядѣ.

Что касается женщинъ, то кто видѣлъ Ѳедотову въ роли Катерины въ „Грозѣ“, или въ „Василисѣ Мелентьевнѣ“ *), или Никулину въ роляхъ старыхъ дѣвъ, Медвѣдеву и Васильеву въ роляхъ grande-dame, а Акимову въ роляхъ свахъ и приживалокъ, тотъ не можетъ забыть игру этихъ удивительныхъ артистокъ и не быть имъ благодаренъ за минуты высокаго эстетическаго наслажденія. Но не однѣ эти звѣзды первой величины украшали тогда сцену Малаго театра; были и такія, которыя мерцали на ней не столь ярко, принося на алтарь родного искусства и свою посильную лепту, хотя и въ менѣе отвѣтственныхъ, но всегда добросовѣстно и съ должной выдержкой исполненныхъ роляхъ. Таковы были: Вильде, Петровъ, Ѳедотовъ, Степановъ, Музиль, Рябовъ и неизмѣнный лакей и половой—Гельцеръ. Содѣйствуя своей прекрасною игрою успѣху дѣла, они связываютъ въ моемъ воспоминаніи свои имена съ именами своихъ великихъ товарищей по искусству и усиливаютъ то неизгладимое впечатлѣніе, которое осталось во мнѣ отъ общей картины исполненія.

Чтобы постичь, на сколько было совершенно исполненіе пьесъ въ этомъ замѣчательномъ ансамблѣ Московской труппы Малаго театра, я приведу слѣдующій примѣръ. Одно время репертуаръ даваемыхъ въ этомъ театрѣ пьесъ былъ существенно измѣненъ, и вмѣсто драматическихъ произведеній Русскихъ авторовъ, въ немъ стали давать классическія переводныя пьесы иностранныхъ: Шекспира, Шиллера, Мольера, Расина, Кальдерона и проч. И что-же? Тѣ самые исполнители, которые, казалось, были созданы для нашихъ только отечественныхъ писателей, съ одинаковымъ же художественнымъ совершенствомъ выполнили эту новую для нихъ задачу. Впослѣдствіи мнѣ пришлось видѣть въ Парижѣ въ „Maison Molière“, т. е. въ извѣстномъ театрѣ „Comédie Française“, Тартюфа съ Коклэномъ и съ прочими

*) Гликерія Николаевна Ѳедотова удостоила меня, въ отвѣтъ на мое поздравленіе по случаю исполнившагося въ 1911 году 50-ти лѣтняго юбилея ея артистической дѣятельности на сценѣ Московскаго Малаго театра, присылкой фотографіи въ послѣдней роли своей Царицы Марѳы въ монашескомъ одѣяніи, въ драмѣ Островскаго «Дмитрій Самозванецъ и Василій Шуйскій», сдѣлавъ на ней такую надпись: „*Несчастная Царица Марѳа земно кланяется боярину Анатолію*“.

артистами этого прославленнаго театра, и я вспоминалъ Самарина въ роли Тартюфа и Шумскаго въ роли Оргонта, игра которыхъ въ этихъ роляхъ была несравненно художественнѣе и выше прирожденныхъ французовъ. То же могу сказать и объ „Укрощеніи Строптивой“, видѣнной мной на лучшей въ Германіи сценѣ, Мюнхенской, и тутъ игра нашихъ несравненныхъ Москвичей была куда совершеннѣе Нѣмцевъ. „Актеръ, говоритъ Суворинъ по поводу юбилея В. Н. Давыдова, это исключительный художникъ. Онъ не оставляетъ послѣ себя писанныхъ произведеній, не оставляетъ своей души въ нихъ, какъ художники въ картинахъ, въ статуяхъ, какъ писатели въ поэтическихъ произведеніяхъ. Артистическая душа только на сценѣ, и затѣмъ она переходитъ въ устные разсказы, въ анекдоты, воспоминанія и легенды и чрезъ эту память невидимое вѣяніе руководитъ подростающимъ поколѣніемъ артистовъ“.

Вотъ именно этимъ сіяніемъ талантовъ, этою артистичностью первыхъ великихъ исполнителей Московской сцены Малаго театра держится и понынѣ въ немъ духъ былого, и еще долго, будемъ надѣяться, пребудетъ онъ въ поколѣніяхъ служителей Русскаго искусства.

Одновременно съ такимъ высокимъ процвѣтаніемъ Малаго театра, отличался въ ту пору своими исполнителями въ Итальянской оперѣ и стоящій въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него Большой театръ, одинъ изъ обширнѣйшихъ театровъ въ Европѣ. Тамъ приводили всѣхъ въ восторгъ замѣчательныя пѣвицы: Арто, сестры Маркизіо, Оноре, Феруччи, Бенатти и пѣвцы: Станіо, Падилла, Рота и неизмѣнный Итальянецъ-Москвичъ Финокки. Арто была лучшей ученицей Віардо, и дѣйствительно мнѣ рѣдко доводилось слышать болѣе выработанный голосъ въ сопранныхъ партіяхъ, какъ у нея. Мужъ ея, баритонъ Падилла, былъ также недюжинный пѣвецъ. Сестры Маркизіо отличались необыкновенной спѣвкой своей въ дуэтахъ, и конькомъ въ ихъ репертуарѣ была „Семирамида“. Теноръ Станіо, обладая прекраснымъ голосомъ и красивой наружностью, производилъ фуроръ въ «Робертѣ», особенно въ нѣмой сценѣ съ балериной Кеммереръ на монастырскомъ кладбищѣ.

Но кромѣ вокальной части, тогда процвѣтала также и музыкальная въ лицѣ двухъ братьевъ Рубинштейновъ, ко-

торыми подѣлились обѣ столицы: первый водворился въ Петербургѣ и тамъ основалъ Консерваторію; второй—въ Москвѣ, гдѣ имъ также основана Консерваторія.

Съ Николаемъ Рубинштейномъ и его игрою я познакомился впервые у „отшельника Дѣвичьяго поля“ Погодина. Большая пріятельница моей матери и жены историка профессора М. П. Погодина, вдова Виленскаго вице-губернатора В. И. Пельская, жила въ то время въ Москвѣ у Погодиныхъ, въ ихъ домѣ на Дѣвичьемъ полѣ, занимая тѣ самыя комнаты въ мезонинѣ, гдѣ проживалъ Гоголь. Получивъ однажды приглашеніе отъ нея на одинъ изъ литературно-музыкальныхъ вечеровъ, изрѣдка устраиваемыхъ маститымъ историкомъ въ его извѣстной портретной галлереѣ Русскихъ писателей, я засталъ тамъ между прочими гостями и Николая Рубинштейна. Послѣ чтенія хозяиномъ дома отрывка изъ его исторіи Россіи о „Несторѣ-Лѣтописцѣ“, сѣлъ за фортепіано Николай Рубинштейнъ и сыгралъ намъ знаменитую рапсодію Листа такъ, какъ только онъ, Николай, умѣлъ играть. Сильное впечатлѣніе произвело на меня тогда это геніальное произведеніе въ исполненіи такого музыкальнаго колосса, какимъ былъ Московскій Рубинштейнъ; но потомъ, когда я услышалъ въ Петербургѣ игру великаго Антона, я забылъ о его братѣ!.. То былъ поистинѣ царь фортепіано, и о немъ мнѣ придется еще сказать нѣсколько словъ въ своемъ мѣстѣ.

Такимъ образомъ, Московская жизнь моя протекала не среди однихъ служебныхъ занятій, но и среди разновидныхъ удовольствій, а такъ какъ театръ составлялъ для меня предметъ страстнаго обожанія и стоялъ всегда на первомъ планѣ всякихъ иныхъ удовольствій, то я и имѣлъ возможность вдосталь насладиться имъ.

Возвращаясь къ цензурѣ, скажу, что за время нахожденія моего въ Москвѣ произошли въ составѣ служащихъ нѣкоторыя перемѣны. Такъ Предсѣдатель Цензурнаго Комитета Мансуровъ получилъ назначеніе въ Петербургъ, а мѣсто его занялъ старшій по службѣ изъ цензоровъ Росковшенко. Почти въ то же время и начальникъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати, сенаторъ М. П. Щербининъ, ушелъ въ

Сенатъ первоприсутствующимъ, а на его мѣсто назначенъ М. Н. Похвисневъ, бывшій Виленскій гражданскій губернаторъ, поступившій туда на эту должность вмѣсто Россета и хорошо знавшій моего отца. Послѣднее обстоятельство послужило къ немалой моей пользѣ, такъ какъ уже въ Декабрѣ 1869 г., я получилъ отъ Предсѣдателя С.-Петербургскаго Цензурнаго Комитета Александра Григорьевича Петрова письмо, въ которомъ онъ предлагалъ мнѣ поступить пока къ нему въ Комитетъ помощникомъ секретаря съ тѣмъ, что, можетъ быть, возможно будетъ перейти мнѣ на высшую должность въ центральный комитетъ иностранной цензуры, при чемъ добавлялъ: „при благорасположеніи М. Н. Похвиснева къ вамъ, можно будетъ что либо для васъ сдѣлать“. Разумѣется, я съ удовольствіемъ принялъ это предложеніе и 14 Января 1870 г. былъ назначенъ въ Петербургъ на предложенную мнѣ Петровымъ должность. Но прежде чѣмъ переброситься въ моихъ воспоминаніяхъ изъ Москвы въ Петербургъ, я долженъ еще удѣлить нѣсколько словъ бывшему первому начальнику Главнаго Управленія по дѣламъ печати сенатору Щербинину.

Подъ начальствомъ М. П. Щербинина мнѣ почти не довелось служить, и я съ нимъ познакомился, какъ съ дальнимъ родственникомъ, только по пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ. Какъ личность, онъ былъ человѣкъ стараго закала, весьма образованный чиновникъ Воронцовской школы. Онъ состоялъ управляющимъ канцеляріею, когда графъ, а впослѣдствіи князь Воронцовъ, былъ намѣстникомъ на Кавказѣ. Въ благодарную память о своемъ начальникѣ, онъ посвятилъ ему книгу съ описаніемъ его біографіи и управленіи имъ Новороссійскимъ и Кавказскимъ краями.

Покойный М. П. Щербининъ очень любилъ вспоминать свое прошлое; но, къ сожалѣнію, изъ всѣхъ разсказовъ его у меня сохранился въ памяти только одинъ, относящійся ко времени предсѣдательствованія его въ Московскомъ Цензурномъ Комитетѣ.

„Въ одинъ изъ Царскихъ пріѣздовъ въ Москву, разсказывалъ онъ, пришлось мнѣ выдержать большое испытаніе. Аксаковъ издавалъ тогда свой „День“ въ Москвѣ, и вотъ въ цензуру была представлена одна изъ его статей для этого журнала, которая была запрещена. Получаю вдругъ при-

глашеніе отъ генералъ-губернатора кн. Долгорукаго пожаловать къ нему. Являюсь. Встрѣчаетъ меня князь заявленіемъ, что Императрица Марія Александровна, находившаяся тогда вмѣстѣ съ Государемъ въ Москвѣ, по просьбѣ фрейлины Тютчевой (сестра которой была за Аксаковымъ) желаетъ, чтобы запрещенная нами статья была непремѣнно напечатана въ „Днѣ“. Собираю цензоровъ, перечитываемъ еще разъ эту статью и находимъ ее положительно невозможной, о чемъ я и сообщаю князю Владиміру Андреевичу. Не тутъ-то было! Императрица приказала мнѣ вторично сказать черезъ министра двора графа Адлерберга, что она непремѣнно желаетъ чтобы статья появилась въ „Днѣ“. Отвѣчаю опять, что, по долгу службы, я, къ огорченію моему, не могу исполнить волю Ея Величества. Назначается балъ въ Кремлевскомъ дворцѣ, и я получаю приглашеніе. Государь, проходя мимо и увидя меня, дѣлаетъ рукой знакъ, чтобы я подошелъ къ нему. Когда я поспѣшилъ приблизиться, онъ задаетъ мнѣ вопросъ, правда-ли, что я отказалъ Императрицѣ въ просьбѣ на счетъ дозволенія статьи Аксакова? Отвѣчаю утвердительно и привожу причину моего отказа.—«И прекрасно сдѣлалъ», сказалъ Александръ II, подавъ мнѣ милостиво руку*).

Досадую очень, что не могу припомнить содержанія Аксаковой статьи, подавшей поводъ къ неудовольствію съ одной стороны и одобренію съ другой и заставившей пережить нѣсколько непріятныхъ дней маститому разсказчику.

Какъ выше я упомянулъ, М. Н. Похвисневъ былъ старымъ знакомымъ моего отца по Вильнѣ, а потому, пріѣхавъ однажды въ Москву для обозрѣнія подвѣдомственныхъ ему

*) Передъ отъѣздомъ изъ Москвы, Государыня Марія Александровна приказала тогдашнему предсѣдателю Опекунскаго Совѣта князю Н. И. Трубецкому передать М. Н. Каткову ея желаніе, чтобы не распространяться въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» о посѣщеніи Императоромъ Московскихъ женскихъ учебныхъ заведеній. Князь Трубецкой, видѣвшій въ Катковѣ только газетчика, считалъ для себя неумѣстнымъ ѣхать къ Каткову и приказалъ своему чиновнику М. П. Полуденскому передать Каткову это желаніе Государыни. (Слышано отъ М. П. Полуденскаго). Примѣчаніе П. Бартанева. («Русскій Архивъ» 1912—7).

цензурныхъ учрежденій и увидѣвъ меня, онъ отнесся ко мнѣ весьма любезно и вскорѣ затѣмъ, я, какъ уже сказано, былъ переведенъ имъ въ Петербургъ. Не долго однако пришлось мнѣ быть подъ начальствомъ этого стараго холостяка, такъ какъ въ томъ-же году онъ былъ замѣщенъ Свиты Его Величества Генералъ-Маіоромъ М. Шидловскимъ. Я очень сожалѣлъ объ уходѣ Похвиснева, предполагавшаго назначить меня цензоромъ въ Рижскій Комитетъ иностранной цензуры и вообще оказывавшаго мнѣ при всякомъ случаѣ свое благорасположеніе.

Привожу здѣсь одно небезъинтересное за его время внушительное и разъяснительное распоряженіе по Одесской цензурѣ отъ 25 Апрѣля 1869 года.

По поводу вновь разрѣшенныхъ Одесскимъ Отдѣльнымъ Цензоромъ по внутренней цензурѣ для „Одесскаго Вѣстника" и „Новороссійскаго Телеграфа" „совершенно недозволительныхъ въ подцензурной печати статей по женскому вопросу какъ по своимъ тенденціямъ, такъ и по формѣ изложенія, способной дѣйствовать раздражительно на общественное мнѣніе" за подписью Похвиснева и Правителя дѣлъ Богушевича указывается слѣдующее:

„Во вниманіе лишь къ тому обстоятельству, что означенныя статьи напечатаны прежде, чѣмъ могло вамъ сдѣлаться извѣстнымъ постановленіе Совѣта Главнаго Управленія по дѣламъ печати, коимъ опредѣлено объявить вамъ строгій выговоръ за допущеніе нѣкоторыхъ предосудительныхъ статей въ прежнихъ нумерахъ вышеназванныхъ газетъ, Совѣтъ призналъ возможнымъ воздержаться до времени отъ принятія какой-либо новой мѣры.

Объявляя вамъ объ этомъ, я долгомъ считаю серіозно обратить ваше вниманіе на необходимость болѣе правильнаго отправленія вашихъ обязанностей. Разрѣшеніе вами къ печати статей, подобныхъ замѣченныхъ Совѣтомъ Главнаго Управленія, я не могу объяснить себѣ иначе, какъ или вашимъ бездѣйствіемъ, или превратнымъ пониманіемъ назначенія предварительной цензуры. Если вы въ отправленіи цензорскихъ обязанностей руководствуетесь тономъ и направленіемъ безцензурной печати, признавая оные вообще умѣстными и позволительными въ мѣстныхъ подцензурныхъ изданіяхъ, то такой взглядъ, по меньшей мѣрѣ, ошибоченъ и совершенно противорѣчитъ тѣмъ распоряженіямъ и указаніямъ, какія дѣлались относительно этого вопроса по цензурному вѣдомству. Существенное различіе между печатью безцензурной и подцензурной заключается въ томъ, что первая существуетъ подъ личной отвѣтственностью редакторовъ и издателей, отвѣтственность-же по второй лежитъ всецѣло на цензорахъ; посему если нѣкоторыя неодобрительныя явленія въ безцензурной печати могутъ быть терпимы Правительствомъ, то изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобы органы Правительственной власти признавали такія явленія одобрительными для печати, состоящей подъ предварительной цензурой.

Высшее Управленіе по дѣламъ печати не можетъ предусматривать и указывать всѣ случаи, когда г.г. Цензора, имѣя дѣло съ подцензурными изданіями, должны руководствоваться личными соображеніями, независимыми отъ общаго духа и направленія печати безцензурной; но для сего, съ одной стороны, существуютъ цензурныя правила, сила коихъ постоянно подкрѣпляется распоряженіями и разъясненіями Начальства, а съ другой—г.г. Цензора должны обладать извѣстнымъ тактомъ, безъ котораго дѣятельность ихъ не можетъ быть признаваема соотвѣтствующею интересамъ службы".

VI.

1870—1871 г.г.

Третій Начальникъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати Свиты Генералъ-Маіоръ Шидловскій. Предсѣдатель С.-Петербургскаго Цензурнаго Комитета по внутренней цензуры А. Г. Петровъ, цензора того времени въ этомъ Комитетѣ. Секретарь Н. И. Пантелеевъ и Р. Р. Веленe. Мое знакомство съ Шидловскимъ. Мое ночное странствованіе по редакціямъ. Циркуляръ Шидловскаго и Предсѣдательствующій въ Одесской цензурѣ Глушановскій.

Генералъ Шидловскій былъ назначенъ къ намъ изъ Тулы, гдѣ онъ губернаторствовалъ. Назначенію его предшествовала не особенно лестная для него репутація человѣка строптиваго нрава. Онъ мнилъ себя строгимъ блюстителемъ законовъ и при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ ссылался на нихъ и примѣнялъ ихъ зачастую не впопадъ. Разсказывали, что въ Тулѣ, гдѣ Вице-Губернаторомъ былъ въ то время Салтыковъ-Щедринъ, послѣдній замѣтилъ однажды Шидловскому по поводу его излишняго рвенія, что-де „законы написаны для того, чтобы ихъ примѣнять не зря, а разумно“...

Неожиданное назначеніе этого генерала Начальникомъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати произвело въ нашемъ вѣдомствѣ переполохъ—всѣ пріуныли и какъ-бы съежились въ ожиданіи суроваго начальника. Объясняли это назначеніе недовольствомъ правительства на распущенность въ прессѣ и желаніемъ дисциплинировать ее по военному. Но прежде чѣмъ продолжать рѣчь о Шидловскомъ, я долженъ сказать нѣсколько словъ о тѣхъ лицахъ, съ которыми мнѣ пришлось имѣть дѣло въ новомъ мѣстѣ служенія моего—С.-Петербурскомъ Цензурномъ Комитетѣ по внутренней цензурѣ.

Непосредственнымъ и ближайшимъ начальникомъ моимъ былъ Предсѣдатель Петербургскаго Цензурнаго Комитета Д. С. С. Александръ Григорьевичъ Петровъ. Съ отвисшею нижнею губою, двумя рядами вставныхъ зубовъ и до нельзя подвижнымъ лицомъ, напоминающимъ тѣ игрушечныя гуттаперчивыя кукольныя маски, сдавливая которыя получаются разнообразнѣйшія выраженія, Петровъ представлялъ изъ себя человѣка несомнѣннаго ума, огромной начитанности и изумительной, въ его преклонные года, памяти. Какъ Предсѣдатель ввѣреннаго ему учрежденія, онъ былъ положительно незамѣнимъ, и за все многолѣтнее служеніе мое въ цензурномъ вѣдомствѣ, я не встрѣчалъ болѣе подходящаго человѣка въ этой роли. Не довольствуясь веденіемъ текущихъ дѣлъ по Комитету и распредѣленіемъ занятій между цензорами, онъ лично поглощалъ, до прихода своего въ Комитетъ, всю ту массу издающейся въ Петербургѣ ежедневной періодической прессы и произведеній печати, чтеніе которыхъ лежало собственно на повседневной обязанности каждаго изъ десяти цензоровъ Комитета въ отдѣльности. Обыкновенно къ 1 часу всѣ они сходились въ Комитетъ и докладывали ему о замѣченныхъ ими противоцензурныхъ погрѣшностяхъ въ цензируемыхъ ими газетахъ и журналахъ. Высунувъ нижнюю губу и мѣняя выраженіе лица сообразно съ содержаніемъ цитируемыхъ ему сомнительныхъ мѣстъ, Петровъ бывало молча и терпѣливо выслушивалъ цензора-докладчика и, давъ ему высказаться до конца, словно ловилъ его, огорашивая вдругъ такимъ своимъ замѣчаніемъ:

— „Все это такъ, но, по моему мнѣнію, гораздо важнѣе обратившихъ ваше вниманіе мѣстъ, строки въ такихъ-то статьяхъ и на такихъ-то страницахъ“ и при этомъ указывалъ на нихъ, въ заранѣе уже имъ помѣченныхъ мѣстахъ, прозѣвавшему ихъ и до нельзя сконфуженному цензору.

Меня и сослуживца моего, Секретаря Комитета Н. И. Пантелеева (нынѣ Тайнаго Совѣтника и Члена Совѣта Главнаго Управленія по дѣламъ печати), такая быстрота въ чтеніи и свѣжесть памяти этого маститаго старца всегда приводили въ изумленіе и мы-таки побаивались его, зная напередъ, что обойти его нѣтъ никакой возможности и что всякій нашъ невольный промахъ будетъ тотчасъ замѣченъ имъ и поставленъ намъ на видъ. Слѣдуетъ при этомъ отмѣ-

тить еще для полной обрисовки этого выдающагося чудака, что онъ, кромѣ указанныхъ качествъ, былъ всесторонне образованымъ человѣкомъ и попалъ въ цензурное вѣдомство изъ Ректоровъ Одесскаго Ришельевскаго лицея, гдѣ занималъ въ то же время каѳедру русской словесности или исторіи. Началъ-же онъ службу въ нашемъ вѣдомствѣ цензоромъ Московскаго Цензурнаго Комитета, откуда и былъ назначенъ первымъ Начальникомъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати, Сенаторомъ Щербининымъ, Предсѣдателемъ С.-Петербургскаго Цензурнаго Комитета.

Но отмѣчая положительныя качества покойнаго А. Г. Петрова, прослужившаго многіе года на Предсѣдательскомъ посту въ Петербургскомъ Комитетѣ, я не могу не упомянуть и о слабой сторонѣ его. Будучи чиновникомъ старой школы, онъ отличался въ своей служебной дѣятельности какимъ-то особеннымъ культомъ передъ начальствомъ. Намъ, младшимъ подчиненнымъ его, онъ, напримѣръ, не дозволялъ въ присутствіи своемъ „наводить критику" на дѣйствія высшей власти и всегда обрывалъ насъ на первыхъ-же словахъ нашей неудобной и непріятной для его слуха рѣчи, и мы знали, что въ случаѣ какого либо служебнаго промаха съ нашей стороны, а также и со стороны г.г. цензоровъ, онъ не окажетъ никакого сопротивленія и заступничества. Извѣстенъ былъ всѣмъ ходячій про него анекдотъ съ Норовымъ, когда послѣдній пріѣзжалъ въ Одессу въ качествѣ Министра Народнаго Просвѣщенія для обозрѣнія училищъ и въ томъ числѣ ввѣреннаго Петрову тамошняго лицея. Норовъ, какъ извѣстно, лишился ноги не помню во время какой компаніи, а потому, когда, окончивъ осмотръ лицея, онъ вышелъ съ сопровождавшими его лицами въ швейцарскую, швейцаръ подалъ ему шинель и только одну калошу. Не сообразивъ въ чемъ дѣло, Петровъ, возмущенный небрежностью швейцара, напустился на него, требуя, чтобъ тотъ подалъ Министру и вторую калошу. Озадаченный этимъ требованіемъ швейцаръ позволилъ себѣ замѣтить, что „Его Высокопревосходительство изволятъ быть объ одной ногѣ и второй калоши не имѣютъ".

— „Дуракъ"! воскликнулъ внѣ себя отъ негодованія растерявшійся Ректоръ,—„Его Высокопревосходительство не можетъ быть объ одной ногѣ"!..

Объ этомъ своеобразномъ эпизодѣ я читалъ въ запискахъ свидѣтелей его, бывшихъ студентовъ Ришельевскаго лицея, и на ихъ совѣсти лежитъ достовѣрность повѣствуемаго.

Что касается состава цензоровъ того времени, то фамиліи ихъ слѣдующія: Смирновъ, Голохвостовъ, Де-Роберти, Лебедевъ, Богдановъ, Юферовъ, Сватковскій и военный цензоръ генералъ Штюрмеръ. Все это были люди высшаго образованія и хотя и отличались другъ отъ друга по умственному складу своихъ возрѣній на дѣло, но не выдѣлялись особенною типичностью, заслуживающей отдѣльной обрисовки ихъ фигуръ, если не считать Голохвостова, отличавшагося непомѣрной нерѣшительностью и трусливостью въ своихъ дѣйствіяхъ, ежедневно прибѣгавшаго къ содѣйствію Петрова для разрѣшенія сомнѣній въ такихъ пустыхъ случаяхъ, передъ которыми не усумнился бы ни одинъ другой цензоръ.

Если къ поименованнымъ лицамъ добавить неизмѣннаго старослужащаго Петербургскаго Цензурнаго Комитета, всему пишущему столичному люду хорошо извѣстному, обязательному и корректному Рейнгольду Романовичу Велене, вмѣстѣ съ Пантелеевымъ и мной дополнявшаго штатъ канцеляріи комитета, впослѣдствіи дѣйствовавшаго въ качествѣ секретаря того-же комитета и скончавшагося въ 1912 году, то этимъ будетъ все сказано, и мнѣ остается возвратиться къ военноначальнику нашему генералу Шидловскому.

Стоя въ сторонѣ отъ высшаго начальства моего, я по моей скромной должности—помощника секретаря—не имѣлъ никакого касательства до него. Всякія личныя сношенія съ Главнымъ Управленіемъ и съ Начальникомъ его производились Предсѣдателемъ нашимъ и только въ нѣкоторыхъ случаяхъ Секретаремъ комитета. Въ такомъ положеніи оставался я и во все время служенія моего въ цензурѣ въ Петербургѣ и только по назначеніи моемъ въ Одессу на самостоятельную и отвѣтственную должность начальника отдѣльной части, сношенія мои съ Главнымъ Управленіемъ

и его Начальниками существенно измѣнились и стали непосредственными.

Такое отдаленное положенiе по службѣ отъ первыхъ Начальниковъ Главнаго Управленiя по дѣламъ печати не даетъ мнѣ возможности представить полную характеристику ихъ личности и объ нихъ я могу лишь говорить по наслышкѣ и по нѣкоторымъ, доходившимъ до меня, распоряженiямъ ихъ. Такъ о Шидловскомъ, напримѣръ, я зналъ, что всѣ близко стоявшiя къ нему лица по службѣ трепетали передъ нимъ, и отраженiе этого трепета я могъ замѣтить на Предсѣдателѣ нашего комитета, который, отправляясь на верхъ, въ Главное Управленiе, каждый разъ творилъ тайкомъ крестное знамя. Страхъ передъ грознымъ генераломъ распространялся не только по всему вѣдомству, но и по всей прессѣ, на которую онъ нагналъ этотъ страхъ своей мелочной придирчивостью и примѣненiемъ къ ней, безъ нужды, военной дисциплины. Наблюдая за всѣмъ происходившимъ со стороны, я никакъ не могъ ожидать, что въ одинъ несчастный день очередь дойдетъ и до меня и что мнѣ прiйдется лично предстать и держать отвѣтъ передъ этимъ пугаломъ, видѣннымъ мной до того всего разъ— во время общаго представленiя ему всѣхъ служащихъ. Причина, подавшая поводъ къ болѣе близкому и въ то же время непрiятному знакомству моему съ нимъ, вызвана была слѣдующимъ казусомъ.

Случилось такъ, что Пантелеевъ захворалъ и я долженъ былъ секретарствовать вмѣсто него. Необходимо было отправить какую-то спѣшную бумагу на имя Начальника Главнаго Управленiя, которую я скрѣпилъ своею подписью и передалъ подписать Петрову, сдѣлавшему на ней двѣ-три поправки карандашемъ и затѣмъ подписавшаго ее въ свою очередь. Передавъ бумагу писцу для поправки отмѣченныхъ Предсѣдателемъ мѣстъ, я положился на всегдашнюю исполнительность и аккуратность этого писца и, не провѣривъ бумаги передъ ее отправкой, переслалъ ее по назначенiю. На другой день прибѣгаетъ курьеръ изъ Главнаго Управленiя и объявляетъ мнѣ требованiе Начальника немедленно явиться къ нему. Являюсь. Заставивъ меня довольно долго прождать въ прiемной, выходитъ онъ въ своей свитской формѣ и, нахмуривъ брови, грознымъ голосомъ

спрашиваетъ меня, тыкая пальцемъ въ находящуюся въ рукахъ у него бумагу:

— Это вы скрѣпили и отправили мнѣ эту бумагу?

— Точно такъ, Ваше Превосходительство, говорю, узнавъ мою вчерашнюю бумагу.

— А это что такое?!

Присматриваюсь и вижу, что карандашныя отмѣтки, сдѣланныя Петровымъ, остались на ней не вытертыми.

— Въ такомъ видѣ представлять бумагу начальнику! Что означаютъ эти карандаши?! Да знаете ли вы, что я васъ за это посажу на гауптвахту!!!...

Подоспѣвшiй на эту сцену Петровъ, своимъ перепуганнымъ видомъ и укоризненнымъ покачиванiемъ головы только усугубилъ траги-комизмъ положенiя, и я съ трудомъ могъ сдержать себя, чтобы не фыркнуть начальству въ лицо. За то когда оно, сказавъ фразу о гауптвахтѣ, круто повернуло мнѣ спину и удалилось съ негодующимъ видомъ въ свой кабинетъ вмѣстѣ съ съежившейся фигурой бѣднаго моего Предсѣдателя, я выскочилъ въ канцелярiю Главнаго Управленiя, гдѣ, встрѣченный сдержаннымъ смѣхомъ чиновниковъ и правителя ея Ю. М. Богушевича, далъ волю душившему меня смѣху.

Это былъ единственный случай моего „сближенiя“ съ генераломъ Шидловскимъ. Больше мнѣ не доводилось его видѣть и имѣть съ нимъ дѣло.

Но въ годъ ухода его, а именно въ 1871 году, я на страстной недѣлѣ, въ ночь на великiй Четвергъ, долженъ былъ по его неотложному приказанiю облетать полъ Петербурга для отобранiя отъ редакторовъ газетъ подписокъ о непечатанiи случившейся на поѣздѣ Цесаревича Александра Александровича катастрофѣ съ адъютантомъ его полковникомъ Козловымъ, братомъ Петербургскаго Оберъ-Полицiймейстера. Случайно-ли, или намѣренно, адъютантъ этотъ свалился съ вагона на всемъ ходу поѣзда между Москвой и Петербургомъ и былъ убитъ на мѣстѣ. Кому-то не пожелалось, чтобы этотъ фактъ былъ преданъ огласкѣ, о чемъ было сообщено Шидловскому, и вотъ мы съ Пантелеевымъ получаемъ приказанiе совершить ночной объѣздъ редакцiй всѣхъ Петербургскихъ перiодическихъ изданiй для сообщенiя имъ этого распоряженiя высшей власти.

Подѣливъ поровну между собой всѣ редакціи главныхъ столичныхъ органовъ печати и подрядивъ быстроходныхъ извозчиковъ, мы въ ночь со Среды на Четвергъ отправились каждый по заранѣе составленному маршруту въ экспедицію нашу. Намъ, надо замѣтить, приходилось предъявлять требованіе начальства лишь къ безцензурнымъ газетамъ, такъ какъ о непропускѣ случившейся катастрофы въ подцензурныхъ газетахъ, подлежащихъ предварительному просмотру г.г. цензоровъ, было сообщено отдѣльно послѣднимъ для надлежащаго исполненія. На мою долю выпали редакціи, находящіяся на Васильевскомъ островѣ и Петербургской сторонѣ. Помню, подъѣзжаю къ Николаевскому мосту, а онъ, какъ на грѣхъ, разведенъ. По счастью пришлось не долго ждать его сводки, и я подоспѣлъ во время въ редакцію „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, когда еще не приступили въ типографіи къ сверсткѣ нумера. Велю разбудить редактора этой газеты Корша. Выходитъ сонный, растрепанный, въ халатѣ.

— Что вамъ опять надо отъ меня? встрѣчаетъ онъ меня нелюбезно.

Объясняю ему причину моего невольнаго ночного визита и даю понять, что творю сіе не по собственной волѣ, а по волѣ пославшаго меня.

— Это чертъ знаетъ, что такое! Моя газета безцензурная или подцензурная, какъ вы полагаете?! По какому праву мнѣ безпрестанно предъявляютъ разныя требованія не печатать то, или другое? Существуютъ законы о печати, избавляющіе меня отъ вашей опеки, или нѣтъ?... И пошелъ, и пошелъ все въ томъ-же тонѣ задавать мнѣ вопросы и ворчать, пока наконецъ взмилостивился и далъ мнѣ требуемую подписку.

Это былъ впрочемъ единственный случай со мной неприязненной встрѣчи со стороны редактора; въ Москвѣ-же, по разсказамъ тамошнихъ цензоровъ, были подобнаго рода случаи куда худшаго свойства. Такъ Катковъ прямо бранился и нервно потрясалъ кулаками, объясняясь съ цензорами, а Аксаковъ, послѣ одного объясненія съ Рахманиновымъ, по поводу непропущенной послѣднимъ статьи для его „Дня“, надѣлъ шляпу и, не простившись съ этимъ цензоромъ, вышелъ изъ его кабинета...

Мнѣ остается добавить, что ночную экспедицію мою я закончилъ безъ дальнѣйшихъ непріятныхъ приключеній и явился къ Петрову въ страстной Четвергъ утромъ съ подписаннымъ листомъ, едва не пропустивъ время причащенія.

Сожалѣю очень, что изъ всѣхъ распоряженій по цензурѣ за время двухлѣтняго правленія Шидловскаго мнѣ удалось розыскать лишь одно отъ 19 февраля 1871 г. достойное вниманіе, которое и привожу ниже въ заключеніе о немногомъ, сказанномъ мной объ этомъ воинственномъ начальникѣ.

По порученію Министра Внутреннихъ Дѣлъ, предлагается Одесскому Временному Присутствію по внутренней цензурѣ къ неуклонному исполненію слѣдующее Высочайшее повелѣніе:

„Г. Главный Начальникъ III Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи сообщилъ Г. Министру Внутреннихъ Дѣлъ, что Государю Императору благоугодно было повелѣть: впредь до пересмотра Высочайше утвержденнаго 2 ноября 1869 г. особою Комиссіею дѣйствующихъ постановленій о цензурѣ и печати, не допускать къ выходу въ свѣтъ сочиненій лицъ, признанныхъ изгнанными изъ отечества, тайно покинувшихъ его и государственныхъ преступниковъ, какого бы содержанія ни были эти сочиненія и въ какомъ бы видѣ они не издавались, подъ собственными ли именами авторовъ, или подъ какими либо псевдонимами и знаками“.

На поляхъ этой бумаги расписались въ прочтеніи ея: Предсѣдательствующій Глушановскій и цензоръ Пиллеръ.

Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Антона Андреевича Глушановскаго я хорошо знавалъ въ Вильнѣ, встрѣчая его въ дѣтствѣ моемъ, въ домѣ полковника Минквица, какъ я уже раньше объ этомъ сказалъ. Онъ былъ тогда Управляющимъ Палатою Государственныхъ имуществъ. Думалъ-ли я, что мнѣ со временемъ прійдется быть однимъ изъ его преемниковъ по должности въ Одессѣ, гдѣ онъ, будучи уже въ отставкѣ, скончался на 90 году жизни, въ 1906 г., въ одной изъ мѣстныхъ Санаторій. Онъ былъ „первымъ студентомъ Кіевскаго университета“, очень словоохотливъ, большой

юмористъ и неподражаемый разсказчикъ изъ малороссійскаго быта. Припоминается мнѣ слѣдующій комическій эпизодъ, характеризующій его непомѣрную болтливость.

Будучи въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ генераломъ Драгомировымъ, онъ однажды въ Кіевѣ, гдѣ послѣдній былъ Генералъ-Губернаторомъ и Командующимъ войсками, до того разговорился за сливянкой въ компаніи съ нимъ и другими друзьями своими, что долго не замѣчалъ, какъ тѣ, желая подшутить надъ нимъ, незамѣтно для него опоражнивали его рюмку съ этимъ напиткомъ. Замѣтивъ однако въ концѣ концовъ, что рюмка его постоянно пуста, сколько онъ ее не наполнялъ, онъ вдругъ остановился на полъ словѣ и въ недоумѣніи спросилъ себя:

— О, це лыхо: чи я пилъ, чи не пилъ?!

При буйномъ Шидловскомъ онъ былъ, ни съ того, ни съ сего, совершенно нежданно для себя уволенъ отъ занимаемой имъ должности въ Одессѣ. Узнавъ объ увольненіи своемъ изъ газетъ, въ которыхъ было сказано, что онъ уволенъ въ отставку *по прошенію*, онъ, не измѣнилъ и тутъ прирожденному юмору своему, насмѣшивъ пріятелей своихъ, восклицаніемъ:

— Ей Богу-же никого никогда не просилъ объ этомъ!

VII *).

1872—1874 г.г.

Четвертый начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати статсъ-секретарь Лонгиновъ. Переходъ и назначеніе мое въ центральный комитетъ иностранной цензуры. Предсѣдатель Ѳ. И. Тютчевъ и цензора этого комитета: А. Н. Майковъ, Я. П. Полонскій, Г. А. Липпинъ. Сторожъ Долотовъ. Сторожъ-предатель.

Вмѣсто генерала Шидловскаго въ 1872 году былъ назначенъ Начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати статсъ-секретарь М. Н. Лонгиновъ, проначальствовавшій надъ нами до 1874 г.

Всѣ литераторы наши не возлюбили его за принятіе имъ этой должности, считая его, по прежней его журнальной дѣятельности въ періодическихъ изданіяхъ тогдашняго либеральнаго направленія, ренегатомъ и отступникомъ отъ ихъ знамени. Въ пятидесятыхъ годахъ онъ очень любилъ, чтобы его считали за большого либерала и извѣстенъ своей исторіей съ графомъ Л. Толстымъ. „Неизвѣстно почему,—вспоминаетъ „Старый литераторъ“ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“,—ему вздумалось тогда написать Некрасову въ некорректной для Толстого формѣ относительно недостаточнаго свободомыслія послѣдняго въ „Современникѣ“, а Некрасовъ, неизвѣстно почему, нашелъ нужнымъ прочитать автору „Дѣтства“ выдержку изъ письма Лонгинова. Толстой послалъ Лонгинову вызовъ на дуэль. Некрасовъ пріѣхалъ къ Толстому и заявилъ: „Если вы не возьмете вашего вызова Лонгинову

*) «Историческій Вѣстникъ», Январь 1912 г.,

назадъ, то вы и со мной должны будете стрѣляться. Я—виновникъ во всей этой кашѣ и долженъ нести за нее отвѣтственность". Толстой вызова не взялъ назадъ, но дуэль не состоялась. Не любили они его и потому, что онъ извѣстенъ былъ у нихъ своею двойственностью: „онъ печаталъ свои критическія статьи въ журналѣ Каткова, а свои порнографическія сочиненія и стихи—за границей".

Для меня лично управленіе Лонгинова цензурнымъ вѣдомствомъ ознаменовалось тѣмъ, что, приказомъ отъ 13-го октября 1872 года, я былъ назначенъ старшимъ помощникомъ цензора центральнаго комитета цензуры иностранной и съ тѣхъ поръ уже, до конца службы моей, я оставался въ этой цензурѣ, хотя впослѣдствіи, какъ будетъ видно далѣе, мнѣ, кромѣ нея и помимо моего желанія, навязана была еще и ненавистная мнѣ внутренняя цензура.

Центральный комитетъ иностранной цензуры находился тогда въ домѣ Шольца на Обуховскомъ проспектѣ, вблизи Сѣнной. Предсѣдательствовалъ въ немъ Ѳ. Тютчевъ, котораго я видѣлъ еще въ Москвѣ во время одного изъ пріѣздовъ его туда и посѣщеній имъ нашего отдѣленія иностранной цензуры. Онъ прибылъ къ намъ въ отдѣленіе зимой въ широко распахнутой енотовой шубѣ—всегдашняя манера его носить ее—и мѣховой шапкѣ, изъ-подъ которой выбивались его длинные сѣдые волосы, и съ небрежно-обмотанымъ вокругъ шеи шерстянымъ шарфомъ. Выразительное лицо его съ тонкими чертами и большимъ лбомъ, въ очкахъ, изъ-подъ которыхъ выглядывали умные, но какъ бы утомленные глаза, которые невольно обращали на себя вниманіе и заставляли догадываться, что въ старческомъ обликѣ всей фигуры этого человѣка скрывается незаурядная натура.

Комитетъ былъ раздѣленъ на три отдѣленія, которыми завѣдывали старшіе цензора. Я попалъ въ нѣмецко-италіанское отдѣленіе, начальникомъ котораго былъ престарѣлый Есиповъ. Остальными двумя отдѣленіями завѣдывали: французскимъ и англійскимъ—Любовниковъ, а бандерольнымъ и польскимъ съ прочими славянскими нарѣчіями—А. Майковъ. Кромѣ названныхъ старшихъ цензоровъ, были еще и младшіе, между которыми раздѣлялось чтеніе книгъ сообразно ихъ знанію языковъ. Такъ, Полонскій читалъ французскія, англійскія и итальянскія книги, Миллеръ-Красовскій, прославившійся своей брошюрой о необходимости розги въ школьномъ воспитаніи, исключительно нѣмецкія, Дукшта-Дукшинскій—польскія, и былъ еще одинъ такой цензоръ-полиглотъ, Шульцъ, который не затруднялся читать книги и разныя другія изданія на всѣхъ существующихъ языкахъ. Секретъ своего „многоязычія" и скоропалительнаго чтенія онъ унесъ въ могилу; какъ онъ успѣвалъ и умудрялся возвращать по субботамъ весь громадный ворохъ забранныхъ имъ для прочтенія книгъ за недѣлю, представляя о каждой отзывъ, осталось непроницаемой для насъ тайной. Это былъ поистинѣ титанъ своего дѣла, и подобнаго ему языковѣда мнѣ уже не приходилось встрѣчать во всю мою жизнь, хотя нѣкоторые наши цензора, какъ, напримѣръ, мой предмѣстникъ, старшій помощникъ цензора, магистрантъ филологіи Пѣвницкій, назначенный въ Одессу младшимъ цензоромъ, обладалъ значительными познаніями въ иностранныхъ языкахъ, да и я самъ владѣю пятью языками, но по многоязычію своему почтенный Шульцъ побилъ рекордъ надъ всѣми, и никто никогда не могъ конкурировать съ нимъ въ этой сферѣ.

Что касается канцеляріи комитета, то долгое время завѣдывалъ ею Златковскій, бывшій офицеръ въ отставкѣ, получившій въ Крымскую кампанію контузію въ затылокъ, вслѣдствіе чего, помимо воли своей, физически не могъ „гнуть шеи". Онъ пользовался казенной квартирой при комитетѣ въ томъ же старинномъ и доселѣ существующемъ домѣ Шольца на Обуховскомъ проспектѣ, близъ Сѣнной, куда къ намъ поднимали тюки съ книгами на блокѣ, устроенномъ въ окнѣ со двора.

Вскорѣ составъ служащихъ, однако, измѣнился. Вмѣсто поэта Тютчева предсѣдательское кресло занялъ князь Вяземскій, сынъ не менѣе извѣстнаго поэта, современника Пушкина. Вмѣсто же умершаго Есипова, подъ конецъ засыпавшаго отъ дряхлости въ своемъ креслѣ, въ наше нѣмецкое отдѣленіе былъ назначенъ старшимъ цензоромъ Миллеръ-Красовскій, по бурному и неуживчивому нраву своему напоминавшій мнѣ моего перваго начальника въ Москвѣ Вѣдрова.

Касательно предсѣдательской должности, у мѣста будетъ замѣтить, что должность эта представляла въ центральномъ комитетѣ иностранной цензуры родъ синекуры

и замѣщалась всегда лицами, имѣвшими связи и протекцію въ высшихъ сферахъ. Такъ попалъ на эту привиллегированную должность Тютчевъ, дочь котораго, фрейлина, играла такую видную роль при Императрицѣ Маріи Александровнѣ, такъ попалъ на нее князь Вяземскій, жена котораго, гофмейстерина, пользовалась особеннымъ уваженіемъ Александра II, такъ попалъ на нее также и Майковъ, благодаря личному благорасположенію къ нему Александра III, и такъ попалъ на нее же и графъ Муравьевъ, братъ министра иностранныхъ дѣлъ. О первомъ изъ нихъ, Тютчевѣ, я не могу ничего добавить къ сказанному, о второмъ, князѣ Вяземскомъ, мнѣ еще придется говорить въ своемъ мѣстѣ, о Майковѣ же, съ которымъ я былъ ближе знакомъ, имѣя съ нимъ довольно частыя сношенія по службѣ, у меня сохранились слѣдующія воспоминанія.

Принадлежа къ Пушкинской плеядѣ поэтовъ, А. Н. Майковъ по наклонностямъ своимъ мало соотвѣтствовалъ цензорскому назначенію, хотя и не лишенъ былъ влеченія къ карьеризму. Завѣдуя отдѣломъ славянскихъ языковъ и бандерольныхъ полученій, онъ мало интересовался особенно послѣднимъ, всецѣло сдавъ его на руки сотруднику своему Дукштѣ-Дукшинскому, чуть не полвѣка прослужившаго въ этомъ отдѣленіи и замѣнившаго впослѣдствіи Майкова въ начальствованіи въономъ. Пробѣжитъ, бывало, своей скорой походкой нашъ поэтъ въ свое отдѣленіе, захватитъ изъ него нѣсколько вновь поступившихъ неизвѣстныхъ книгъ въ свой портфель и, проходя обратно черезъ комнату, въ которой «работаетъ» съ машинальнымъ хладнокровіемъ старослуживый сторожъ комитета, Долотовъ, надъ вырѣзываніемъ и пачканіемъ отмѣченныхъ ему въ книгахъ и журналахъ исключенныхъ и запрещенныхъ цензорами мѣстъ, крикнетъ ему мимоходомъ:

— Здорово старина! Печатаешь? Печатай, братецъ, печатай!—и юркнетъ въ выходныя двери.

Лѣтомъ Аполлонъ Николаевичъ всегда жилъ съ своей супругой на дачѣ въ Парголовѣ, а потомъ на собственной дачѣ на Сиверской станціи, Варшавской желѣзной дороги, и тамъ предавался онъ своему любимому занятію—рыбной ловлѣ. По цѣлымъ часамъ сидѣлъ онъ съ удочкой въ рукахъ въ лодкѣ, среди камышей и зарослей, уносясь съ

своей музой въ тиши въ недосягаемыя для обыкновенныхъ смертныхъ заоблачныя пространства. При такой обстановкѣ, на лодкѣ и съ удочкой въ рукахъ, изображенъ онъ кистью Крамского или Рѣпина—хорошо не припомню. А самъ поэтъ нашъ выразилъ свои ощущенія при этой обстановкѣ въ слѣдующемъ извѣстномъ стихотвореніи своемъ:

Я цѣлый часъ болотомъ занялся.
Тамъ бѣлоусъ торчитъ, какъ щетка жесткій;
Тамъ точно прудъ зеленый разлился.
Лягушка, взгромоздясь, какъ на подмостки,
На старый пень, торчащій изъ воды,
На солнцѣ нѣжится и дремлетъ.
Бѣлымъ пушкомъ одѣты тощіе цвѣты.
Надъ ними мошки вьются роемъ цѣлымъ.
Лишь незабудокъ сочныхъ бирюза
Кругомъ глядитъ умильно мнѣ въ глаза,
Да оживляетъ бѣдный міръ болотный
Порханье бабочки залетной
И хлопоты стрекозокъ голубыхъ
Вокругъ тростинокъ тощихъ и сухихъ.

По натурѣ своей будучи весьма отзывчивымъ къ обездоленнымъ судьбой людямъ, онъ всегда охотно помогалъ имъ не только вліяніемъ своимъ, но нерѣдко и кошелькомъ. У меня сохранилось одно письмо его, полученное мною во время моего предсѣдательствованія въ Одессѣ, какъ нельзя лучше характеризующее эту сторону его личности. Привожу это письмо цѣликомъ:

„Многоуважаемый Анатолій Евгеньевичъ.

„Обращаюся къ Вамъ съ покорнѣйшею просьбою удовлетворить желаніе г. Паприцкаго, котораго знаю за безукоризненно достойнаго человѣка. Онъ служилъ въ Западномъ краѣ, пользовался полною довѣренностью графа Муравьева, Кауфмана и Баранова и корреспондировалъ Каткову въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, съ вѣдома этихъ генералъ-губернаторовъ, отъ коихъ получалъ похвалы и отличія. Онъ такъ умѣлъ вести дѣла, что въ его округѣ не было надобности ни разу посылать воинскихъ командъ. Съ водвореніемъ Потапова, пошли гоненія, и его сослали въ Петрозаводскъ. Я за него просилъ Шебеку, который принялъ участіе, а равно и графъ Д. А. Толстой, его воз-

вратили, сочли все время ссылки за службу, дали пенсію и пособіе для леченія въ Крыму и Одессѣ. Пожалуйста, нельзя ли распорядиться о возвращеніи ему желаннаго документа. Тутъ въ письмѣ и его адресъ. Не смотрите, что письмо писано безграмотно, писалъ не онъ, ибо разбитъ параличомъ, его только подпись, вообще онъ теперь—развалина, къ которой должно, однако, питать уваженіе.

„Съ полной надеждой, что вы, по старой памяти, уважите мое ходатайство

24 Іюля 1890 г. Весь вашъ А. Майковъ.

Документъ, о возвращеніи котораго хлопоталъ Майковъ, заключался, сколько мнѣ помнится, въ докладной запискѣ Паприкова бывшему министру внутреннихъ дѣлъ графу Толстому, представленный авторомъ въ одесскую цензуру для разрѣшенія къ печати, запрещенный послѣдней и вслѣдствіе того удержанный при дѣлахъ комитета. При всемъ желаніи моемъ исполнить просьбу почтеннаго сослуживца-поэта, я не могъ этого сдѣлать, такъ какъ, по наведенной справкѣ, оказалось, что этотъ самый Паприковъ незадолго передъ тѣмъ скончался въ занимаемой имъ въ Одессѣ по Левашевскому спуску квартирѣ, о чемъ я и сообщилъ Майкову въ отвѣтъ на его участливое письмо.

Кромѣ уже указанныхъ двухъ поэтовъ-цензоровъ, съ которыми мнѣ привелось служить, я назвалъ еще Я. П. Полонскаго.

О немъ, равно какъ и о поступившемъ позднѣе къ намъ на службу въ качествѣ помощника цензора Г. А. Лишинѣ, извѣстномъ болѣе своей мелодекламаціей, я могу сказать, что оба они были люди не отъ міра сего, вѣчно витающіе съ своими музами въ заоблачныхъ районахъ. Въ этомъ отношеніи добродушный и мягкосердечный Яковъ Петровичъ превзошелъ своихъ собратьевъ по Парнасу. Разсѣянность его доходила до крайнихъ предѣловъ. Бывало, говоритъ съ вами, а по глазамъ его видно, что онъ не только не думаетъ, о чемъ говоритъ, но даже едва-ли узнаетъ того, съ кѣмъ говоритъ. Уходя со службы, онъ обязательно что-нибудь оставлялъ послѣ себя: то забудетъ свой портфель, то ключи, то носовой платокъ, а разъ забылъ даже и свой костыль, съ которымъ никогда не разставался, постоянно хромая на

обѣ ноги, и старикъ Долотовъ долженъ былъ пуститься за нимъ въ догонку, чтобы вручить ему его потерю.

Въ послѣдній разъ я встрѣтился съ Я. П. Полонскимъ въ Одессѣ, куда, за нѣсколько лѣтъ передъ своей смертью, онъ пріѣзжалъ съ женой и дѣтьми полѣчить свои больныя ноги на лиманѣ. Онъ жаловался мнѣ потомъ, что лиманное леченіе не принесло ему никакой пользы, и онъ умеръ отъ хронической болѣзни своихъ разбитыхъ параличомъ ногъ. Милый и симпатичный человѣкъ былъ онъ, и угасшій обликъ его высокой и худощавой фигуры съ умнымъ лбомъ, задумчивыми глазами и длинными волосами сохранился навсегда въ моей памяти, какъ и чистая, какъ хрусталь, душа его, нашедшая себѣ отраженіе въ его высоко-художественной и неподкупной поэзіи.

Съ Г. А. Лишинымъ мнѣ пришлось мало служить въ Петербургѣ. Съ нимъ я также потомъ встрѣтился уже въ Одессѣ, куда онъ пріѣзжалъ, чтобы повидаться съ двумя братьями своими—одесскими старожилами (изъ коихъ одинъ былъ раненъ шальной пулей въ ногу во время страшныхъ дней „освободительнаго движенія“ въ этомъ городѣ и умеръ отъ полученной имъ раны)—и чтобы принять участіе въ торжествѣ открытія построеннаго городомъ великолѣпнаго, не имѣющаго себѣ подобнаго во всей Россіи театра, послѣдовавшемъ 1-го октября 1887 года.

Имя покойнаго поэта достаточно тѣсно связано съ Одессой, гдѣ онъ проводилъ послѣдніе годы своей жизни и и гдѣ память о немъ жива по горячему участію его въ празднествѣ открытія храма Мельпомены, Таліи, Евтѐрпы и Терпсихоры въ Южной Пальмирѣ. Оно выразилось въ сочиненномъ имъ для этого случая текстѣ и музыкѣ къ музыкально-драматическому прологу, исполненному оркестромъ подъ его управленіемъ.

Въ сохранившейся у меня афишѣ того спектакля № 1-го въ новомъ одесскомъ городскомъ театрѣ значится, что въ исполненіи музыкальной части Лишинскаго пролога приняло участіе одесское отдѣленіе Императорскаго музыкальнаго общества, при чемъ хоры велись подъ управленіемъ Д. Ф. фонъ-Ресселя; соло для скрипки „На берегахъ Хаджибея“ исполнилъ солистъ петербургскихъ театровъ П. П.

Пустарнаковъ, а элегію для віолончели „Къ морю“ (по Пушкину) исполнилъ Глазеръ. Живыя картины къ прологу были поставлены главнымъ режиссеромъ Императорскаго петербургскаго театра А. А. Яблочкинымъ и главнымъ декораторомъ Императорскаго московскаго театра К. Ф. Вальцемъ. Въ прологѣ участвовала артистка Понизовская, а въ живыхъ картинахъ поименовано много разныхъ провинціальныхъ актрисъ и актеровъ. Въ спектаклѣ этомъ, кромѣ того, были поставлены двѣ сцены изъ драмы Пушкина „Борисъ Годуновъ“ и три акта изъ комедіи Грибоѣдова «Горе отъ ума». Афиша подписана главнымъ режиссеромъ А. Яблочкинымъ и первымъ антрепренеромъ этого театра И. Черепенниковымъ.

Замѣчательно даровитая и талантливая натура былъ покойный Григорій Андреевичъ. Онъ совмѣщалъ въ себѣ и поэта, и музыкальнаго композитора, и былъ первымъ въ Россіи представителемъ искусства мелодекламаціи, имѣвшимъ послѣ себя много подражателей. Жизнь его, какъ и многихъ русскихъ талантливыхъ людей, оборвалась въ началѣ расцвѣта его художественныхъ дарованій, и онъ умеръ въ Петербургѣ 35 лѣтъ отъ злого недуга, унесшаго его въ безвременную могилу.

Выше я упомянулъ вскользь о нашемъ комитетскомъ сторожѣ Долотовѣ. Мои воспоминанія о службѣ въ Петербургскомъ центральномъ комитетѣ иностранной цензуры были бы не полны, если бы я упустилъ сказать нѣсколько словъ какъ объ этомъ одновременникѣ моемъ по службѣ въ этомъ учрежденіи, такъ и о другомъ сторожѣ-курьерѣ, служившемъ при мнѣ уже въ Одессѣ, не имѣвшемъ, впрочемъ, ничего общаго съ первымъ.

Непосвященный въ тайны и распорядки внутренняго строя въ присутственныхъ мѣстахъ не можетъ себѣ составить надлежащаго представленія о той роли, которую подчасъ играютъ въ общемъ механизмѣ дѣла эти скромные по виду труженики, и въ какой степени отъ честнаго, добросовѣстнаго исполненія ими ихъ невзрачной обязанности зависитъ зачастую успѣшность всей канцелярской машины. Типичныя фигуры двухъ упомянутыхъ служителей могутъ служить подтвержденіемъ сказаннаго.

Старикъ Долотовъ, съ которымъ такъ любилъ шутить нашъ цензоръ-поэтъ, а впослѣдствіи председатель А. Н. Майковъ, находился при петербургскомъ комитетѣ въ качествѣ старшаго сторожа съ незапамятныхъ временъ, неся свою многолѣтнюю службу изъ года въ годъ съ одинаковымъ рвеніемъ, непоколебимымъ хладнокровіемъ и безупречной честностью. Не зная, конечно, ни одного слова на иностранныхъ языкахъ, онъ, тѣмъ не менѣе, отлично изучилъ всѣ наши пріемы и манипуляціи, зналъ, что дѣлается во всѣхъ отдѣленіяхъ, гдѣ что лежитъ, что должно быть выдано, гдѣ какія должны быть сдѣланы исключенія и что задержано. Въ своей сферѣ дѣятельности онъ былъ поистинѣ безцѣнный человѣкъ—прекрасный типъ русскаго простолюдина-самоучки съ прибавкой къ этому николаевской солдатской выдержки и дисциплины. Всѣ мы относились къ нему съ уваженіемъ, а если молодежь наша позволяла себѣ иногда выказывать ему, въ чиновничьей заносчивости своей, пренебреженіе, то такихъ господъ онъ безцеремонно осаживалъ, называя ихъ молокососами. Оберегая хранящееся въ шкапахъ книжное имущество, онъ стерегъ его какъ вѣрный и безсмѣнный часовой, и не было случая, чтобъ когда-либо книга пропала безслѣдно изъ своего хранилища.

Заботы свои о службѣ старикъ Долотовъ раздѣлялъ съ заботами о воспитаніи своего сына. Мальчикъ у него оказался весьма способнымъ, и Майковъ, узнавъ объ этомъ, взялъ его подъ свое покровительство. Сначала онъ помѣстилъ его въ какое-то средне-учебное заведеніе, а когда молодой Долотовъ сталъ выказывать выдающіяся способности въ архитектурѣ, то онъ далъ ему возможность поступить въ академію художествъ, по окончанію которой Долотовъ-сынъ началъ успѣшно практиковать и получилъ мѣсто архитектора при военномъ министерствѣ, съ казенной квартирой въ зданіи главнаго штаба. Вскорѣ имя архитектора Долотова пріобрѣло извѣстность въ строительномъ мірѣ Петербурга, и вотъ тутъ-то старикъ Долотовъ показалъ себя во всей величавой простотѣ своего нрава. Гордясь извѣстностью своего сына, онъ въ тоже время ни за что не хотѣлъ переселиться къ нему, не взирая на неоднократныя мольбы послѣдняго, и, ко всеобщему удивленію, до конца жизни своей оставался на своей болѣе чѣмъ скромной должности

въ комитетѣ, предпочитая маленькую конуру свою и жизнь простого сторожа просторнымъ хоромамъ и барской обстановкѣ своего сына. Поистинѣ это былъ рѣдкій экземпляръ русскаго простолюдина, съ философскимъ стоицизмомъ и смиреніемъ переносившаго свой удѣлъ, и я съ чувствомъ особеннаго умиленія всегда вспоминаю немощную тѣломъ, но крѣпкую духомъ фигуру этого старика-безсребренника.

Иной породы былъ старшій сторожъ, котораго я засталъ въ одесскомъ комитетѣ.

Этотъ также былъ очень смышленъ и пользовался полнымъ довѣріемъ всѣхъ цензоровъ и прочихъ служащихъ. Какъ и первый, онъ такъ же хорошо велъ свое дѣло и наловчился въ механическомъ и быстромъ умѣніи распознавать изданія на иностранныхъ языкахъ, безошибочно сортируя ихъ при выгрузкѣ изъ многопудныхъ тюковъ на столы для цензорскаго осмотра и опредѣленія ихъ по категоріямъ. Но на этомъ и ограничивалось его сходство съ Долотовымъ. Будучи уроженцемъ одной изъ литовскихъ губерній и католикомъ, онъ не носилъ въ себѣ тѣхъ симпатичныхъ чертъ характера, которыя мнѣ пришлось наблюдать у тамошняго простолюдина въ бытность мою въ томъ краѣ. Вскорѣ до меня стали доходить слухи о такихъ неблаговидныхъ поступкахъ его, которые указывали на существованіе разныхъ сдѣлокъ его съ мѣстными книгопродавцами, и послѣ того, что онъ былъ уличенъ въ двухъ случаяхъ такого характера, несомнѣнность которыхъ фактически подтвердилась, я по долгу службы обязанъ былъ, во-первыхъ, произвести разслѣдованіе, а, во-вторыхъ, изгнать его изъ стѣнъ комитета. Разслѣдованіе это выяснило, что онъ вошелъ въ стачку съ однимъ изъ мѣстныхъ книгопродавцевъ, условившись съ нимъ, конечно, за извѣстную мзду, отбрасывать въ сторону вынимаемыя имъ изъ тюковъ при цензорскомъ просмотрѣ книги этого книгопродавца, особеннымъ способомъ отмѣченныя при отправленіи ихъ ему изъ-за границы. Само собой разумѣется, что такого рода условными знаками были отмѣчены только недозволенныя къ обращенію въ Россіи книги и, слѣдовательно, при обнаруженіи пропуска ихъ чрезъ одесскую цензуру вина въ такомъ недосмотрѣ всецѣло падала бы на нее, и отвѣтственнымъ лицомъ въ этомъ являлся бы прежде всего я.

Занося на эти страницы два вышеописанныхъ разнородныхъ типа комитетскихъ сторожей—этихъ маленькихъ винтовъ въ сложномъ механизмѣ служебной машины,—я имѣлъ въ виду лишь показать, отъ какихъ случайностей и въ какой зависимости находится иногда ходъ всей канцелярской машины и ея главныхъ водителей.

Изъ немногихъ извѣстныхъ мнѣ циркулярныхъ распоряженій за время управленія цензурою Лонгиновымъ, въ общемъ представляющихъ незначительный интересъ, должно быть отмѣчено слѣдующее особое распоряженіе, какъ составляющее своего рода эру въ исторіи россійскаго чиновничества, сообщенное Одесскому Временному Присутствію по внутренней цензурѣ въ Ноябрѣ 1874 г. по приказанію Министра Внутреннихъ Дѣлъ Генералъ-Адъютанта Тимашева чрезъ Департаментъ Общихъ дѣлъ:

„Согласно Высочайше утвержденному въ 23 день Октября 1874 г. положенію Комитета Министровъ запрещеніе гражданскимъ чиновникамъ носить усы и бороду отмѣнено, но съ тѣмъ, что разрѣшеніе носить бороду не распространяется на слѣдующихъ лицъ:

а) Чиновъ Высочайшаго Его Императорскаго Величества Двора и всѣхъ частей придворнаго вѣдомства,

б) Чиновъ Государственнаго Совѣта,

в) Сенаторовъ,

г) Статсъ-Секретарей Его Величества,

д) Почетныхъ Опекуновъ и

е) Состоящихъ на службѣ въ Отдѣленіяхъ Собственной Его Величества Канцелярій и Коммисіи прошеній на Высочайшее Имя приносимыхъ.

Имѣю честь сообщить о вышеизложенномъ для руководства, съ тѣмъ, однако, чтобы о семъ не было опубликовано“.

VIII.

1872 г.

Кончина моей матери. Два разсказа изъ таинственнаго міра видѣній.

29-ое Декабря 1872 г. былъ самымъ горестнымъ днемъ въ моей жизни. Въ этотъ день я потерялъ мою горячо любимую мать, скончавшуюся въ г. Харьковѣ, гдѣ отецъ мой былъ въ то время Начальникомъ Инженеровъ тамошняго военнаго Округа. Она умерла отъ физическаго истощенія и отека легкихъ, имѣя 57 лѣтъ, 8 мѣсяцевъ и 5 дней отъ рожденія.

За мѣсяцъ до ея смерти я видѣлъ странное видѣніе, какъ бы предвѣстившее мнѣ близость ея кончины. Я жилъ тогда въ Петербургѣ, въ меблированныхъ комнатахъ Персіанинова, на углу Большой Морской и Гороховой, въ домѣ Тутолмина, занимая довольно большую комнату, разгороженную драпировкой и шкафомъ, за которыми находилась моя кровать. И вотъ однажды ночью, среди глубокаго сна, внезапно просыпаюсь и вижу на задней стѣнкѣ шкафа, обращенной къ моей кровати, согбенную черную фигуру, окруженную свѣтлымъ ореоломъ. Приподнимаю голову съ подушки, протираю глаза, всматриваюсь въ необычайное явленіе, оглядываюсь вокругъ, полагая видѣть передъ собою отраженіе свѣта черезъ верхнее окно моей двери отъ лампы въ корридорѣ, но въ корридорѣ было темно, и ни откуда въ мою комнату не могло проникнуть ни малѣйшее отраженіе свѣта. Странное видѣніе это продолжалось минутъ пять, послѣ чего оно затуманилось и исчезло... .

Всю ту ночь я уже не могъ заснуть, мучимый страшнымъ предчувствіемъ близкой катастрофы, которую впрочемъ нельзя было не предвидѣть, такъ какъ доктора не подавали надежды на благополучный исходъ недуга моей матери. Въ этомъ я самъ убѣдился, когда пріѣхалъ въ Харьковъ за нѣсколько дней до роковаго дня ея кончины, вызванный телеграммой сестры. Я засталъ мою бѣдную мать сильно ослабленной и измученной болѣзнею, но въ полной памяти, которая не оставляла ее до послѣднихъ минутъ ея жизни. 29-го Декабря она скончалась въ 10 часовъ утра. За нѣсколько минутъ до своей смерти, она благословила насъ нашимъ фамильнымъ образомъ Спасителя, которымъ благословилъ ее ея отецъ на вѣнчаніе, и затѣмъ слабымъ движеніемъ руки указала мнѣ на свою голову. Думая, что до слуха ея доходитъ громкій безпокоящій ее лай собаки съ улицы, я спросилъ ее объ этомъ, но она умирающимъ голосомъ промолвила послѣднія слова свои: „шумъ въ головѣ“, послѣ чего потухающій взоръ ея вперился съ какимъ-то особеннымъ, сосредоточеннымъ вниманіемъ въ даль, словно передъ нею развертывалась какая-то необычайно-таинственная картина и затѣмъ, три раза глубоко вздохнувъ, она испустила духъ...

Что послѣдовало дальше, я хорошо не могу отдать себѣ отчета, такъ какъ подавленный горемъ, я безучастно относился ко всему, что вокругъ меня происходило. Во мнѣ словно замерла жизнь, и я машинально передвигался и присутствовалъ при положеніи дорогихъ для меня останковъ въ гробъ и перенесеніи ихъ въ церковь. Ночью я просидѣлъ въ послѣдней у гроба, обложилъ подушку, на которой покоилась голова покойницы, цвѣтами и въ нѣмомъ отчаяніи не спускалъ глазъ съ дорогого для меня лица...

Когда на другой день стали отпѣвать мою мать и настала тяжелая минута прощанія на вѣки, я почувствовалъ, что силы мнѣ измѣняютъ и какъ сумасшедшій, не помня себя, выскочилъ изъ церкви и приказалъ извозчику вести себя прямо на вокзалъ, желая безъ оглядки, скорѣй, куда-бы то ни было уѣхать изъ этого ужаснаго для меня Харькова. По счастію, одинъ изъ присутствовавшихъ на похоронахъ знакомый обратилъ вниманіе на мое удрученное состояніе и внезапный побѣгъ изъ церкви и послалъ мнѣ въ

догонку военнаго фельдшера, который уговорилъ меня зайти въ первую по дорогѣ аптеку, гдѣ мнѣ дали какіе то сильнодѣйствующія успокоительныя капли, послѣ которыхъ я почувствовалъ облегченіе и пришелъ въ себя отъ припадка сильнаго нервнаго возбужденія, близкаго къ умопомѣшательству...

Могила моей незабвенной матери находится въ скромномъ, во вкусѣ покойницы, мѣстѣ, въ сторонѣ отъ главной кладбищенской аллеи, на Харьковскомъ городскомъ кладбищѣ. На ней поставленъ памятникъ, высланный мной изъ Петербурга, состоящій изъ скалы темнаго гранита, на которой водруженъ бѣлаго мрамора крестъ съ высѣченнымъ на немъ многоутѣшительнымъ для вѣрующаго изреченіемъ Христа: „Нѣсть Богъ мертвыхъ, но Богъ живыхъ"! извлеченномъ отцомъ моимъ изъ текста Евангелія, читаннаго имъ передъ самымъ отходомъ моей матери.

Не пытаясь разувѣрять скептиковъ въ ихъ отрицательномъ отношеніи, утверждаю самымъ положительнымъ образомъ, что въ теченіе приблизительно около полугода со времени оставленія земнаго бытія своего, мать моя имѣла общеніе со мной. Не разъ просыпался я по ночамъ, чувствуя не только присутствіе у моей постели незримаго существа, но и его прикосновеніе ко мнѣ, а однажды оно было до того ощутительно, что я, не успѣвъ еще заснуть, внезапно приподнялся на моей постели и видѣлъ, какъ отъ нея тихо удалилась, какъ тѣнь прозрачная, черная фигура... Повторяю: то была не галлюцинація, не послѣдствіе нервнаго возбужденія и разстроеннаго воображенія, а вполнѣ реальное явленіе и пусть всякій объяснитъ себѣ его такъ, какъ ему будетъ угодно, я-же непоколебимо останусь при сознаніи непреложной вѣрности факта, посѣтившаго меня видѣнія.

Невидимая рука, отъ времени до времени, приподнимаетъ край завѣсы, скрывающей отъ насъ великую и неразгаданную тайну загадочныхъ явленій, сопровождающихъ насъ иногда въ нашей жизни, передъ которыми человѣческій умъ останавливается въ нѣмомъ недоумѣніи, безсильный разгадать и опредѣлить ихъ. Въ теченіи моей жизни, мнѣ не разъ приходилось слышать разсказы о видѣніяхъ,

столь-же необъяснимыхъ, какъ и выше приведенное мною, и изъ нихъ два случая произвели на меня особенное впечатлѣніе, какъ сообщенные мнѣ лицами достойными полнаго довѣрія по своему положенію, недопускающему легкомысленнаго балагурства и неумѣстной выдумки. Разсказы эти исходили—одинъ отъ покойнаго Митрополита Кіевскаго и Галицкаго Платона, о которомъ мнѣ прійдется еще говорить на этихъ страницахъ,—другой отъ покойнаго-же священника села Каменки, Елисаветградскаго уѣзда о. Василія Бѣлоусова. Воспроизвожу ихъ со словъ самихъ разсказчиковъ.

„Мнѣ, въ моемъ званіи, не пригоже разсказывать небылицы, началъ свой разсказъ, высокочтимый іерархъ, и то, что я вамъ разскажу на столько-же вѣрно, какъ вѣрно то, что вы теперь передо мною. Случилось это тогда, когда я былъ еще ректоромъ Петербургской Академіи, и вотъ какъ оно было.

Подходитъ ко мнѣ однажды студентъ Академіи по фамиліи Соколовъ и проситъ моего благословенія—лечь въ лазаретъ, такъ какъ онъ чувствуетъ себя сильно нездоровымъ. Я зналъ, что бѣдняга былъ чахоточный и конечно разрѣшилъ ему. Малый онъ былъ тихій и скромный, мнѣ очень жаль было его, и я часто справлялся о его здоровіи. Прошло нѣсколько дней со дня поступленія его въ лазаретъ и вотъ я сижу какъ-то вечеромъ у себя за письменнымъ столомъ, углубленный въ чтеніе, какъ вдругъ, словно по току, чувствую чье-то постороннее присутстіе вблизи меня. Поднимаю глаза и вижу, что по той сторонѣ стола проходитъ мимо меня, не останавливаясь, изъ дверей передней въ двери моей спальни, блѣдный какъ смерть Соколовъ. Я только было хотѣлъ окликнуть его и спросить, что ему нужно, какъ въ наружной въ переднюю дверь кто-то постучался. Иду, отворяю ихъ и вижу передъ собою лазаретнаго надзирателя. Пришелъ, говоритъ, доложить, что студентъ Соколовъ только-что скончался... Можете судить о потрясающемъ впечатлѣніи этого извѣстія на меня"!..

Мнѣ помнится, что маститый архипастырь не разъ разсказывалъ объ этомъ поистинѣ непостижимомъ случаѣ загробнаго видѣнія, и что гдѣ-то, въ его біографіи, объ этомъ упоминалось уже.

А вотъ и разсказъ о. Василія:

„Въ приходѣ моемъ, м. Каменкѣ, я священствую уже болѣе 12 лѣтъ. Много претерпѣлъ я разнаго горя за это время, но наибольшее для меня было потеря сына моего, 15-лѣтняго юноши, воспитанника Семинаріи, котораго я похоронилъ тутъ-же, въ церковной оградѣ, противъ алтарной стѣны. Прошло нѣсколько лѣтъ съ тѣхъ поръ и вотъ недавно служу я заутреню, замѣняющую у насъ въ деревнѣ всенощную. Когда служеніе дошло до того мѣста, что мнѣ, стоя у алтаря, приходилось провозгласить слова: „слава Тебѣ показавшему намъ свѣтъ!“, я въ ужасѣ онѣмѣлъ, увидѣвъ передъ собой, по ту сторону алтаря, моего покойнаго сына. Онъ стоялъ со сложенными руками передо мною въ своей семинарской формѣ, какъ былъ похороненъ, глядя прямо мнѣ въ лицо, при чемъ я замѣтилъ, что изъ глазъ его текли слезы. Я оцѣпенѣлъ и впился глазами въ это пріятное для меня и вмѣстѣ съ тѣмъ жуткое видѣніе, но оно продолжалось всего нѣсколько секундъ и исчезло какъ въ дыму... Мои слова готовъ подтвердить вамъ подъ присягой—это фактъ, а не галлюцинація воображенія и нервнаго разстройства: ни въ тотъ день, ни передъ тѣмъ, я, надо сказать, не вспоминалъ и не думалъ о моемъ покойномъ сынѣ. Это онъ за мной приходилъ, звать меня туда“!

И дѣйствительно, нѣсколько мѣсяцевъ спустя о. Василія не стало... Онъ похороненъ рядомъ съ сыномъ.

IX.

1875—1879 гг.

Пятый Начальникъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати Григорьевъ и его циркулярныя распоряженія по цензурѣ.

О назначенномъ вмѣсто Лонгинова Начальникѣ Главнаго Управленія по дѣламъ печати Григорьевѣ, я почти ничего не могу сказать, такъ какъ и съ нимъ у меня не было никакихъ прямыхъ сношеній по службѣ моей въ С.-Петербургскомъ Комитетѣ иностранной цензуры, гдѣ я состоялъ въ непосредственномъ подчиненіи ближайшаго начальника моего, Предсѣдателя этого Комитета. Извѣстно мнѣ было только то, что онъ былъ профессоромъ-оріенталистомъ и отличился при порученномъ ему изслѣдованіи Киргизскихъ степей и народовъ ихъ населяющихъ. На своемъ посту онъ пробылъ четыре года, а именно съ 1875—1879 г.г.

Время управленія Григорьева не выдѣлялось никакими особенностями, если не считать изобилія циркулярныхъ распоряженій по вѣдомству печати и выговоровъ г.г. Цензорамъ. Выговоры эти, вмѣстѣ съ нѣкоторыми попавшимися мнѣ циркулярами Григорьева, даютъ достаточно вѣрное представленіе о цензурныхъ требованіяхъ нашей высшей власти того времени, дѣйствовавшей уже подъ вліяніемъ новаго Правителя канцеляріи В. С. Адикаевскаго, до того подвизавшагося въ качествѣ Помощника Правителя Ю. М. Богушевича, ушедшаго въ редакторы одного тогда народившагося въ Петербургѣ толстаго журнала. Ю. М. Богушевичъ принялъ въ свою очередь оставленную имъ должность отъ

графа Капниста—перваго Правителя Канцеляріи Главнаго Управленія по дѣламъ печати, занимавшаго эту должность въ самомъ началѣ учрежденія этого Управленія и начальствованіи Сенатора Щербинина.

Предложеніе Главнаго Управленія отъ 7 Мая 1875 года.

Почетный гражданинъ Дешкинъ обжаловалъ Главному Управленію по д. п. дѣйствія Одесской цензуры по представленной имъ на разрѣшеніе оной рукописи его подъ заглавіемъ «Жрецы», комедіи въ 4 дѣйствіяхъ. Рукопись эта была возвращена ему съ такими помарками и исправленіями нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словъ и выраженій, искажающихъ смыслъ сочиненія и, по мнѣнію автора, не заключающихъ въ себѣ ничего противнаго правиламъ цензуры. При этомъ проситель обратилъ вниманіе Главнаго Управленія на слѣдующія мѣста рукописи, исключенныя или передѣланныя цензоромъ:

„Къ заглавію комедіи „Жрецъ", цензоръ Шрейдерсъ добавляетъ отъ себя *„современности"*, потомъ къ словамъ: *„Предсѣдатель сиротскаго суда"*, дѣлаетъ пояснительную выноску, *„сиротскій судъ* есть учрежденіе *общественное*, а не *казенное*"; тамъ-же слово *чиновникъ* замѣнено оригинальнымъ словомъ *подручный*, а слова *служащій по акцизу* совершенно исключены.

Далѣе цензоръ игнорируетъ существованіе у насъ одного казеннаго учрежденія, *акцизнаго управленія*, и всѣ мѣста, гдѣ упоминается объ этомъ учрежденіи или служащихъ въ немъ лицахъ, безусловно зачеркиваетъ.

Слово *чиновникъ* подвергается нѣсколько разъ остракизму и только на стран. 119, гдѣ говорится о чиновникахъ въ мундирахъ, оно пропущено цензоромъ.

Такія слова, *какъ дастъ Богъ, ей Богу, благодареніе Богу* и проч. употребляются—замѣчаетъ проситель—постоянно всѣми людьми, не только въ высокихъ бесѣдахъ, но даже въ самыхъ обыденныхъ, будничныхъ разговорахъ; никому не прійдетъ въ голову, чтобъ произносящій эти слова нарушалъ 1 п. 3 ст. Цен. Уст., совершая дѣяніе, клонящееся къ поколебанію Православной Церкви, ея преданій и обрядовъ или вообще истинъ и догматовъ вѣры. Г. Шрейдерсъ

другого мнѣнія: онъ исключаетъ или перефразировываетъ эти слова вездѣ, гдѣ только онѣ встрѣчаются въ рукописи.

Самыя невинныя выраженія обращаютъ на себя вниманіе Г. Шрейдерса, такъ напр. на стран. 16 слово *товарищъ* поставлено имъ вмѣсто слова *ширмы*; на той-же страницѣ *номинальный* замѣнено словомъ *патронъ*. Вмѣсто словъ *ни гроша денегъ*, цензоръ пишетъ *мало денегъ*; вмѣсто *съ міру по ниткѣ—голому веревка* (произнесенныхъ *въ шуточномъ тонѣ*), онъ пишетъ *обновка*.

Полагая, что цензоръ Шрейдерсъ, упомянутыми выше произвольными вставкими и исправленіями нарушилъ ст. 13, 15 и 91 Ценз. Уст., такъ какъ по содержанію этихъ статей закона, онъ не имѣетъ права исключать безвредныя выраженія, а тѣмъ болѣе вставлять отъ себя фразы, проситель представилъ это обстоятельство на разсмотрѣніе Главнаго Управленія по д. п. и, прилагая подлинную рукопись, просилъ разрѣшить ему печатать ее вполнѣ, безъ поправокъ и исключеній, сдѣланныхъ Одесскимъ цензоромъ".

„Разсмотрѣвъ означенное прошеніе и самую рукопись, Совѣтъ Главнаго Управленія по д. п. нашелъ, что всѣ факты, изложенные въ прошеніи, совершенно справедливы и обличаютъ въ цензорѣ совершенное непониманіе цензорскихъ требованій, такъ какъ сдѣланныя имъ помарки и исправленія совершенно произвольны и не нужны; но непониманіе это еще яснѣе доказывается тѣмъ, что онъ оставилъ совершенно безъ вниманія крайне предосудительное содержаніе пьесы, которая вся подлежитъ запрещенію, такъ какъ переполнена разнаго рода циническими и неудобными къ печати мѣстами и выраженіями. Поэтому Совѣтъ полагалъ рукопись запретить, а помарки цензора признать совершенно несоотвѣтствующими цензурнымъ требованіямъ.

О таковомъ заключеніи Совѣта предлагается Временному Присутствію, для соотвѣтствующаго распоряженія и руководства на будущее время, присовокупляя, что о настоящемъ рѣшеніи проситель поставленъ въ извѣстность".

Къ неуклонному со стороны Цензуры исполненію предлагается отъ 29 Декабря 1875 г. Главнымъ Управленіемъ по д. п., на основаніи Высочайше утвержденнаго положенія Г.г. Министровъ, „воспретить редакціямъ повременныхъ

изданій, по поводу вышедшаго въ свѣтъ XXX тома исторіи Россіи Соловьева, касаться допущеннаго къ печати въ этомъ томѣ свѣдѣнія о насильственной смерти Императора Петра III".

—

Совѣтъ Главнаго Управленія по д. п. отъ 19 Марта 1876 г., разсмотрѣвъ представленіе Временнаго Присутствія въ Одессѣ о статьѣ „Мартынъ Лютеръ", предназначенной для сборника „Изъ Ясной Поляны" находитъ, «что такъ какъ сборникъ „Изъ Ясной Поляны" издается „для крестьянскихъ ребятъ", которымъ совершенно неизвѣстно ни состояніе римско-католической церкви до реформаціи, ни поводы, ни исторія этой послѣдней, ни даже основанія самаго католицизма, то статья эта, не расширяющая ни въ какомъ отношеніи знаній крестьянскихъ дѣтей по церковной исторіи, можетъ произвести въ умахъ ихъ, не подготовленныхъ предварительнымъ образованіемъ къ пониманію религіознаго движенія, возбужденнаго Лютеромъ, невѣрныя представленія, которыя въ состояніи только затемнить, а не уяснить ихъ собственныя вѣрованія. Трудно даже понять, съ какою цѣлью дается статья „Мартынъ Лютеръ" для чтенія народу и какую пользу онъ можетъ извлечь изъ нея для себя: можно совершенно основательно опасаться, что означенная статья, вмѣсто пользы, принесла-бы вредъ въ религіозныхъ понятіяхъ и представленіяхъ нашего простолюдина, а потому Совѣтъ, не считая ее ни въ какомъ отношеніи пригодною для чтенія народа, полагалъ исключить оную изъ сборника».

—

По поводу разбиравшагося въ Петербургскомъ Военно-Окружномъ Судѣ дѣла поручика Крестовскаго и присяжнаго повѣреннаго Сокольскаго, многія повременныя изданія, по мнѣнію Главнаго Управленія по д. п., „дозволили себѣ проводить ложныя мысли на счетъ значенія военной корпораціи, военной чести, военнаго достоинства и т. п.

Вслѣдствіе сего предлагается цензурѣ отъ 27 Апрѣля 1876 г. не допускать никакихъ статей по поводу вышеизложеннаго дѣла, касающихся отношеній арміи къ обществу и значенія военной чести и военнаго мундира".

—

Для неуклоннаго исполненія по цензурѣ сообщается отъ 17 Февраля 1877 г. Временному Присутствію, что по

распоряженію Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, „признано необходимымъ воспретить окончательно газетамъ и журналамъ всякую полемику по поводу профессора Любимова, такъ какъ эта полемика, косвенно направленная противъ просмотра Университетскаго устава, положительно волнуетъ всѣ наши Университеты, какъ это видно изъ имѣющихся въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія свѣдѣній".

—

Главное управленіе по д. п. сообщаетъ отъ 3 Августа 1877 г., что по разсмотрѣніи имъ книги „У добрыхъ господъ" (сцены въ 3 дѣйствіяхъ) и „Женщина XXI вѣка" (очеркъ будущаго), разрѣшенныхъ къ печати помощникомъ отдѣльнаго цензора въ Одессѣ Мосаловымъ, оказалось „что въ сценахъ „У добрыхъ господъ" возбуждается вражда къ высшимъ и вообще имущественнымъ классамъ, выставляемымъ авторомъ безнравственными и зловредными для народнаго благосостоянія, и что слѣдовательно пропускомъ означенной книги нарушены статьи какъ правилъ 12 Мая 1862 г., такъ и Временныхъ правилъ о цензурѣ и печати 6 апрѣля 1865 г.".

По докладу о вышеизложенномъ Г. Министру Внутреннихъ Дѣлъ, Его Высокопревосходительство приказать изволилъ: „объявить г. Мосалову, за пропускъ названной книги, строгій выговоръ, съ предупрежденіемъ, что если съ его стороны повторится подобная невнимательность, при исполненіи служебныхъ обязанностей, то онъ будетъ уволенъ отъ службы по цензурному вѣдомству".

—

Къ надлежащему исполненію сообщается отъ 28 Сентября 1871 г. Временному Присутствію о томъ, что Г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ приказать изволилъ: „воспретить печатаніе рѣчи предосудительнаго содержанія, произнесенной И. С. Аксаковымъ въ засѣданіи Славянскаго Благотворительнаго общества въ Москвѣ 26 Сентября".

—

Отъ 11 Января 1878 г. сообщается, что Г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ приказать изволилъ: „отнюдь не допускать перепечатанія и обсужденія документовъ, послужившихъ къ окончательному прекращенію сношеній нашихъ съ Папскимъ престоломъ и напечатанныхъ цѣликомъ въ № 16 газеты „Le Monde" отъ 18 Января".

—

Отъ 31 Мая 1878 г. сообщается, что до свѣдѣнія того же Министра дошло, что въ продажѣ появились фотографическіе портреты обоихъ преступниковъ, покушавшихся на жизнь Германскаго Императора Вильгельма.

„Признавая совершенно неумѣстнымъ публичное распространеніе изображеній лицъ, получившихъ столь позорную извѣстность, Его Высокопревосходительство изволилъ воспретить продажу означенныхъ портретовъ".

„Соотвѣтственно сему предлагается недозволять и къ печати какъ въ повременныхъ, такъ и въ отдѣльныхъ изданіяхъ, портретовъ означенныхъ преступниковъ".

—

За подписью и. д. Начальника Главнаго Управленія по д. п., Члена Управленія Варадинова, объявляется отъ 10 Октября 1878 г. отъ Совѣта означеннаго Управленія выговоръ Предсѣдательствующему въ Одесскомъ Временномъ Присутствіи по внутренней цензурѣ Барону Гану за дозволеніе къ печати ниженазваннаго изданія.

„Не смотря на указанія", сказано между прочимъ въ бумагѣ Главнаго Управленія, „въ Одессѣ продолжаютъ появляться непозволительныя брошюры съ каррикатурами и въ одной изъ нихъ, озаглавленной „Шутъ", дозволенной Вашимъ Высокородіемъ, не только допущены подобныя-же, оскорбительныя для нѣкоторыхъ изъ живущихъ въ Одессѣ лицъ, каррикатурныя изображенія, но и напечатаны двѣ картины крайне циническаго содержанія. Въ одной изъ нихъ представлена лежащею совершенно раздѣтая женщина, а предъ нею стоитъ мущина въ одномъ нижнемъ бѣльѣ, внизу же подпись: „и чего онъ еще ждетъ"? А на другой нѣсколько голыхъ женщинъ и между ними лежитъ голый же мущина, при чемъ одна изъ женщинъ представлена нагнувшеюся надъ лежащимъ мущиной".

Сообщая о выговорѣ Совѣта, утвержденнымъ Г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, Варадиновъ проситъ сдѣлать надлежащее распоряженіе по Одесской цензурѣ о самомъ строгомъ цензированіи подобныхъ изданій.

X.

Два наброска изъ моихъ заграничныхъ путешествій: на Селямикѣ Султана Абдулъ-Гамида и на аудіенціи у Папы Пія IX.

Будучи по природѣ своей любознателенъ, я не упускалъ удобныхъ по условіямъ службы моей и по состоянію моего кармана случаевъ, чтобы постранствовать по бѣлу свѣту и, объѣздивъ Россію вдоль и поперекъ и побывавъ въ Крыму и на Кавказѣ нѣсколько разъ, я въ теченіи моей жизни также неоднократно бывалъ и въ чужихъ краяхъ. До времени написанія этихъ записокъ, т. е. до 1912 г., я былъ счетомъ четырнадцать разъ за предѣлами моей родины.

Заграничныя путешествія мои вызывались двоякою цѣлью: или необходимостью леченія минеральными водами, или простой туристоманіей. Въ послѣднемъ случаѣ наиболѣе выдающимися, въ смыслѣ культурнаго развитія и расширенія умственнаго кругозора, были предпринятыя мной поѣздки на всемірныя выставки 1878, 1889 и 1900 г.г. въ Парижъ.

Находясь во время первой изъ этихъ выставокъ въ Петербургѣ, я совершилъ мою поѣздку на нее по слѣдующему маршруту: я сѣлъ 6 іюня въ Гельсингфорсѣ на пароходъ „Honge" и отправился чрезъ Аландскіе острова въ Стокгольмъ, откуда проѣхалъ по Швеціи каналами и озерами до Іёнкеппинга; а затѣмъ до Мальмэ, крайней южной оконечности Скандинавіи. Изъ Мальмэ отправился я въ Копенгагенъ, а оттуда черезъ Киль, Гамбургъ и Амстердамъ (гдѣ въ Заандамѣ осмотрѣлъ домъ Петра Великаго и росписался въ книгѣ посѣтителей) направился въ Роттердамъ, Антверпенъ, Брюссель и черезъ Остенде и Дувръ въ Лон-

донъ, по осмотрѣ достопримѣчательностей котораго и побывавъ въ Виндзорѣ, переѣхалъ черезъ Па-де-калэ въ Парижъ.

Во время всемірной выставки 1889 г., я проживалъ уже въ Одессѣ, чѣмъ и воспользовался, чтобы добраться до Парижа уже по южнымъ странамъ Европы. Въ Маѣ мѣсяцѣ сѣлъ я въ Одессѣ на пароходъ „Цесаревичъ" и пошелъ на Константинополь, а оттуда въ Пирей, Аѳины, черезъ Коринѳскій перешеекъ въ Патрасъ, а далѣе въ земной рай—на островъ Корфу, Бриндизи, Тріестъ, откуда, проѣхавъ по Пустерталю и Бреннеру до Инсбрука, примчался Оріентъ-экспрессомъ прямо къ конечной цѣли моего странствованія—Парижу.

Что касается всемірной выставки 1900 г.—послѣдней въ минувшемъ столѣтіи, то на нее я выѣхалъ изъ Варшавы, взявъ съ собой племянника моего Евгенія, старшаго сына брата Нестора, окончившаго въ томъ году курсъ гимназіи. Маршрутъ мой былъ на сей разъ заурядный—чрезъ Берлинъ въ Парижъ, а оттуда чрезъ Швейцарію и Киссингенъ, гдѣ я пилъ воды, обратно въ Россію.

Изъ упомянутыхъ трехъ поѣздокъ, наиболѣе удовлетвореннымъ остался я отъ первой и второй. Трудно представить себѣ болѣе чарующаго впечатлѣнія, которое испытываетъ туристъ, проѣзжая по Швеціи въ Іюнѣ мѣсяцѣ ея озёрами и каналами, а также любуясь въ Маѣ съ палубы парохода дивной, единственной въ своемъ родѣ панорамой Царьграда!

Мнѣ довелось быть въ Константинополѣ на выѣздѣ Султана Абдулъ-Гамида въ пятницу, во время Селямика. Мы находились съ извѣстнымъ писателемъ, Немировичемъ-Данченко, одновременно выѣхавшемъ со мной на „Цесаревнѣ" изъ Одессы въ Константинополь. Онъ направлялся на какіе-то острова Архипелага. Въ павильонѣ для иностранцевъ, откуда такъ хорошо видна вся картина выѣзда Султана въ мечеть на молитву изъ Долмабахче, было много зрителей.

— Voila enfin la valise de sa Majesté! съострилъ громко, находившійся между нами французъ, когда показалась, послѣ долгаго ожиданія, Султанша Валиде въ своей золоченой каретѣ.

Проѣзжая мимо насъ, съ героемъ Плевны Османъ-Пашей и Великимъ Визиремъ на переднемъ сидѣніи открытаго экипажа, запряженнаго удивительными арабскими конями и окруженный бѣгущими пѣшкомъ сановниками разныхъ ранговъ, Султанъ, взглянувъ въ нашу сторону, сдѣлалъ намъ привѣтъ рукой, обтянутой бѣлой замшевой перчаткой, прикоснувшись ею къ своей фескѣ. Не стану описывать картины этихъ еженедѣльныхъ выѣздовъ неограниченнаго восточнаго властителя (давшаго въ 1908 г. конституцію своему народу, а 14 апрѣля 1909 г. низложеннаго послѣднимъ) изъ его волшебнаго замка, картины, по обстановкѣ и многокрасочности своей, не имѣющей себѣ подобной, но не могу не упомянуть объ одномъ крайне характерномъ эпизодѣ, разыгравшемся передъ нашими глазами.

Въ то время, когда весь грандіозный Султанскій кортежъ возвращался обратно изъ мечети во дворецъ и Абдулъ-Гамидъ, сидя въ низкомъ экипажѣ, самъ правилъ лошадьми, изъ многотысячной толпы народа вдругъ выскочила, прорвавъ линію стражи, стройная негритянка, живописно задрапированная бѣлой хламидой, прижимая къ груди одной рукой младенца, а другой потрясая въ воздухѣ листомъ бумаги. Она неистово стала что-то выкрикивать на чуждомъ намъ языкѣ. Произошелъ сильный переполохъ: со всѣхъ сторонъ подбѣжали и окружили ее полицейскіе агенты. Не смущаясь этимъ, она продолжала взывать еще громче, чтобы обратить на себя вниманіе повелителя оттомановъ, который наконецъ увидѣлъ ее и приказалъ подскакавшему къ ней верхомъ флигель-адъютанту взять у нея прошеніе. Въ чемъ оно заключалось, сказать конечно неумѣю, но вся эта эффектная сцена восточнаго характера глубоко запечатлѣлась въ моей памяти и я какъ теперь вижу высокую бронзовую фигуру этой черной матери съ ребенкомъ на одной рукѣ и съ высоко приподнятой надъ головой другой рукой съ бѣлымъ бликомъ бумаги, отчаянно о чемъ-то кричащей, и сожалѣю, что не могу воспроизвести на полотнѣ эту своеобразную картину, достойную кисти Жерома.

Нечего говорить, что все что можно было осмотрѣть въ столицѣ Турціи, начиная съ удивительной Айя-Софіи и кончая вертепами въ Галатѣ, было осмотрѣно нами. Помню, что въ одномъ изъ такихъ притоновъ на главной Галатской

улицѣ, гдѣ всю ночь гремитъ музыка и танцуетъ всякая голытьба, особенное вниманіе Немировича-Данченко обратилъ на себя русскій матросъ-забулдыга въ женской кацавейкѣ, лихо откалывавшій трепака передъ падшимъ созданіемъ неизвѣстной національности. Писатель долго присматривался къ этой своеобразной сценѣ и, сколько мнѣ помнится, занесъ ее въ свою записную книжку. На меня-же произвела несравненно большее впечатлѣніе жалкая картина двухъ спящихъ на голомъ тротуарѣ, въ перемежку съ прославленными уличными собаками столицы Турціи, юныхъ ободранныхъ и бездомныхъ турченокъ. Кажется нигдѣ, какъ здѣсь, не уживается такъ богатство о-бокъ съ нищетой: тамъ на верху, въ Перѣ, блескъ прихотливой раскоши европейца, а стоитъ спуститься только внизъ, въ прибрежную Галату, и попадаешь сразу въ пріютъ глубокой нищеты и безропотной голытьбы... Въ такихъ случаяхъ мнѣ всегда припоминается одно стихотвореніе кн. Долгорукова, часто повторяемое покойнымъ отцомъ моимъ и смыслъ котораго былъ приблизительно такой: «Никогда не могъ понять я того, какъ однимъ въ жизни все дано, а другимъ— ровно ничего».

Я уже сказалъ, что мнѣ довелось до сего побывать четырнадцать разъ заграницей. Я ознакомился во время этихъ путешествій со всѣми государствами Европы, за исключеніемъ Испаніи, и видѣлъ все, что представляло какой либо интересъ. Но нигдѣ моя любознательность не получила такого выскокаго удовлетворенія, какъ въ Италіи, гдѣ я былъ въ 1876 году. Я проѣхалъ по ней до Неаполя, побывалъ передъ тѣмъ въ Венеціи, Миланѣ, на озерахъ, во Флоренціи, Римѣ и совершилъ обратный путь мой черезъ Пизу, Геную, Ниццу и Марсель. Въ счастливой странѣ этой нѣтъ ни одного города, который не представлялъ бы для туриста своего обособленнаго интереса. Круглый годъ щедро одаренная солнечнымъ свѣтомъ и теплотой лучей его, Италія, кромѣ красоты природы, выдѣляется еще и изобиліемъ талантовъ сыновъ своихъ въ области всякаго рода искусства. Пересмотрѣть все чѣмъ богаты ея музеи, картинныя галлереи и храмы, даже при бѣгломъ обзорѣ не хватило

бы цѣлой жизни, у меня же для этого было всего два мѣсяца въ распоряженіи. Тѣмъ не менѣе я использовалъ ихъ на столько, что успѣлъ все увидѣть, что представляло интересъ. Не стану останавливаться на описаніи всѣхъ видѣнныхъ мною чудесъ искусства и особенностей каждаго города въ отдѣльности, а скажу только, что отъ Неаполя и Рима я пришелъ въ полный восторгъ и впечатлѣніе, произведенное на меня этими городами, затмило все видѣнное мной въ остальной Италіи. Въ Неаполѣ я лазилъ на Везувій, ѣздилъ въ Помпею, въ голубой гротъ на островѣ Капри, въ Паузилиппо и проч., а въ Римѣ былъ во всѣхъ его удивительныхъ храмахъ, начиная съ собора Петра, въ картинныхъ галлереяхъ, въ музеяхъ, форумѣ, Капитоліи, Квириналѣ, Ватиканѣ и проч.

Было-бы безплодной попыткой съ моей стороны, еслибы я, послѣ столь многихъ описаній различныхъ мастеровъ пера всѣхъ этихъ чудесъ природы и искусства, попытался сдѣлать это моимъ слабымъ перомъ. Опуская по этому эту сторону моихъ личныхъ впечатлѣній, я не могу, тѣмъ не менѣе, не остановиться на одномъ небезъинтересномъ эпизодѣ изъ кратковременнаго пребыванія моего въ вѣчномъ городѣ, а именно—на аудіенціи моей у Папы Пія IX.

Быть въ Римѣ и не видѣть Папы считается, какъ извѣстно, непростительнымъ упущеніемъ не только со стороны добраго католико-паписта, но даже и со стороны иновѣрнаго простого туриста, поэтому по пріѣздѣ въ вѣчный городъ, я тотчасъ озаботился доставленіемъ себѣ возможности увидѣть главу католической церкви, знаменитаго папу Пія IX, и обратился съ просьбой по этому поводу въ наше посольство. Тамъ, послѣ отобранія отъ меня подписки о не выѣздѣ изъ Рима до тѣхъ поръ, пока я не удостоюсь получить испрашиваемой аудіенціи, мнѣ было обѣщано выхлопотать таковую. Чиновникъ посольства съ Владиміромъ въ петлицѣ—кстати сказать Италіанецъ, не говорившій ни слова по русски,—наставительно замѣтилъ мнѣ, что подписка отбирается отъ меня по той причинѣ, что многіе русскіе, недождавшись испрашиваемой аудіенціи у его Святѣйшества, уѣзжаютъ изъ Рима, что въ высшей

степени преступно противъ этикета, такъ какъ не надо забывать, что возсѣдающій на Папскомъ тронѣ глава католической церкви въ то же время и эксъ-король—послѣдній изъ коронованныхъ владѣтелей Папской области. Предполагая остаться не менѣе двухъ недѣль въ Римѣ, я охотно согласился на это требованіе, завѣривъ осторожному дипломату, что не выѣду изъ Рима до тѣхъ поръ пока не узрю добровольнаго Ватиканскаго узника, послѣдняго изъ династіи царствовавшихъ папъ-королей, замѣчательнаго еще и тѣмъ, что онъ былъ первымъ и единственнымъ изъ всѣхъ бывшихъ до и послѣ него Папъ, который пробылъ на Святомъ Престолѣ 32 года (съ 1846 по 1876 г.г.), перешагнувъ такимъ образомъ традиціонный срокъ, положенный для Папъ послѣ Апостола Петра, пробывшаго въ этомъ санѣ, по преданіямъ католической церкви, 25 лѣтъ.

Еще за долго до назначеннаго срока отъѣзда моего изъ Рима, получилъ я отъ монсиніора Секретаря его Святѣйшества, присланное мнѣ съ Камеръ-лакеемъ въ пунцовой ливреѣ изъ Ватикана, желаемое permesso слѣдующаго содержанія: „Previeni il Sig-r Anatolio Iegorow, Assesore in Russia che Sua Santita si degnerà ommeterlo all Udienza di Sabatto 14 del corr. (по нашему стилю 2 Октября) ore 11¾ antim.“, а далѣе былъ указанъ костюмъ, въ которомъ я долженъ былъ предстать, а именно—во фрачной парѣ, безъ орденовъ, шляпы и перчатокъ.

Я забылъ сказать, что я остановился въ вѣчномъ городѣ въ Hôtel Minerva, вблизи отъ piazza del Popolo и Пантеона, гдѣ гробницы Рафаэля и двухъ первыхъ королей соединеннаго королевства Италіи—Виктора Эммануила и Гумберта. Я былъ очень удивленъ, видя себя постоянно окруженнымъ въ этомъ отелѣ священнослужителями разныхъ ранговъ, начиная съ монсиніоровъ въ фіолетовыхъ сутанахъ, а также дамами и кавалерами въ черныхъ костюмахъ. Еще страннѣе показалась мнѣ то, что по понедѣльникамъ и пятницамъ насъ кормили постными завтраками и обѣдами, не дѣлая ни для кого никакихъ исключеній. Оказалось, что я попалъ, не вѣдая того, въ спеціально клерикальный отель, гдѣ имѣютъ всегдашнее пристанище всѣ прибывающіе въ Римъ для поклоненія Папы паломники разныхъ націй. На сей разъ, судя по языку, на которомъ говорили мои сотрапезники,

можно было легко догадаться, что они изъ знойной страны торреодоровъ и пикадоровъ. Не зная ни слова по испански, я, тѣмъ не менѣе, завелъ знакомство съ моими сосѣдями по табельдоту, прибѣгая для объясненій съ ними къ смѣси французскихъ словъ съ италіанскими и—странное дѣло—мы прекрасно понимали другъ друга.

Изъ „собесѣдованій“ нашихъ выяснилось, между прочимъ, что аудіенція у его Святѣйшества была назначена всѣмъ намъ въ одинъ и тотъ же день и часъ, а потому, когда въ назначенное время я отправился въ Ватиканъ, то вмѣстѣ съ моимъ экипажемъ двинулась цѣлая вереница экипажей съ испанцами и ихъ дамами, и я, такимъ образомъ, очутился въ линіи кортежа этихъ паломниковъ. Нашъ кортежъ обратилъ на себя вниманіе прохожихъ, а такъ какъ изъ памяти Римлянъ тогда еще не изгладилось злобное воспоминаніе о Папскомъ владычествѣ и ненавистномъ управленіи страной клерикалами, то уличные мальчишки, узнавъ въ насъ Папскихъ визитеровъ, безцеремонно стали бросать въ насъ комками грязи, приправляя ихъ недоброжелательными возгласами вродѣ «brutto Spagniol»! и т. п. По счастью меня не задѣлъ ни одинъ изъ комьевъ, а то хорошъ бы я былъ съ моими шишками и синяками „въ чужомъ пиру“!..

Когда мы, поборовъ всѣ опасности, благополучно добрались до Папской резиденціи, то въ историческомъ подъѣздѣ, охраняемомъ стражей въ традиціонныхъ средневѣковыхъ костюмахъ съ алебардами въ рукахъ, насъ встрѣтили предупредительно вѣжливые придворные camerieri Его Святѣйшества, которые, проконтролировавъ наши приглашенія и подѣливъ насъ по группамъ, повели насъ по широкой лѣстницѣ на верхъ, въ пріемные покои главы католической церкви. Очутившись почему-то вдвоемъ только съ сопровождавшимъ меня camerieri, проведшимъ меня чрезъ нѣсколько залъ, наполненныхъ моими испанцами изъ Минервы съ Епископомъ Гренадскимъ во главѣ, я усумнился, вообразивъ, что вышло какое-нибудь недоразумѣніе со мной и далъ понять моему проводнику, что я просилъ объ общей, а не о частной аудіенціи у Его Святѣйшества, на что получилъ успокоительный отвѣтъ: „Je vous mène, Monsieur, dans la salle des étrangers“, доведя до которой онъ и оставилъ меня въ ней.

Осмотрѣвшись я увидѣлъ, что нахожусь въ одной изъ тѣхъ удивительныхъ Ватиканскихъ залъ, въ которыхъ искусство принесло свои лучшіе дары на алтарь представителей католической религіи—обитателей этого необъятнаго лабиринта. Полъ этой залы былъ изъ Сорентской деревянной мозаики, потолокъ росписанъ кѣмъ-то изъ великихъ мастеровъ Италіанской школы, стѣны завѣшаны громадными гобеленами замѣчательной работы съ изображеніемъ на одномъ изъ нихъ—воскресенія Лазаря, а на другомъ—рождества Христова; надъ широкимъ же окномъ—единственнымъ въ этой залѣ—находилось написанное на стѣнѣ Рафаэлемъ извѣстное его воскресеніе Христово. Какъ-бы контраста ради съ цѣнностію этихъ сокровищъ искусства, вся мебельная обстановка этой залы ограничивалась лишь скромными деревянными табуретами, разставленными вдоль стѣны. Насъ было въ ней всего девять человѣкъ: три французскихъ и четыре италіанскихъ аббата, какой-то господинъ во фракѣ и я. Пока мы ожидали выхода ватиканскаго узника и осматривали окружавшія насъ чудеса искусства, мы видѣли какъ мимо насъ проходили въ слѣдующую, сосѣднюю залу, рядомъ къ которой уже находились внутреннія покои Папы, какіе-то сановные господа въ мундирахъ и лентахъ черезъ плечо, получившіе очевидно приглашенія на личныя аудіенціи.

Ровно въ часъ отворилась одностворчатая дверь, обитая тѣми же пунцовыми штофнымы обоями, которыми были обиты стѣны этой сосѣдней залы, и въ предшествіи церемоніймейстеровъ и камергеровъ въ золотыхъ мундирахъ и окруженный кардиналами въ ярко красныхъ сутанахъ, въ числѣ которыхъ мнѣ назвали Печчи, будущаго Льва XIII, и поляка Лядуховскаго, вышелъ изъ своихъ внутреннихъ покоевъ Пій IX. Черезъ нашу дверь можно было видѣть, какъ всѣ находившіеся въ той залѣ лица стали на колѣни, какъ благославлялъ онъ ихъ и разговаривалъ съ ними. Но вотъ вышелъ къ намъ оттуда Епископъ-Секретарь и рукой далъ знакъ, чтобы мы выровнялись по пути шествія Его Святѣйшества и стали на колѣни, и вслѣдъ за симъ появился и самъ онъ, предшествуемый и окруженный своей свитой. Я сталъ послѣднимъ къ выходнымъ дверямъ нашей залы, давъ себѣ слово подчиниться всѣмъ неизбѣжнымъ при

папскомъ дворѣ правиламъ этикета, лишь-бы не упустить рѣдкостнаго случая увидѣть столь удобно и близко всю процедуру этихъ пріемовъ и чтобы лучше разглядѣть Пія IX, какъ самою по себѣ интересную историческую личность, политическая неприкосновенность которой была навсегда гарантирована Европейскими державами. Только престолъ Первосвященника на берегахъ Тибра, да развѣ еще Султанскій на берегахъ Босфора, находятся, въ силу извѣстнаго политическаго положенія вещей и взаимныхъ отношеній державъ въ Европѣ, наиболѣе огражденными отъ всякихъ на нихъ посягательствъ, хотя по виду и являются наиболѣе беззащитными.

Какъ теперь вижу передъ собой Пія IX, снѣжно-бѣлая шелковая сутана котораго придавала всей небольшой фигурѣ его съ нѣжно-розовой окраской щекъ нѣчто младенчески-невинное и добродушное. Лѣвая рука его опиралась на черную трость, а правой онъ, выйдя къ намъ, благословилъ насъ. Первые по очереди оказались Ліонскіе аббаты, простершіе ему ладони рукъ съ крестиками и образками для благословенія. Онъ остановился передъ ними и мягкимъ, ласкающимъ голосомъ сказалъ:

— Vous venez de Lyon? Je connais la belle ville de Lyon, ou j'étais l'année... не припомню теперь года. Remettez ma bénediction à vos concitoyens et á vos paroisses.

И затѣмъ произнесъ краткую молитву, освящая крестики и образки, послѣ чего далъ аббатамъ поцѣловать свое понтификальное кольцо, а они, кромѣ того, наклонились и поцѣловали его туфлю.

Передвигаясь отъ одного къ другому, онъ наконецъ поравнялся со мной. Епископъ-Секретарь, идя впереди его, взялъ у меня мое permesso, которое я, стоя на колѣняхъ держалъ въ рукахъ, и, бѣгло взглянувъ въ него, назвалъ меня по имени и фамиліи, добавивъ: „un Assessore di Rossia“. (Я былъ въ то время Коллежскимъ Ассесоромъ).

„Ah, bene“! произнесъ Пій IX, и, давъ мнѣ поцѣловать перстень, скрылся за дверью съ своей свитой.

Признаюсь, я былъ доволенъ, что отдѣлался такъ легко, такъ какъ мнѣ разсказывали, что передъ тѣмъ онъ напустился на одного схизматика-англичанина, замѣтивъ ему,

что онъ не нуждается въ его благословеніи и пришелъ взглянуть на него, Папу, какъ туристъ, куріоза ради.

Остановясь въ дверяхъ, передъ уходомъ изъ нашей залы въ слѣдующую, гдѣ его ожидали съ пѣніемъ гимна колѣнопреклоненные испанцы, Пій IX преподалъ намъ еще разъ общее благословеніе свое, сказавъ, что онъ въ силу данной ему отъ Бога власти отпускаетъ намъ наши грѣхи и даетъ свое понтификальное благословеніе намъ и чадамъ нашимъ.

На этомъ и закончился весь церемоніалъ пріема, послѣ чего церемоніймейстеры вѣжливо предложили намъ удалиться изъ залъ Ватикана.

Мнѣ остается лишь добавить къ описанному, что я невольно обратилъ вниманіе мое на благославлявшую насъ руку Пія IX. Такихъ холенныхъ бѣлыхъ рукъ съ короткими характерными пальцами, я рѣдко видѣлъ. По очертанію этихъ пальцевъ, руки Пія IX были очень схожи съ извѣстнымъ гипсовымъ снимкомъ руки Наполеона I, видѣнномъ мной въ паноптикумѣ M-me Туссенъ въ Лондонѣ, поразившемъ меня тогда своей формой, отражающей въ себѣ какъ-бы всю непреклонную и деспотическую волю обладателя. Такого рода руки были и у упрямаго Ватиканскаго затворника, объявившаго себя безгрѣшнымъ и положившаго начало непримиримой вражды съ хорошо виднѣющимся изъ его оконъ Квириналомъ, длящейся и по настоящее время между „преемниками Христа“ и владыками царства земнаго—вѣнценосцами Савойскаго Дома соединеннаго королевства Италіанскаго.

XI.

1877—1878 г.г.

Мои военные братья. Мой двоюродный братъ Н. И. Гогель и медаль его въ память войны съ Турціей 1877—1878 г.г. Художникъ-Каллиграфъ А. А. Беземанъ. Д. П. Мининъ.

---

12 Апрѣля 1877 года былъ обнародованъ Императоромъ Александромъ II Манифестъ объ объявленіи войны Турціи въ защиту и для освобожденія угнетаемыхъ и порабощенныхъ Турецкимъ владычествомъ единоплеменныхъ и единовѣрныхъ намъ Славянскихъ народовъ—Болгаръ и Сербовъ. Вся Россія съ воодушевленіемъ откликнулась на этотъ великодушный призывъ Великаго Царя-Освободителя, и кто не имѣлъ возможности участвовать въ этомъ крестовомъ походѣ въ строю, тотъ съ охотой брался за оружіе и шелъ добровольцемъ въ отрядъ популярнаго и доблестнаго Генерала Черняева.

Не отстали въ этомъ общемъ увлеченіи и два меньшіе брата мои—Николай и Дмитрій, заканчивавшіе въ томъ году свое образованіе—первый въ Пажескомъ корпусѣ, а второй въ Николаевскомъ кавалерійскомъ училищѣ. Оба они въ молодости своей стремились „поколотить турку“, исконнаго врага христіанства и стремленіе это было до того сильно у нихъ, что старшій изъ нихъ, Николай, вышелъ въ офицеры, вмѣстѣ съ большинствомъ своихъ товарищей, ускореннымъ выпускомъ изъ 1-го спеціальнаго класса. Онъ былъ назначенъ въ драгунскій военнаго ордена полкъ, носившій на киверѣ и лядункѣ Георгіевскую звѣзду, а меньшій, Дмитрій, во Владимірскій уланскій, шефомъ котораго былъ В. К. Михаилъ Николаевичъ. Приказъ о производствѣ ихъ въ офицеры послѣдовалъ 22 Мая, и

вскорѣ наши юные воины собрались въ путь къ мѣсту стоянки ихъ полковъ, направляясь по одному и тому-же маршруту черезъ Кишиневъ и Румынію, такъ какъ полки ихъ составляли части одной и той-же 13 Кавалерійской бригады, уже находившейся на театрѣ военныхъ дѣйствій.

Не прошло и мѣсяца послѣ отъѣзда ихъ, какъ отецъ нашъ, тогда уже числившійся по Инженерному корпусу и проживавшій на покоѣ въ Петербургѣ со мной и младшей сестрой моей Зинаидой у Чернышева моста, въ д. Кудрявцевой, получилъ извѣстіе, что братъ Николай раненъ въ ногу во время рекогносцировки на Балканахъ у Елененскаго перевала, гдѣ его полкъ долженъ былъ отступить, потерпѣвъ неудачу въ стычкѣ съ турецкимъ отрядомъ. Рана, по счастью, оказалась не опасной, такъ какъ пуля прошла на вылетъ черезъ магкія части ноги, незадѣвъ кости и сухожилій. Предстояло, тѣмъ не менѣе, продолжительное леченіе ея, а потому военное начальство рѣшило эвакуировать его съ театра войны и отправить на излѣченіе на родину. Пролежавъ нѣсколько недѣль въ постели, онъ сталъ понемногу оправляться, и когда уже было дозволено ему докторами выходить на воздухъ, то появленіе его на костыляхъ съ черными бантиками на рейтузахъ производило повсюду сенсацію, такъ какъ онъ былъ первый появившійся въ Петербургѣ съ войны раненый офицеръ. Никогда не забуду его появленія впервые въ публичномъ мѣстѣ, а именно въ Михайловскомъ театрѣ, чему я былъ нечаяннымъ свидѣтелемъ.

Ничего не зная о полученномъ имъ въ тотъ вечеръ приглашеніи въ ложу Михайловскаго театра, я отправился въ этотъ театръ, желая посмотрѣть не помню какую модную пьесу того сезона. Спектакль уже начался, какъ вдругъ по переполнявшей залу публикѣ пробѣжалъ, словно электрическій токъ, какой-то смутный говоръ. Ясно было, что произошло нѣчто необычайное. И въ самомъ дѣлѣ, скоро всѣмъ стало извѣстно, что съ войны получена оффиціальная телеграмма о крупной побѣдѣ нашихъ войскъ—взятіи Карса. Послѣ первыхъ неудачъ нашихъ военныхъ дѣйствій въ Европейской Турціи, эта радостная телеграмма изъ Азіатской Турціи вызвала необычайный энтузіазмъ въ присутствующей публикѣ и она шумно потребовала исполненія гимна. Поднялся занавѣсъ и при первомъ-же звукѣ гимна, когда вся

публика встала съ своихъ мѣстъ, отворилась дверь одной изъ ложъ бенуара, до того никѣмъ не занятая, и въ ней показался мой братъ на костыляхъ въ сопровожденіи товарищей своихъ пажей... Появленіе въ такой торжественный моментъ молодого раненаго офицера являлось какъ-бы дополненіемъ къ торжественной оваціи; бинокли всего театра были направлены на него, и герой войны испыталъ пріятное ощущеніе героя минуты, неожиданно выпавшей на его долю.

Вслѣдъ за братомъ съ театра военныхъ дѣйствій стали прибывать въ Петербургъ во множествѣ раненые офицеры и солдаты, и вскорѣ онъ, въ числѣ прочихъ раненыхъ, получилъ приказаніе явиться въ зимній дворецъ для представленія Государю. Разсказъ его объ этомъ представленіи привожу здѣсь съ его словъ:

„Всѣ мы раненые офицеры выровнялись, при чемъ на правомъ флангѣ у насъ стоялъ съ рукой на перевязи подполковникъ генеральнаго штаба Куропаткинъ. Выйдя къ намъ и поздоровавшись, Государь сталъ обходить наши ряды, разспрашивая каждаго при какихъ обстоятельствахъ раненъ и протягивая каждому изъ насъ руку, которую мы цѣловали. Окончивъ обходъ, Его Величество остановился посреди зала и сказалъ:

— Спасибо Вамъ, молодцы, за вашу образцовую службу. Мнѣ солдаты говорили, когда я обходилъ госпитали, что съ такими офицерами они готовы идти куда угодно. Я вышелъ къ вамъ въ томъ сюртукѣ, въ которомъ былъ на войнѣ. Этотъ Георгіевскій крестъ мнѣ передалъ собственноручно покойный отецъ за дѣло на Кавказѣ; сюртукъ-же этотъ дорогъ мнѣ еще тѣмъ, что на немъ находятся портреты всѣхъ моихъ дѣтей...

Съ этими словами, Государь сталъ поочередно открывать верхи золотыхъ пуговицъ своего сюртука, въ которыхъ оказались вдѣланными фотографіи всѣхъ его дѣтей, начиная съ Цесаревича Николая Александровича и Великой Княгини Маріи Александровны.

— Еще разъ, продолжалъ Государь, благодарю васъ за вашу службу и надѣюсь, что въ мое царствованіе не будетъ больше проливаться драгоцѣнная русская кровь...

При этихъ словахъ на глазахъ его показались слезы. За симъ, сдѣлавъ общій поклонъ, онъ вышелъ“.

Вскорѣ послѣ описаннаго эпизода, братъ Николай получилъ пакетъ съ деньгами, присланный ему изъ зимняго дворца съ камеръ-лакеемъ въ красной ливреѣ, на леченіе раны, и былъ переведенъ изъ Орденскаго драгунскаго полка въ Лейбъ-Гвардіи драгунскій полкъ, стоявшій тогда на Волховѣ, въ Кречевицкихъ казармахъ, Новгородской губерніи. Въ полку этомъ онъ прослужилъ до полковничьяго чина, послѣ чего перешелъ на службу въ вѣдомство Государственнаго коннозаводства и получилъ мѣсто начальника Государств. конюшни въ Пензенской губерніи.

Иная участь постигла на войнѣ моего покойнаго брата Дмитрія. Ему пришлось не только продѣлать всю кампанію 1877 года, но и по окончаніи ея участвовать съ полкомъ своимъ (отъ котораго онъ до того былъ временно откомандированъ и зачисленъ воспитателемъ при 1 Московскомъ Кадетскомъ корпусѣ въ Лефортовѣ), въ аккупаціи Румеліи. Плодомъ этого пребыванія его за предѣлами родины была написанная имъ книга подъ заглавіемъ: „Годъ въ сѣдлѣ" (изъ дневника молодого офицера) 1877—1878 г. Одесса, 1883 г., 89 стран.

Въ дневникѣ этомъ, составленномъ изъ написанныхъ имъ писемъ ко мнѣ во время нахожденія его въ Турціи, онъ, какъ сказано въ предисловіи его къ этому изданію, „не задаваясь мыслею воспроизвести широкую картину минувшей кампаніи, ограничивалъ свои стремленія лишь къ посильному очертанію той мелкой, нелицевой и мало-привлекательной стороны боевой жизни, съ которой довелось автору близко ознакомиться въ теченіе года его пребыванія въ Турціи". Скромная задача эта была выполнена покойнымъ братомъ весьма успѣшно и „Годъ въ сѣдлѣ" его читается съ большимъ интересомъ. Къ сожалѣнію книга эта была издана имъ въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ и въ настоящее время она составляетъ уже библіографическую рѣдкость, сохранившись только у немногихъ частныхъ лицъ и въ публичныхъ библіотекахъ.

Получивъ Анненскій темлякъ на саблю, братъ Дмитрій возвратился съ полкомъ своимъ въ г. Коломну—стоянку этого полка. Не долго, однако, пришлось ему пробыть въ этомъ городѣ, такъ какъ полкъ его былъ передвинутъ изъ

сердца Россіи—Московской губерніи—въ Царство Польское и переименованъ въ драгунскій, какъ и всѣ прочіе полки нашей кавалеріи, по мысли тогдашняго военнаго министра Ванновскаго и по повелѣнію Александра III. Будучи по природѣ своей чрезвычайно способнымъ и обладая недюжиннымъ талантомъ въ живописи, бѣдный братъ мой попалъ въ кавалерію не по доброй волѣ, хотя и тутъ онъ сумѣлъ показать себя съ хорошей стороны, занимаясь постоянно составленіемъ различныхъ рефератовъ, касающихся исторіи и улучшенія этой части войска, которые онъ излагалъ въ чтеніяхъ своихъ на военныхъ собраніяхъ.

Онъ умеръ 6-го Іюля 1894 г. въ Варшавѣ, гдѣ лѣчился въ Уяздовскомъ военномъ госпиталѣ отъ воспаленія мозга, и похороненъ на Вольскомъ православномъ кладбищѣ этого города. Съ его смертью я потерялъ нѣжно любимаго младшаго брата, къ которому питалъ болѣе отцовскія, чѣмъ братскія чувства и который отвѣчалъ мнѣ на нихъ скорѣе сыновнею, чѣмъ братскою привязанностью. Со времени смерти моей незабвенной матери, это былъ тягчайшій и наиболѣе горестный ударъ, который пришлось пережить мнѣ въ моей жизни.

Какъ послѣ всѣхъ войнъ, такъ и послѣ войны 1877 г., объявились разные предпріимчивые люди, спекулирующіе на чувствѣ патріотизма. Нельзя не отнести къ нимъ и моего двоюроднаго брата, Н. И. Гогеля, сына моей тётки Елисаветы Дмитріевны, старшей сестры моей матери. О немъ, какъ о бывшемъ камеръ-пажѣ Императрицы Александры Θеодоровны и офицерѣ Преображенскаго полка, я уже упоминалъ въ моихъ запискахъ. Въ указанное-же время онъ былъ уже въ отставкѣ, закончивъ свою военную карьеру на Кавказѣ въ чинѣ капитана, и проживалъ въ своемъ маіоратномъ имѣніи въ Царствѣ Польскомъ.

Красавецъ собой, любитель товарищескихъ пирушекъ, неустанный балагуръ и прожектёръ, онъ вскорѣ на столько разстроилъ свое состояніе, что для спасенія остатка его долженъ былъ удалиться изъ великосвѣтскаго общества, въ которомъ постоянно привыкъ вращаться, и обречь себя на безвыѣздное проживаніе въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ въ

своемъ маioратѣ. Такое вынужденное рѣшенiе его должно было несомнѣнно послужить къ поправленiю его денежныхъ обстоятельствъ, и если-бы онъ имѣлъ достаточную силу воли, чтобы выдержать себя въ этихъ скромныхъ предѣлахъ жизненной обстановки еще нѣкоторое время, то могъ-бы, надо думать, выпутаться изъ своего сквернаго положенiя и оставить единственному сыну своему Михаилу не въ конецъ разстроенное маioратное помѣстiе. Но его обуяла нескладная мысль—отчеканить и выпустить въ продажу бронзовую медаль въ память минувшей войны съ задуманными имъ изображенiями съ одной стороны св. креста надъ рогомъ луны и надписью вокругъ „Память освобожденiя Болгаръ“, „Сѣющiе со слезами, будутъ пожинать съ радостью“, и съ другой—съ профильнымъ портретомъ Императора Александра II и надписями: „Царь-Освободитель, 19 Февраля 1878“ и „Б. М. Александръ II Самодержецъ Всероссiйскiй“. На дѣлаемыя ему замѣчанiя на счетъ несостоятельности его затѣи, онъ обыкновенно возражалъ такъ:

— Въ Россiи, какъ извѣстно, сто пятьдесятъ миллiоновъ жителей, и если изъ нихъ купятъ мою медаль только пятьдесятъ миллiоновъ, по назначенной мной цѣнѣ въ 50 коп. за штуку, то я выручу за нее двадцать пять миллiоновъ; расчетъ мой вѣрный, не такъ-ли?

Увы! расчетъ пылкаго фантазера оказался далеко не вѣрнымъ и онъ окончательно провалился съ своей злосчастной затѣей. Медаль его, рѣдкiй экземпляръ которой уцѣлѣлъ у меня и развѣ еще у немногихъ коллекцiонеровъ, раскупалась очень туго и я не знаю, выручилъ-ли онъ даже за нее затраченныя на ея чеканку деньги.

Много труда и энергiи употребилъ онъ для рекламированiя и распространенiя своей медали и съ этой цѣлью, желая выхлопотать себѣ дозволенiе пустить ее въ продажу въ войскахъ и чрезъ волостныя правленiя въ деревняхъ, онъ прiѣзжалъ въ Петербургъ и поселился въ меблированныхъ комнатахъ на углу Б. Морской и Гороховой, въ домѣ Тутолмина, въ которыхъ и я жилъ въ то время. Здѣсь было главное бюро его, гдѣ обдумывались имъ разные планы и комбинацiи для наибольшаго распространенiя изданной имъ медали по лицу Россiи и Болгарiи, при

чемъ главнымъ фактотумомъ и совѣтникомъ его въ этомъ мудреномъ дѣлѣ былъ нѣкiй Беземанъ, личность сама по себѣ настолько типичная, что о ней нельзя не сказать нѣсколько словъ.

Своеобразные нарождаются подчасъ въ житейскомъ столичномъ омутѣ личности! Ихъ словно выноситъ клокочущая житейская волна на гребень взбаломученной поверхности многолюдныхъ городовъ и также быстро уноситъ неизвѣстно куда. Къ такимъ быстротечнымъ явленiямъ на горизонтѣ нашей сѣверной Пальмиры нельзя не отнести и этого Беземана.

Не обладая никакимъ образовательнымъ цензомъ и никакими солидными спецiальными познанiями, этотъ изворотливый и находчивый человѣкъ, тѣмъ не менѣе, сумѣлъ составить себѣ извѣстное имя въ области разновиднаго мелкаго искусства. Онъ былъ замѣчательнымъ каллиграфомъ, остроумнымъ импровизаторомъ комическихъ сценъ, декламаторомъ и риѳмоплетомъ, переводчикомъ Маскотты и другихъ тогдашнихъ модныхъ оперетокъ на русскiй языкъ, талантливѣйшимъ и чуть-ли не единственнымъ въ то время въ Петербургѣ составителемъ и рисовальщикомъ орнаментовъ и виньетокъ для обѣденныхъ меню и для подносимыхъ адресовъ разнымъ знаменитостямъ, изъ коихъ одинъ адресъ въ особенности, заказанный для Патти, былъ верхомъ совершенства по компановкѣ своей въ древне-русскомъ стилѣ. Въ этомъ мелкомъ, но разнообразномъ творчествѣ своемъ, онъ былъ положительно генiаленъ, и мнѣ никогда болѣе не доводилось въ моей жизни встрѣчаться съ такого рода виртуозомъ искусства мелкаго сорта.

Покойный Беземанъ зарабатывалъ очень хорошiя деньги, но онѣ у него не держались—онъ спускалъ ихъ живо съ разными improtected famals, женился на одной изъ нихъ и умеръ, истощенный безобразной столичной жизнею.

Коснувшись этого талантливаго мастера на всѣ руки, я невольно вспомнилъ и еще объ одномъ не менѣе талантливомъ субъектѣ, замѣчательномъ по своей своеобразной

музыкальной особенности, съ которымъ я познакомился въ молодые годы мои въ Петербургѣ-же на театральныхъ верхахъ, слушая тамъ разныхъ вокальныхъ и музыкальныхъ знаменитостей.

Д. П. М—инъ, о которомъ я хочу сказать, принадлежалъ къ столбовому россійскому дворянству и былъ сыномъ Тульскаго помѣщика. Особенность его музыкальнаго дарованія заключалась въ томъ, что онъ, не зная ни одной ноты и никогда не желая ихъ знать, могъ по слуху подобрать и сыграть на фортепіанахъ все, что ему вздумается. Для этого достаточно было ему услышать какую нибудь оперу или пьесу, сыгранными на какомъ угодно инструментѣ или исполненными проходящимъ по улицѣ полковымъ оркестромъ, чтобы онъ моментально воспроизвелъ цѣликомъ, слышанное имъ, на фортепіанахъ. Такого феноминальнаго развитія музыкальнаго слуха я никогда и ни у кого болѣе не встрѣчалъ. Многіе совѣтовали ему заняться серьезно музыкой и изучить ее теоретически, предсказывая ему выдающуюся музыкальную будущность, но совѣты эти онъ пропускалъ мимо ушей и никогда даже и не поинтересовался познакомиться съ азбукой нотъ. Да и зачѣмъ, въ сущности, нужны были ему эти ноты, когда природа одарила его такою музыкальною чуткостью слуха, которому могли-бы позавидовать всякіе маэстры и виртуозы музыкальнаго искусства! Сѣсть за фортепіано и сыграть безъ пособія какихъ бы то ни было нотныхъ тетрадей и „доате“ все случайно навѣянное слухомъ, да это величайшее благополучіе, которому можно только позавидовать! И почемъ узнать, не утратилъ бы этотъ музыкальный самородокъ своего дара, если бы сталъ подвергать его передѣлкѣ по всѣмъ правиламъ музыкальной грамматики и генералъ баса...

Къ Сожалѣнію М—нъ окончилъ свою жизнь весьма печально. Будучи одаренъ кромѣ того замѣчательною памятью, онъ блестяще окончилъ университетъ и поступилъ для отбыванія воинской повинности въ Лейбъ Гвардіи Уланскій полкъ въ Петергофѣ. Здѣсь общество офицеровъ этого полка, познакомившись съ его своеобразной игрой на фортепіанахъ, гитарѣ, цитрѣ, балалайкѣ и гармоникѣ, пришло въ восторгъ и носило его, что называется, на рукахъ, заставляя попеременно играть на этихъ инструментахъ по цѣлымъ часамъ,

послѣ чего устраивало въ его честь попойки, которыя и сгубили его. По слабохарактерности своей, а можетъ быть и по наслѣдственной наклонности къ алкоголизму, онъ въ концѣ концовъ до того спился, что былъ уволенъ со службы въ Сенатѣ, куда было поступилъ по окончаніи срока своей воинской повинности и, постепенно падая все ниже и ниже, очутился наконецъ таперомъ въ... публичномъ домѣ!...

Что съ нимъ сталось дальше—я не знаю, но, судя по сказанному, можно навѣрное предположить, что онъ попалъ въ жильцы „Вяземской лавры“—этой знаменитой столичной трущобной обители всѣхъ, какъ и онъ, „бывшихъ людей“, жертвъ бахуса, которымъ имя увы! легіонъ на широкомъ и безшабашномъ раздольѣ матушки Россіи.

XII*).

1870—1880 г.г.

Петербургъ въ семидесятыхъ годахъ минувшаго столѣтія. Дамы полу-свѣта, танцклассы и кафе-шантаны. Театры и ихъ звѣзды и полу-здѣзды. Оперетка: Шнейдеръ, Жюдикъ и проч. Балетъ: Петипа, Доръ, Гранцова, Цукки и проч. Михайловскій театръ: Паска, Делапортъ, Дика-Пети, Дюпью, Вормсъ, Гитмансъ, Андріе. Барнай и Поссартъ. Ристори, Гвалтіери-Пеццано, Дузе, Сара-Бернаръ. Ольриджъ, Салвини и Росси. Александринскій театръ: Самойловъ, Снеткова, Лядова, и Сазоновъ. Русская опера въ Маріинскомъ театрѣ: Никольскій, Мельниковъ, Лавровская и проч. Италіянская опера въ Большомъ театрѣ: Кальцоллари, Эверарди, Граціани и проч. Тамберликъ, Маріо, Ноденъ, Николини, и проч. Аделина Патти. Христина Нильсонъ, Лукка и проч. Антонъ Рубинштейнъ, Генрихъ Венявскій и проч. Насръ-единъ, шахъ Персидскій. Императоръ Германскій и Король Прусскій Вильгельмъ I. Бисмаркъ и Мольтке. Императоръ Австрійскій Францъ-Іосифъ и Графъ Андраши. Король Шведскій Оскаръ II. Александръ Батенбергскій и Донъ-Карлосъ Бурбонскій. Принцы Хаиме Бурбонскій и Наполеонъ Бонапартъ. Евгеній Карновичъ и Генералъ-Адъютантъ И. Г. Бибиковъ и проч. Тургеневъ и Канцлеръ Князь Горчаковъ въ 1876 г.

Проживъ со времени назначенія моего на службу въ С.-Петербургъ подрядъ одинадцать лѣтъ въ сѣверной Пальмирѣ, я настолько втянулся въ столичную жизнь, что мнѣ, признаюсь, не легко было разстаться съ нею и промѣнять ее на жизнь въ далекой и неизвѣстной мнѣ Одессѣ, гдѣ не было для меня никакой приманки. О преимуществѣ южнаго климата передъ сѣвернымъ, я въ ту эпоху моей жизни, когда порывы берутъ верхъ надъ степенною разсудительностью, конечно мало задумывался. Мысль же о

*) Глава эта была помѣщена въ извлеченіи въ журналѣ „Европейская жизнь" (30 іюня 1912 г. № 42), при чемъ къ ней было сдѣлано отъ Редакціи слѣдующее примѣчаніе: «Обращаемъ вниманіе читателей на полныя живого интереса страницы этихъ мемуаровъ почтеннаго автора, воскрешающаго въ полномъ блескѣ эпизоды прошлой Петербургской жизни».

лишеніи всякаго рода удовольствій и удобствъ, присущихъ столичной жизни, повергала меня въ мрачное настроеніе.

И то сказать надо--Петербургъ никогда еще не представлялъ изъ себя столько заманчиваго по части всякаго рода развлеченій, какъ въ семидесятыхъ годахъ минувшаго столѣтія, когда здѣсь отразилось веселіе „второй Имперіи", насадителемъ котораго, какъ всегда, былъ Парижъ, не даромъ прозванный современнымъ Вавилономъ. Россійское дворянство, не успѣвшее еще въ конецъ размотать выкупныя, налетѣло въ столицы и заграницу и во всю ширь прожигало свои капиталы.

Никогда еще въ Петербургѣ не было такого наплыва представительницъ полу-свѣта разныхъ національностей, какъ въ ту пору и во главѣ ихъ стояла небезъизвѣстная Камиль-де-Ліонъ, раззорившая не одного пижона. Выдѣлялась между этими дамами еще и француженка Мокуръ. Она числилась во французской труппѣ Михайловскаго театра, изрѣдка появляясь въ третьестепенныхъ роляхъ, но за то блистала своими изумительными бриллiантами, туалетами и экипажами. Она далеко не была красива и своею длинною фигурой и худобой напоминала Сарру Бернаръ, но она имѣла реномэ остроумной „soupeuse" и пользовалась благорасположеніемъ высокопоставленныхъ особъ.

Кафе-шантаны и, такъ называемые, танцклассы, покровительствуемые всевластнымъ Оберъ-Полиціймейстеромъ Ѳ. Ѳ. Треповымъ, находившимъ, что такого рода учрежденія въ городѣ съ милліоннымъ населеніемъ необходимы для отвлеченія праздной молодежи отъ политическихъ бредней, процвѣтали какъ никогда. Въ первыхъ подвизалась Филиппо, пустившая въ оборотъ шансонетку „L'Amour—ce n'est que cela!—при чемъ граціознымъ жестомъ она указывала на свою талью, а во вторыхъ—герой канкана Фокинъ и нѣкій захудалый Князь Д., откалывавшіе такіе пируэты и гамбады, что самъ Ригольбошъ могъ-бы позавидовать имъ.

На ряду съ такого рода развлеченіями и серьезный театръ въ Петербургѣ достигалъ высокаго процвѣтанія. Все что было лучшаго въ Европѣ по всѣмъ отраслямъ сценическаго искусства находилось у насъ. Не могу безъ особеннаго восторга вспомнить о тогдашнихъ корифеяхъ Петербургскихъ сценъ. Въ искусствѣ бываютъ свои періоды

плодородія, и какъ о Московскихъ артистахъ, имена которыхъ я уже назвалъ, я стану говорить лишь о тѣхъ изъ Петербургскихъ, имена которыхъ оставили во мнѣ на всегда неизгладимое впечатлѣніе ихъ одухотвореннымъ творчествомъ.

Въ бывшемъ театрѣ буфъ, передѣланномъ изъ цирка, вблизи Александринскаго театра, подвизались Парижскія знаменитости оперетки. Между ними царила создательница и насадительница этого жанра Шнейдеръ, а также Жюдикъ, Норде, Эме, Зюльма Бюфаръ и проч. Смѣшилъ также до упаду неподдѣльнымъ комизмомъ Ру, одно появленіе котораго заставляло всѣхъ хохотать.

Шнейдеръ была особенно хороша въ „Герцогинѣ Герольштейнской", а Жюдикъ въ „Нинишъ". Извѣстенъ анекдотъ о Шнейдеръ во время Парижской всемірной выставки 1878 г. Она однажды пріѣхала туда въ роскошномъ экипажѣ, запряженномъ á la Daumont, и приказала кучеру везти себя по дорогѣ, ведущей къ подъѣзду, куда допускались только экипажи царственныхъ особъ. Когда полиція остановила ее экипажъ и спросила кто она такая? Она превах но заявила, что она „Герцогиня Герольштейнская" и—была пропущена, почтительно отдавшими ей честь сержантами и карауломъ.

Въ балетѣ, главнымъ режиссеромъ и сочинителемъ танцевъ былъ назабвенный Маріусъ Петипа. Послѣ сошедшихъ со сцены Муравьевой и Богдановой царили въ балетѣ дочь Петипа, Доръ, Вааемъ, Гранцева и позднѣе несравненная Цукки, а изъ танцовщиковъ неувядаемые Стукалкинъ и Гердтъ. Съ Цукки—странно сказать—мнѣ довелось... танцовать! Это было уже въ Одессѣ, (куда она пріѣзжала въ Апрѣлѣ 1888 г.), въ одномъ частномъ домѣ, хозяйка котораго была сильно увлечена ею.

Цукки прибыла на этотъ вечеръ прямо изъ театра, гдѣ танцовала кажется въ „Царѣ Кандавлѣ" или въ „Пахитѣ". Туалетъ ея былъ очень скроменъ—бѣлое кисейное платье безъ всякихъ драгоцѣнныхъ украшеній, которыхъ, къ слову сказать, у нея было въ досталь, особенно вывезенныхъ изъ Россіи, откуда она между прочимъ, увезла пожарную каску

изъ чистаго золота, предпонесенную ей однимъ Сіятельнымъ поклонникомъ въ Петербургѣ, впослѣдствіи занимавшемъ министерскій постъ. Балъ, о которомъ я говорю, открылся вальсомъ, но никто изъ кавалеровъ не рѣшался танцовать съ знаменитой балериной, боясь осрамиться въ танцахъ. Будучи въ молодости, какъ я уже упомянулъ, хорошимъ танцоромъ, я, не долго думая, рѣшился провальсировать съ нею, а затѣмъ пригласилъ ее на первую кадриль. Вальсъ сошелъ у насъ благополучно, но каково было мое удивленіе, когда Цукки передъ кадрилью вдругъ обратилась ко мнѣ съ просьбой подсказывать ей то, что она должна продѣлывать во время фигуръ. Она сознались мнѣ откровенно, что не имѣетъ никакого понятія о салонныхъ танцахъ и что ей впервые приходится участвовать въ нихъ. Долженъ здѣсь добавить, что просьбу знаменитой „неумѣлой салонной танцовщицы", которую называли „балетной Дузой" я исполнилъ успѣшно, за что на другой день получилъ отъ моей благодарной ученицы ея фотографію съ собственноручною надписью на Итальянскомъ языкѣ.

Въ Михайловскомъ театрѣ, подвизались поочередно двѣ труппы—французская и нѣмецкая. Въ первой всегда чередовались какія нибудь извѣстныя премьерши, и я видѣлъ трехъ выдающихся артистокъ: Паску, Делапортъ и Дику-Пети. Выше всѣхъ по осмысленности игры была, по моему мнѣнію, первая; за то послѣдняя, кромѣ сценической извѣстности, превосходила остальныхъ своими нарядами и драгоцѣнностями, такъ какъ пользовалась благорасположеніемъ архимилліонера Барона Штиглица. Изъ актеровъ выдѣлялись Дюпюи, Вормсъ и уже позднѣй неподражаемый комикъ Гитмансъ, а также неизмѣнный любимецъ публики Андріё.

Въ нѣмецкой труппѣ, мнѣ довелось видѣть такихъ выдающихся артистовъ-гастролеровъ, какъ Барнай и Поссартъ. Впослѣдствіи пріѣзжали въ Петербургъ Мейнингенцы, подавшие мысль къ созданію по ихъ образцу, такъ называемаго, художественнаго театра въ Москвѣ.

Говоря о гастролерахъ, я долженъ упомянуть и тѣхъ великихъ итальянскихъ трагиковъ, которыхъ мнѣ довелось

видѣть въ Россіи. Въ Петербургѣ я видѣлъ знаменитую Ристори, въ главныхъ роляхъ ея, изъ коихъ въ „Маріи Стюартъ" она доходила до недосягаемаго совершенства. Мнѣ только разъ въ жизни пришлось видѣть потомъ еще одну такую же геніальную артистку—Гвальтіери-Пеццано. Играя Елисавету, Королеву Англійскую, процарствовавшую, какъ извѣстно 44 года, Гвальтіери изображала ее въ первомъ дѣйствіи совсѣмъ молодой дѣвушкой, а оканчивала въ пятомъ—полоумной старухой, постепенно старѣя въ теченіи хода пьесы. Игра Гвальтіери въ этомъ послѣднемъ дѣйствіи была до того потрясающей, что прямо наводила ужасъ на зрителей. Видѣлъ я также и Дузе въ ея коронной роли—„La dame aux Camélias" Дюма и конечно не сравню ея игру съ Саррой Бернаръ, которая въ той-же роли, какъ и въ „Aiglon" Ростана, вседа оставалась Саррой Бернаръ, незабывавшей въ самыхъ трагическихъ моментахъ оправлять складки своего шлейфа. Изъ видѣнныхъ мной знаменитыхъ трагиковъ—Ольриджа, Сальвини и Росси, я всегда отдавалъ предпочтеніе послѣднему, производившему на меня очень сильное впечатлѣніе. Великій онъ былъ артистъ!

На Александрійскомъ театрѣ стоялъ особнякомъ, головой выше всѣхъ, Самойловъ. Его игра въ роляхъ „Кречинскаго", „Кардинала Ришелье" или „Стараго Барина", была художественной. Среди другихъ дѣятелей сцены этого театра, выдѣлялась, предшественница Савиной, Снеткова. Великолѣпенъ былъ Васильевъ въ коронной роли своей „Любима Торцова", а позднѣе Давыдовъ, въ „Городничемъ" въ „Ревизорѣ" и во всѣхъ изображаемыхъ имъ типахъ. Нельзя не упомянуть и о Лядовой и Сазановѣ, которые въ то время подвизались на Александрійской сценѣ въ Русской опереткѣ. Оба они пожинали на ней лавры, особенно первая въ опереткѣ „Прекрасная Елена", обошедшей весь свѣтъ съ своимъ скабрёзнымъ разрѣзомъ платья вдоль бедра.

Въ Русской оперѣ, въ Маріинскомъ театрѣ, всегда стоявшей выше Московской, былъ цѣлый сонмъ первоклассныхъ пѣвцовъ. Вотъ ихъ имена: тенора—Никольскій, Орловъ и

Коммисаржевскій; баритоны—Мельниковъ и Прянишниковъ; басы—Петровъ и Палечекъ; сопрано—Меньшикова, Бюдель, Левицкая; контральто Леонова и превыше всѣхъ, мною когда-либо слышанныхъ въ этомъ родѣ голосовъ, незабвенная Лавровская. То что о Лавровской, могу сказать и о Никольскомъ, Мельниковѣ и Петровѣ. Такихъ теноровъ, какимъ былъ первый изъ нихъ, такихъ баритоновъ, какимъ былъ второй и такихъ басовъ, какимъ былъ послѣдній—въ Русской оперѣ не было ни до нихъ, ни послѣ. Первый, впрочемъ, обладая феноменальнымъ по силѣ и нѣжности голосомъ—попалъ онъ на сцену изъ дворцовыхъ пѣвчихъ—въ смыслѣ игры былъ настоящимъ истуканомъ, вродѣ извѣстнаго Мазини въ Италіянской оперѣ. Къ сожалѣнію, надо сказать, что этотъ замѣчательный теноръ любилъ подвыпить. Онъ такъ и погибъ отъ этой слабости, погубившей увы! столько талантливыхъ русскихъ людей на всѣхъ поприщахъ.

Что касается Лавровской, то къ сказанному о ней могу добавить, что такой мягкости, густоты и звучности контральтоваго голоса мнѣ никогда не доводилось слышать не только среди русскихъ, но и италіянскихъ пѣвицъ, и когда она пѣла Ратмира въ „Русланѣ", или Ваню въ „Жизни за Царя", то весь театръ неистовствовалъ отъ восторженныхъ апплодисментовъ.

Лавровская, впослѣдствіи Княгиня Церетели, приходилась племянницей Митрополиту Кіевскому Платону. Наслышавшись о ея артистической славѣ, онъ пожелалъ услышать ея пѣніе. Это было въ то время, когда онъ былъ архіепископомъ Одесскимъ и она пріѣзжала въ этотъ городъ давать концертъ. Архіепископу было неудобно устроитъ концертъ въ архіерейскомъ домѣ и его устроила у себя одна барыня, пригласившая Платона. Благодушный старецъ былъ въ восторгѣ отъ дивнаго голоса своей племянницы, благословилъ ее и много разъ потомъ вспоминалъ о доставленномъ ему ея пѣніемъ эстетическомъ удовольствіи.

Относительно Италіянской оперы могу сказать тоже, что мною сказано про русскую: такой стаи славныхъ соколовъ, которымъ отличался ея составъ того времени, уже никогда больше не дождешься какъ потому, что Импера-

торская италіянская опера упразднена въ Петербургѣ, такъ и потому, что подобные артисты выродились и появленіе ихъ составляетъ своего рода эру въ сферѣ вокальнаго искусства.

Хотя при второмъ пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ, я уже не засталъ на италіянской оперѣ многихъ изъ слышанныхъ мной при первомъ пріѣздѣ, какъ напримѣръ Лагруа, Фіоретти, Нантье-Дидіе и проч., (знаменитая Анжелика Бозіо скончалась въ 1859 г., и я ее уже не засталъ, но слышалъ много про ея пѣніе и игру въ Травіатѣ), но изъ старыхъ любимцевъ подвизались еще: изумительный tenor di grazia Кальцоллари, баритоны Эверарди, Граціани, а изъ женщинъ— сопрано Вольпини, Альбани, Фричи-Баральди, Ферни-Джермано (лучшая Карменъ), Фанъ Сандъ Гардини и проч. и контръ-альты Требелли-Беттини и Скальки. Но Тамберлика— этого гиганта между тенорами di forza—уже не было. На немъ, можно сказать, пресѣклась династія тѣхъ великихъ теноровъ, которые царили у насъ преемственно въ италіянской оперѣ, а именно: Рубини, Маріо и Тамберликъ. Двухъ первыхъ дала Италія, а послѣдняго Испанія.

Маріо я слышалъ всего разъ, но уже тогда, когда онъ спалъ съ голоса. Императрица Марья Александровна пожелала услышать его еще разъ въ жизни, и незадолго до ея кончины, онъ былъ выписанъ дирекціей Императорскихъ театровъ для партіи Рауля въ „Гугенотахъ", въ которой онъ не имѣлъ соперниковъ. Игра его была удивительная, но впечатлѣніе отъ пѣнія, въ которомъ изрѣдка только выдавались чудные звуки, позволяли лишь догадываться о мощи когда-то феноменальнаго голоса.

Тѣ, которые знали этого знаменитаго тенора на зенитѣ славы его должны были испытать такое-же досадливое чувство, которое я въ свою очередь испыталъ, услышавъ послѣ многихъ лѣтъ Тамберлика, когда онъ пріѣзжалъ въ Одессу давать концертъ и своимъ дребезжащимъ старческимъ голосомъ пѣлъ „Crucifix" въ дуетѣ съ Корсовымъ. Но воспоминаніе о славномъ его прошломъ, доставлявшемъ мнѣ высокое эстетическое наслажденіе, заставило меня невольно вскочить съ мѣста и поклониться ему при появленіи его на эстрадѣ. А оно—это прошлое—было поистинѣ на всегда памятно для тѣхъ, кто когда-либо имѣлъ счастье его слы-

шать! Были такіе фанатики и поклонники изумительнаго голоса Тамберлика, которые спеціально приходили въ театръ къ тому моменту, когда онъ въ Вердіевскомъ „Отелло" бралъ свой знаменитый ut dièze. Онъ только разъ давалъ эту ноту во весь вечеръ и биссировать ее не полагалось, какъ нѣчто необычайное. „На эту его ноту сходились, какъ еслибы шли смотрѣть на затменіе солнца или на тому подобныя рѣдкостныя явленія въ природѣ", говоритъ одинъ музыкальный рецензентъ.

Любимыми романсами, которыми Тамберликъ производилъ фуроръ на концертахъ, были, пѣтые имъ по русски: „Скажите ей"! и „Ее ужъ нѣтъ, а я страдаю!.." Ни красотой лица, ни кругленькой фигурой своей онъ не могъ похвастаться, какъ то могъ бы сдѣлать Маріо, про котораго въ то время говорили, что во всей Европѣ извѣстны только два красавца— Царь Николай и, носившій графскій титулъ, теноръ Маріо.

Если въ семидесятыхъ годахъ не было уже Тамберлика и его замѣнили хотя и хорошіе тенора, но пониже маркой (Ноденъ, Монжини, Сильва, Николини, Мазини, Капуль и проч.), то въ тогдашней Петербургской италіянской оперѣ блистали такія примадонны, какъ Аделина Патти, Христина Нильсонъ и Лукка, изъ коихъ первая представляла изъ себя нѣчто недосягаемое. Такого голоса, какъ былъ у Патти, по поразительной красотѣ, вокальному совершенству и по безпредѣльности діапазона, до нея свѣтъ еще не слышалъ.

Когда я услышалъ въ первый разъ эту феноменальную пѣвицу—это было въ „Лучіи",—я какъ ошеломленный выбѣжалъ изъ театра и нѣсколько дней не могъ прійти въ себя. О производимомъ впечатлѣніи ея пѣніемъ въ той же оперѣ, одинъ Московскій рецензентъ говоритъ такъ: „Что сказать объ Аделинѣ Патти? Ее такъ знаетъ весь міръ... Когда я услышалъ ее въ первый разъ, я не былъ бы такъ пораженъ, еслибы при мнѣ мужикъ проглотилъ Московскія Тріумфальныя ворота, какъ я былъ пораженъ ея пѣніемъ въ „Лучіи" Доницетти. Это какое-то сверхъестественное жонглерство звуками"... Да, именно—сверхъестественное! И если бы того же мужика, никогда кромѣ своихъ деревенскихъ пѣсней ничего не слышавшаго, заставить прослушать

Патти, когда она разсыпалась фейерверкомъ своихъ заоблачныхъ нотъ, то я увѣренъ, что онъ сталъ-бы открещиваться и отплевываться, думая, что эта вертлявая маленькая женская фигурка воплощаетъ въ себѣ нечистую силу.

Но не въ одной только „Лючіи" эта чародѣйка была недосягаема. Кромѣ этой оперы, ее кардинальными партіями были: Розины въ „Севильскомъ Цирюльникѣ", „Динорѣ", „Сонамбулѣ" и др. Въ „Севильскомъ Цирюльникѣ", Патти, имѣя партнеромъ своимъ Кальцоллари, творила такія чудеса вокальнаго искусства, начиная съ выходной аріи своей „Una voce росco fa!" до конца этой оперы, что по театральной залѣ все время стоялъ какой-то сдержанный гулъ изумленія, послѣ чего залъ разражался неистовымъ ураганомъ восторга. Тоже было и въ „Динорѣ", гдѣ Патти выходила съ козой и, освѣщенная луннымъ свѣтомъ, плясала и пѣла знаменитый вальсъ, передъ отраженіемъ на скалѣ своей тѣни. И какъ она пѣла его! Много разъ потомъ мнѣ приходилось слышать въ этихъ операхъ разныхъ „знаменитостей", но каждый разъ я выносилъ впечатлѣніе неудовлетворенности и вспоминалъ о Патти.

Любимыми ея аріями и романсами, которыми она поражала въ концертахъ, были: арія изъ „Сѣверной звѣзды" съ аккомпаниментомъ двухъ флейтъ, вальсъ Ардиди „Un baccio" романсъ Ротшильда „Si vous n'avez rien à me dire" и по русски: „Матушка голубушка" и Алабіевскій „Соловей". Что она творила въ этихъ произведеніяхъ, а особенно въ первомъ и послѣднемъ, не поддается никакому описанію, и тѣмъ, которымъ не привелось, какъ мнѣ, слышать ее въ теченіи семи сезоновъ подрядъ, никогда не понять того, что представляло изъ себя пѣніе этой волшебницы. Скажу только, что въ аріи изъ „Сѣверной звѣзды" она до того подражала игрѣ двухъ своихъ партнеровъ—извѣстныхъ флейтистовъ Чіарди и Пуни—,что, отвернувшись отъ сцены, нельзя было различить ея пѣнія отъ ихъ игры, а въ „Соловьѣ" она заливалась такими хроматическими гаммами вверхъ и внизъ и такими stoccati на верхнихъ нотахъ и невѣроятными трелями, что самъ пернатый „любимецъ и пѣвецъ авроры" могъ бы позавидовать ей. Я часто въ эти моменты наблюдалъ за нею въ бинокль и, признаюсь, не могъ постичь откуда выливаются эти мощные волшебные звуки,

такъ какъ была она небольшого роста, съ неособенно развитой грудью, пропорціональной шеей и съ нѣсколько рѣзкимъ разрѣзомъ рта. Она была брюнетка, но съ бѣлымъ красивымъ лбомъ и выразительными черными глазами. Какія бы невозможныя трудности она не продѣлывала въ своемъ пѣніи, выраженіе глазъ ея оставалось одинаково покойнымъ и веселымъ, словно она забавлялась, и только одна синяя жилка напрягалась на ея красивой шеѣ. Съ улыбкой на лицѣ, вертлявая, эта феноменальная пѣвица ни на минуту не давала опасаться за благополучный исходъ всѣхъ изумительныхъ фіоритуръ на верхнихъ нотахъ, которыми она засыпала какъ бисеромъ ошеломленнаго слушателя, и то боязливое чувство, которое испытывается зачастую во время пѣнія пѣвцовъ, когда кажется, что вотъ-вотъ не дотянетъ и сейчасъ сорвется—никогда и въ голову не приходило, слушая ее!

Я долго не могъ уговорить покойнаго отца моего послушать Патти. Мнѣ очень хотѣлось знать его мнѣніе на счетъ качества ея голоса въ сравненіи съ тѣми знаменитостями перваго періода Италіянской оперы въ Петербургѣ, которыхъ онъ слышалъ въ молодости и которыхъ всю свою жизнь не переставалъ вспоминать съ восторгомъ.

— Могу-ли я кого-нибудь слушать, говорилъ онъ, послѣ того, что я слышалъ Віардо, Гризи, Зонтагъ и такихъ великихъ пѣвцовъ, какими были Рубини, Маріо, Лаблашъ и Тамбурини!

Но однажды онъ сдался и пошелъ послушать Патти, и когда я спросилъ его потомъ, кто-же, по его мнѣнію, выше—Віардо или Патти? онъ отвѣтилъ мнѣ:

— Обѣ выше, но каждая въ своемъ родѣ—Віардо трогала до слезъ своимъ пѣніемъ, а эта чертовка сшибаетъ съ ногъ своими чудесами; такого голоса, какъ у Патти, конечно не было у Віардо.

Никогда не забуду того знаменательнаго въ жизни этой дивы спектакля, послѣ котораго она развелась съ супругомъ своимъ маркизомъ Ко и вышла замужъ за красавца Николини. Послѣдняго всѣ считали побочнымъ сыномъ Маріо. Шла опера „Ромео и Джуліетта". Государь и вся царская фамилія находились въ тотъ вечеръ въ Большомъ театрѣ, на мѣстѣ котораго нынѣ воздвигнуто зданіе Консер-

ваторіи съ безобразнымъ въ акустическомъ и архитектурномъ отношеніяхъ залой. Пѣли Патти и Николини, и какъ пѣли! Въ пѣніи и игрѣ ихъ отражалось ихъ тогдашнее настроеніе и никогда изображаемые герои драмы—Ромео и Джульетта—не имѣли такихъ реальныхъ и искреннихъ исполнителей, какъ въ этотъ вечеръ. Поцѣлуи ихъ и объятія не были, какъ полагается на сценѣ, фиктивными и шаблонными, а какъ нельзя болѣе дѣйствительными, что легко можно было замѣтить и безъ помощи бинокля. Не остались они незамѣченными и маркизомъ Ко, всегда занимавшемъ во время игры своей супруги одно изъ креселъ перваго ряда. Какъ ужаленный сорвался онъ съ своего мѣста и быстрыми шагами пробѣжалъ по партеру къ выходу. Публика недоумѣвала и не могла себѣ объяснить причину необычайной продолжительности послѣдовавшаго за тѣмъ антракта.

А причина была вотъ какая. Сорвавшись съ своего мѣста маркизъ Ко побѣжалъ за кулисы и съ поднятыми кулаками и ругательствами влетѣлъ въ уборную своей супруги. Не смущаясь его видомъ, Аделина-Джульетта, повелительнымъ жестомъ руки остановила его, и схвативъ со стола одну изъ своихъ брилліантовыхъ діадемъ, кинула ему ее со словами:

— Votre titre est payé!

И съ тѣхъ поръ она превратилась изъ маркизы Ко въ M-me Николини, чтобы потомъ бросить и второго мужа своего и выйти замужъ за Шведскаго барона Седерстрема—массажиста по профессіи.

Весь Петербургъ той славной эпохи искусства былъ поклонникомъ таланта великой Патти, хотя были и такіе, которые предпочитали ея пѣнію нѣжное и задушевное пѣніе Христины Нильсонъ, кардинальными партіями которой были: Офеліи въ оперѣ Амбруаза Тома „Гамлетъ" и Маргариты въ „Фаустѣ" Гуно.

Изъ числа поклонниковъ Патти выдѣлялся особенно одинъ своимъ постоянствомъ—это былъ престарѣлый Генералъ-Адъютантъ Баронъ Врангель, тотъ самый, о которомъ я упоминалъ на страницахъ моихъ, касающихся Симбирска. Повсюду гдѣ пѣла она, тамъ былъ и онъ. Она называла его „mon vieux papa" и, не стѣсняясь его присутствіемъ, репе-

тировала при немъ на дому свои партитуры. Репетировала же ихъ эта необыкновенная пѣвунья своеобразнымъ способомъ, а именно: она никогда не пѣла ихъ, а ходя по комнатѣ и держа въ рукахъ тетрадь нотъ, насвистывала.

Что касается насъ, молодежи, то мы выказывали ей наше почитаніе гдѣ и какъ могли. Такъ, напримѣръ, зная, что Патти часто совершаетъ свои прогулки въ Лѣтнемъ саду, мы отправлялись туда и, снимая шапки передъ Государемъ Александромъ Николаевичемъ, гулявшимъ тамъ ежедневно въ тѣ-же часы съ своимъ неизмѣннымъ спутникомъ чернымъ сетеромъ, дѣлали тоже, встрѣчаясь съ царицей пѣнія Аделиной, а однажды я довелъ мою смѣлость до того, что даже заговорилъ съ нею. Случилось это такъ:

Послѣ одного изъ блестящихъ утреннихъ концертовъ Патти, на которомъ я находился съ знакомыми дамами, дамы эти потребовали отъ меня, чтобы я провелъ ихъ къ актерскому подъѣзду, чтобы лучше разглядѣть несравненную диву. Когда мы прибыли къ этому подъѣзду, то увидѣли громадную толпу, уже поджидавшую Патти и окружавшую со всѣхъ сторонъ ея карету. Мнѣ удалось пробиться съ моими дамами сквозь эту толпу къ самой дверцѣ кареты, куда вскорѣ были вынесены камеристками Патти полученные ею букеты и корзины цвѣтовъ, а вслѣдъ за ними впорхнула въ нее и сама она, сопровождаемая своимъ Маркизомъ, поддерживавшимъ ея длинный шлейфъ. При ея появленіи вся площадь огласилась криками ура!, а мои дамы потребовали отъ меня, чтобы я выпросилъ у нея нѣсколько цвѣтовъ на память. Дѣлать было нечего—надо было повиноваться.

— Un peu de fleurs pour souvenir, Madame la Marquise! вымолвилъ я.

Весело улыбаясь, взяла она изъ рукъ одной изъ своихъ камеристокъ великолѣпный букетъ изъ ландышей и любезно протянула его мнѣ въ открытое окно каретной дверцы. Жадными руками схватилъ я этотъ драгоцѣнный даръ, но не успѣлъ сказать ей даже merci, какъ въ одинъ мигъ букетъ былъ растерзанъ сотнею рукъ и у меня остались на память лишь бумажная обвертка и проволочный остовъ его... Дамы мои были въ отчаяніи, я же запрятавъ подъ полой моего пальто драгоцѣнный остатокъ, долго хранилъ его и только не такъ давно, при переѣздахъ моихъ, гдѣ-то затерялъ.

Много лѣтъ спустя, а именно въ 1907 г., когда великая артистка уже совсѣмъ оставила сцену и поселилась въ Англіи, въ своемъ великолѣпномъ Валійскомъ замкѣ, мнѣ случилось быть на театральной выставкѣ въ Петербургѣ, устроенной въ бывшемъ Панаевскомъ театрѣ. Тамъ, въ витринѣ костюмовъ изъ архивныхъ театральныхъ складовъ, была выставлена, между прочими историческими костюмами прошлаго столѣтія, полинялая мантилька—фигаро пунцоваго бархата съ золотыми бубенчиками, подъ которой значилась надпись: Фигаро Патти въ роли Розины въ „Севильскомъ Цирюльникѣ“. Долго простоялъ я передъ этой вещицей, переживая рай сладкихъ воспоминаній о минувшемъ, унесшемъ годы моей молодости!...

Какъ за Аделиной Патти осталось навсегда наименованіе царицы пѣнія, такъ за Антономъ Рубинштейномъ, въ ту пору достигшемъ зенита своей музыкальной славы и не имѣвшемъ себѣ соперниковъ по фортепіанной игрѣ, установилось названіе царя этого инструмента. Достаточно было взглянуть на его львинную голову, напоминавшую Бетховенскую, чтобы признать въ немъ генія. Помнящіе игру Листа сравнивали ее съ Рубинштейновской, но я, не слышавшій творца знаменитой рапсодіи, могу утвердительно сказать, что всѣ слышанные мной музыкальные виртуозы, Таусигъ, Дрейшокъ, Розенауеръ, Ментеръ, Гофманъ, Ирина Энери и многое множество другихъ, послѣ игры великаго Антона, стушевывались и меркли какъ меркнутъ въ блескѣ своемъ звѣзды при восходѣ солнца. Впечатлѣніе отъ его игры было такое, какъ если бы фортепіано было случайно подставлено подъ его руки и служило ему лишь средствомъ къ выраженію его творческаго генія. Тѣ звуки, которые извлекалъ изъ клавишей этотъ удивительный виртуозъ были такъ-же поразительны и необычайны, какъ пѣніе Патти. Кода онъ ударялъ бывало своимъ толстымъ пальцемъ по одной какой нибудь клавишѣ и дѣлалъ на ней паузу, то она долго звенѣла и вибрировала подъ его давленіемъ словно далекое эхо, а когда онъ взмахивалъ рукой, то услѣдить за молніеносной быстротой его пассажа было невозможно—прямо хлещетъ по клавишамъ

какъ бичемъ, иначе я не могу сравнить его игру въ этомъ случаѣ. Но при всей поразительной техникѣ его игры, отличавшейся съ одной стороны головокружительной быстротой, съ другой необычайной мягкостью и выразительностью, ему зачастую случалось задѣвать неположенныя ноты, чему ни онъ самъ, ни слушавшіе его, не придавали никакого значенія, поглощенные всецѣло геніальнымъ творчествомъ его исполненія. Вспоминается мнѣ между прочимъ разсказъ Одесскаго фортепіаниста Фельдау, весьма остроумнаго разсказчика музыкальныхъ анекдотовъ, пользовавшагося расположеніемъ Рубинштейна.

„Когда пріѣзжалъ великій Антонъ въ Одессу, разсказывалъ мнѣ Фельдау, то я, мелкая сошка, просилъ его разрѣшенія перевертывать ему страницы нотъ во время его игры на репетиціяхъ, что случалось очень рѣдко, такъ какъ онъ почти всегда игралъ наизусть, но всякій разъ, когда мы садились съ нимъ рядомъ за рояль, онъ смѣясь, говорилъ мнѣ по нѣмецки:

— Nun, lieber Feldau jetzt greifen sie alle meine falshen Noten auf, vielleicht werden sie ihnen zu was nützen“!

Свои Петербургскіе концерты Рубинштейнъ давалъ большею частію въ залѣ Дворянскаго собранія. Какъ теперь вижу его фигуру съ наклоненною могучею волосатою головой надъ фортепіанами, по которымъ ходятъ толстые и короткіе пальцы его широкихъ рукъ, издавая то громоносные, то волшебно-мягкіе звуки, при затаенной тишинѣ слушателей. Что такое былъ Бетховенъ или Шопенъ въ его исполненіи, можетъ понять только тотъ, кто слышалъ Рубинштейна хоть разъ въ жизни. Эстрада, на которой онъ игралъ, была обыкновенно переполнена учениками и ученицами Консерваторіи, въ нѣмомъ благоговѣніи слѣдившими не только за игрой, но за каждымъ движеніемъ своего геніальнаго Директора и Учредителя. Когда же онъ, весь раскраснѣвшійся, проходилъ черезъ ихъ ряды во время антрактовъ, обтирая платкомъ катившіяся по его лицу капли пота, наэкзалтированныя ученицы хватали его руки и цѣловали ихъ. Я зналъ одну фанатичку, которая будучи сама прекрасной музыкантшей, бросила вовсе играть на рояли и никогда къ нему не подходила, находя, что послѣ игры Ру-

бинштейна было бы профанацией искусства, если бы она стала потѣшать слушателей своей жалкой игрой...

Коснувшись фортепіанистовъ. я не могу обойти молчаніемъ и слышанныхъ мной скрипичныхъ виртуозовъ. Вотъ имена ихъ: Венявскій, Конскій, сестры Неруды, Лаубе, Іохимъ, Олебуль, Сарасате, Томсонъ, Кубеликъ, Ауеръ и много другихъ менѣе извѣстныхъ чародѣевъ. И когда я, перебирая имена этихъ славныхъ артистовъ, задаю себѣ вопросъ—кто изъ нихъ произвелъ на меня своимъ волшебнымъ смычкомъ наибольшее впечатлѣніе?—то передомной невольно выплываетъ фигура незабвеннаго Венявскаго, пѣвучій смычекъ и задушевная игра котораго оставили во мнѣ неизгладимое впечатлѣніе, осилившее впечатлѣніе отъ игры всѣхъ остальныхъ. Бѣдный Венявскій! Онъ умеръ въ Москвѣ въ сильныхъ страданіяхъ. Онъ умеръ... „И звукъ внезапно струны оборветъ, и слышится начало пѣсни, но напрасно... никто конца ея не допоетъ!“...

Резюмируя свои театральныя и музыкальныя впечатлѣнія, я, подражая Шатобріану, скажу: я слышалъ Патти, Маріо и Тамберлика, Антона Рубинштейна и Іосифа Венявскаго, видѣлъ Щепкина, Шумскаго, Садовскаго, Самойлова и Росси во многихъ роляхъ ихъ репертуара, Ристори въ „Маріи Стюартъ“ и Ѳедотову въ „Грозѣ“ и ни въ музыкальномъ искусствѣ, ни въ драматическомъ, меня болѣе ничто уже не поразитъ, ни на русской сценѣ, ни на иностранной!

Упоминая о залѣ дворянскаго собранія, я долженъ сказать, что въ ея стѣнахъ мнѣ пришлось видѣть также и многихъ коронованныхъ и историческихъ личностей.

Если не ошибаюсь, то первымъ, кого пришлось мнѣ видѣть въ этой залѣ изъ властителей міра, былъ Шахъ Персидскій Насръ-Эдинъ. Никогда не выѣзжавшіе до того изъ своихъ владѣній владыки Ирана представляли изъ себя таинственныхъ сфинксовъ, по этому впервые нарушившій завѣтный обычай Насръ-Эдинъ—шахъ возбудилъ къ себѣ большое любопытство. По пути своего маршрута по Европѣ, онъ прибылъ прежде всего въ Россію.

Не имѣя до объѣзда Европейскихъ Дворовъ никакого представленія объ этикетѣ и обычаяхъ культурныхъ странъ, шахъ на первыхъ порахъ путался въ своихъ привычкахъ и подчасъ выкидывалъ разныя несуразности. Такъ, на томъ самомъ балу, на которомъ я его видѣлъ въ залѣ дворянскаго собранія, онъ, противъ правилъ этикета, заставилъ Императора Александра II ждать себя, запоздавъ, какъ говорили, съ совершеніемъ своего намаза. Но за то, когда они оба появились въ царской ложѣ, то дамы, позабывъ приличіе, впились глазами въ... бриллiанты, которыми былъ осыпанъ черный кафтанъ, эполеты и феска шаха съ стоячимъ султаномъ. Такого милліоннаго богатства на костюмѣ одного человѣка еще никто никогда не видывалъ. Словно никого не замѣчая, Насръ-Эдинъ съ восточнымъ равнодушіемъ вперилъ свои стеклянные глаза въ пространство и только изрѣдка переводилъ ихъ на Всероссійскаго Императора, прислушиваясь къ его словамъ. Лакей въ придворной ливреѣ подалъ имъ на серебрянномъ подносѣ два блюдечка съ мороженнымъ. Азіатскій монархъ подозвалъ къ себѣ своего великаго визиря и, посовѣтовавшись съ нимъ, взялъ поднесенное ему угощеніе. Надо знать, что персидскому „Царю-Царей“ не подобаетъ ѣсть публично и такое отступленіе отъ законовъ шаріата было впервые нарушено его главнымъ носителемъ на глазахъ Петербургской публики.

Въ Москвѣ, гдѣ въ честь шаха данъ былъ тогдашнимъ Генералъ-Губернаторомъ Княземъ Долгорукимъ великолѣпный балъ, Насръ-Эдинъ отличился въ иномъ родѣ. Вовремя представленія ему присутствующихъ на балу дамъ, его поразила своею уродливостью старая фрейлина Княжна Ч—ая. Ни мало не стѣсняясь, онъ высказалъ это ей на своемъ ломанномъ французскомъ языкѣ въ такой формѣ:

— Pourquoi venir bal? Vieille, laide!..

Въ 1872 году прибылъ въ Петербургъ для свиданія съ своимъ племянникомъ Александромъ II, первый Императоръ Германской Имперіи, король Прусскій—Вильгельмъ I. Онъ пріѣхалъ въ сопровожденіи главныхъ своихъ сотрудниковъ—Бисмарка и Мольтке. На границѣ, гдѣ ему приходилось переодѣться въ русскую генеральскую форму, Вильгельмъ

категорически отказался облечься въ красные штаны съ золотыми лампасами, заимствованные у французовъ. Красные французскіе штаны были тотчасъ отмѣнены у нашихъ генераловъ и замѣнены болѣе скромными прусскими.

Всѣхъ трехъ героевъ войны и кумировъ Германіи я видѣлъ въ той-же залѣ Дворянскаго собранія. Какъ два столба стояли за своимъ монархомъ знаменитый канцлеръ въ своей исторической кирасирской формѣ, оглядывавшій всѣхъ своими суровыми глазами изъ подъ нависшихъ бровей, и знаменитый безусый стратегъ въ желтомъ парикѣ съ остывшимъ, флегматичнымъ и морщинистымъ лицомъ. Когда потомъ они оба спустились изъ царской ложи и въ сопровожденіи графа Шувалова стали прохаживаться между танцующими, то вокругъ нихъ образовалась цѣлая толпа разряженныхъ дамъ и кавалеровъ, старавшихъ уловить на лету какую-нибудь фразу изъ устъ этихъ Пифіевъ XIX столѣтія.

За ними мнѣ пришлось видѣть тамъ-же Императора Австрійскаго Франца-Іосифа съ его знаменитымъ министромъ графомъ Андраши, въ великолѣпномъ венгерскомъ костюмѣ; Короля Шведскаго Оскара II и двухъ замѣчательныхъ красавцевъ—Князя Болгарскаго Александра Батенбергскаго и Донъ-Карлоса Бурбонскаго, претендента на Испанскій престолъ. Какая была цѣль пріѣзда послѣдняго въ далекую Россію, мнѣ неизвѣстно. Гораздо уже позднѣй, сынъ его, принцъ Хайме Бурбонскій, поступилъ къ намъ на службу въ Астраханскій Драгунскій, нынѣ Гусарскій, полкъ, квартировавшій въ Тирасполѣ. Какъ его, такъ и другого экспатріированнаго скитальца, принца Наполеона Бонапарта, служившаго въ нашей арміи сначала на Кавказѣ, а потомъ въ Петербургѣ, мнѣ не разъ приходилось встрѣчать въ Одесскомъ обществѣ. Имъ обоимъ посчастливилось въ Россіи и они уѣхали изъ нея—послѣдній въ чинѣ генералъ-лейтенанта и съ лентой Андрея Первозваннаго, а первый, хотя и въ малыхъ чинахъ, но за то съ солидной суммой въ двѣсти тысячъ, полученной имъ отъ павшаго на его билетъ главнаго выигрыша.

Я уже говорилъ въ своемъ мѣстѣ о личномъ знакомствѣ моемъ съ сослуживцами моими поэтами Тютчевымъ, Майковымъ, Полонскимъ и Лишинымъ, но кромѣ того, мнѣ приходилось встрѣчаться со многими писателями и журналистами того времени какъ по службѣ моей въ цензурномъ вѣдомствѣ, такъ и на еженедѣльныхъ вечерахъ у давнишняго знакомаго моего Карновича, извѣстнаго своими превосходными историческими монографіями, романами и повѣстями, какъ напримѣръ: „Самозванныя дѣти", „Любовь и корона", „Придворное кружево" и проч.

Покойнаго Евгенія Петровича я зналъ еще въ Вильнѣ, гдѣ онъ занималъ должность правителя Канцеляріи Попечителя учебнаго округа. Въ послѣдніе годы царствованія Николая I обязанность Попечителя, какъ извѣстно, была соединена съ Генералъ-Губернаторской должностью и такой двойной постъ въ Вильнѣ занималъ Генералъ-Адъютантъ Илья Гавриловичъ Бибиковъ, братъ Кіевскаго Генералъ-Губернатора Дмитрія Гавриловича, впослѣдствіи Министра внутреннихъ дѣлъ. Но между двумя братьями была существенная разница: на сколько послѣдній былъ уменъ, на столько первый отличался своей заносчивостью. Мало того, онъ былъ безграмотенъ и, напримѣръ, имя свое писалъ *Иля*. По этому поводу Евг. Пет. разсказывалъ мнѣ много пикантныхъ анекдотовъ.

— Когда я бывало докладывалъ ему поступившія изъ округа бумаги, и ему приходилось класть на нихъ резолюціи своей рукой, разсказывалъ между прочимъ бывшій Правитель Канцеляріи этого своеобразнаго Попечителя *учебнаго* округа, онъ пыхтѣлъ затрудняясь, гдѣ поставить букву *ѣ* и гдѣ букву *е*.

— Какъ вы полагаете, обращался онъ ко мнѣ въ такія трудныя минуты съ вопросомъ,—здѣсь пишется *ѣ*, или *е*.?

— Какъ угодно будетъ Вашему Высокопревосходительству, отвѣчалъ я обыкновенно со скромностью подчиненнаго на такіе щекотливые начальническіе вопросы его, но обыкновенно принято писать въ такихъ случаяхъ такую то букву...

Слѣдуетъ замѣтить, что покойный Е. П. Карновичъ былъ большой мастеръ разсказывать подобнаго рода *историческіе* анекдоты, заставляя пріятелей своихъ отъ души

хохотать на своихъ вечеринкахъ, душой которыхъ была всегда его гостепріимная супруга изъ Виленскихъ полекъ. Онъ скончался въ Петербургѣ 25-го октября 1885 года и погребенъ въ Александро-Невской лаврѣ.

Изъ цѣлой плеяды именъ композиторовъ и писателей, жившихъ въ царствованіе Александра II, мнѣ довелось встрѣчаться и видѣть, хотя и не быть лично знакомымъ, съ слѣдующими: Сѣровымъ, Чайковскимъ, Достоевскимъ, Гончаровымъ, служившимъ въ цензурѣ до меня еще въ Петербургѣ, Апухтинымъ, Розенгеймомъ, Семевскимъ, съ которымъ я впрочемъ имѣлъ личныя сношенія и переписку по поводу помѣщенныхъ въ издаваемомъ имъ журналѣ „Русской Старины" статей моихъ, и Тургеневымъ. На воспроизведеніи здѣсь статьи моей о И. С. Тургеневѣ, напечатанной въ годъ смерти великаго писателя („Русская Старина", Ноябрь 1883 года), я и закончу эти строки моихъ отрывочныхъ воспоминаній о незабвенной эпохѣ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія царствованія Великаго Царя Освободителя и Реформатора.

И. С. Тургеневъ и Князь А. М. Горчаковъ въ 1876 г.

Кончина великаго человѣка вызываетъ обыкновенно въ печати массу разнородныхъ о немъ воспоминаній, и въ этой массѣ, на ряду съ крупнымъ матеріаломъ, посвященнымъ его свѣтлой памяти, появляется, какъ и всегда, и мелкій. Приношу въ послѣдующемъ небольшомъ разсказѣ моемъ объ эпизодѣ одной встрѣчи изъ жизни незабвеннаго Ивана Сергѣевича Тургенева благоговѣйную дань своего скромнаго о немъ воспоминанія.

То, что я намѣренъ здѣсь разсказать, происходило въ Петергофѣ, въ лѣтнюю пору 1876 года. Чудный вечеръ, рѣдко выпадающій на долю окрестностей нашей сѣверной столицы, стоялъ на сей разъ надъ Петергофомъ и, какъ-бы нехотя замедляя переходъ свой къ темной ночи, окрылялъ его своими легкими и прозрачными тѣнями. Масса гуляющей публики наполняла всѣ аллеи вѣковаго парка, а по главнымъ аллеямъ тянулись нескончаемые ряды разновидныхъ щегольскихъ экипажей, между которыми замѣтно выдѣлялись

ливреи придворныхъ и царской фамиліи. Два превосходныхъ оркестра военной музыки, сливаясь звуками своихъ мелодій съ плескомъ и журчаніемъ безчисленныхъ фонтановъ, довершали эффектъ этой поистинѣ восхитительной картины, унося мечтой въ область фантастическихъ сказокъ тысячи и одной ночи, а пестрый колоритъ движущейся толпы, оживленный говоръ ея и веселый смѣхъ проносившихся кавалькадъ—придавали всему отпечатокъ непринужденнаго веселія и праздничнаго настроенія... Вотъ прослѣдовалъ и покойный Государь въ открытомъ экипажѣ, съ любимой своей собакой у ногъ—извѣстнымъ всѣмъ сетеромъ Милордомъ—и долго еще мелькала, постепенно удаляясь въ перспективѣ аллеи, его бѣлая фуражка, среди обнаженныхъ головъ и сторонящихся экипажей... Я свернулъ въ сторону и направился къ Монплезиру. Здѣсь, усѣвшись на одну изъ скамеекъ выступающей въ море мраморной террассы и окинувъ взглядомъ своихъ сосѣдей, я замѣтилъ неподалеку отъ себя небольшую группу людей, окружавшую сидѣвшаго на боковой скамейкѣ старичка въ золотыхъ очкахъ. Старичекъ этотъ былъ никто иной, какъ покойный канцлеръ Россійской имперіи, князь Александръ Михайловичъ Горчаковъ. Тотъ, кому не доводилось видѣть его, не могъ бы, кажется, заподозрить въ этомъ безмятежно улыбающемся и мирно бесѣдующемъ старичкѣ того самаго государственнаго человѣка, на котораго въ ту минуту были обращены тревожные взоры всей Европы и въ головѣ котораго умѣщалась превеликая забота о разрѣшеніи неразрѣшаемой столько вѣковъ проблемѣ, именуемой восточнымъ вопросомъ,—этомъ вѣчномъ гордіевѣ узлѣ дипломатіи!... Но вотъ кто-то изъ собесѣдниковъ канцлера удалился и вскорѣ вновь, поспѣшно возвратясь на террасу, подошелъ къ нему и сказалъ:

— «Mon prince, Tourgenew est ici,—il veut vous parler».

Не успѣлъ онъ вымолвить этихъ словъ, какъ изъ-за угла показался и вступилъ на террасу бѣлобородый старикъ, высокаго роста, въ которомъ, конечно, я сразу узналъ незабвеннаго Ивана Сергѣевича, хотя до того мнѣ никогда не случалось его видѣть. Почтительно и далеко не доходя еще до Кн. А. М. Горчакова, приподнялъ онъ свою шляпу и, подвигаясь на встрѣчу протянутымъ ему рукамъ князя, улыбался своими впалыми и умными глазами. Маститые

старцы поцѣловались. Заходящее за моремъ солнце освѣтило въ ту минуту фигуры этихъ двухъ знаменитыхъ людей лучшей эпохи минувшаго царствованія и послѣдніе лучи его позолотили матовымъ ореоломъ эти двѣ серебрящіяся сѣдинами головы... Я оглянулся на присутствующихъ, нечаянныхъ, какъ и я, зрителей этой любопытной сцены, и по общему выраженію лицъ и глазъ, устремленныхъ на эту группу, замѣтилъ, что всѣ понимали и находились подъ одинаковымъ со мной обаяніемъ ея.

— «На долго-ли вы къ намъ прибыли?» послышался первый вопросъ Горчакова и маститый государственный дѣятель, взявъ подъ руку геніальнаго поэта, зашагалъ съ нимъ медленно взадъ и впередъ по террасѣ.

— «Я нахожусь проѣздомъ въ Петербургѣ, возвращаюсь изъ своей Орловской деревни», или ѣду туда,—хорошо не припомню какъ именно сказалъ Тургеневъ, но, при первыхъ же звукахъ его голоса, я былъ удивленъ теноральною мягкостью его тембра, далеко не гармонирующаго съ массивною фигурою Ивана Сергѣевича.

— «Чѣмъ новымъ подарите вы насъ въ эту зиму?» послѣдовалъ снова вопросъ князя. Разговоръ, надо замѣтить, велся на французскомъ языкѣ.

— «Я готовлю повѣсть подъ заглавіемъ «Новь», печатаніе которой и заставитъ меня прибыть еще разъ въ Россію въ этомъ году, зимой, и тогда я надѣюсь пробыть здѣсь подольше».

Дальнѣйшій затѣмъ разговоръ, къ сожалѣнію, уже не такъ ясно доходилъ до посторонняго слуха, но онъ, очевидно, перешелъ на ту тему, которая въ то время занимала всѣхъ, а именно, на тему о предстоящей войнѣ за свободу славянскихъ племенъ, такъ какъ въ заключеніи его, при прощаніи. снова явственно послышались слова автора «Накануне», сказавшаго, пожимая руку канцлера:

— «Дай Богъ, чтобы къ будущему пріѣзду моему всѣ надвинувшіяся на политическомъ горизонтѣ тучи были разсѣяны вашей опытной рукой и чтобы я уже болѣе не засталъ васъ столь озабоченнымъ, но спокойнымъ и вполнѣ здоровымъ».

На этомъ сердечномъ пожеланіи Ивана Сергѣевича закончилось случайное свиданіе участвовавшихъ въ немъ лицъ,

уже обоихъ отошедшихъ теперь въ вѣчность, и... не могу я подыскать болѣе умѣстнаго окончанія своему слабому описанію этого эпизода, какъ помянувъ незамѣнимаго утраченнаго Россіей геніальнаго поэта приложеніемъ къ нему его же словъ о Пушкинѣ:

„Пушкинъ", говоритъ Тургеневъ въ своихъ литературныхъ воспоминаніяхъ, описывая свою встрѣчу съ Пушкинымъ, „былъ въ ту эпоху для меня, какъ и для многихъ моихъ сверстниковъ, чѣмъ-то въ родѣ полубога. Мы дѣйствительно поклонялись ему". И далѣе: „намъ нуженъ былъ вождь", и еще: „мы не стыдились нашего идола и нашего поклоненія, а напротивъ, гордились и тѣмъ, и другимъ"...

Тургеневъ, скажемъ и мы въ свой чередъ надъ свѣжею его могилою, былъ для насъ никѣмъ другимъ, какъ тѣмъ-же Пушкинымъ нашей эпохи, идоломъ и полубогомъ нашего поколѣнія, нашимъ вождемъ, и не стало болѣе у насъ нашей гордыни, нашей славы и померкла русская мысль надолго, до вожделѣннаго восхода новаго свѣтила!..

XIII.

1880—1881 г.г.

Шестой Начальникъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати Гофмейстеръ и Сенаторъ Н. С. Абаза. Предложеніе его мнѣ ѣхать въ Одессу. Братья Д. и М. Нагловскіе. Дядя мой К. Д. Есаковъ. Сенаторъ А. О. Россетъ и его сестра А. О. Смирнова. В. С. Адикаевскій и мое согласіе на назначеніе въ Одессу. Князь П. П. Вяземскій и его продѣлка съ моимъ двоюроднымъ братомъ, Московскимъ цензоромъ Н. В. Егоровымъ, по поводу дозволенной послѣднимъ каррикатуры о мопсѣ, и проч.

Въ началѣ февраля 1881 года я получилъ повѣстку изъ Канцеляріи Главнаго Управленія по дѣламъ печати съ приглашеніемъ явиться къ Начальнику этого Управленія Гофмейстеру Н. С. Абазѣ, занявшему въ 1879 г. эту должность послѣ Григорьева.

Прибывъ въ указанное мнѣ время, я велѣлъ курьеру доложить о моемъ приходѣ и тотчасъ былъ принятъ Николаемъ Савичемъ въ хорошо знакомомъ мнѣ кабинетѣ, гдѣ столько разъ приходилось мнѣ бывать въ теченіи моей многолѣтней службы въ цензурномъ вѣдомствѣ и выслушивать всякаго рода инструкціи и наставленія отъ бывшихъ при мнѣ двѣнадцати главныхъ начальниковъ моихъ.

Всегда корректный и внимательный къ своимъ подчиненнымъ, Н. С. съ мѣста задалъ мнѣ неожиданный вопросъ,— не пожелаю-ли прокатиться въ провинцію? Свой неожиданный вопросъ онъ пояснилъ предложеніемъ мнѣ занять мѣсто Предсѣдательствующаго Старшаго Цензора Комитета иностранной цензуры и Временнаго присутствія по внутренней цензурѣ въ Одессѣ.

Какъ не лестно было мнѣ такое предложеніе, значительно выдвигавшее меня по службѣ и ставящее сразу въ

положеніе начальника отдѣльной части, я, тѣмъ не менѣе, попробовалъ было заикнуться о Москвѣ, гдѣ какъ разъ въ то время открылась вакансія отдѣльнаго цензора иностранной цензуры, кругъ дѣятельности котораго былъ хорошо мнѣ знакомъ по начальной службѣ моей въ Бѣлокаменной. Но Н. С. не далъ мнѣ договорить.

— Москва! Да знаете-ли вы что такое Одесса, что такое югъ, что такое Черное море? И сравнивая жизнь на югѣ, въ Одессѣ, и отдавая ей предпочтеніе передъ суровой по климату Москвой, онъ указалъ мнѣ и на огромную разницу въ служебномъ положеніи предлагаемаго мнѣ назначенія.

Впослѣдствіи я узналъ, что Н. С. Абаза, будучи по образованію своему естественникомъ и медикомъ, былъ горячимъ поклонникомъ нашей южной природы, имѣя на Кавказскомъ побережьи Чернаго моря великолѣпную виллу, а когда онъ былъ назначенъ Членомъ Государственнаго Совѣта, то ему, по Высочайшему повелѣнію, было поручено общее наблюденіе за культурой и развитіемъ всей побережной полосы Черноморской губерніи и въ особенности новонасажденныхъ чайныхъ плантацій около Батума.

Несмотря на настойчивые доводы Н. С., я все-таки колебался и испросилъ у него три дня на размышленіе передъ тѣмъ, чтобы дать ему мой окончательный отвѣтъ. Въ смыслѣ карьеры, я конечно не могъ не сознавать, что съ назначеніемъ въ Одессу я дѣлаю значительный скачекъ по службѣ, но втянувшись въ столичную жизнь и имѣя въ Петербургѣ родныхъ, много добрыхъ знакомыхъ и друзей, я не безъ сокрушенія думалъ о разставаніи съ сѣверной Пальмирой и о промѣнѣ ея на Южную Пальмиру—Одессу, извѣстную мнѣ только по роману Полонскаго „Дешевый городъ". Но надо было рѣшить, и я зналъ, что часто тотъ не имѣетъ успѣха въ жизни и терпитъ неудачу, который не умѣетъ дѣйствовать быстро и рѣшительно въ затруднительные моменты. Не знаю къ какому рѣшенію привели бы меня мои колебанія на этотъ счетъ, если-бы одна нечаянная встрѣча не положила имъ конецъ въ пользу Одессы.

Проходя въ одинъ изъ трехъ данныхъ мнѣ на размышленіе льготныхъ дней по Невскому, я повстрѣчался на немъ съ давнишнимъ знакомымъ моимъ генераломъ Нагловскимъ, о которомъ упоминалъ вскользь въ предыдущихъ

главахъ, и эта встрѣча рѣшила мою судьбу. Но прежде чѣмъ говорить объ этомъ, я долженъ удѣлить нѣсколько строкъ знакомству моему съ нимъ.

Братьевъ Нагловскихъ—Модеста и Дмитрія Станиславичей,—я зналъ еще въ дѣтствѣ. Мы съ покойнымъ братомъ Всеволодомъ поступили въ 1-й классъ Виленской Гимназіи, когда они оба оканчивали въ ней курсъ. Наши родители были очень дружны между собою. Отецъ ихъ, Станиславъ Антоновичъ, былъ обрусѣлый полякъ, а мать, урожденная Леонтьева, была родомъ изъ Казани и воспитала своихъ сыновей въ совершенно русскомъ и строго православномъ духѣ. Молодые люди были во всѣхъ отношеніяхъ прекрасные и я помню очень хорошо, что наша незабвенная мать не разъ указывала намъ на нихъ, какъ на образецъ и говорила, что она была бы счастлива, если бы мы во всемъ на нихъ походили. Они репетировали съ нами наши уроки, такъ какъ матеріальное положеніе ихъ родителей было не изъ завидныхъ. Вскорѣ однако оно улучшилось. Отецъ ихъ, по рекомендаціи моего отца, получилъ мѣсто Правителя Канцеляріи при Виленскомъ Гражданскомъ Губернаторѣ Аркадіи Осиповичѣ Россетѣ, товарищѣ по гвардейской конной Артиллеріи дяди моего, старшаго брата моей матери, Константина Дмитріевича Есакова, извѣстнаго въ свое время красавца, умершаго въ сороковыхъ годахъ отъ холеры въ Петербургѣ и похороненнаго въ Сергіевской пустынѣ, въ склепѣ Князей Юсуповыхъ. Похороненъ онъ тамъ по той причинѣ, что былъ нареченнымъ женихомъ вдовы княгини Зинаиды Юсуповой, урожденной Нарышкиной, построившей для него извѣстный палаццо свой на Литейной, и вышедшей послѣ его смерти замужъ за Графа Шово-Маркиза де Серръ, титулы которому она купила. Что же касается А. О. Россета, впослѣдствіи Сенатора, то онъ былъ родной братъ извѣстной своей дружбой съ Пушкинымъ Александры Осиповны Смирновой, урожденной Россетъ, которой послѣдній посвятилъ свои стихи: *„Въ тревогѣ пестрой и безплодной“*, *„Она мила, скажу межъ нами“*; а Лермонтовъ—*„Безъ васъ хочу сказать вамъ много“*. Эта замѣчательная своимъ умомъ и красотой женщина играла, какъ извѣстно, въ свое время, а именно въ эпоху возрожденія русской литературы, такую же роль, какъ когда-то г-жа Рекамье во Франціи. Въ ея салонахъ

можно было встрѣтить всѣхъ нашихъ знаменитостей того періода времени и со многими изъ нихъ она была въ наилучшихъ отношеніяхъ, о чемъ свидѣтельствуютъ не такъ давно напечатанныя записки ея.

Но возвращаюсь къ прерванному.

Во время встрѣчи нашей на Невскомъ съ Дмитріемъ Станиславичемъ Нагловскимъ, ни его родителей, ни его старшаго брата Модеста не было уже въ живыхъ. Послѣдній умеръ еще будучи студентомъ Казанскаго Университета. Самъ-же Д. С. былъ тогда уже генераломъ и кавалеромъ Георгія на шеѣ, прославившись въ качествѣ Начальника Штаба арміи генерала, впослѣдствіи Фельдмаршала, І. В. Гурко въ Турецкую войну 1877 г. за освобожденіе славянъ. Когда я ему разсказалъ о сдѣланномъ мнѣ предложеніи и попросилъ его, какъ знающаго Одессу, сказать мнѣ свое мнѣніе на этотъ счетъ, онъ чуть не съ негодованіемъ воскликнулъ:

— Какъ, вы еще спрашиваете что вамъ дѣлать?! Помилуйте, да тутъ не можетъ быть двухъ мнѣній: Петербургъ—болото, а Одесса—одна прелесть:—солнце, море, югъ! Совѣтую вамъ отъ души тотчасъ принять назначеніе и бѣжать отсюда поскорѣе къ берегамъ Чернаго моря. И..., подобно Абазѣ, сталъ описывать мнѣ всѣ преимущества жизни на югѣ, въ нашей культурной Южной Пальмирѣ.

Когда на другой день послѣ этого разговора, я явился къ Н. С. Абазѣ и заявилъ ему о моей готовности принять сдѣланное имъ мнѣ предложеніе, онъ чуть не обнялъ меня, а поджидавшій въ пріемной результата моей аудіенціи Адикаевскій, постоянно твердившій, что стоитъ только свистнуть и явятся отовсюду лица, желающія занять цензорскія должности, кинулся въ канцелярію и велѣлъ немедленно заготовить представленіе Министру о моемъ назначеніи, выдавъ такой поспѣшностью своей себя и избитую фразу свою о легкости пріисканія людей на цензорскія должности. Впослѣдствіи, однако, у мѣста сказать, Главное Управленіе по дѣламъ печати не разъ доказывало своею неразборчивостью возможность замѣщенія цензорскихъ мѣстъ лицами дѣйствительно „по свисту“, нисколько не соотвѣтствующими своему назначенію, какъ это будетъ видно далѣе на страницахъ моихъ воспоминаній.

Неожиданное для всѣхъ, а всего болѣе для меня самаго, назначеніе мое, произвело нѣкоторую сенсацію во всемъ вѣдомствѣ, но болѣе всего былъ озадаченъ этимъ мой ближайшій начальникъ, Предсѣдатель Центральнаго Комитета иностранной цензуры, Князь Вяземскій. Онъ никакъ не могъ допустить, чтобы помимо согласія его и одобренія можно было выдвинуть его подчиненнаго сразу на такой видный постъ, миновавъ даже установленныя служебныя градаціи. По этому, когда я явился къ нему и объявилъ о послѣдовавшемъ уже назначеніи моемъ въ Одессу, онъ изъ подлобія взглянулъ на меня и угрюмо замѣтилъ:

— Не поздравляю васъ съ этимъ назначеніемъ; тамъ творятся невозможныя дѣла и вамъ придется расхлебывать порядочную кашу!..

О томъ, что въ Одессѣ творилось нѣчто неладное въ цензурѣ, я зналъ и безъ князя Вяземскаго, но злорадство его показало мнѣ, что онъ не проститъ мнѣ мой невольный обходъ его какъ начальника, и что при случаѣ онъ за это отомститъ. Опасенія мои на этотъ счетъ были небезосновательно обоснованными, имѣя въ своемъ прошломъ многіе извѣстные мнѣ факты, свидѣтельствующіе о недоброжелательномъ отношеніи къ своимъ подчиненнымъ этого человѣка.

Будучи сыномъ извѣстнаго поэта, современника Пушкина, Князь П. П. Вяземскій не унаслѣдовалъ таланта своего отца, хотя по грузной высокой фигурѣ и огромной головѣ съ вьющимися сѣдыми волосами, напоминалъ другого современнаго намъ весьма популярнаго поэта П. В. Шумахера, сатирика и оригинала, столь часто встрѣчавшагося на улицахъ Петербурга въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, а нынѣ почему-то забытаго. Всегда съ моноклемъ въ глазу, въ поношенномъ, испачканномъ слѣдами ѣды сюртукѣ и съ комкомъ воска, нервно перекатываемымъ имъ въ пальцахъ съ огромными ногтями, Кн. Вяземскій представлялъ изъ себя типъ боярина временъ Іоанна Грознаго, и Маковскій, какъ говорятъ, воспользовался массивной и тяжеловѣсной фигурой его для воспроизведенія одного изъ пирующихъ бояръ на извѣстной картинѣ своей „Свадьба въ боярскомъ домѣ". Съ виду участливый, Кн. Вяземскій производилъ впечатлѣніе добродушнаго простака, на самомъ

же дѣлѣ въ немъ отсутствовало то мягкосердечіе, которое составляетъ отличительную черту характера русскаго человѣка. Для характеристики его приведу одинъ эпизодъ, разразившійся надъ моимъ двоюроднымъ братомъ Н. В. Егоровымъ, цензоромъ Московскаго цензурнаго Комитета. Это было уже позднѣй, а именно въ эпоху когда кн. Вяземскій занималъ должность Начальника Главнаго Управленіе по дѣламъ печати.

На разрѣшеніе Московской цензуры представлена была однимъ изъ мѣстныхъ юмористическихъ журналовъ каррикатура, на которой былъ изображенъ мопсъ, а надъ нимъ летающая муха, недававшая ему покоя и заставившая его подъ конецъ укрыться въ его собачью конуру отъ ея назойливыхъ жужжаній и укусовъ. „Мопсъ съ мухой" были изображены въ разныхъ комическихъ положеніяхъ, вызывавшихъ невольную улыбку. Ни мало не затрудняясь Н. В. подписалъ эту каррикатуру и вскорѣ она появилась въ журалѣ. Не прошло нѣсколько дней, какъ получается телеграмма изъ Петербурга на имя Предсѣдателя Московскаго Комитета съ запросомъ—кѣмъ изъ цензоровъ была пропущена въ такомъ-то журналѣ описанная каррикатура? На послѣдовавшій отвѣтъ съ указаніемъ на дозволившаго ее цензора, получилась вторая телеграмма за подписью кн. Вяземскаго съ предложеніемъ моему двоюродному брату подать въ отставку.

Нечего и говорить, что такого рода предложеніе сильно ошеломило Н. В. Е—ва и произвело не малый переполохъ во всемъ составѣ служащихъ Московскаго Цензурнаго Комитета. Никто не могъ объяснить себѣ причину суровой кары и какъ ни ломали себѣ головы г.г. Цензора, они не могли домыслиться до состава преступленія, скрываемаго въ пропускѣ столь невинной по содержанію своему каррикатуры. „Преступный цензоръ" рѣшился наконецъ поѣхать въ Петербургъ и лично узнать свою вину. Является къ Его Сіятельству.

— Какъ могли вы дозволить подобную каррикатуру и неужели вы не знали кого она изображаетъ и о комъ въ ней идетъ рѣчь? встрѣчаетъ Кн. Вяземскій провинившагося, и когда тотъ заявилъ ему, что онъ не понимаетъ въ чемъ его

обвиняютъ, то объявляетъ ему, что за пропускъ этой каррикатуры онъ можетъ сильно поплатиться.

Пораженный этими словами Н. В. Е—овъ проситъ объяснить ему значенie загадочной каррикатуры и получаетъ наконецъ разъясненie ея:

— Муха—это социалисты, будка—Гатчино, а остальное—само собою-де понимается и подчеркивается, говоритъ Князь, тараща глаза на свою жертву и съ негодованiемъ пожимая плечами.

— Извините, Ваше сiятельство возражаетъ обвиняемый, но я такого рода толкованie этого невиннаго рисунка не посмѣлъ бы допустить себѣ...

— Цензоръ обязанъ все знать и понимать! Отчеканиваетъ неумолимый начальникъ и, не слушая дальнѣйшихъ объясненiй своего подчиненнаго, отпускаетъ его.

Неизвѣстно чѣмъ бы окончилась вся эта „криминальная“ исторiя, если бы мой двоюродный братъ случайно не зашелъ въ Центральный Комитетъ иностранной цензуры, гдѣ разсказалъ знакомымъ ему цензорамъ этого Комитета о приключившейся съ нимъ бѣдѣ. Выслушавъ его, одинъ изъ нихъ сталъ припоминать, что въ нѣмецкихъ юмористическихъ журналовъ, Kladradatsch'ѣ или Dorfbarbier'ѣ, была таже самая каррикатура и, конечно, прошла безъ вырѣзки въ иностранной цензурѣ. Розыскали указанный номеръ журнала и вручили его Н. В. Е—ву, который поспѣшилъ съ спасательнымъ документомъ въ рукахъ къ Князю. Убѣдившись въ заграничномъ происхожденiи оригинала этой каррикатуры, гдѣ она была помѣщена въ журналѣ въ видѣ обыкновеннаго нѣмецкаго „витца“, безъ всякаго конечно тенденцiознаго замысла, онъ обѣщалъ передоложить объ этомъ новомъ фактѣ Министру.

Исторiя эта надѣлала въ свое время много шуму и она доведена была Членомъ Государственнаго Совѣта Н. П. Максуровымъ, къ заступничеству котораго, какъ къ бывшему Предсѣдателю Московскаго Цензурнаго Комитета, обращался мой покойный двоюродный братъ, до свѣдѣнiя В. К. Константина Николаевича. Разумѣется опала была снята съ ни въ чемъ неповиннаго цензора и его съ миромъ отпустили въ Москву, гдѣ онъ, оставаясь до конца жизни своей, (скончался 25 декабря 1901 года), на занимаемой имъ должности, умеръ въ чинѣ Дѣйств. Ст. Совѣтника, оставивъ послѣ себя замѣчательную и извѣстную между Московскими библiоманами библiотеку, коллекцiонированную имъ изъ рѣдкихъ французскихъ иллюстрированныхъ книгъ и иныхъ изданiй.

О моемъ двоюродномъ братѣ говоритъ П. И. Щуровскiй въ своихъ воспоминанiяхъ (Русс. Архивъ 1912 г. Кн. 5) слѣдующее:

„Н. В. Егоровъ, человѣкъ одинокiй, жилъ въ Антипьевскомъ переулкѣ, въ домѣ Созоновича, гдѣ занималъ небольшую квартиру. Онъ былъ цензоромъ. Е—ву приходилось просматривать массу иностранныхъ изданiй, между коими встрѣчалось много роскошныхъ. (Онъ былъ сначала Отдѣльнымъ Цензоромъ по иностранной цензурѣ, а затѣмъ перешелъ во внутреннюю цензуру въ Москвѣ-же). Н. В. пристрастился къ послѣднимъ и сталъ покупать французскiя иллюстрированныя изданiя XVIII и XIX вѣковъ, тратя на нихъ бóльшую часть своихъ средствъ. Прiобрѣтенныя книги Е—овъ посылалъ обыкновенно въ Парижъ, откуда они возвращались въ дорогихъ переплетахъ. Свои книги Е—овъ держалъ въ шкафахъ, тщательно завернутыми въ бумагу (въ сундукахъ березоваго дерева, обитыхъ внутри сафьяномъ, при чемъ на каждомъ былъ выставленъ №, дабы всѣ въ домѣ могли схватить свой № сундука въ случаѣ пожара—добавляю отъ себя). По смерти Е—ва, его небольшое, но прекрасное книжное собранie, было продано въ 1907 году наслѣдниками (узаконеннымъ сыномъ его) Московскому книгопродавцу П. П. Шибанову“.

П. Бартеневъ сопровождаетъ приведенную выписку изъ воспоминанiй Щуровскаго объ Н. В. Егоровѣ примѣчанiемъ: „Это правнукъ Е. Р. Дашковой“. Н. В. былъ дѣйствительно таковымъ по матери своей Ольгѣ Павловнѣ, урожденной Щербининой. Она, сестра ея Анастасiя Павловна и братъ ихъ Михаилъ Павловичъ Щербининъ, Сенаторъ, бывшiй Начальникъ Главнаго Управленiя по дѣламъ печати, о которомъ я уже говорилъ, были внуки Дашковой отъ дочери ея, вышедшей замужъ за Щербинина. Анастасiя Павловна не была замужемъ и умерла въ Серпуховѣ, а Михаилъ

Павловичъ былъ дважды женатъ—на Штиглицъ и на Прибиль, и отъ перваго брака у него былъ рано умершій сынъ Анатолій и двѣ дочери: Софья Михайловна Смирная и Марья Михайловна Челяева. Съ первой изъ нихъ и съ ея покойнымъ мужемъ Д. С. С. Ѳедоромъ Николаевичемъ Смирнымъ, помѣщикомъ Тамбовской губерніи и однимъ изъ самыхъ рьяныхъ дѣятелей пореформенной Россіи шестидесятыхъ годовъ, особенно въ дѣлѣ тюремнаго преобразованія, въ которое онъ вложилъ всю душу и всѣ силы свои, я находился въ многолѣтней и постоянной дружбѣ. Обѣ сестры были бездѣтныя.

Въ некрологѣ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" о смерти Н. В. (онъ-же и Георгіевичъ) Егорова, между прочимъ было сказано: „Покойный по отцу своему происходилъ изъ стараго дворянскаго грузинскаго рода, переселившагося въ Россію вмѣстѣ съ царевичами грузинскими". О происхожденіи нашего рода, равно какъ и объ утратѣ родовой фамиліи нашей, мною было уже сказано подробно въ 1-й главѣ настоящихъ записокъ моихъ.

XIV.

1881 г.

Неожиданная встрѣча во время масляной недѣли 1881 года съ Цесаревной и Цесаревичемъ на островахъ. Злодѣйское убійство Царя-Освободителя 1-го Марта и его кончина. Мѣсто катастрофы и мои впечатлѣнія. Восшествіе на престолъ Александра III и его супруги Маріи Ѳеодоровны. Мое случайное участіе въ похоронахъ Императора Александра II и описаніе ихъ. Эпизодъ объявленія въ Москвѣ Княземъ Долгорукимъ о кончинѣ Александра II. Зловѣщій провалъ колокола на Иванѣ Великомъ въ Кремлѣ. Разсказъ свидѣтеля о томъ, какъ было принято Архіепископомъ Иннокентіемъ извѣстіе о смерти Императора Николая I и вступленіи на престолъ Александра II.

Откладывая со дня на день мой отъѣздъ изъ Петербурга я протянулъ время до масляной недѣли, которая въ 1881 году приходилась съ 15 по 20 февраля, такъ какъ Пасха была 12 апрѣля.

Покидая на долго Петербургъ, я на разставаніе съ нимъ наслаждался вдосталь его удовольствіями, чему не мало способствовало общее масличное настроеніе всей столицы, а также и прощальные обѣды и завтраки съ блинами, которыми меня наперерывъ угощали мои родственники и добрые знакомые. И вотъ однажды, послѣ одного такого изряднаго блиноѣденія, я отправился, по приглашенію одного юнаго военнаго пріятеля моего, покататься съ нимъ по островамъ на его быстроходномъ рысакѣ. Мы довольно долго покружились по островамъ и, направляясь въ обратный путь, лихо взлетѣли на нашихъ легкихъ саночкахъ на мостъ, соединяющій старую деревню съ Елагинымъ островомъ, какъ вдругъ кучеръ круто осадилъ нашего коня. Сразу нельзя было разобрать въ чемъ дѣло и что преграж-

дало намъ путь. Всмотрѣвшись-же попристальнѣе, мы увидѣли, что передъ нами на мосту стояли широкія троечныя сани, къ которымъ была привязана толстой веревкой, одна за другой, цѣлая вереница маленькихъ чухонскихъ саночекъ. Въ первыхъ изъ этихъ саночекъ, или вѣрнѣе салазокъ, сидѣла Цесаревна Марія Ѳедоровна, или, какъ ее тогда всѣ называли ея датскимъ именемъ, Дагмара, а въ остальныхъ, въ каждой по одиночкѣ, Великія Князья и Княгини, дамы и кавалеры свиты. За первыми троечными санями съ ихъ длиннымъ хвостомъ саночекъ, слѣдовали вторыя такія же, а за ними многіе другіе. Внезапная остановка всего этого увеселительнаго поѣзда произошла оттого, что однѣ изъ троечныхъ саней съ ихъ добавочнымъ хвостомъ опрокинулись при поворотѣ на мостъ и всѣ въ нихъ сидящіе попадали въ глубокій снѣгъ, что вызвало среди участвующихъ въ пикникѣ веселое оживленіе и смѣхъ.

Остановившись на вершинѣ моста и наблюдая за этой оживленной и любопытной сценой, мы не замѣтили, какъ наши сани поровнялись съ санями Цесаревны. Окинувъ насъ бархатистымъ взглядомъ своихъ прекрасныхъ глазъ и увидя, что мой компаніонъ держалъ подъ козырекъ, а я снялъ мою мерлушечью шапку, она, обратившись ко мнѣ сказала, чтобы я надѣлъ мою шапку.

Глядя на нее, я вспомнилъ, что впервые видѣлъ ее въ 1868 году при въѣздѣ ея въ Москву чрезъ тріумфальные ворота изъ Петровскаго дворца. Это былъ первый послѣ замужества ея пріѣздъ въ Бѣлокаменную. Вся Москва высыпала тогда на Тверскую и далѣе до самаго Кремлевскаго дворца, чтобы взглянуть на будущую царицу свою. Императоръ Александръ II съ Цесаревичемъ и огромной свитой поджидалъ ее у самыхъ тріумфальныхъ воротъ, откуда я смотрѣлъ на этотъ въѣздъ. Она въѣхала черезъ эти ворота, сидя съ фрейлиной своей въ коляскѣ, запряженной à la Daumont, одѣтая въ розовую атласную накидку, опушенную горностаемъ, и вся небольшая фигурка ея, съ тѣми же чудными глазами и привѣтливой улыбкой, обаятельно подѣйствовали на москвичей, восторженно привѣтствовавшихъ ее.

Неожиданная задержка въ нашемъ катаньи продолжалась однако не долго. Вскорѣ все веселое общество, въ

числѣ котораго я успѣлъ замѣтить князя Святополкъ-Мирскаго, впослѣдствіи Министра внутреннихъ дѣлъ, столь прославившагося извѣстными своими словами о довѣріи къ земству, князя Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго и многихъ другихъ, расѣлось по салазкамъ и промчалось при звонѣ бубенчиковъ мимо насъ. Оказалось, что всѣ они были на блинахъ у послѣдняго, въ его великолѣпной виллѣ на островахъ, и послѣ завтрака предприняли эту оригинальную прогулку.

Время, такимъ образомъ, уходило въ веселіи и дорожныхъ сборахъ, и я не замѣтилъ какъ прошелъ Февраль мѣсяцъ и наступило 1-ое Марта 1881 года...

Въ роковой для Россіи день, всѣ часы котораго глубоко запечатлѣлись въ моей памяти, я вышелъ въ 2 часа изъ квартиры моей, находившейся на углу Гороховой и Б.-Морской, въ домѣ Тутолмина, и, перейдя на другую сторону послѣдней, сталъ подходить къ извѣстному въ то время магазину Кумберга, какъ вдругъ до слуха моего долетѣли два, послѣдовавшіе одинъ за другимъ черезъ короткій промежутокъ времени, какъ-бы пушечныхъ выстрѣла. Привычный къ разнаго рода неопредѣленнымъ звукамъ, составляющимъ особенность въ жизни огромнаго города съ массою всякихъ заводовъ его и фабрикъ, я подумалъ, что раздавшіеся отдаленные выстрѣлы произведены были гдѣ-либо на казенныхъ заводахъ при пробѣ орудій. Но по мѣрѣ того, какъ я сталъ приближаться къ Невскому проспекту, въ огромной толпѣ, сновавшей по немъ по случаю воскреснаго дня, замѣчалось какое-то необыкновенное волненіе и всѣ какъ бы куда-то спѣшили. Перейдя на Невскій я увидѣлъ спускавшагося на извощичьихъ саняхъ съ Полицейскаго моста городового, прикрывавшаго носовымъ платкомъ окровавленное лицо свое, а поравнявшись съ Голландской церковью, я услышалъ что кто-то зоветъ меня изъ надвигавшихся разнородныхъ экипажей и увидѣлъ въ саняхъ одну родственницу нашу съ ея племянниками, сильно жестикулировавшую мнѣ и указывавшую рукой по направленію къ Казанскому собору.

Вскорѣ, однако, до меня стали доходить отрывочныя слова изъ толпы, по которымъ можно было догадаться, что произошло нѣчто необычайное, и я послѣдовалъ ускореннымъ шагомъ за толпой, которая, перейдя мостъ черезъ Екатерининскій каналъ у Казанскаго собора, уже бѣжала вдоль этого канала по направленію къ Марсовому полю. Здѣсь у стѣны сада Михайловскаго дворца, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ воздвигнутъ храмъ Воскресенія Господня, я засталъ такую картину. Утоптанный на мостовой снѣгъ былъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ обагренъ кровью, масса лоскутковъ изъ разорванной одежды, щепки и кусочки стеколъ изъ разбитой кареты, валялись во всю ширину улицы и были занесены и на замерзшій каналъ, а у воротъ дворцоваго сада, выходящихъ на набережную канала, сидѣлъ сторожъ на табуреткѣ и у ногъ его лежалъ черный тулупъ, принадлежавшій одному изъ цареубійцъ.

Сбѣжавшійся со всѣхъ сторонъ народъ подбиралъ, какъ реликвіи, всѣ эти разбросанные мелкіе остатки, а пріѣхавшій при мнѣ жилецъ дома бабушки моей Есаковой на Моховой улицѣ, генералъ-адъютантъ Кушелевъ, омочилъ свой платокъ въ застывшую на снѣгу царскую кровь и увезъ съ собой этотъ платокъ, завернувъ его въ бумагу. Я поднялъ изъ разбитой кареты, задъ который былъ сильно исковерканъ, щепку, которую впослѣдствіи велѣлъ вправить въ рамку портрета Царя Освободителя своего народа отъ многовѣковаго рабства, даровавшаго ему гласный судъ, уровнявшаго своихъ подданныхъ въ дѣлѣ защиты родины и, послѣ цѣлаго ряда другихъ капитальныхъ реформъ, подписавшаго, за нѣсколько часовъ передъ своей мученической кончиной, уже заготовленный проектъ манифеста о народномъ представительствѣ, которому суждено было осуществиться только спустя четверть вѣка при внукѣ его и при какихъ безмѣрно тяжелыхъ условіяхъ!..

„Ты не русскій?“ спросилъ будто бы, Царь-Освободитель одного изъ своихъ убійцъ, сына освобожденнаго имъ отъ рабства народа и получивъ утвердительный отвѣтъ отъ этого злодѣя, отвернулся отъ него, чтобы отъ руки другого исчадія того же народа пасть мученическою смертію. Съ какою жестокою болью и горечью въ сердцѣ долженъ былъ умереть этотъ Великій Государь, назабвенное имя котораго

отнынѣ на вѣки занесено золотыми буквами на скрижаляхъ не только исторіи своей страны, гдѣ оно стоитъ рядомъ съ именемъ Петра Великаго, но и на вершинахъ исторіи всего человѣчества!.. „Il faut que les réformes viennent d'en haut, pour que la révolution ne vient pas d'en bas“, сказалъ онъ кому-то изъ дипломатовъ, и онъ торопился, „почувствовавъ шагъ исторіи“, поскорѣй додѣлать при себѣ все задуманное имъ во благо своей родины, словно чуя, что послѣ него наступитъ снова полоса застоя, и реакціи...

И такого-то благодѣтельнаго и доброжелательнаго монарха убили на улицѣ его столицы нигилисты—эти родоначальники послѣдовавшихъ за ними разновидныхъ насадителей разлада въ Россіи, вродѣ террористовъ, анархистовъ, максималистовъ, экспропріаторовъ и тому подобныхъ „бѣсноватыхъ освободителей“, заградившихъ своими чудовищными дѣяніями путь къ прогрессивному и мирному движенію впередъ, столь мудро задуманному жертвой ихъ злодѣйскаго насилія и затормозившіе въ своей родинѣ на долго то, что уже было на очереди къ выполненію! Какимъ уродливымъ аппаратомъ мышленія должны обладать эти недоросли съ искалѣченными мозгами, чтобы полагать, что только они одни съ ихъ мудрованіями, извращенными понятіями и теоріями, полученными ими въ наслѣдіе отъ убійцъ 1-го Марта, могутъ внести ту цѣлебную струю всему человѣчеству, населяющему нашу планету, нужную ему для уврачеванія и спасенія его отъ гибели!..

Но возвращаюсь къ событіямъ скорбнаго дня.

Оставивъ мѣсто печальной катастрофы, я направился на Милліонную улицу и по страдному пути Царя-Мученика, перевезеннаго съ размозженными ногами на саняхъ, слѣдовавшаго за его каретой и также сильно израненнаго, полиціймейстера Дворжицкаго,*) дошелъ до дворцовой площади, гдѣ уже все было запружено народомъ и экипажами. Напрягая зрѣніе на окна Зимняго дворца, стояла безмолвно вся эта многотысячная масса разновиднаго люда. Никому, повидимому, въ голову не приходило, что черезъ нѣсколько

*) Смотри его разсказъ въ Январьской книгѣ 1913 года «Историч. Вѣстника»: «Первое Марта 1881,» и разсказъ въ той-же книгѣ фельдшера Когана: «Кончина Императора Александра II».

минутъ совершится событіе огромной исторической важности, которымъ потрясенъ будетъ весь міръ, и на всѣхъ лицахъ, какъ мнѣ казалось, замѣчалась надежда на благополучный исходъ въ ужасномъ состояніи Царственнаго страдальца. Но вотъ появился въ дверяхъ собственнаго Его Величества подъѣзда бывшій С.-Петербургскій генералъ-губернаторъ, состоявшій при особѣ Государя генералъ-адъютантъ, свѣтлѣйшій князь Италійскій, графъ Суворовъ-Рымницкій, внукъ знаменитаго фельдмаршала, и, снявъ каску съ головы, перекрестился и громогласно объявилъ, что Государь скончался. Одновременно съ тѣмъ, императорскій флагъ-штокъ, развѣвавшійся надъ Зимнимъ дворцомъ, сталъ медленно опускаться до половины древка, къ которому былъ прикрѣпленъ, а со стороны Исаакіевскаго собора пронесся благовѣстный ударъ колокола къ вечернѣ.

Всѣ обнажили головы и перекрестились...

Подавленный ужаснымъ ударомъ, понесеннымъ обездоленной Россіей, неизмѣримость котораго трудно было даже опредѣлить, стоялъ я въ глубокомъ раздумьи, какъ вдругъ неистовые крики ура! пробудили меня отъ моего оцѣпенѣнія и я увидѣлъ, что вся народная масса кинулась въ сторону Салтыковскаго подъѣзда дворца, откуда выѣзжали въ парныхъ саняхъ новый Царь съ Царицей, съ трудомъ пробираясь въ нихъ по направленію къ аркѣ среди нахлынувшей толпы. Я взглянулъ на большой циферблатъ оконныхъ часовъ въ главномъ штабѣ (нынѣ уже не существующихъ) и увидѣлъ, что стрѣлка на нихъ показывала въ тотъ моментъ половину четвертаго—время восшествія на прародительскій престолъ Императора Александра III и Императрицы Маріи Θеодоровны. Онъ сидѣлъ въ саняхъ, понуривъ голову, а она сквозь слезы отвѣчала на привѣтствія народа наклонами головы, и мнѣ невольно припомнилась недавняя встрѣча съ ними на островахъ, за нѣсколько дней до рокового дня, когда оба они беззаботно катались на тройкахъ, ни мало не подозрѣвая о скорой и огромной перемѣнѣ въ ихъ положеніи.

И вотъ она воочію передомной совершившаяся метаморфоза: le roi est mort—vive le roi!

Не думалъ я также, что мнѣ прійдется не только пережить это историческое событіе въ Петербургѣ, но что прійдется еще и участвовать на похоронахъ Великаго Государя. Случилось это такъ. Зайдя въ департаментъ общихъ дѣлъ за полученіемъ прогонныхъ денегъ по расчету до мѣста моего назначенія, я былъ остановленъ начальникомъ отдѣленія, завѣдывавшимъ этою частью, вопросомъ,—не желаю-ли я принять участіе въ похоронахъ усопшаго Государя въ качествѣ депутата отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ?

— Мы никакъ не можемъ набрать чиновниковъ, добавилъ онъ, которые имѣли-бы для этого непоношенные мундиры; вы-же вѣроятно обзавелись свѣжей обмундировкой по случаю вашего назначенія.

Я, разумѣется, схотно принялъ это предложеніе и 6-го марта получилъ изъ Департамента повѣстку такого содержанія:

„Департаментъ Общихъ Дѣлъ имѣетъ честь увѣдомить Васъ, что Г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ изволилъ назначить Васъ въ печальную церемонію перевезенія тѣла въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича для несенія знамени Мстиславскаго герба, присовокупляя, что Вы должны будете явиться завтра, 7-го сего марта, въ 9-ть часовъ утра на Конюшенную площадь“.

Получивъ въ дворцовой конюшенной канцеляріи надлежащую инструкцію, мы т. е. чиновники разныхъ вѣдомствъ и министерствъ, явились въ день перевезенія тѣла въ парадной формѣ съ траурными повязками на лѣвой рукѣ и обшитыхъ чернымъ крепомъ по шитью мундировъ, трехъуголокъ и шпагахъ. Мнѣ было вручено знамя Мстиславскаго герба, для несенія его при двухъ ассистентахъ.

Долго пришлось намъ ожидать распоряженія къ выходу на указанныя намъ мѣста. Съ интересомъ слѣдили мы за всѣми приготовленіями къ печальному кортежу. При насъ облекали двухъ рослыхъ гвардейскихъ солдатъ въ костюмы и доспѣхи траурнаго, чернаго рыцаря, и въ золотыя, свѣтлаго рыцаря. Три раза прилетали къ намъ на тройкахъ дежурные флигель-адъютанты съ приказаніями то быть въ пальто поверхъ мундировъ, то въ однихъ мундирахъ, пока

наконецъ не остановились на послѣднемъ. Не знаю отъ кого исходили эти противорѣчивыя приказанія, но въ нихъ, да и во всемъ церемоніалѣ вообще, была замѣтна какая-то растерянность и безпорядочность въ дѣйствіяхъ, что впрочемъ легко объясняется внезапностью совершившагося событія столь крупнаго значенія въ неконституціонномъ государствѣ, гдѣ все зависитъ отъ направленія неограниченной воли и личнаго характера самодержавнаго монарха.

Когда мы наконецъ тронулись и достигли пункта, гдѣ намъ по росписанію церемоніала подобало стоять въ ожиданіи трехъ сигнальныхъ пушечныхъ выстрѣловъ для нашего шествія, то мы, пройдя мимо двухъ шеренгъ войскъ всякаго оружія, очутились почти во главѣ печальнаго кортежа, на Васильевскомъ островѣ, у Тучкова моста. Хотя было уже 10-ое марта, но Нева еще стояла закованной во льду и на ней, какъ подъ Николаевскимъ мостомъ, такъ и подъ Тучковымъ, находились, для охраны ихъ, казацкіе пикеты. Было очень свѣжо, и мы порядочно-таки продрогли въ нашихъ мундирахъ и многіе изъ насъ забѣгали въ находящіеся вблизи рестораны, чтобы согрѣться рюмкой водки или коньяка.

Но вотъ раздались три удара пушки, означавшіе моментъ выноса тѣла изъ Зимняго дворца, и всѣ размѣстились по своимъ мѣстамъ, послѣ чего началось торжественное шествіе уже въ должномъ порядкѣ. Насъ знаменоносцевъ, остановили у воротъ Петропавловской крѣпости и велѣли выровняться въ сторонѣ. Тѣ же, которые по церемоніалу должны были войти въ соборъ и слѣдовали за нами передъ катафалкомъ и за нимъ, всѣ продефилировали передъ нами, и мы имѣли возможность, такимъ образомъ, видѣть послѣдовательно всю нить шествія. Невольную улыбку вызывали всѣ эти старцы-сановники, несшіе на подушкахъ порученныя имъ регаліи. Они едва плелись, изнемогая отъ усталости послѣ пройденнаго длиннаго пути и черезъ силу удерживали въ своихъ дрожащихъ старческихъ рукахъ тяжелую для нихъ ношу. Иные изъ нихъ были прямо каррикатурны и только одинъ графъ Валуевъ выдѣлялся среди нихъ своей стройной фигурой, бодро неся на пунцовой бархатной подушкѣ, сколько помнится, державу. Подходя къ воротамъ крѣпости и поравнявшись съ нами, весь огромный кортежъ почему-то на минуту пріостановился.

Катафалкъ оказался передъ нами, а тотчасъ за нимъ, впереди всѣхъ, опираясь на саблю и взглянувъ въ нашу сторону, стоялъ Александръ III, за которымъ слѣдовали всѣ Великіе Князья, иностранные принцы, прибывшія депутаціи и огромная Царская свита, а за всѣми ими двигался безконечной вереницей рядъ траурныхъ дворцовыхъ экипажей съ Императрицей, Королевой Греческой Ольгой Константиновной, Великими Княгинями и Княжнами, иностранными принцессами и массою придворныхъ дамъ всѣхъ ранговъ.

Когда послѣ небольшой заминки весь этотъ кортежъ снова двинулся и затѣмъ исчезъ въ воротахъ Петропавловской крѣпости, къ намъ были высланы изъ нея солдаты, которые приняли отъ насъ врученныя намъ знамена, и мы были отпущены по домамъ. Окоченѣлый отъ холода, поѣхалъ я на Моховую къ бабушкѣ А. К. Есаковой, гдѣ меня едва могли отогрѣть, и надо только удивляться тому, какъ при такомъ предательскомъ климатѣ, какъ Петербургскій, я не захватилъ тифа.

Небезъинтересенъ эпизодъ о томъ, какъ отнесся въ Москвѣ къ событію убійства Александра II Князь Владиміръ Андреевичъ Долгорукій, состоявшій въ то время Генералъ-Губернаторомъ въ первопрестольной, разсказанный мнѣ очевидцемъ.

Вѣсть о злодѣйскомъ убійствѣ Царя-Освободителя была сообщена въ Москву Князю въ тотъ-же день телеграммой, полученной имъ въ 4 ч. дня. Тотчасъ по полученіи ея, онъ пригласилъ къ себѣ викарныхъ Епископовъ Московскихъ во главѣ съ Епископомъ Амвросіемъ (Митрополитъ въ то время находился въ Петербургѣ) и, прочитавъ имъ роковую телеграмму, просилъ ихъ о назначеніи на другой-же день панихиды по скончавшемся Государѣ. На это Епископы замѣтили ему, что безъ указа Св. Синода они этого сдѣлать не вправѣ и должны ждать особыхъ распоряженій на этотъ счетъ со стороны ихъ главнаго святилища. Тогда Князь В. А. Долгорукій предложилъ имъ порыться въ ихъ церковныхъ архивахъ и когда они, воротясь, заявили ему, что не нашли въ нихъ никакихъ соотвѣтствующихъ указаній

на этотъ счетъ, то онъ, поднявшись съ своего мѣста, вручилъ имъ полученную телеграмму и, застегнувъ свой Генералъ-Адъютанскій сюртукъ на всѣ пуговицы, объявилъ имъ отъ Царскаго имени Высочайшее повелѣніе о назначеніи требуемой имъ панихиды, что и было исполнено на другой день во всѣхъ сорока сороковъ Московскихъ церквахъ.

Къ разсказанному здѣсь по поводу страшной катастрофы 1 Марта 1881 года, положившей конецъ жизни Царя-Освободителя, я долженъ добавить еще и о томъ ужасномъ эпизодѣ, который произошелъ въ день коронованія его въ Москвѣ 26 Августа 1856 года, невольно наводящемъ на мысль о зловѣщемъ предзнаменованіи.

Въ тотъ самый моментъ, когда на Иванѣ Великомъ ударили первымъ благовѣстомъ, колоколъ, называемый „Реутъ", упалъ, пробивъ три каменныхъ и два деревянныхъ свода, при чемъ были убитые и раненые.

Колоколъ этотъ былъ отлитъ въ 1622 году при Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ. Въ 1812 году онъ также упалъ, но не разбился и у него только отбились уши, которыя были впослѣдствіи придѣланы. Послѣ второго паденія своего въ него перестали звонить и теперь звонъ въ него никакой не производится.

Паденіе „Реута" во время коронаціи Александра II подало поводъ къ толкамъ въ народѣ, а Митрополитъ Филаретъ, узнавши объ этомъ, сотворилъ крестное знамя и произнесъ: „Да хранитъ Богъ Государя отъ всѣхъ враговъ его видимихъ и невидимихъ"!

Подъ стать къ приведенному мною историческому событію, мнѣ припоминается разсказъ одного Одесскаго старожила, свидѣтеля того, какъ было принято знаменитымъ архіепископомъ Одесскимъ и Таврическимъ Иннокентіемъ извѣстіе о послѣдовавшей 18-го Февраля 1855 года смерти Императора Николая I и вступленіи на престолъ Александра II.

Разсказчикъ въ то время былъ гимназистомъ и такъ какъ гимназистамъ и студентамъ тогдашняго Ришельевскаго лицея отводились обыкновенно при торжественныхъ богослуженіяхъ въ соборѣ ближайшія мѣста къ архіерейскому амвону, то они очень хорошо могли видѣть и слѣдить за тѣмъ, что происходило во время священнодѣйствія. Такъ было и въ день объявленія въ соборѣ манифеста о смерти Николая I и вступленіи на престолъ Александра II (что произошло въ Одессѣ лишь 1-го Марта, такъ какъ тогда, надо замѣтить, не было еще электрическаго телеграфа), и вотъ какъ описываетъ это служеніе упомянутый одесскій старожилъ, которому въ то время было 12 лѣтъ отроду:

„Нашъ русскій Златоустъ, преосвященный Иннокентій, отличавшійся, какъ извѣстно, кромѣ проповѣдническаго дара, также и картинною рисовкою въ своихъ движеніяхъ и жестахъ, вышелъ изъ алтаря при траурномъ перезвонѣ колоколовъ, облаченный, какъ и всѣ священники въ тотъ день, въ черныя бархатныя ризы. Медленнымъ шагомъ и съ удрученнымъ выраженіемъ въ лицѣ подвигался онъ къ архіерейскому мѣсту среди собора, тяжело опираясь на свой архіерейскій посохъ. Взойдя на амвонъ онъ нѣкоторое время простоялъ на немъ, отирая катившіяся съ его глазъ слезы, затѣмъ сошелъ съ него одинъ и, пройдя черезъ длинный и двойной рядъ священниковъ, вошелъ въ алтарь, выйдя откуда съ манифестомъ въ рукахъ, прочелъ его лично (обыкновенно чтеніе манифестовъ производится соборнымъ протодіакономъ), остановившись у царскихъ вратъ. По окончаніи чтенія, онъ съ тѣмъ же печальнымъ видомъ возвратился на свое святительское мѣсто на амвонѣ, послѣ чего началась панихида.

Когда панихида была окончена, Иннокентій, предшествуемый всѣми священнослужителями вошелъ въ алтарь и за нимъ закрылись царскія врата. Всѣ присутствовавшіе полагали, что на этомъ закончилось богослуженіе и ждали его выхода, чтобы подойти подъ благословеніе. Каково же было удивленіе всѣхъ, когда нѣсколько минутъ спустя, царскія врата снова растворились и знаменитый архипастырь вышелъ оттуда со всѣмъ прочимъ духовенствомъ въ ярко красныхъ бархатныхъ ризахъ и подъ общій праздничный звонъ всѣхъ колоколовъ соборной колокольни, взошелъ

вновь на амвонъ, началъ служить молебенъ о здравіи и долгоденствіи вступившаго на престолъ новаго Государя. На сей разъ видъ у него былъ иной—онъ выпрямился и лицо его выражало уже не прежнее печальное настроеніе души его, а радостное".

И здѣсь опять повторилась, хотя и въ иной формѣ, жизненная вѣрность французскаго изреченія: „Le roi est mort—vive le roi!".

XV.

1882 г.

Кончина отца моего. Разсказъ его о двѣнадцатомъ годѣ. Горный корпусъ и Институтъ Путей Сообщенія. Его служба, походы и назначенія. Назначеніе его въ г. Харьковъ и загадочная смерть Генерала Лауница. Обликъ нравственной личности отца моего. Его похороны. Его любимые анекдоты и разсказы.

1-го Марта 1882 г., въ 12 ч. ночи, въ первую годовщину смерти Царя-Освободителя, получилъ я телеграмму изъ Петербурга о кончинѣ отца моего. Простудившись дорогой изъ Бобруйска въ Петербургъ, онъ скончался въ домѣ и квартирѣ моей бабушки Есаковой—мачихи моей матери, на Моховой улицѣ.

Получивъ это печальное извѣстіе, я въ тотъ же день выѣхалъ въ Петербургъ, куда поспѣлъ къ моменту отпѣванія отца въ св. Духовской церкви Александро-Невской лавры, отправившись туда прямо съ вокзала. Еще по дорогѣ въ лавру, я встрѣтилъ возвращавшіеся оттуда войска—часть Преображенскаго полка и артиллеріи,—сопровождавшихъ похоронную процессію; въ самой же церкви, я засталъ всѣхъ съѣхавшихся братьевъ, сестеръ, родственниковъ и многихъ знакомыхъ. Мы похоронили отца на кладбищѣ, находящемся за лаврскимъ соборомъ, тотчасъ налѣво при входѣ въ ворота этого кладбища, и памятникъ надъ его могилой поставленъ совершенно схожій съ тѣмъ, который поставленъ надъ могилой матери нашей въ Харьковѣ, а именно: гранитная скала, а на ней крестъ изъ бѣлаго мрамора съ изреченіемъ изъ Евангелія Марка—„нѣсть Богъ мертвыхъ, но Богъ живыхъ", глубокій смыслъ, котораго указываетъ на то, что для Создателя вселенной все созданное Имъ всегда пребываетъ живымъ и никогда не мертво.

Покойный отецъ мой родился 3 января 1883 года въ г. Москвѣ, дворяниномъ которой и прописанъ въ книгахъ этой столицы. Онъ былъ старшимъ сыномъ у дѣда моего Андрея Ильича, у котораго было всего семь дѣтей—пять сыновей и двѣ дочери, изъ коихъ двое младшихъ дядей моихъ—Петръ (женатый на Бегичевой), не оставившій послѣ себя потомства, и Яковъ, оставившій послѣ себя дочерей,—были медиками: первый былъ извѣстнымъ въ свое время въ Москвѣ гомеопатомъ, а второй—аллеопатомъ. Объ остальныхъ дядяхъ моихъ и тёткахъ, я имѣлъ уже случай упомянуть въ предъидущихъ главахъ этихъ страницъ.

Отцу моему было 9 лѣтъ, когда Наполеонъ совершилъ свое нашествіе на Россію и Москва была сожжена. Разсказъ отца о двѣнадцатомъ годѣ былъ помѣщенъ мною, съ его словъ, въ „Русской старинѣ" 1882 года, и я привожу здѣсь этотъ разсказъ цѣликомъ, какъ онъ былъ напечатанъ въ названномъ журналѣ.

Двѣнадцатый годъ. Изъ хроники семейныхъ воспоминаній.

Въ роковой годъ нашествія французовъ на Москву, семейство дѣда моего, состоящее въ ту пору изъ жены его, моей бабушки, и троихъ малолѣтнихъ дѣтей, изъ которыхъ старшему, отцу моему, было тогда девять лѣтъ отъ роду, жило въ 12-ти верстахъ отъ Москвы, въ извѣстномъ селѣ Царицынѣ, гдѣ дѣдушка состоялъ на службѣ въ должности управляющаго этого и прочихъ, находящихся въ окрестностяхъ села Царицына, такъ называемыхъ, царскихъ и дворцовыхъ имѣній*).

Незадолго до вступленія Наполеона въ Москву, прадѣдушка мой, имѣвшій собственный домъ въ Грузинахъ и страстно любившій своего старшаго внука, отца моего, взялъ его къ себѣ погостить изъ Царицына въ Москву и не разставался съ нимъ до той поры, пока, наконецъ, непріятельская армія не подступила подъ самыя стѣны Бѣлокаменной.

*) Послѣ дѣда, мѣсто это было по назначенію унаслѣдовано сыномъ его, дядей моимъ Владиміромъ Андреевичемъ, отцомъ моего двоюроднаго брата Николая Владиміровича Егорова, Московскаго цензора.

Тогда только, родители отца моего, обезпокоенные продолжительнымъ отсутствіемъ его и неимѣніемъ извѣстій о немъ, прислали за нимъ и потребовали отъ прадѣдушки отпустить къ нимъ сына обратно въ Царицыно, гдѣ было безопаснѣе, чѣмъ въ Москвѣ.

Находясь у дѣда своего и слѣдуя за нимъ, во время побывки своей въ Москвѣ, повсюду, отецъ мой отчетливо припоминаетъ картину общей суматохи, постепенно увеличивавшейся съ каждымъ днемъ и часомъ при приближеніи непріятеля, разговоры о воззваніяхъ графа Ростопчина къ жителямъ столицы и видъ Новинскаго и Смоленскаго бульваровъ, заставленныхъ телѣгами съ ранеными подъ Бородиномъ солдатами, а далѣе—воспоминанія переносятъ его уже на окрестности Москвы.

Въ Царицынѣ, дѣдъ мой, посовѣтовавшись съ священникомъ, рѣшилъ, по прибытіи сына, отправить семью свою къ отцу этого священника въ с. Родинки, въ 40 верстахъ отъ Москвы, по Калужской дорогѣ, имѣніе помѣщицы Кобылиной. Извѣстно, что вся Москва бѣжала по Владимірской дорогѣ, на Владиміръ и Нижній, считая это направленіе болѣе безопаснымъ и обезпеченнымъ отъ непріятельскаго преслѣдованія; по Калужскому-же тракту мало кто спасался, поэтому и въ подводахъ на этомъ трактѣ не было недостатку, и Царицынскіе бѣглецы скоро и благополучно добрались до мѣста назначенія, гдѣ старикъ священникъ, отецъ Царицынскаго, принялъ ихъ весьма радушно и коекакъ размѣстилъ въ своемъ домѣ. Отсюда, отецъ мой, вскорѣ по прибытіи въ это село, увидѣлъ пожаръ Москвы и живо припоминаетъ поразительную картину этого зрѣлища.

Въ концѣ села, на возвышенномъ мѣстѣ, у самой околицы, стоялъ старый сарай, къ которому всѣ жители Родинокъ собирались смотрѣть на пожаръ. Картина была полна страшнаго эффекта, особенно ночью, и навсегда запечатлѣлась въ памяти отца моего. Огромное пространство небосклона было облито ярко-пурпуровымъ цвѣтомъ, составлявшимъ какъ бы фонъ этой картины; по немъ крутились и извивались какія-то змѣевидныя струи свѣтло-бѣлаго цвѣта; горящія головни различной величины и причудливой формы и раскаленные предметы страннаго и фантастическаго вида

подымались массами вверхъ, и, падая обратно, разсыпались огненными брызгами. Казалось—цѣлое поле необъятной величины усѣялось внезапно рядомъ непрерывныхъ вулкановъ, извергавшихъ потоки пламени и различныя горючія вещества. Самый искусный пиротехникъ не могъ бы придумать болѣе прихотливаго фейерверка, какъ Москва—это сердце Россіи—объятая пламенемъ. Все это было видно изъ Родинокъ, за 40 верстъ разстоянія, какъ вблизи: стоило, повидимому, пройти нѣсколько сотъ сажень—и очутиться на мѣстѣ пожарища.

Впечатлѣніе, производимое на сельчанъ этою картиною, увѣнчанною къ тому же серебристымъ отблескомъ зловѣщей кометы съ ея длиннымъ хвостомъ, было необычайное: женщины плакали навзрыдъ, мужчины бранили всѣхъ: и Бонапарта (такъ называлъ народъ Наполеона), и русскихъ вождей, говоря:

„Какъ можно было допустить до этого матушку Москву бѣлокаменную! Зачѣмъ наши не дрались на Поклонной горѣ, не задержали его... не хватило войска—позови народъ; развѣ насъ мало на Руси?!—Всѣ бы пошли: у кого нѣтъ ружья, такъ съ топоромъ да съ вилами, съ чѣмъ попало—и грянули бы тучею на злодѣевъ со всѣхъ сторонъ. Солдаты дѣлай свое, а мы свое, и пошла бы тогда настоящая потѣха—живо выпроводили бы супостата!“...

Такъ выражалъ свои чувства и разсуждалъ, въ горести своей, этотъ задѣтый за живое при видѣ гибели Москвы и ея святынь, простой народъ русскій, и глубоко врѣзались въ памяти отца моего, еще ребенка, эти горячія разсужденія, это неподдѣльное народное негодованіе, и онъ прислушивался къ нимъ съ дѣтскимъ разумѣніемъ, мало что понимая, но вѣря имъ отъ всей души и инстинктивно угадывая ихъ внутреннюю, могучую силу и значеніе.

Оставаться, однако, долго въ Родинкахъ не приходилось, въ виду близкаго расположенія села этого отъ почтовой дороги. Старикъ священникъ предложилъ бабушкѣ перебраться къ его зятю, имѣвшему свой приходъ всего въ 5-ти верстахъ отъ с. Родинокъ, въ лѣсу, въ небольшой деревенькѣ. Зять—тоже священникъ—принялъ бабушку и дѣтей съ одинаковымъ радушіемъ, какъ и тесть, но не могъ

помѣстить въ своемъ домѣ, такъ какъ имѣлъ большую семью, изъ которой, кстати сказать, старшая дочь, дѣвушка лѣтъ 16-ти, была писанная красавица,—и предложилъ поселиться въ крестьянскомъ домѣ, напротивъ своего. Въ отведенномъ ей помѣщеніи, бабушка устроилась какъ сумѣла, но не оставалась въ немъ постоянно и возвращалась обыкновенно домой только къ ночи, проводя весь день съ дѣтьми, для большей безопасности, въ окружающемъ деревню лѣсу. Тамъ, въ лѣсной чащѣ былъ устроенъ шалашъ, варился обѣдъ, собирались грибы и ягоды и жилось относительно покойно, хотя не безъ опаски на счетъ мародёровъ, рыскавшихъ по всѣмъ направленіямъ въ окрестностяхъ Москвы и далѣе.

Такъ проходили дни въ боязливомъ ожиданіи врага, безъ всякихъ приключеній. Но вотъ, однажды, отецъ мой, сидя у окна и глядя на просѣку, находящуюся какъ разъ передъ домомъ, увидѣлъ вдали какихъ-то подозрительныхъ всадниковъ. Онъ тотчасъ поспѣшилъ сообщить о своемъ открытіи бабушкѣ. Въ мигъ всѣ засуетились: въ домѣ и деревнѣ все остававшееся не спрятаннымъ было попрятано, а священническую дочь-красавицу, бабушка уложила въ постель, запачкала ей сажей лицо, покрыла одѣяломъ и велѣла лежать смирно и притворяться больною. Не успѣли оглядѣться, какъ всадники эти, оказавшіеся настоящими французскими кирасирами въ каскахъ съ черными конскими волосами, висѣвшими позади, ниже шеи,—очутились посреди деревни. Прискакавши, они слѣзли съ лошадей и, разсыпавшись по дворамъ, стали обшаривать всѣ клѣти и закоулки. Не вытерпѣлъ отецъ, и улучивъ удобную минуту, когда бабушка отвернулась отъ него, выпрыгнулъ за ворота. чтобы посмотрѣть на этихъ странныхъ людей, къ великому ужасу бабушки, дѣлавшей ему выразительные знаки—вернуться въ домъ. Увидѣвъ бабушку въ окнѣ съ меньшимъ ребенкомъ, дѣвочкой, на рукахъ, одинъ изъ этихъ воиновъ, повидимому старшій между ними, вошелъ къ ней въ домъ, въ каскѣ, и громкимъ, повелительнымъ голосомъ сказалъ: „клеба“! Бабушка (она была урожденная Князева) была по тогдашнему времени хорошо образована и что важнѣй всего—прекрасно владѣла французскимъ языкомъ. Воспользовавшись своимъ знаніемъ, она тотчасъ заговорила съ

французомъ на его родномъ языкѣ, видимо обрадовавши его такимъ сюрпризомъ. Она объяснила ему, что ей самой съ дѣтьми и прислугой ѣсть нечего и что она, будучи якобы французскаго происхожденія, проситъ защитить ее отъ всякихъ непріятностей со стороны его солдатъ. Французъ, снявъ тогда каску, пустился въ разговоръ съ бабушкой, успокоилъ ее и поставилъ часового у дверей дома, наказавъ ему недопускать никого, что и было исполнено имъ въ точности.

Такимъ образомъ бабушка избавилась отъ разграбленія; но за то у крестьянъ и священника французы забрали все, что не успѣли еще спрятать отъ нихъ и что только попадалось имъ подъ руки. Они лазили въ погреба, сараи и на чердаки и вытаскивали оттуда все, что находили, навьючивая похищеннымъ лошадей своихъ. Отецъ мой слѣдовалъ за ними по пятамъ и его дѣтскую натуру занимала вся эта возня. Въ одномъ переулкѣ, гдѣ они стали загонять и ловить куръ, одинъ изъ солдатъ, увидя мальчика, крикнулъ ему: attrapez! attrapez! и велѣлъ стать у противоположнаго конца переулка и не пропускать куръ. Отецъ съ удовольствіемъ исполнилъ его желаніе и весело хохоталъ, когда куры, громко кудахтая, перелетали черезъ его голову.

Нахозяйничавшись вдосталь въ домахъ, французы направились къ церкви. Въ церкви все заблаговременно было припрятано, утварь же зарыта въ землю, какъ вообще все болѣе цѣнное у крестьянъ, и деньги. Нѣсколько человѣкъ изъ нихъ, не снимая касокъ, вошли въ церковь, а одинъ, подойдя къ царскимъ вратамъ и толкнувъ ихъ ногой, вошелъ въ алтарь. Заглянувъ подъ престолъ и въ пустые шкафы, представитель „de la grande armée“ остался видимо недоволенъ своимъ обзоромъ, о чемъ и заявилъ своимъ товарищамъ, послѣ чего всѣ они отправились на колокольню. Обзоромъ послѣдней они остались также недовольны, такъ какъ и на ней нечѣмъ было поживиться, и, сойдя внизъ, собирались было удалиться, какъ стоявшій въ сторонѣ какой-то мужичекъ указалъ имъ на веревку, висѣвшую—какъ это всегда водится въ деревенскихъ церквахъ—отъ колоколовъ въ притворѣ, и предложилъ показать какъ ею звонятъ. Идея эта понравилась французамъ и они заставили смѣтливаго мужичка звонить во всѣ колокола,

забавляясь его движеніями и не подозрѣвая какую бѣду сами себѣ накликаютъ этимъ трезвономъ. Не прошло и пяти минутъ, какъ вдали послышался конскій топотъ и показались мчавшіеся во весь опоръ къ деревнѣ казаки. Дѣло въ томъ, что въ нѣсколькихъ верстахъ отъ этого сельца стоялъ казацкій пикетъ и между нимъ и крестьянами было условлено, что если появится французъ, то чтобы они дали знать объ этомъ звономъ во всѣ церковные колокола... Картина моментально измѣнилась: французы, побросавъ все, вскочили на лошадей и задали тягу, а за ними вдогонку, преслѣдуя ихъ, промчались какъ вихрь казаки на своихъ быстроногихъ лошадкахъ.

Отправивши семью свою въ безопасное мѣсто, дѣдушка, между тѣмъ, на которомъ лежала отвѣтственность за ввѣренное ему казенное имущество, сдѣлалъ соотвѣтствующія распоряженія по экономіи, зарылъ въ землю дѣла и бумаги, а казенныя деньги запряталъ въ мѣшокъ и, повѣсивъ себѣ его на шею подъ жилетъ, сталъ ожидать французовъ, спрятавшись на чердакъ одной изъ Царицынскихъ оранжерей. Тамъ, въ этомъ секретномъ убѣжищѣ, случилось съ нимъ никакъ непредвиденное несчастіе. Въ одномъ мѣстѣ полъ чердака оказался до того ветхимъ, что провалился подъ его тяжестью и дѣдушка, полетѣвъ съ значительной высоты во внутрь оранжереи, на горшки съ цвѣтами, сильно расшибъ себѣ ногу, такъ что долженъ былъ тутъ же, въ оранжереѣ, залечь въ наскоро импровизированную постель.

Извѣстіе о такомъ неожиданномъ salto mortale дѣдушки дошло вскорѣ чрезъ посланца до прадѣдушки и тотъ рѣшился навѣстить сына, пробравшись къ нему во что бы то ни стало изъ Москвы въ Царицыно. Предпринять такую экскурсію въ ту пору было дѣломъ крайне рискованнымъ, да при томъ ее нельзя было сдѣлать иначе, какъ пѣшкомъ, такъ какъ въ Москвѣ не оставалось болѣе ни одной подводы. Въ Кремлѣ находился уже Наполеонъ съ своимъ штабомъ и маршалами; въ Москвѣ стояли непріятельскія войска, а по окрестностямъ ея повсюду шныряли мародёры и обирали встрѣченныхъ. Все это не могло однако остановить смѣлаго и еще бодраго восьмидесятилѣтняго старика и онъ, не долго думая, взялъ въ руку завѣтную трость свою и отправился въ путь.

Черезъ Москву онъ пробрался благополучно, но выйдя за Серпуховскую заставу, онъ, какъ разъ, наткнулся на французскихъ мародёровъ. Въ ту пору прадѣдушка былъ уже въ отставкѣ,—онъ служилъ въ извѣстномъ гусарскомъ полку, командуемымъ Архаровымъ—и носилъ черную гусарку и длинные кавалерійскіе сапоги. Эти то сапоги и соблазнили французовъ и они знаками потребовали, чтобы онъ ихъ немедленно снялъ, грозя въ противномъ случаѣ расправиться съ нимъ. Какъ не ворчалъ и не бранился старикъ, а дѣлать было нечего—пришлось ему лишиться своихъ сапогъ, взамѣнъ которыхъ одинъ изъ мародёровъ кинулъ ему свои обтрепанные башмаки.

Дальнѣйшій путь прадѣдушка совершилъ безъ приключеній и, благополучно добравшись до Царицына, не отходилъ все время отъ постели больнаго сына. Но тутъ чуть было опять не случилась съ нимъ напасть. Стоя однажды у дверей оранжереи, онъ увидѣлъ внезапно появившихся непріятельскихъ солдатъ, изъ которыхъ одинъ тутъ же, на его глазахъ, принялся за грабежъ и сталъ снимать развѣшанное для сушки чье-то дѣтское бѣлье, но найдя его неудобнымъ для себя, принялся рѣзать его палашемъ и разбрасывать. Не выдержалъ старикъ, закипѣла въ немъ южная грузинская кровь; онъ подбѣжалъ къ этому грабителю и, размахнувшись, свистнулъ ему въ ухо! Неизвѣстно какія были бы послѣдствія его опрометчиваго поступка, если бы на его счастіе въ ту самую минуту не показался взводъ французской кавалеріи съ полковникомъ во главѣ. Замѣтивъ драку, полковникъ остановилъ лошадь и, узнавъ отъ своихъ соотечественниковъ въ чемъ дѣло, приказалъ возвратить бѣлье, а прадѣдушкѣ велѣлъ вести себя въ домъ, гдѣ и поселился съ своимъ штабомъ.

Полковникъ этотъ жилъ долго въ Царицынѣ въ домѣ дѣда, навѣщалъ его въ оранжереѣ, бесѣдовалъ съ нимъ, запретилъ солдатамъ грабить и вообще оставилъ по себѣ самую пріятную память. Онъ объяснялся съ своими хозяевами черезъ переводчика-поляка, которыхъ было много во французской арміи, разсказывалъ про свою семью и, вспоминая о дѣтяхъ, со слезами на глазахъ говорилъ, что ему видно, не суждено болѣе увидѣть ихъ. По разсказамъ, это былъ человѣкъ весьма мягкаго нрава, сердечный и меланхоличный, и Богъ вѣсть—вернулся ли онъ невредимъ къ себѣ на родину изъ негостепріимной Россіи и не сбылось ли его роковое предчувствіе!.

Бѣглыя воспоминанія эти были бы не вполнѣ закончены, если бы я позабылъ дополнить ихъ еще и слѣдующими выдающимися особенностями того времени, врѣзавшимися въ памяти отца моего. Отецъ мой очень хорошо помнитъ, что во время нахожденія Наполеона въ Москвѣ и долго послѣ того, очень много народу ходило въ костюмахъ изъ краснаго сукна, разграбленнаго, какъ сказывали, въ интендантскихъ складахъ; а также появилась въ большомъ количествѣ патока, которую употребляли вмѣсто сахару съ чаемъ и ѣли съ хлѣбомъ. Послѣднее обстоятельство объясняется тѣмъ, что французы уничтожили сахарные заводы около Москвы и народъ бралъ ведрами сколько могъ, оставшуюся во множествѣ патоку въ чанахъ, такъ что послѣ бѣгства французомъ, въ Москвѣ долго не было возможности добыть сахару.

Окончивъ первоначально образованіе въ лучшемъ въ то время учебномъ заведеніи—Горномъ корпусѣ, отецъ мой поступилъ въ 1821 г. въ Институтъ корпуса инженеровъ путей сообщенія, въ блестящую эпоху этого заведенія, когда попечителемъ онаго былъ герцогъ Александръ Виртембергскій, первымъ директоромъ и устроителемъ этого заведенія Генералъ Августъ Де-Бетанкуръ, а затѣмъ—Генералъ Базенъ (отецъ извѣстнаго французскаго маршала, сдавшаго нѣмцамъ Метцъ), профессорами же: Дестремъ, Потіе, Ламэ, Лаперонъ и проч. знаменитости того времени, выписанныя основателемъ этого заведенія Императоромъ Александромъ I изъ Франціи и Бельгіи. Единственный русскій профессоръ въ этомъ заведеніи, преподававшій свой предметъ на родномъ языкѣ, былъ извѣстный математикъ Чижовъ, и отецъ мой, въ силу усвоенной имъ съ молоду привычки, постоянно употреблялъ французскіе термины и выраженія при своихъ техническихъ работахъ. Окончилъ онъ курсъ въ Институтѣ путей сообщенія въ 1824 г. съ серебрянной медалью, конкурируя въ ученіи съ закадычнымъ другомъ и товарищемъ своимъ

Загоскинымъ, братомъ автора „Юрія Милославскаго", получившимъ при выпускѣ золотую медаль.

По производствѣ въ 1824 г. въ офицеры, покойный отецъ мой былъ командированъ въ распоряженіе главнаго директора мостовъ и дорогъ Царства Польскаго, генерала Христіани. Тамъ, на западной окраинѣ нашей, провелъ онъ бо́льшую половину своей плодотворной служебной дѣятельности, занимаясь то проведеніемъ различныхъ шоссе, какъ, напримѣръ, Ковенскаго, Таурогенскаго и Брестъ-Литовскаго, то принимая участіе въ польской кампаніи 1830 года, гдѣ былъ раненъ пулею въ правую руку, то, наконецъ, работая надъ сооруженіемъ казармъ, госпиталей, крѣпостей и т. п.

Не разставаясь и въ началѣ своего служебнаго поприща съ другомъ своимъ Загоскинымъ, онъ вмѣстѣ съ нимъ прошелъ вдоль и поперекъ всю Литву и изучилъ ее во всѣхъ отношеніяхъ и направленіяхъ, такъ что въ самомъ г. Ковнѣ имѣется даже бульваръ, названный въ его честь „Егорувкой". При этихъ шоссейныхъ работахъ и изысканіяхъ ему приходилось не разъ побывать въ очень захолустныхъ мѣстахъ и въ дремучихъ лѣсахъ нашего полѣсія и проводить ночи подъ открытымъ небомъ, питаясь чуть не одними „акридами и медомъ". Но однажды друзьямъ-пріятелямъ повезло: они устроились въ приличной избѣ и даже обзавелись поваромъ-французомъ, расчитаннымъ какимъ-то богатымъ паномъ-помѣщикомъ. Поваръ этотъ былъ настоящій артистъ своего дѣла и угощалъ молодыхъ людей на славу, умудряясь гдѣ-то доставать необходимую провизію и разнобразить ею ихъ скромное обѣденное меню. И вотъ однажды онъ подалъ имъ подъ чуднымъ соусомъ дичь какого-то необыкновеннаго вкуса и запаха. Съ аппетитомъ молодости скушали они эту дичь и, похваливъ своего кулинара, поинтересовались узнать у него, какой она породы.

— C'est du corbeau, Messieurs, объявилъ онъ имъ прехладнокровно, какъ если-бы дѣло шло о фазанахъ или рябчикахъ.

Всю свою жизнь отецъ любилъ разсказывать этотъ анекдотъ, также какъ и многіе другіе, которые онъ, прослужа 60 лѣтъ четыремъ государямъ, любилъ неоднократно повторять въ кругу близкихъ и знакомыхъ ему лицъ,

припоминая, по привычкѣ военныхъ ветерановъ, многоразличные эпизоды изъ своей богатой воспоминаніями болѣе чѣмъ полувѣковой служебной дѣятельности. Анекдоты эти были со словъ его записаны мной и въ числѣ одиннадцати напечатаны въ „Русской Старинѣ" (Февраль, 1886 года). Привожу ихъ и здѣсь въ концѣ этой главы, посвященной памяти отца моего, для сохраненія ихъ въ семейной хроникѣ нашей.

Находясь въ походахъ и дѣлахъ, отецъ мой въ 1831 г. переправился однажды на разсвѣтѣ съ командуемымъ имъ отрядомъ въ 80 человѣкъ 9-го Егерскаго полка черезъ рѣку Вилію, въ предмѣстьѣ Виліяшполѣ, которое занято было инсургентами, овладѣлъ имъ, взялъ обратно отбитый мостъ, приготовленный на рѣкѣ Нѣманѣ и инструменты военнорабочей роты, захваченные непріятелемъ, а въ другой разъ, при деревнѣ Соломянкѣ, съ тою-же командою, совершенно уничтожилъ покушеніе предводителя мятежниковъ Огинскаго на г. Ковно, а затѣмъ участвовалъ въ разбитіи и прогнаніи ихъ при вторичномъ покушеніи ихъ на взятіе этого города. Былъ онъ еще въ экспедиціи съ отрядомъ за Нѣманомъ противъ извѣстнаго предводителя польскихъ войскъ Маіора Пушеты, въ лѣсу при дер. Кожишкахъ, откуда вытѣснилъ его и преслѣдовалъ до самаго ихъ лагеря при зеленой мызѣ, гдѣ по упорномъ съ ихъ стороны сопротивленіи, выбилъ ихъ изъ лагеря и разсѣялъ по лѣсамъ, послѣ чего возвратился въ г. Ковно.

За симъ, будучи въ чинѣ капитана, получилъ въ команду роту Бѣлевскаго пѣхотнаго полка, съ которой находился 31 Іюля 1831 г. въ экспедиціи противъ польскихъ мятежниковъ, находившихся подъ начальствомъ Матусевича, близъ м. Барбарышекъ, съ неустрашимостію напалъ на нихъ, многихъ побилъ, взялъ въ плѣнъ и отбилъ весь ихъ обозъ съ оружіемъ и фуражемъ, а 29-го Августа того же года былъ отправленъ командиромъ 2-ой Бригады 4-ой Гусарской дивизіи генералъ-маіоромъ Гельфрейхомъ для содѣйствія ему въ экспедиціи противъ польскихъ мятежниковъ, собравшихся подъ начальствомъ князя Мирскаго въ Августовскомъ же Воеводствѣ, въ м. Высокая-Руда. Тамъ онъ, съ 85 егерями и 15 казаками, будучи окруженъ двумя эскадронами Польскихъ Уланъ и двумя-

стами стрѣлковъ, съ отличнымъ мужествомъ и распорядительностію сражался съ ними въ продолженіи 3-хъ часовъ, и, невзирая на полученную имъ здѣсь рану въ правую руку пулею, принудилъ непріятеля отступить съ урономъ.

Сверхъ вышеизложенныхъ дѣйствій, какъ сказано въ служебномъ спискѣ отца моего, онъ чрезъ постоянное усердіе въ исполненіи должности по построеніи чрезъ рѣки Нѣманъ и Вилію пловучихъ мостовъ, скорое устроеніе и прочихъ переправъ, ревность въ отдѣлкѣ землянныхъ укрѣпленій и прочихъ инженерныхъ работъ, весьма способствовалъ трудами своими къ приведенію г. Ковно въ оборонительное положеніе.

Въ дальнѣйшемъ прохожденіи своей служебной карьеры покойный отецъ мой, какъ я уже упоминалъ, состоялъ въ должностяхъ начальника III округа корпуса инженеровъ путей сообщенія въ г. Вильнѣ, командира Московскаго военно-инженернаго округа, начальника строительной части южныхъ военныхъ поселеній въ г. Кременчугѣ, начальника инженеровъ Харьковскаго военнаго округа и, подъ конецъ своей жизни, былъ комендантомъ Бобруйской крѣпости. Здѣсь я долженъ разсказать о странномъ эпизодѣ изъ его жизни, случившемся при назначеніи его въ 1864 году въ г. Харьковъ на должность начальника инженеровъ, тогда только что учрежденныхъ по мысли военнаго министра, нынѣ фельдмаршала, графа Милютина, военныхъ округовъ.

Занимая до назначенія въ Харьковъ должность начальника инженеровъ южныхъ военныхъ поселеній въ Кременчугѣ, предоставленную ему его другомъ генераломъ Россетомъ, попавшимъ изъ Виленскихъ гражданскихъ губернаторовъ въ Петербургъ сенаторомъ и начальникомъ Главнаго Управленія всѣхъ военныхъ поселеній, отецъ мой былъ сильно озабоченъ въ ту пору выпавшимъ на его долю расформированіемъ этихъ поселеній въ южномъ раіонѣ, насажденныхъ, какъ извѣстно, въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи по злосчастной мысли могучаго временщика при Александрѣ I Аракчеевымъ.

Ликвидируя дѣла неудачнаго эксперимента—обращенія мирныхъ поселянъ въ полу-солдатъ,—отецъ мой былъ въ тоже время удрученъ мыслею остаться за штатомъ, такъ какъ вмѣстѣ съ упраздненіемъ остатковъ ввѣренныхъ ему

южныхъ военныхъ поселеній, упразднялась и занимаемая имъ должность, что вовсе не входило въ его расчеты при его семейномъ положеніи. Безмѣрно былъ онъ обрадованъ поэтому, когда получилъ извѣстіе о назначеніи его начальникомъ инженеровъ въ ново-открытый Харьковскій военный округъ. Но радость его была омрачена полученнымъ вслѣдъ за симъ другимъ извѣстіемъ о назначеніи командующимъ войсками этого округа прославленнаго въ военномъ мірѣ своею жестокостію и безпощадною строгостью генерала отъ инфантеріи Фонъ-деръ-Лауница. И дѣйствительно, не успѣлъ отецъ опомниться отъ такого непріятнаго сюрприза, какъ уже получилъ отъ своего новаго суроваго начальника спѣшную телеграмму—прибыть въ Харьковъ. Не имѣя возможности бросить неоконченное дѣло упраздненія военныхъ поселеній, онъ отвѣтилъ ему, что явится немедленно по окончаніи возложеннаго на него порученія. Не тутъ-то было! За первой телеграммой послѣдовала вторая, а за второй—третья, съ еще болѣе требовательнымъ и категорическимъ приказаніемъ, чѣмъ первыя двѣ. Ничего не оставалось дѣлать какъ бросить дѣла не законченными и одному, безъ семьи, отправиться въ Харьковъ. Далѣе, по разсказу покойнаго отца, вотъ что произошло:

„Пріѣзжаю въ Харьковъ, останавливаюсь въ первой попавшейся гостиницѣ, облачаюсь въ полную парадную форму и ѣду къ этому страшилищу, по дорогѣ предвкушая удовольствіе пріятной встрѣчи съ нимъ... Подъѣзжаю къ крыльцу занимаемаго имъ дома и собираюсь уже выйти изъ экипажа, какъ выбѣгаетъ ко мнѣ изъ дверей жандармъ. Спрашиваю—принимаетъ-ли командующій войсками? „Никакъ нѣтъ, Ваше превосходительство“, отвѣчаетъ съ оторопѣлымъ и взволнованнымъ видомъ жандармъ: „они изволили сейчасъ скончаться“!.. Можете судить о громовомъ впечатлѣніи этой фразы на меня. Разспрашиваю и узнаю слѣдующее.

Каждое утро Лауницъ имѣлъ обыкновеніе ѣздить по городу верхомъ въ сопровожденіи своего ординарца; въ это утро ему, какъ водится, подвели его коня и онъ, ставъ одной ногой въ стремя, другую занесъ и грузно опустился на сѣдло, какъ вдругъ, словно ужаленный, конь всталъ на дыбы и этимъ неожиданнымъ движеніемъ сбросилъ своего сѣдока, ударившагося головой о камни мостовой и раскро-

ившаго себѣ черепъ. Черезъ нѣсколько часовъ послѣ этой катастрофы не стало грознаго Лауница, отдавшаго свою душу Праведному Судіи. Бросились осматривать лошадь, съ которой струилась кровь и нашли въ потникѣ, подъ сѣдломъ, незамѣтно вдѣланный гвоздь, вонзившійся въ хребетъ ея въ тотъ моментъ, когда генералъ сѣлъ и придавилъ его своимъ корпусомъ, причинивъ этимъ нестерпимую боль взбѣсившемуся животному.

И вотъ, вмѣсто представленія, я попалъ на похороны своего начальника, не будучи подъ его начальствомъ ни одной минуты. Могу къ этому добавить, что было произведено слѣдствіе, къ которому были привлечены по подозрѣнію кучера, вѣстовые и конюхи, но оно ни къ чему не привело. Ходили смутные слухи, что кѣмъ-то изъ враговъ покойнаго—а ихъ у него было не мало—былъ придуманъ такой жестокій способъ мщенія, и что для этого былъ подкупленъ одинъ изъ конюховъ, но то были только одни слухи и виновникъ этого темнаго дѣла такъ и остался нераскрытымъ".

Если къ перечню занимаемыхъ отцомъ моимъ должностей присовокупить еще, что онъ умеръ инженеръ-генералъ-лейтенантомъ и былъ, между прочимъ, кавалеромъ Бѣлаго орла, Георгія 4 ст. и Virtutti militare, а въ столѣтній день памяти Императора Александра I получилъ знакъ службы трехъ царствованій и въ числѣ прочихъ медалей имѣлъ медаль 1812 года со „Всевидящимъ окомъ" на ней съ одной стороны и надписью съ другой „Не намъ, не намъ, а имени Твоему", преемственно перешедшую отъ дѣда и отца ко мнѣ, какъ старшему въ родѣ, то этимъ исчерпывается краткій обзоръ его оффиціальнаго, такъ сказать, curiculum vitae.

Но можно-ли имѣть вѣрное и безошибочное сужденіе о человѣкѣ по формулярному о службѣ его списку?.. Для составленія себѣ полнаго опредѣленія о личности, надлежитъ знать еще ту непоказанную и незаносимую ни въ какой послужной списокъ сторону жизни, которая могла быть не всѣми опознана втеченіи земного поприща и которая остается глубоко запечатлѣнною лишь въ памяти тѣхъ, кому она была близко и хорошо извѣстна.

Съ этой стороны, говоря безпристрастно, отецъ мой представлялъ изъ себя идеальный примѣръ безкорыстія въ той

профессіи, служенію которой была посвящена вся его жизнь. Въ подтвержденіе сказаннаго, ограничусь лишь приведеніемъ имъ-же высказаннаго однажды взгляда на долгъ службы, въ полной мѣрѣ обличающій его принципы и достаточно рисующій его съ упомянутой стороны.

Было это уже подъ конецъ его служебной карьеры, когда случай свелъ его въ Кіевѣ съ однимъ изъ немногихъ оставшихся въ живыхъ такихъ же „чудаковъ" товарищей его по институту, А. И. Гене, впослѣдствіи Начальника Округа инженеровъ путей сообщенія въ Казани.

— Ну, что, скажи, выиграли мы съ тобой въ результатѣ, сказалъ ему тотъ, оберегая такъ беззавѣтно казенную копейку и позабывъ запастись капитальцемъ про черный денекъ, какъ это дѣлаютъ иные въ нашемъ вѣдомствѣ? А вѣдь, кажется, было съ чего—милліоны проходили черезъ наши руки!

— Какъ что?! изумленно воскликнулъ отецъ, подойдя къ висѣвшему въ комнатѣ зеркалу, а этого тебѣ развѣ мало, что мы въ концѣ нашей жизни можемъ такъ смѣло смотрѣть на себя въ зеркало? Не то было-бы, если бы мы набили себѣ карманы, тогда пришлось бы отвернуться отъ своего облика, плюнуть и сказать самому себѣ: экой ты, братецъ, однако, мерзавецъ!...

Полагаю, что слова эти всецѣло характеризуютъ того, кѣмъ они были сказаны и въ комментаріяхъ къ нимъ нѣтъ надобности. И вотъ, если остановиться на нихъ и сопоставить выраженное ими понятіе о чести и чувствѣ скромнаго удовлетворенія передъ своею совѣстью, съ заурядными въ наше время явленіемъ алчнаго сребролюбія, казнокрадства, лихоимства и разнаго рода хищеній, то невольно приходится пожалѣть объ отошедшихъ инженерахъ старой школы, разсадникомъ которыхъ былъ Институтъ путей сообщенія Императора Александра I-го, въ періодъ перваго и лучшаго его процвѣтанія.

Хотя ближайшей причиной смерти отца моего была схваченная имъ въ дорогѣ простуда, но на него, 79-лѣтняго старика, не могло не подѣйствовать удручающимъ образомъ злодѣйское убійство Царя-Освободителя, а также полученное имъ извѣстіе объ увольненіи его отъ послѣдне-занимаемой

имъ должности Коменданта Бобруйской крѣпости, неделикатно мотивированное необходимостью для него отдыха... Отдыхъ этотъ онъ обрѣлъ себѣ на вѣки на кладбищѣ Александро-Невской лавры, подъ описаннымъ выше памятникомъ, пріобрѣтенномъ на вырученныя деньги отъ продажи его многочисленныхъ орденовъ.

Похороненъ отецъ мой былъ на счетъ бабушки А. К. Есаковой, съ которой всегда жилъ дружно, такъ какъ на отпущенныя на этотъ предметъ инженернымъ вѣдомствомъ деньги, нельзя было-бы устроить даже самые скромные похороны Генералъ-Лейтенанту, прослужившему свыше 60 лѣтъ на инженерной службѣ и оставившемъ намъ, его дѣтямъ, въ наслѣдіе то богатство незапятнанной служебной совѣсти, которое было имъ такъ ярко выражено въ словахъ его, сказанныхъ школьному товарищу при смѣломъ взираніи на себя въ зеркало.

Разсказы отца моего.

1.

Въ одной изъ стычекъ съ поляками, повѣствующій эти разсказы, принимавшій участіе въ кампаніи 1831 года, обратилъ непріятеля въ бѣгство, захвативъ при этомъ нѣсколько человѣкъ плѣнныхъ и отбивъ орудіе. Отбитіе непріятельскаго орудія, какъ извѣстно, награждается по статуту орденомъ св. Георгія 4-й степени. Пріятная перспектива—получить столь вожделѣнную и лестную для каждаго офицера награду, не могла не вызвать радостныхъ мечтаній въ юномъ воинѣ, и онъ съ тріумфомъ доставилъ свой трофей въ лагерь. Но... достаточно было нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ однимъ изъ солдатиковъ, все время внимательно осматривавшаго непріятельское орудіе, чтобы розовыя иллюзіи будущаго Георгіевскаго кавалера разлетѣлись прахомъ.

— Ваше благородіе, крикнулъ этотъ солдатикъ, а вѣдь пушка-то деревянная!..

Кинулись къ пушкѣ и—увы! солдатикъ былъ правъ— злосчастное орудіе оказалось, дѣйствительно, деревяннымъ... И вотъ—герой минуты обратился снова въ обыкновеннаго смертнаго!..

Впослѣдствіи выяснилось изъ разсказовъ плѣнныхъ, что въ польской арміи было не мало такихъ фальшивыхъ пушекъ, назначеніе которыхъ состояло въ устрашеніи ихъ грознымъ видомъ врага, для внушенія ему бо́льшаго уваженія къ численности непріятельской артиллеріи.

2.

Кучеръ Александра Павловича, Илья, былъ въ свое время извѣстенъ всему Петербургу, гдѣ часто можно было видѣть, какъ государь, нагнувшись впередъ, разговаривалъ съ нимъ во время ѣзды, почему въ ту пору вошло даже въ моду и считалось какъ-бы признакомъ хорошаго тона разговаривать, à l'Empereur, съ своимъ кучеромъ.

Съ любимымъ своимъ кучеромъ Ильей, Александръ Павловичъ никогда не разставался, бралъ его съ собой въ путешествіяхъ своихъ по Россіи, а когда скончался въ Таганрогѣ, то этотъ-же Илья не захотѣлъ уступить мѣста своего также и на козлахъ печальной колесницы, доставивъ тѣло своего благодѣтеля въ Петербургъ. Небезъизвѣстно было и то, что расположеніемъ къ нему государя Илья, какъ смѣтливый русскій мужикъ, пользовался зачастую очень ловко, направляя коней и экипажъ своего августѣйшаго сѣдака не разъ по своимъ соображеніямъ туда, куда послѣдній не предполагалъ попасть. На этотъ счетъ извѣстны уже многіе анекдоты, но вотъ еще одинъ, который, кажется, еще неизвѣстенъ.

Въ одну изъ поѣздокъ Александра I на югъ Россіи, въ г. Полтавѣ, гдѣ въ то время губернаторъ сильно враждовалъ съ губернскимъ предводителемъ дворянства, Илья устроилъ такъ, что государь, вмѣсто того, чтобы попасть на заготовленную ему квартиру у губернатора, попалъ по волѣ своего кучера, къ предводителю. Продѣлалъ это Илья слѣдующимъ образомъ: когда государь остановился у собора, чтобы выслушать молебенъ, къ Ильѣ, какъ къ старому знакомому по Петербургу, подошелъ, предводитель, служившій когда-то въ гвардіи, и упросилъ его отвезти государя не къ губернатору, а къ нему въ домъ, за что пообѣщалъ угостить и наградить на славу. Илья не заставилъ себя долго просить и, условившись съ предводителемъ, что бы тотъ выставилъ, гдѣ слѣдуетъ, по пути махальщиковъ, лихо подкатилъ государя, къ удивленію всѣхъ присутствующихъ,

къ крыльцу дома предводителя дворянства. Сначала и самъ Александръ Павловичъ былъ нѣсколько удивленъ неожиданнымъ прибытіемъ своимъ къ предводителю, но встрѣченный молодой хозяйкой и цѣлымъ роемъ хорошенькихъ женщинъ, къ которымъ, кстати сказать, имѣлъ всегда большую слабость, онъ тотчасъ-же примирился съ своимъ положеніемъ и, къ крайней досадѣ губернатора, остался ночевать у ловко переманившаго его къ себѣ предводителя.

Повѣтствовавшій припоминалъ, что и ему случилось разъ въ юности своей встрѣтиться съ Ильей. Проходя однажды съ товарищемъ своимъ Загоскинымъ (братомъ извѣстнаго писателя) мимо дома Аракчеева на Литейной, они обратили вниманіе на стоящія у подъѣзда сани съ великолѣпнымъ рысакомъ.

— Чья эта лошадь? полюбопытствовали узнать молодые люди у важно возсѣдавшаго на козлахъ кучера.

— Какое странное любопытство! получили они въ отвѣтъ отъ него и, узнавъ въ немъ знаменитаго Илью государя, поспѣшили извиниться и оставить его.

3.

Императоръ Николай питалъ всегда особенное влеченіе къ инженерному и архитектурному искусствамъ, поэтому, будучи еще великимъ княземъ, былъ назначенъ царствующимъ братомъ своимъ главнымъ начальникомъ инженернаго корпуса.

Любовь его къ строительному дѣлу не покидала его до конца жизни и, надо сказать правду, онъ понималъ въ немъ толкъ не хуже любого специалиста по этой части, слѣдилъ и очень часто лично провѣрялъ выполненные и утвержденные имъ проекты различныхъ построекъ, не оставляя замѣченныя имъ упущенія безъ строгаго взысканія. Не ограничиваясь поверхностнымъ осмотромъ казенныхъ зданій, онъ всегда входилъ во всѣ техническія подробности производства работъ и поражалъ всѣхъ мѣткостью своихъ замѣчаній и вѣрностью глаза. Вотъ одинъ изъ многихъ случаевъ, подтверждающій сказанное.

Обозрѣвая однажды сдѣланныя по его повелѣнію постройки въ сѣверо-западномъ краѣ, онъ видимо довольный осмотромъ одной казармы, перестроенной изъ упраздненнаго католическаго кляштора (монастыря), при входѣ въ

одну комнату вдругъ остановился на порогѣ ея и, нахмурившись, обратился къ нальнику края съ вопросомъ:

— Кто производилъ перестройку этой казармы?

Генералъ-губернаторъ поспѣшилъ представить ему производителя работъ.

— Отчего полъ покатъ? спросилъ его Николай.

Инженеръ-строитель объяснилъ, что покатость пола происходитъ по той причинѣ, что въ этой комнатѣ была прежде классная монастырской школы и что полъ въ ней былъ сдѣланъ намѣренно съ легкимъ наклономъ для удобства надзора съ каѳедры преподавателя за учащимися, а такъ какъ все зданіе было построено на сводахъ, то и передѣлка пола въ этой комнатѣ оказалась невозможной.

Приведеннымъ объясненіемъ монархъ-зодчій остался удовлетвореннымъ и, выходя изъ зданія, изъявилъ свою благодарность строителю.

4.

Проѣздомъ черезъ г. Вильно, Николай Павловичъ посѣтилъ существовавшій тогда, нынѣ упраздненный, виленскій дворянскій институтъ. Обойдя сначала классы, онъ направился потомъ въ лазаретъ, въ дверяхъ котораго былъ неожиданно привѣтствованъ чрезвычайно зычнымъ: „здравія желаемъ Вашему Императорскому Величеству!“, вырвавшимся изъ груди толстаго подлекаря, стоящаго тутъ-же на вытяжку.

— Кто онъ? спросилъ государь у директора училища, указывая на подлекаря.

Тотъ доложилъ.

— Молодецъ! сказалъ Николай и, освѣдомившись о его чинѣ и узнавъ, что онъ не имѣетъ никакого, велѣлъ представить его въ коллежскіе регистраторы.

5.

Производя однажды артиллерійскіе маневры подъ Петербургомъ, Николай Павловичъ скомандовалъ залпъ изъ всѣхъ орудій. Само собой разумѣется, что залпъ долженъ былъ послѣдовать холостыми зарядами, но каково, однако, было изумленіе и ужасъ всѣхъ, когда внезапно изъ одной пушки вылетѣлъ настоящій зарядъ и, шипя, пронесся надъ головой государя, заставивъ его сдѣлать невольное въ подобныхъ случаяхъ нервное движеніе головой внизъ.

Внѣ себя отъ гнѣва Николай Павловичъ позвалъ своимъ громкимъ голосомъ батарейнаго командира, въ батареи котораго оказался столь непростительный недосмотръ, и когда послѣдній, блѣдный какъ смерть, подскакалъ къ нему, онъ облегчилъ свое сердце, выругавъ его трехъэтажнымъ непечатаннымъ словомъ. Обезумѣвшій отъ страха батарейный командиръ до того растерялся, что ни съ того, ни съ сего брякнулъ вдругъ не впопадъ:

— Почту за особенное счастіе, Ваше Императорское Величество!

Не къ слову сказанная фраза произвела свое смѣхотворное дѣйствіе на всѣхъ, и государь, долго силясь удержать себя отъ душившаго его хохота, отворачивался отъ присутствующихъ, потряхивая своими густыми эполетами. Всѣ окружавшіе его, глядя на него, смѣялись также и только одному виновнику, вызвавшему такое неожиданное настроеніе у всѣхъ, было не до смѣха: его нашли безъ чувствъ у злополучнаго орудія.

Къ разсказанному у мѣста сказать, что въ обуявшемъ батарейнаго командира страхѣ не было ничего преувеличеннаго, если припомнить—до какой строгости была доведена дисциплина въ царствованіе Николая І-го. Строгость эта господствовала надъ всѣмъ и доходила до непонятныхъ въ наше время мелочей. Такъ, когда однажды этотъ государь, находясь въ Петергофѣ на водосвятіи въ лагерной церкви кадетскихъ корпусовъ, позабылъ, войдя въ церковь, снять перчатку съ правой руки, то никто изъ присутствовавшихъ военныхъ, безотчетно во всемъ ему подражавшихъ и слѣдившихъ за каждымъ его движеніемъ, не посмѣлъ и подумать снять перчатокъ до тѣхъ поръ, пока онъ, желая перекреститься, не снялъ свою съ руки... Удивительно-ли послѣ того, что такой дѣйствительно крупный фактъ, какъ приведенный выше, могъ произвести столь сильное дѣйствіе на его виновника!

6.

Однажды Императоръ Николай обогналъ по дорогѣ какую-то военную команду, шедшую походомъ подъ начальствомъ офицера. Солдаты шли стройно и въ большомъ порядкѣ, что, видимо, понравилось Его Величеству, и онъ,

поровнявшись, поздоровался съ ними. Остановясь для обѣда на слѣдующей станціи и замѣтя черезъ окно снова ту-же проходившую мимо команду, государь велѣлъ находившемуся при немъ флигель-адъютанту Гогелю*) позвать къ нему офицера. Вошедшій офицеръ оказался совершенно юнымъ прапорщикомъ, почти ребенкомъ; весь въ пыли онъ конфузливо остановился у двери. Николай Павловичъ ласково подозвалъ его къ себѣ, спросилъ фамилію и, указавъ на стулъ, предложилъ отобѣдать. Смущенный офицерикъ совершенно растерялся и не зналъ какъ приступить къ ѣдѣ, но, ободренный государемъ, сначала робко, а потомъ смѣлѣе, началъ ѣсть все, что ему подавали, съ тѣмъ завиднымъ аппетитомъ, какой бываетъ только въ ранніе годы молодости.

Въ началѣ обѣда разговоръ его былъ не смѣлъ, но понемногу, выпивъ стакана два добраго вина, языхъ нехотя у него развязался и на вопросы государя о его житьѣ-бытьѣ офицерикъ пустился уже безъ стѣсненія въ такія подробности, что заставлялъ невольно улыбаться всѣхъ присутствующихъ. Поощряемый смѣхомъ самого государя, юный собесѣдникъ его дошелъ въ своей откровенности, наконецъ, до того, что вскорѣ всѣ интимныя подробности его жизни и житья уѣзднаго городка, въ которомъ квартировалъ его полкъ, были досконально извѣстны государю. Такъ, между прочимъ, изъ разговора его выяснилось, что онъ влюбленъ въ дочь казначея, прехорошенькую блондинку, но что у послѣдней есть соперница, коварная брюнетка, которая ревнуетъ его къ блондинкѣ и т. д. Словомъ, юная душа вылилась вся на распашку, забывая въ увлеченіи своемъ— съ кѣмъ ведетъ разговоръ...

Долго потѣшалъ прапорщикъ государя своими наивными разсказами, и когда, наконецъ, пришло время прекратить ихъ, то до того понравился послѣднему, что тотъ,

---

*) Это тотъ самый флигель-адъютантъ Гогель, впослѣдствіи Свиты Его Величества генералъ-маіоръ и начальникъ штаба на Кавказѣ, который былъ командированъ въ 1831 г. въ Иркутскъ для усмиренія бунтовавшаго архіепископа Иринея Нестеровича. Ив. Ив. Гогель былъ женатъ на родной сестрѣ жены повѣствовавшаго эти разсказы, моей матери, и отъ него заимствованъ настоящій разсказъ.

прощаясь съ нимъ, подалъ ему руку и велѣлъ Гогелю записать его фамилію.

По прошествіи нѣкотораго времени неизвѣстный и скромный армейскій прапорщикъ былъ Высочайшимъ приказомъ переведенъ въ гвардію и когда потомъ онъ попадался на глаза Николаю Павловичу—на смотрахъ-ли или на выходахъ—послѣдній неизмѣнно узнавалъ его и шутливо спрашивалъ:

— Что пишетъ тебѣ твоя возлюбленная и что подѣлываетъ ея ревнивая соперница?

7.

Находясь въ большой дружбѣ съ королемъ прусскимъ Фридрихомъ Вильгельмомъ III, отцомъ Императрицы Александры Ѳеодоровны, Императоръ Николай весьма часто навѣщалъ его въ Берлинѣ, и въ этихъ поѣздкахъ, совершаемыхъ имъ нерѣдко подъ строгимъ инкогнито, онъ обыкновенно ѣздилъ безъ всякой свиты и по чужой подорожной.

Въ одну изъ такихъ частныхъ поѣздокъ его, когда онъ, желая пріѣздомъ своимъ сдѣлать сюрпризъ Императрицѣ, гостившей въ то время у отца своего въ Берлинѣ, принялъ особенныя мѣры предосторожности, чтобы не быть узнаннымъ, и ѣхалъ подъ казенной подорожной одного изъ своихъ генералъ-адъютантовъ, строгое инкогнито его было неосторожно разоблачено смотрителемъ одной почтовой станціи. Подъѣхавъ къ этой станціи, государь вышелъ изъ экипажа и, въ ожиданіи перепряжки лошадей, а также разсчета камердинера съ смотрителемъ въ прогонныхъ деньгахъ, вошелъ въ комнату для пассажировъ и сталъ по ней прохаживаться. Смотритель, увидѣвши изъ подорожной, что имѣетъ дѣло не съ совсѣмъ обыкновеннымъ смертнымъ, а съ генералъ-адъютантомъ, счелъ долгомъ своимъ вручить подорожную лично ея владѣльцу. Войдя съ этой цѣлью въ комнату, гдѣ находился именитый путешественникъ, онъ остолбенѣлъ на порогѣ, увидѣвъ передъ собой самого государя, котораго ему не разъ доводилось видѣть прежде въ проѣзды послѣдняго по этой мѣстности.

— Готовы лошади? спросилъ его Николай Павловичъ.

— Такъ точно, Ваше Императорское Величество, брякнулъ оторопѣвшій смотритель.

— Д.......! не видишь развѣ—кто прописанъ въ подорожной? замѣтилъ ему съ досадой государь и вышелъ къ экипажу.

8.

Въ частыхъ поѣздкахъ своихъ по шоссе изъ Петербурга къ прусской границѣ, Николай Павловичъ успѣлъ приглядѣться къ лицамъ смотрителей станцій и возившихъ его ямщиковъ; зналъ многихъ по имени, а съ однимъ старымъ ямщикомъ изъ поляковъ, по имени Янъ, имѣлъ даже привычку каждый разъ заговаривать и разспрашивать о его житьѣ-бытьѣ. Въ отвѣтахъ своихъ старый Янъ не стѣснялся и рубилъ съ плеча все, что ему приходило на умъ, за что собственно и пользовался такимъ особеннымъ расположеніемъ государя. И вотъ, разъ какъ-то, когда государь, по обыкновенію своему, сталъ шутливо заговаривать съ Яномъ, послѣдній оказался менѣе разговорчивымъ, чѣмъ обыкновенно, видимо, имѣя что-то на душѣ. Государь это замѣтилъ. Подъѣхавъ къ станціи и выйдя изъ экипажа, онъ обратился къ Яну съ вопросомъ, не постигло-ли его какое несчастіе? Янъ снялъ шапку и мялся.

— Ну, да не бойся, говори, сказалъ ласково Николай.

— Najjasniejszy Pan zrobil się skąpy *) заявилъ вдругъ наивно старикъ и вслѣдъ затѣмъ объяснилъ, что бывало прежде отпускалось на водку за царскій проѣздъ кучерамъ по червонцу, а форейторамъ—по рублю, теперь-же кучера стали получать всего по рублю, а форейторы—по полтиннику.

— Это почему такъ? обратился государь къ гр. Орлову и велѣлъ немедленно дознаться въ чемъ дѣло и доложить ему.

Изъ разспросовъ Орлова обнаружилось, что старшій камердинеръ государя, пользовавшійся его безграничнымъ довѣріемъ, имѣя на своей обязанности раздачу денегъ на чай ямщикамъ, прикарманивалъ большую половину этихъ денегъ въ свою пользу, мошеннически обсчитывая бѣдныхъ ямщиковъ. Орловъ доложилъ объ этомъ открытіи ожидавшему его въ станціонной комнатѣ государю.

— „Мерзавецъ!“ крикнулъ Николай Павловичъ на павшаго передъ нимъ на колѣни преступнаго камердинера и, оттолкнувъ его ногой, приказалъ тутъ-же, съ мѣста,

*) Ваше Величество стали скупы.

посадить съ жандармами на тройку и отправить въ Сибирь на поселеніе.

9.

Генералъ-адъютантъ графъ Орловъ сопровождалъ почти всегда Николая Павловича въ его путешествіяхъ и ѣхалъ иногда въ отдѣльномъ экипажѣ впереди государя. Это послѣднее обстоятельство было однажды причиной забавнаго qui proquo.

Разъ, когда Николай Павловичъ ѣхалъ по обыкновенію своему на свиданіе къ королю прусскому, ему по пути былъ приготовленъ великолѣпный завтракъ однимъ изъ богатыхъ помѣщиковъ Ковенской губерніи на близь лежащей отъ имѣнія послѣдняго почтовой станціи. По маршруту государь долженъ былъ прибыть на ту станцію какъ разъ къ тому времени, когда имѣлъ обыкновеніе завтракать, а потому все какъ слѣдуетъ было приготовлено гостепріимнымъ помѣщикомъ къ урочному часу для пріема: комнаты убраны оранжерейными растеніями, столъ, великолѣпно сервированный, установленъ яствами и питьями, а самъ хозяинъ, облеченный въ дворянскій мундиръ, стоялъ на крыльцѣ и нетерпѣливо ожидалъ прибытія предшествовавшаго государя фельдъегеря. Вотъ, наконецъ, прискакалъ и послѣдній и, быстро перемѣнивъ лошадей, объявилъ, что слѣдомъ за нимъ будетъ его величество.

Вскорѣ по шоссе дѣйствительно не замедлила показаться пыль отъ приближающагося экипажа и черезъ нѣсколько минутъ подкатила къ крыльцу станціи карета, запряженная шестеркой съ форейторомъ впереди. Изъ кареты вылѣзъ высокаго роста генералъ въ бѣлой фуражкѣ и, не обращая вниманія на отдавшаго ему честь помѣщика, молча прошелъ прямо въ ту комнату, гдѣ былъ приготовленъ завтракъ. Генералъ—который былъ ни кто иной, какъ извѣстный своимъ аппетитомъ гр. Орловъ—пріятно изумился при видѣ изобильно уставленнаго блюдами стола и, не говоря ни слова, поспѣшно сталъ уписывать одно кушанье за другимъ, запивая все винами и видимо торопясь, чтобы не быть настигнутымъ государемъ. Покушавши, какъ слѣдуетъ, онъ всталъ со стола и, кивнувъ головой стоявшему у дверей помѣщику, молча сѣлъ снова въ свою карету и ускакалъ дальше...

Удивленный и крайне огорченный такимъ невниманіемъ къ нему, помѣщикъ, принявшій Орлова за Николая Павловича, вышелъ на крыльцо станціи и, въ грустномъ раздумьѣ о постигшей его неудачѣ, закурилъ трубку. Не успѣлъ онъ, однако, затянуться ею, какъ слѣдуетъ, какъ вдругъ подкатываетъ къ станціи еще эпипажъ и въ немъ опять генералъ въ бѣлой фуражкѣ. Этотъ, впрочемъ, не вышелъ изъ экипажа, а остался въ немъ во время перекладки лошадей. Замѣтя помѣщика, онъ подозвалъ его рукой къ себѣ.

— Что вы здѣсь дѣлаете? спросилъ онъ его громкимъ голосомъ.

Помѣщикъ разсказалъ какъ о причинѣ своего нахожденія на станціи, такъ и о постигшей его неудачѣ съ „Государемъ", столь немилостиво обошедшимся съ нимъ, и заключилъ свой разсказъ приглашеніемъ позавтракать.

— Благодарю, сказалъ проѣзжій, я уже позавтракалъ на прошлой станціи. А вы развѣ никогда не видѣли государя?

— Никогда, ваше превосходительство.

— А вамъ хотѣлось бы очень его видѣть?" продолжалъ допрашивать первый.

— Еще бы! Хотя-бы разъ въ жизни хотѣлось поглядѣть на него вблизи и удостоиться его разговора—такого случая вѣдь уже никогда мнѣ не представится!..

— Вотъ какъ! Ну, такъ успокойтесь: тотъ, кого вы приняли за государя, не былъ имъ; государь—это я, сказалъ улыбаясь Николай I безпредѣльно изумленному помѣщику, и протянулъ ему на прощанье руку, которую тотъ поспѣшилъ поцѣловать.

10.

Въ одну изъ многихъ поѣздокъ своихъ въ Берлинъ, Николай Павловичъ, застигнутый однажды ненастьемъ у пограничной станціи въ мѣстечкѣ Таурогенѣ, по пріѣздѣ на эту станцію, вышелъ изъ экипажа и вошелъ въ станціонную комнату, чтобы согрѣться. Случилось такъ, что наканунѣ того дня сгорѣла до тла находящаяся насупротивъ станціи почтовая контора, и почтмейстеръ, пострадавшій отъ пожара, перебрался на время съ семействомъ своимъ на станцію. Совершая и на сей разъ поѣздку свою подъ

строгимъ инкогнито, Императоръ Николай не былъ никѣмъ узнанъ и никто не могъ подозрѣвать о возможности его проѣзда. Не снимая шинели и фуражки, вошелъ онъ въ тускло освѣщенную сальной свѣчой станціонную комнату и, прислонясь къ топившейся печкѣ, сталъ около нея грѣться. Въ комнатѣ возилась въ то время у самовара жена погорѣвшаго почтмейстера, увидя которую, государь, сильно продрогшій, спросилъ своимъ звонкимъ голосомъ—не можетъ-ли онъ получить стаканъ чаю?

— Это еще что?! вопросительно воскликнула на него почтенная дама, какое право имѣете вы такъ кричать на меня? Вишь-ты какой! Влѣзъ въ комнату въ фуражкѣ, да еще вздумалъ командовать. Я, милостивый государь, не горничная какая, я жена здѣшняго почтмейстера и не позволю всякому пріѣзжему офицеру грубить мнѣ... Говорила я мужу, что здѣсь мы только наживемъ себѣ непріятности отъ проѣзжихъ, вотъ оно и вышло по моему—и пошла, и пошла голосить!..

Государь молча, стоя у печки, слушалъ ее.

Въ моментъ самого сильнаго разгара рацей неугомонной почтмейстерши, отворилась дверь и на порогѣ ея остановился въ недоумѣніи генералъ-адъютантъ гр. Орловъ. Видя, однако, что расходившаяся баба не унимается, а, наоборотъ, забираетъ все выше, онъ сталъ ей дѣлать выразительные знаки рукой, давая ей понять, чтобы она замолчала.

— А этотъ еще что тамъ киваетъ? накинулась она вдругъ и на Орлова; нѣтъ, это ужъ черезъ-чуръ, пойду и позову мужа! И съ этими словами энергичная почтмейстерша выскочила какъ бомба изъ комнаты...

— Поѣдемъ, сказалъ улыбаясь Николай Павловичъ своему спутники, дѣлать нечего—не удалось напиться чаю!

На этомъ, вѣроятно, и закончился бы этотъ своебразный эпизодъ и свирѣпая почмейстерша никогда, быть можетъ, и не узнала—кого она такъ ласково приняла, если-бъ не возвратившіеся обратно ямщики. Ямщики эти, доставившіе государя до прусской пограничной почтовой станціи возвратились пораженные тѣмъ, что они видѣли на прусской сторонѣ. Тамъ, по разсказамъ ихъ, вся станція была иллюминована и мѣстныя власти выѣхали на встрѣчу высокому

путешественнику. Ямщики, естественно, поинтересовались узнать объ имени ихъ пассажира, и узнавъ, что это былъ самъ Царь, обо всѣмъ видѣнномъ и узнанномъ ими разсказали у себя дома.

Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе, сообщенное ими, должно было произвести на почмейстершу, а еще болѣе на ея перепуганнаго супруга! Но тревога ихъ была напрасна: никакихъ непріятныхъ послѣдствій для нихъ не послѣдовало. Только годъ спустя, когда Николай Павловичъ проѣзжалъ съ Цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ снова черезъ Таурогенъ, онъ вспомнилъ о приключившемся здѣсь съ нимъ.

— Это здѣсь васъ нелюбезно приняла жена почмейстера? спросилъ цесаревичъ своего отца, входя на станцію.

— Да здѣсь, отвѣтилъ ему послѣдній и разсказалъ, какъ все происходило.

Они вышли оба садиться въ экипажъ, весело посмѣиваясь.

11.

У покойнаго князя Юсупова, въ его великолѣпномъ дворцѣ на Мойкѣ, былъ балъ. Балъ этотъ почтилъ своимъ присутствіемъ Государь Николай Павловичъ со всей царской фамиліей. Оставляя балъ, государь спускался по лѣстницѣ, гдѣ тотчасъ ему была подана его шуба. Хватились шубы наслѣдника цесаревича Александра Николаевича—въ то время еще очень молодого человѣка,—но къ ужасу всѣхъ ея нигдѣ нельзя было найти; поиски были тщетны—шуба оказалась убворованной! Въ такомъ крайнемъ положеніи, и чтобы не задерживать сѣвшаго уже въ сани и поджидавшаго государя, на цесаревича накинули первую попавшуюся шинель. Увидя эту шинель Николай Павловичъ сильно разгнѣвался на него и всю дорогу до Зимняго дворца журилъ его за безпечность и небреженіе къ своему здоровію, а по пріѣздѣ во дворецъ, приказалъ, не снимая шинели, отправиться за нимъ къ императрицѣ, которой, указывая на наслѣдника, сказалъ:

— Полюбуйся-ка, въ какой шинели онъ щеголяетъ въ этакую погоду!

Императрица Александра Өеодоровна пришла въ ужасъ и въ свою очередъ обратилась съ укоризнами къ сыну. Но

какъ отцу, такъ и ей, онъ не проронилъ ни одного слова въ свое оправданіе, не желая выдать виновныхъ...

На другой день оберъ-полицiймейстеръ, явясь съ утреннимъ рапортомъ къ государю, прежде всего доложилъ ему, что украденная наканунѣ вечеромъ на балу у князя Юсупова шуба его Высочества розыскана и воръ задержанъ.

Велико было удивленіе Николая Павловича, когда онъ узналъ объ этомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ велика была и радость его за сына, обнаружившаго въ данномъ случаѣ столь рельефно всегда отличавшія его высокія душевныя качества. Онъ велѣлъ позвать его и горячо поцѣловалъ.

Конецъ перваго тома.